

"Зона поражения"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Безвыходных положений не существует в принципе. Согласно одной из легенд Зоны, именно это сказал Рэд Шухов своим спутникам за несколько мгновений до того, как они замуровали его живьем у основания бетонного саркофага Четвертого энергоблока.

Я лежал на склоне полуразмытой ливнями железнодорожной насыпи и сосредоточенно прислушивался к шелесту падающей с неба воды. Это было нечестно. Сволочной дождь мешал слушать Свалку, а значит, бессовестно подыгрывал преследователям. Уже дважды я резко вскидывался, уловив изменение тональности звука тонущих в лужах капель, но оба раза виноваты оказывались вороны, встряхивавшие мокрыми перьями в ветвях почерневших деревьев неподалеку. А вот едва уловимые шумы, которые производят крадущиеся по Зоне люди, дождь заглушал начисто.

Я осторожно приподнял голову над рельсом и снова пристально посмотрел на глубокий котлован, вырытый с противоположной стороны железнодорожной насыпи. Спускаться туда не хотелось абсолютно. Дерьмово там было, в котловане. Неприятно. Несмотря на то что солнце пряталось среди туч, мерцал в котловане одинокий световой зайчик, что-то периодически взблескивало среди травы, в переплетении ржавой арматуры и металлического лома, словно выцеливая меня оптическим прицелом. И еще оттуда устойчиво и неуютно тянуло жутью, тем паскудным чувством, которое возникает, когдаходишь один в незнакомую темную комнату. Мысль о том, что придется спускаться в котлован, царапала сознание, словно писк гвоздя, скребущего по стеклу.

Дима Шухов по кличке Рэд действительно нашел выход из безвыходной ситуации. Он стал Черным Сталкером – духом Зоны, ночным призраком, демоном для одних и ангелом для других. Он мог жестоко наказать любого за нарушение неписаных законов Зоны, а мог спасти, указав заблудившемуся сталкеру невидимую ловушку или безопасный обратный маршрут. Рассказывали, что некоторых он даже выводил ради каких-то своих соображений на особенно редкие и ценные артефакты. Однако меня такой исход дела не устраивал. Ну его к монахам. Мучительная смерть и дальнейшее призрачное существование не вписывались в мои ближайшие планы. Из создавшегося безвыходного положения мне необходим был другой, более приемлемый выход.

Я расстегнул камуфляжную куртку и бережно вытащил из внутреннего кармана небольшой серебряный портсигар. Эта штука беспокоила меня больше всего, даже больше сложившейся ситуации. Интересно, мне мерещится или портсигар действительно ощутимо нагрелся? А то, что сердце, возле которого я несу эту дрянь, время от времени куда-то проваливается и порой омерзительно замирает на мгновение – это последствия переутомления и выпитого накануне термоса крепкого кофе, или лучше все-таки переложить портсигар от греха подальше в рюкзак?..

Нет. Рюкзак запросто можно потерять, особенно когда приходится драпать без оглядки. Я потрогал портсигар кончиками пальцев, так и не решившись открыть его, и снова спрятал за пазуху. Ради этой штуки уже погибли двое сталкеров и в самое ближайшее время должны погибнуть еще трое. Или один – это уже как карта ляжет. Хотя для меня, конечно, предпочтительнее трое.

Оттянув обшлаг рукава, я бросил взгляд на экран ПДА. Датчик движения зафиксировал метрах в ста к северо-западу хаотические перемещения какого-то некрупного объекта – скорее всего, отбившаяся от стаи слепая собака рылась в развалинах в поисках еды. Живые организмы

размером с человека в окрестностях обнаружены не были – или просто не двигались, затаившись в кустах и наблюдая железнодорожную насыпь через прорези прицелов.

Заодно я проверил пришедшую на приемопередающее устройство почту. Так, для порядку. На почту мне сейчас по большому счету было наклепать; на самом деле я просто оттягивал на несколько мгновений момент, когда мне все-таки придется спуститься в котлован.

ПДА принял только одно слово: «Договоримся?»

Я снова прислушался, пытаюсь среди шороха дождевых струй разобрать подозрительные шумы. Не было вокруг никаких шумов. Смахнув с экранчика портативного компьютера дождевую воду, я одним пальцем неуклюже отпечатал, куда следует пойти адресату; указание это уложилось в три коротких слова и вряд ли могло помочь посланному обнаружить точный адрес, зато прекрасно отражало мое отношение к предложению о переговорах и к личности самого переговорщика. В принципе, письмо, отправленное преследователем, могло быть просто хитрым тактическим приемом: приняв почту, виброзвонок ПДА обычно издавал негромкое жужжание, и это могло меня демаскировать. Однако я уже давно знал все эти штучки и последний час включал портативное средство связи лишь время от времени, по мере необходимости. Безнадежное это дело – ловить старую опытную щуку на голый крючок.

Адски зачесался левый глаз, и я безуспешно попытался потереть его рукавом куртки. Пальцами, перемазанными свежей глиной, лезть в глаза я не рискнул. К чему там у нас чешется левый глаз?.. Если долго глаз тереть, очень можно умереть. Шутка юмора, родил Енот. Убить бы гада за такой юмор.

Обостренным звериным чутьем я улавливал гуляющие по Зоне запахи. Все здесь пахло не так, как за пределами Периметра. Запахи обжигали носоглотку, въедались в кожу, проникали во внутренности. Кислая гарь – сгорела бывшая подстанция возле бывшего завода «Росток». Озоновые оттенки – искрят мясорубки в долине. Вонь протухших яиц, смешанная с укусными миазмами, – ядовитый туман с Болота ползет в сторону армейского блокпоста. Запахи ружейного масла, пропитанных креозотом шпал, гниющей плоти, дождевой сырости, преющей одежды. Запах тревоги. Запах страха. Запах напряжения.

Как и следовало ожидать, детектор радиации показал, что котлован накрыт свежим пятном цезия. Ну, разумеется. Пятно было небольшим, около сорока метров в длину, и вытянутым к северу. Оно явно возникло после вчерашнего выброса, поскольку еще позавчера Вазелин прошел здесь беспрепятственно. И это было весьма паршиво. В принципе, кратковременное воздействие повышенной радиации особой трагедией для меня не являлось, – практически вся Свалка представляла собой радиационно загрязненную территорию с умеренным гамма-фоном, а свою годовичную норму я еще не выбрал, – однако в этом пятне могли обитать какие угодно твари. Каждый выброс до неузнаваемости преображал Зону, превращая знакомые маршруты в полосы препятствий со смертельно опасными ловушками.

Но другого пути не было – уходить по голым холмам и просматриваемой со всех сторон долине невозможно. Отмычки только и ждут, когда я выберусь на открытое место. Поганые твари. Шакалы. Если даже они не прикончат меня сами, то загонят на колючую проволоку армейского блокпоста возле полуразрушенного железнодорожного моста. А армейская пуля со смещенным центром тяжести мало чем отличается от контрабандой ввезенных в Зону боеприпасов сталкеров.

Однако время поджимало, следовало двигаться. Движение – это жизнь, как метко подметил

видный физиолог Павлов. Впрочем, если и не Павлов, то все равно сказано архиверно.

Я быстро перекатился через рельс, и тут же перед моим лицом вжикнула пуля, а затем в районе соседнего холма словно бы нехотя раскатился звук короткой автоматной очереди.

Оп-паньки! Я вжался в прогнившие шпалы.

Утверждают, что пуля из «калашников» легко пробивает металлический рельс. Эта не пробила: звонко срикошетировав, она скользнула в заросли кустарника на краю котлована, разорвав полотнище порыжелой листвы. Видимо, была на излете.

Наступила гнетущая тишина. Отзвуки выстрелов медленно растворялись в пространстве, расплывались огромной полусферой, расползающейся к горизонту. Через несколько мгновений шорох дождя окончательно поглотил их.

ПДА тревожно завибрировал: слепая собака, учуяв свежее мясо, бросила свою тухлятину и рысцой приближалась ко мне. М-мать, как вовремя! Я попытался перекатиться через второй рельс, но стоило мне чуть приподняться, как очередная пуля навывлет пронзила рюкзак. Я снова распластался между рельсов, чувствуя, как острый гравий впивается в тело. В рюкзаке что-то радостно захлюпало, и куртка на спине промокла насквозь: фляга с водкой приказала долго жить. Вечная память тебе, верная фляга.

Собака, сообразив, что мясо не двигается, осмелела и прибавила ходу. Выбравшись из кустарника на насыпь, она скакала по шпалам тяжелым галопом, явно собираясь сытно отобедать. Это была светло-коричневая тварь размером с ньюфаундленда, с вылезающей клоками шерстью и похожая на омерзительную помесь дворняги с обезьяной. На бегу она далеко выбрасывала задние ноги, ее раскачивало из стороны в сторону, и вообще она передвигалась так, будто в ее теле переломана добрая треть костей. Однако слепая собака не была ранена: такая походка присуща всему ее мутировавшему племени. Морда у собаки была морщинистая, среди глубоких складок кожи прятались едва заметные щелочки глаз. Глаза этим тварям без надобности – они ориентируются на запах, звук и мысли жертвы и ориентируются, к сожалению, превосходно.

Я попытался дотянуться до ножа на поясе, но короткая очередь с соседнего холма разбросала гравий у меня перед носом, заставив с проклятиями вжаться в трухлявые шпалы. Стрелял определенно один – следовательно, остальные сейчас обходят меня с двух сторон. Отмычки, среди которых как минимум двое бывшие военные, явно имели некоторые познания в тактике ведения боевых действий на открытом пространстве.

Четырех отмычек подобрал мне Бубна, и еще одного молодого нашел в лягушатнике я сам – здоровяка Володю Шпака по кличке Резаный, бывшего десантника со шрамом во всю щеку, которого после демобилизации, наобещав золотые горы, сослуживец на один сезон притащил в Зону. Отмычки или мясо – так называли молодых, необстрелянных сталкеров, которые нанимались лазить за Периметр в команде с опытными ветеранами и, выходя на маршрут, в опасных местах обязаны были работать «мясом», «отмычками» для аномалий – идти впереди, чтобы не подвергать лишнему риску жизнь ведущего. Безымянный сослуживец Резаного сгинул еще весной, послужив отмычкой Мухе, а Резаному довелось погибнуть только вчера. На него полностью разрядилась огромная мясорубка, превратив его в дымящийся кусок дерьма, хотя за мгновение перед этим я готов был поклясться, что коридор полуразрушенной фабрики чист из конца в конец. Проклятие. Жаль Резаного, он был толковый малый, и рано или поздно я сделал бы из него человека. А потому, что не таскай мясо из котла поперед батьки! Нечего было соваться без команды, ведь он отлично знал, что в незнакомом месте расслабляться

нельзя, это я им всем вдалбливал с самого начала. А еще более нельзя расслабляться в знакомом месте, потому что это опаснее всего. В Зоне все нестабильно, все меняется быстрее, чем успеваешь запомнить и привыкнуть. Именно этим обусловлено первое правило сталкера: никогда не возвращаться тем же путем, каким пришел. Благополучно преодолев ловушки аномалий и охотничьи уголья мутировавших тварей, сталкер на обратном пути невольно расслабляется, начинает ощущать себя в безопасности, однако в течение нескольких часов на чистых ранее местах возникают новые мясорубки, на металлических предметах нарастают ржавые волосы, ветер намывает жгучий пух, из подземных коллекторов выбираются кровососы и бюреры, в котлованах и на кладбищах брошенной техники устраивают засады зомби, мародеры и безумные сталкеры из темных группировок.

Выброс застал нас вчера на обратном пути. Выброс, как обычно, совершенно неожиданный – прогноз Че обещал катаклизм лишь к вечеру следующего дня, когда мы давно уже должны были добраться до Чернобыля-4. Нашей команде пришлось срочно искать укрытие в полуразрушенном подвале, где мы и обосновались. Переждав выброс и устроившись на ночлег, отмычки еще долго едва слышно шушукались в своем углу, и это меня сразу насторожило. Не о чем им было шушукаться. Вымотанные сложным, почти суточным переходом по Милитари, они должны были уснуть как убитые, едва опустившись на пол. Да и дисциплину я в своей команде поддерживал суровую – при помощи убедительного кулака. И тем не менее отмычки оживленно что-то обсуждали – неразборчивым шепотом, осторожно, стараясь не разбудить ведущего, то есть меня. А бунт на корабле всегда начинается с перешептываний за спиной капитана.

Старательно прикидываясь спящим, я пристально вглядывался в чернильную темноту, чтобы ненароком не уснуть на самом деле, и пытался не пропустить ни малейшего шороха с противоположной стороны подвала. Однако отмычки наконец утомонились, и я, выждав еще около часа, позволил себе расслабиться. Это была ошибка. Если бы я не заснул в ту ночь, возможно, все пошло бы по-другому. Скорее всего, я без дальнейших проблем привел бы всех троих целыми и невредимыми к торговцу, получил причитающиеся деньги и отправился отсыпаться к Динке. Нападать открыто они бы не рискнули даже втроем. Однако я был страшно утомлен, поскольку вылазка оказалась гораздо сложнее, чем я рассчитывал. А отмычки логически рассудили, что, убрав командира, они вполне смогут вернуться самостоятельно по уже достаточно безопасным нижним уровням и получить за артефакт меньше, конечно, чем получил бы на руки я сам, но больше, чем если бы я явился к торговцу лично и самостоятельно делил выручку на всех.

Не исключено, что главную ошибку я допустил еще раньше. Не следовало принимать их сразу так жестко в оборот. Однако Кислый откровенно борзел, и необходимо было наглядно продемонстрировать ему, кто здесь главный медведь в берлоге. Что я и сделал. А потом погиб Резаный. Погиб глупо, на ровном месте, и отмычки заметно напряглись, хотя Резаный был виноват сам. А потом навернулся Сухарь – и тоже исключительно по собственной дурости: я предупреждал, чтобы след в след. Навернуться, когда тебя ведет Хемуль, – это надо очень постараться. Однако Сухарю удалось. На мгновение он ступил в сторону – и угодил ногой в невидимую на бетонном полу гравитационную плешь. Его тут же распластало по полу, а ногу, попавшую в аномалию, просто расплющило. Мы ничем не могли помочь – костыль Сухарю можно было только отрезать, однако это пришлось бы сделать так высоко, что никак не получилось бы наложить жгут. Пару минут мы ковырялись вокруг орущего благим матом Сухаря, а потом я без разговоров пристрелил его одиночным, чтобы не мучился и не привлекал к нам внимание местных тварей, и погнал уцелевших отмычек дальше. Сухарь все равно умер бы от болевого шока или от потери крови, но морда у Обоймы вытянулась так, словно я стрелял именно в него. Наверное, следовало объяснить им, что к чему, что Сухаря уже не спасти, но я

устал, как собака, психовал из-за Кислого и обжег себе шею жгучим пухом. Мне было не до того, чтобы щадить чувства щенят.

В результате первой фразой на их военном совете, после того, как мы расположились на ночлег, наверняка стало классическое:

- Он положит нас всех.

Помню, как же. Сам говорил такое своим молодым коллегам, когда потерявший от жадности последний ум Стервятник, земля ему пухом, гнал нас через горячие пятна за Золотым шаром. Умение пресекать подобные настроения в зародыше - очень ценное умение для ветерана-ведущего, позволяющее ему прожить дольше положенного. Стервятник вот не сумел. Мне казалось, что я внушаю отмычкам достаточный ужас, чтобы не повторить его судьбу.

Классическую первую фразу наверняка сказал Кислый. Дрянь человек. Мечет понты, что твоя мясорубка, жаждет по-любому вылезти наверх, а внутри у него - труха. Ковырнуть только, и посыплется. Нет, такое говнецо долго Зону не топчет. Подминают под себя слабых, карабкаются по трупам. Поняв, что быть вольным сталкером - целое искусство вроде самурайского и что им, соответственно, ни хрена не светит, становятся мародерами, что караулят сталкеров с добычей за Периметром, или шестерками у главарей кланов. Если повезет, сами становятся главарями каких-нибудь бродяг-отморозков. Если очень повезет - для этого кроме наглости еще и мозги нужны.

Китаец наверняка согласился из стервятниковской жадности. Идея сократить количество пайщиков не могла ему не понравиться. Я сразу, еще у торговца, обратил внимание на его мелочность и скупердяйство. А слабовольный Обойма просто не стал отрываться от коллектива. Он всегда примыкал к большинству, и Кислый ездил на нем, как хотел.

Они договорились напасть на меня глубокой ночью. Завалить ветерана-сталкера наверняка казалось им парой пустяков. Выбраться с окраины Свалки без опытного ведущего, особенно сразу после выброса, - раз плюнуть. Определенно, когда бог раздавал земным тварям ум, мои отмычки стояли в очереди за креветками. Разумеется, все у них пошло как обычно - наперекосяк.

Скорее всего, они на мгновение включили фонарик в дальнем конце комнаты, чтобы убедиться, что я никуда не делся, и в то же время ненароком меня не разбудить. Среди новичков и патрульных солдат ходят самые фантастические легенды о невероятной чувствительности опытных сталкеров, поэтому отмычки решили перестраховаться и не светить мне в лицо. По крайней мере, только этим я могу объяснить то, что произошло потом. И это уже была их ошибка. Убедившись, что под моей камуфляжной курткой смутно угадывается человеческий силуэт, они погасили фонарик и начали осторожно приближаться.

Я проснулся оттого, что мои ноги туго стянула удавка. Кто-то навалился мне всем весом на плечи, но я резким ударом сложенных в замок рук сломал придурку нос. Судя по всему, они собирались без лишнего шума задушить меня во сне, а потом, если у моего клана возникнут неудобные вопросы, списать это дело на какого-нибудь вылезшего из дыры в стене бюрера. Наверное, так бы все и произошло, если бы перед тем, как заснуть, я не перевернулся головой к двери: крысы за стеной у изголовья скреблись так яростно, что уснуть было совершенно невозможно.

Я резко подтянул стянутые шнурком колени к груди, а потом ударил обеими ногами в темноту и попал во что-то упругое и мягкое. Китаец вскрикнул, и удавка ослабла. Кто-то ослепительно

засветил мне по уху каблуком – судя по всему, случайно, просто не туда ступил. Вслепую я произвел подсечку и сбил с ног еще одного нападавшего. Вообще они больше мешали друг другу, взявшись топтаться вокруг меня втроем, нежели помогали. Кто-то сунул мне ногой в бок – и снова случайно, судя по всему. Потом, не разобравшись в темноте, кто-то из них покаутировал кого-то из своих, а я, не поднимаясь на ноги, ужом скользнул вдоль стены в направлении выхода.

А потом я ухватился за ремень автомата, который вечером поставил у изголовья, и, еще только начав делать кувырок вперед, уже понял, что лоханулся. Вместо оружия я зацепил свой тощенький рюкзак. Поскольку ночью я перевернулся ногами к изголовью, автомат теперь следовало искать в ногах.

Вспышка автоматной очереди распорол темноту. В ее мерцающем, дергающемся свете я определил черный прямоугольник двери и метнулся к нему, волоча рюкзак за собой. Без оружия шансов против трех вооруженных противников у меня было не больше, чем у быка на бойне.

- Не стрелять! – крикнул с пола Кислый, в то время как кто-то – судя по всему, единственный оставшийся на ногах Обойма – яростно дергал заклинивший затвор автомата. – Перебьешь нас всех к черту!..

Я выкатился из подвала и кинулся в густые утренние сумерки. Автоматные пули яростно рубили сучья и листья справа и слева от меня.

Немного оторваться от преследователей я сумел только возле шоссе. Выбираться на дорогу не стал: слишком очевидно, да и окажусь я на шоссе как на ладони. От шоссе вообще лучше держаться подальше, особенно в тех местах, где оно ныряет в тоннель или под мост – там прячется много аномалий, которые трудно заметить в полумраке. Слишком много идиотов оставили там свои кости, послужив отличными маяками для умных людей.

Что касается аномалий, образовавшихся на пересеченной местности, то я сейчас без особого труда определял их на расстоянии и огибал по широкой дуге. Мясорубки слегка искрились от утренней сырости, крошечными сиреневыми молниями очерчивая возле земли призрачные полусферы. Гравиконцентратные плечи выделялись внушительными кругами вмятых в сырую глину растений, стволы деревьев, оказавшихся рядом, были заметно выгнуты в сторону центра аномалии. Жарки можно было засечь по длинным полосам пожелтевших травы и кустов. Ржавые волосы свисали с нижних ветвей деревьев, лениво покачиваясь на ветру, словно подстерегающие добычу актинии. Мне оставалось только молиться Черному Сталкеру, чтобы я не влетел в какую-нибудь невидимую дрянь. Ну и, разумеется, не соваться туда, куда слепая собака хрен не сунет – между близко расположенными контактными кочками, где запросто может долбануть разрядом, или в лужи, на дне которых может быть полно студня, или в заросли гигантской крапивы...

Я с опаской пересек длинную, убегавшую в холмы асфальтированную дорогу и под прикрытием лесополосы устремился к железнодорожной насыпи, где и залег. Полотно железной дороги на Свалке проходит перпендикулярно шоссе, и как раз в этом месте они пересекаются. Оставалось только миновать пути, а за ними уже виднелся густой лес, в котором я мог довольно быстро стряхнуть погоню с хвоста – вот только между путями и лесом у нас имелась полоса отчуждения шириной в триста метров, голое пространство в обе стороны вплоть до соседних холмов, с проржавевшей опорой ЛЭП посередине и огромным извилистым котлованом в низине к западу.

Уходить по открытому пространству было самоубийством. Особенно теперь, когда отмычки обнаружили мое местоположение, а небо стремительно светлело.

Уходить по котловану, скорее всего, также было самоубийством. Особенно после того, как я обнаружил в нем свежее пятно радиоактивного осадка.

Остаться на месте было самым верным способом самоубийства. Особенно сейчас, когда прямо на меня, истекая ядовитой слюной, летела по шпалам отвратительная гиена Зоны, а стрелок на холме не давал мне поднять головы.

Для того чтобы отпугнуть одинокую слепую собаку, достаточно пистолета. Но у меня не имелось даже пистолета. У меня имелись старый штык-нож в насаженных на ремень ножнах, несколько фальшфейеров, осколочная граната и серебряный портсигар за пазухой. Полчаса назад у меня еще был «калашников». М-да. Полчаса назад у меня было много всяких полезных вещей.

Невидимый стрелок выпустил по мне еще одну короткую очередь. Вроде как предупредил: я тебя вижу, браток. Только рыпнись. Он явно видел также скачущую по железнодорожной насыпи собаку и был уверен, что теперь-то мне окончательная и бесповоротная хана. Одна пуля ударила в рельс с таким оглушительным звоном, что я временно оглох на одно ухо.

Коричневое чудовище размером с хорошую овчарку, распространяя вокруг себя нестерпимое зловоние гниющей плоти, бросилось на лежащего между рельсов меня – и с размаху напоролось пастью на широкое зазубренное лезвие штык-ножа.

До самого последнего мгновения я тупо и настойчиво думал о том, как сейчас рывком откачусь в сторону и попытаюсь пропустить разогнавшуюся собаку мимо себя, поскольку у меня нет оружия и я совершенно незащищен. Со слепыми псами этот трюк обычно срабатывал – по сравнению с телепатами-бюрерами, обладающими сравнительно развитым мозгом, примитивной речью и даже зачатками религии, они просто безмозглые твари. Когда собака попала на уловку и, приблизившись ко мне, быстро присела на задние лапы, чтобы прыгнуть вслед за откатившейся в сторону жертвой и впиться ей зубами в глотку, я внезапно отпустил на волю рефлексы, резко перевернулся на спину, молниеносно выхватил из ножен штык-нож и плашмя выставил его перед собой. Это стало для зверя неприятным сюрпризом. Отмычка на соседнем холме, видимо, уже предвкушавший славное зрелище, на мгновение запоздал с выстрелом, и я успел ножом отклонить лобастую голову собаки вниз, к рельсам, чтобы стрелок не прострелил мне руку.

Отвратительный мутант, утробно рыча и упираясь в грунт мускулистыми лапами, напирал на меня, яростно пытаясь перекусить острую полосу стали, перекрывающую ему пасть, но зазубренное лезвие лишь глубже вонзалось между обоюдоострыми зубами хищника, не собираясь ломаться. Челюсти слепой собаки смыкались все туже и туже, из углов ее пасти побежали ручейки мутно-бурой крови с прозеленью: тварь отличалась не только тупостью, но еще и редкостным упорством. Случайно зацепив мне плечо уродливой лапой с кривыми, торчащими в разные стороны когтями, собака оцарапала его до крови, и я тоже зарычал от бешенства.

Рука уже начала затекать от напряжения, однако я медленно и неумолимо выворачивал животному шею, орудуя штык-ножом словно рычагом и с удовлетворением ощущая, как у собаки крошатся зубы. Почувствовав нарастающую боль, пес попытался высвободиться, но зазубрины на обратной стороне ножа уже глубоко вошли в его черные десны и застряли там. Собака заплясала возле меня; ее больше не интересовала добыча, она поняла, что раскрыла

пасть на слишком большой кусок, и теперь ей хотелось только одного – вырваться невредимой и сбежать в холмы. Однако я не собирался отпускать ее бесплатно, понимая, что это мой единственный шанс.

Выбрав момент, когда подвывающий, обезумевший от боли и страха зверь в очередной раз переступил через меня и оказался слева, я отпустил рукоять штык-ножа, обеими руками обхватил слепого пса за шею и вместе с ним кувыркнулся через второй рельс. Страшные челюсти лягнули у самого уха, кожу на виске разодрала жесткая, словно проволока, шерсть мутанта. На сей раз стрелок на холме не зевал, и две пули, предназначенные мне, с влажными шлепками вошли в прикрывший меня бок собаки. Раненая тварь истошно заголосила и задергалась в моих объятиях: она окончательно уяснила, что неизвестное чудовище просто подманило ее вкусным запахом и теперь схватило и пожирает ее, причиняя нестерпимую боль. В панике слепой пес попытался схватить меня зубами, но сумел только распороть лямку рюкзака.

Мертвой хваткой вцепившись друг в друга, мы скатились с насыпи в высокие заросли мокрого от дождя топинамбура. Автоматные пули свистели над нами, вдребезги разнося верхушки стеблей. Только здесь я наконец отпустил потерявшего голову пса и двинул его коленом в здоровый бок, чтобы не вздумал кусаться. Тот и не собирался: почувствовав свободу, он тут же вскочил на ноги и, тяжело проломившись через заросли, метнулся в котлован. Низко пригибаясь, пачкаясь в нечистой собачьей крови, которая хлестала из развороченного автоматными пулями бока животного, я бросился за ним.

По глиняному откосу я съехал на заднице в искусственный овраг. Котлован был глубоким, и в нем находилось множество всякой брошенной техники: ржавые остовы микроавтобусов, несколько «ЗИЛов», изъеденный коррозией и разрушившийся под собственным весом автокран, покрытые ободранной желтой краской решетчатые фермы, оставшиеся, видимо, от разобранного башенного крана. Пространство между ними было щедро усыпано всяким мусором. Наверное, когда-то здесь пытались вырыть могильник для грязной техники. Некоторые машины, находившиеся тут, действительно здорово фонили, радиационное же загрязнение других было даже ниже общего фона Свалки. Однако теперь котлован оказался накрыт «горячим пятном», и задерживаться в нем не стоило в любом случае.

Котлован имел сложный профиль. Нет, вряд ли в нем хотели устроить могильник: для этого не нужна такая разветвленная структура. Через несколько десятков метров он изгибался под прямым углом, потом, насколько я помнил, еще трижды вилял в разные стороны и раздваивался. В центре котлован расширялся в глубокую яму примерно тридцать на двадцать пять, посреди которой располагались какие-то полуразрушенные металлические конструкции, давно потерявшие форму и заросшие рыжей мочалкой ржавых волос до такой степени, что теперь совершенно невозможно было сказать, чем они были раньше. Какие-то решетчатые пустотелые столбы из массивных стальных уголков, крест-накрест приклепанных друг к другу.

На краю этой ямы располагался один из феноменов Зоны – тяжелый гусеничный экскаватор, который с годами, видимо, понемногу сползал по оплывающему от дождей глинистому склону и теперь опасно навис над котлованом. По всем законам физики, он вообще не должен был держаться на склоне – ему давно полагалось соскользнуть и присоединиться к груде металлического лома, разбросанного среди мутных луж на дне котлована. Огромный тяжелый ковш экскаватора уже давно отржавел от стрелы, отвалился и лежал днищем вверх прямо под ним. Однако что-то невидимое удерживало экскаватор на краю ямы под углом почти в шестьдесят градусов, не давая силам притяжения одержать верх. Я уже давно научился не удивляться абсолютно невозможным вещам, встречавшимся в Зоне на каждом шагу.

И вот там, в этой центральной яме котлована, неподалеку от экскаватора, было плохо. Там было так плохо, что у меня от напряжения даже заломило зубы.

Имею ярко выраженное дурное предчувствие, как говорит в подобных случаях один мультяшный страус.

Всадив себе в оцарапанное плечо одноразовый инъектор с противостолбнячной сывороткой, я поднял с земли штык-нож, который вывалился из пасти у слепой собаки, промчавшейся здесь несколько мгновений назад, вытер его о куртку и сунул в ножны. Затем активизировал ПДА. В котловане не было никакого движения. А вот со стороны железнодорожного полотна в мою сторону быстро перемещалась светящаяся точка. Пока я смотрел на нее, она заметно сбросила скорость – видимо, преследователь тоже контролировал мои перемещения и, заметив, что я остановился, пошел осторожнее, закономерно ожидая подвоха.

Я двинулся по котловану, старательно огибая заросшие рыжим мочалом завалы металлического лома и внимательно глядя по сторонам. Я так и не смог установить, что взблескивало в котловане, и это меня нервировало. Скорее всего, это был какой-то безобидный феномен, появившийся после выброса, однако всякое новое явление необходимо считать потенциально опасным – по крайней мере, до тех пор, пока ученые его не изучат как следует. Ученые или неосторожные идиоты, которые проверят воздействие феномена на собственной шкуре.

У поворота, который выводил в центральную яму, я замешкался. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы заставить себя осторожно выглянуть из-за поворота. Мой организм отчаянно вопил: туда – не надо! Лучше назад, в объятия преследователей!..

Организму я привык доверять.

Впрочем, рассудку я привык доверять тоже. А рассудок флегматично сообщал, что у меня только одна дорога – вперед, потому что сзади – верная смерть, а впереди – черт его знает.

В центральной яме, равномерно устланной слоем бытового мусора, брошенной техники почти не было. Высились ржавые решетчатые конструкции, валялись какой-то металлический лом, со временем совершенно утративший какую-либо форму, ковш от экскаватора и два насквозь прогоревших автомобильных остова. На осыпающихся склонах росли уродливые кусты, похожие на растопыренные пальцы. Никаких признаков аномалий я здесь не обнаружил. Мне оставалось только пересечь яму по диагонали, сделать еще два поворота и выбраться из котлована прямо на опушке леса.

Все было бы совсем просто, если бы аккуратно на намеченной диагонали не сидел на корточках здоровенный кровосос и не пожирал слепую собаку, с которой я только что сражался на рельсах.

А вот теперь, похоже, полная хана.

Кровососы – одни из самых смертоносных тварей Зоны, по силе уступающие только псевдогигантам, а по степени опасности – только контролерам и химерам. Кровосос всегда убивает больше, чем может сожрать. Когда он не спит и не ест, он рыщет по своим охотничьим угольям и убивает все живое, что имеет неосторожность вторгнуться на его территорию. Подступы к логовам кровососов обычно усеяны изувеченными телами людей и мутантов, и это всегда один из признаков того, что чудовище рядом. На запах тухлого мяса понемногу подтягиваются падальщики Зоны и, в свою очередь, попадают монстру на обед. Однако этот кровосос появился тут совсем недавно, скорее всего, после вчерашнего выброса, так что

окружить свое логово трупами он еще не успел. И пришел он почти наверняка из-за свежего радиоактивного пятна. Мутанты получают дополнительную энергию от распада активных веществ. Утверждают, что в окрестностях Саркофага, фونهاщего, словно эпицентр ядерного взрыва, твари кишмя кишат.

И раз вокруг нет трупов, этот кровосос наверняка страшно голоден.

Несмотря на устрашающую внешность типичного инопланетного хищника, какими их изображают в голливудских фантастических боевиках, кровосос не пожирает плоти. Это не делает его менее опасным – он высасывает из тела схваченной жертвы все питательные жидкости. Начинает он обычно со спинного мозга (чаще всего в это время жертва с переломанным хребтом еще дышит), затем при помощи мощного ротового аппарата, создающего настоящий технический вакуум, отжимает из тела всю кровь, затем полупереваренное содержимое желудка; если голоден, не брезгует содержимым мочевого пузыря, хотя последнее, скорее всего, одна из дурацких сталкерских легенд. После основательной трапезы кровососа трупы его жертв становятся похожими на египетские мумии, туши негуманоидных же мутантов зачастую превращаются в бесформенные груды вяленой плоти.

Попавшийся мне кровосос был не слишком активен: сразу после выброса твари Зоны ведут себя спокойнее обычного, словно некоторое время приходят в себя. Казалось, он целиком поглощен своей жертвой и не обращает на меня никакого внимания, однако это, разумеется, было не так.

Я замер. Меня словно оплеснули на морозе ледяной водой из ведра. Однако выбора не оставалось. Судя по показаниям датчика движения, преследователь с автоматом был уже совсем близко. Я медленно двинулся вперед. Нож против двух центнеров переплетенных жил, мышц, крепких костей и сухожилий – все равно что зубочистка. В лучшем случае им можно поцарапать кровососу шкуру. Поэтому о ноже можно сразу забыть. Главное – не выказывать страха или агрессии. Возможно, тогда мне удастся обойти занятого трапезой монстра стороной...

Кровосос поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Я не ощущал ни ужаса, ни паники, ни отчаяния – только холодную сосредоточенность: необходимо во что бы то ни стало миновать опасное место. Пока эта тварь ест, она не агрессивна. Мне казалось крайне важным не отрывать взгляда от внимательных глаз чудовища. Внимательных и – печальных? Да, у кровососа был печальный взгляд. Точно такой же, какой бывает у орангутанга, когда тот поднимает брови домиком. Почему-то казалось, что если я отведу взгляд, кровосос расценит это как признак слабости и немедленно атакует.

Я осторожно шагнул в сторону – медленно, размеренно, аккуратно. Тираннозавр внешним видом и повадками тоже напоминал цыпленка. Смотрел я как-то по телевизору одно кино. Однако такой цыпленок вполне способен был откусить от меня половину.

Кровосос опустил брови, и наваждение исчезло. Не было в его взгляде ничего печального, ничего осмысленного. Тупая, агрессивная, кровожадная тварь. Я крепче сжал влажную от пота рукоять штык-ножа. Если он бросится, можно попробовать попасть ему острием в глаз. Хотя баловство, конечно: скорее всего нож сломается о крепкий лоб или надбровные дуги, которые тверже черепашого панциря.

Внезапно чудовище опустило голову и вновь занялось подергивающейся в его лапах собакой. Я

увидел фиолетово-розовую пульсирующую кору головного мозга, выглядывавшую через большое височное отверстие, которое заменяло монстру ухо. Вот куда бы ткнуть ножом!.. Однако я осознавал, что такой возможности у меня не будет: кровосос всегда атакует в лоб. Определенный инстинкт самосохранения у этих тварей имеется, хотя они обычно и прут напролом, прямо на расстреливающего их в упор автоматчика.

Не спуская глаз с завтракающего монстра, я сделал еще один незаметный приставной шаг. Спасибо тебе сердечное, слепая собака, похоже, ты спасла меня во второй раз. Когда кровосос ест, все его внимание сосредоточивается на пище. Во время трапезы к кровососу можно подобраться совсем близко – и тогда уже следует бить наверняка, желательно из ствола покрупнее, еще лучше – из двух...

А бить-то мне и нечем.

Я сделал еще шаг – и в зыбкой тишине раздался пистолетный хлопок пустой консервной банки, которую я раздавил каблуком.

Мать твою двадцать.

Кровосос взвился, словно подброшенный пружиной. Выпрямившись во весь свой двухметровый рост, чудовище, напоминавшее голого жилистого старика с непомерно широкими кистями рук и уродливо бугрящимися по телу коричневыми жгутами мышц, развернулось всем корпусом ко мне. Под морщинистым лбом и массивными надбровными дугами в глубоких провалах глазниц блестели внимательные черные глаза. Сходство со стариком усиливалось четырьмя омерзительными щупальцами, росшими вокруг его рта-присоски, которые, слабо шевелясь, свисали до середины груди, словно козлиная борода.

Я пятился до тех пор, пока не наткнулся копчиком на отвалившийся от экскаватора огромный ковш. Медленно, не спуская пристального взгляда с настороженно замершего зверя, я нащупал раскрывающееся днище ковша, с трудом приподнял его и шагнул внутрь. Кровосос с интересом наблюдал за мной.

Я опустил на колени, затем лег на землю. Свернувшись в три погибели, подтянув колени к подбородку, я опустил над собой тяжелое днище ковша, воткнул штык-нож в щель шарнирного механизма, позволявшего днищу откидываться по команде из кабины экскаватора, и несколько раз ударил ладонью по рукояти, вбивая лезвие штыка поглубже в шарнир.

И замер, ожидая, что предпримет кровосос.

Мне не было видно, что происходит снаружи, но по звукам, доносившимся оттуда, можно было восстановить полную картину происходящего. Кровосос неторопливо, с сосредоточенным сопением приблизился к моему укрытию. Он не спешил, осознавая, что я уже никуда от него не денусь. Я остро ощутил его присутствие за стенкой ковша – сгусток *нечеловеческого* в полуметре от меня. Я отчетливо слышал его дыхание – неправильное, нечеловеческое дыхание, напоминавшее звук, доносящийся из кухонного крана, если открыть его до упора, когда в доме отключили воду. Я слышал биение его сердца – гулкое, торопливое, чересчур громкое, болезненное биение о грудную клетку нечеловеческого сердца, бесформенного куса жилистого мяса, изуродованного направленными и спонтанными мутациями. Я слышал нечеловеческий звук, с которым его ротовые щупальца скребли по металлической поверхности ковша.

Кровосос попытался поднять крышку, но штык-нож надежно заклинил шарнирный механизм.

Тогда монстр рванул днище ковша с такой силой, что мне показалось, будто лезвие вот-вот переломится. Откровенно говоря, я запаниковал, когда ощутил, что могу навсегда остаться запертым в тесном железном гробу. Тем не менее крепкое стальное лезвие выдержало. Кровосос дернул еще пару раз, испытывая на прочность мое убежище и мои нервы. Он никак не мог поверить, что добыча, к которой оставалось только протянуть лапу, внезапно стала недоступной. Осознав, наконец, что его крупно надули, чудовище пришло в бешенство и начало с остервенением трясти мой вросший в землю металлический сейф. В полутьме прямо перед моим лицом раскачивалась запечатленная анфас голова косматого быка – выбитая на внутренней стороне крышки экскаваторного ковша фирменная марка производителя.

Скорчившись под массивным ковшом, стискивая в руке гранату, я внимательно прислушивался к происходящему. С минуты на минуту на сцене должно было появиться новое действующее лицо.

Китаец вышел на сцену эффектно. Сначала я услышал его торжествующий вопль «Стоять, сука!», а потом – сдавленный, испуганный возглас. Разумеется, отмычка вылетел из-за угла, даже не позаботившись о малейших предосторожностях – зачем, если у ведущего нет огнестрельного оружия, а сам он, судя по показаниям датчика, в настоящий момент топчется у противоположной стены котлована, как зажатая в углу крыса. Дети, малые дети, честное слово. Я ни секунды не сомневался, что преследователь примет кровососа за меня – ведь мы с чудовищем были относительно сходны по размерам и ни разу не перемещались одновременно, а датчик движения фиксирует только перемещения объекта, не отображая его внешнего вида... Разумеется, теперь, красиво выпрыгнув из-за угла и обнаружив вместо меня кровососа, Китаец сразу понял, что жестоко ошибся.

Кровосос оставил мой ковш в покое и с удовольствием метнулся навстречу новой активной жертве, нарушившей границы его территории. Прогрохотала длинная очередь, показавшаяся мне бесконечной, затем автомат захлебнулся и смолк.

Вытащив штык-нож из запорного механизма и чуть приподняв тяжелую крышку, я выглянул наружу через щель. Метрах в двадцати от меня кровосос, сдавив шею Китайца могучими лапами, яростно тряс его, словно бультерьер бумажный пакет. Китаец, на посиневшем лице которого застыла искаженная гримаса глубокого изумления, болтался в воздухе, как пластиковый скелетик на лобовом стекле автомобиля. Автомат валялся в мутной луже в двух шагах позади него.

Среди тихого шепота дождя вдруг раздался и заметался среди стен котлована страшный сухой треск – словно сломалась огромная куриная кость. Одной рукой продолжая удерживать Китайца на весу, другой кровосос легко перебил ему хребет.

Кстати, мой бывший ведомый вовсе не был узкоглазым. Обычный белобрысый парень из Черновцов. Китайцем его прозвали за то, что он все время напевал себе под нос: «Любимый город, синий дым Китая...»

Я сел в ковше, придерживая крышку спиной, с характерным щелчком выдернул кольцо из гранаты, и в то же мгновение монстр отбросил изувеченное тело отмычки и развернулся в мою сторону. Мне еще не приходилось слышать о кровососах-телепатах, однако я готов был поклясться, что он почуял мое намерение. Мы смотрели друг другу в глаза – у меня в руках была граната с выдернутой чекой и зажатыми пока между пальцев усиками взрывателя, по его пальцам струилась багровая человеческая кровь. Внезапно щупальца на морде кровососа встали торчком, он взревел и бросился в сторону, затем в другую, словно уходящий от пули военный сталкер, приближаясь ко мне широким зигзагом.

Он явно уже был знаком с таким оружием. Он явно пытался лишить меня возможности воспользоваться гранатой.

Разъяренный кровосос, несущийся прямо на тебя с встопорщенными щупальцами и расставленными руками – кошмарное зрелище. Периферийным зрением я зацепил нависший высоко над моей головой экскаватор «Бизон» – тяжелая штука, надо полагать. Времени размышлять уже не было, поэтому вместо меня снова сработали рефлексy. Я послал гранату в зенит, и она упала точно в раскрытую дверь кабины гусеничного экскаватора. В следующее мгновение я рухнул обратно в ковш, конкретно звезданувшись затылком, и надо мной грохнула тяжелая крышка.

Однако кровосос оказался быстрее.

Я едва успел просунуть в запорный механизм кончик штык-ножа, как чудовище с силой рвануло крышку вверх, чуть не снеся этот самый кончик к чертовой матери, и наклонилось надо мной. До свисавших с его морды шевелящихся осклизлых щупалец можно было достать рукой. В нос мне ударил отвратительный запах свернувшейся крови.

Безумная, дикая, страшная смерть оказалась со мной лицом к лицу. Однако я смотрел ей через плечо. Те несколько мгновений, пока кровосос с угрюмым любопытством рассматривал меня, я наблюдал, стиснув зубы, как брошенная мной граната неторопливо катится по наклоненной спинке сиденья нависшего над нами экскаватора. Докатившись до сиденья, граната прыгнула с него, ударилась о стекло кабины, упала вниз и, путаясь в рычагах, заскакала обратно к настезь распахнутой и раскачивающейся на ветру двери. Сейчас она перепрыгнет через невысокий порожек и кувыркнется точно в раскрытый кровососом ковш, прямо ко мне в объятия, предварительно крепко стукнув моего приятеля по лысому черепу.

Коричневый мускулистый гигант протянул огромную лапу, сгреб меня за грудки и потянул на себя, приподняв над землей. Я сжимал в ладони рукоять штык-ножа. Главное – попасть точно в глаз. Пусть за мгновение до того, как нас обоих разорвет в клочья, но следует ошеломить эту образину. Так будет правильно, сталкер.

Граната между тем свалилась на наклонный пол кабины и, весело подпрыгивая, покатилаcь к выходу.

И внезапно разорвалась.

Ковш, под которым я лежал, отозвался гулким колокольным звоном – мне показалось, что моя голова сейчас лопнет от вибрации. Кровосос рывком поднял голову, выпустив днище ковша из лап, и оно с грохотом захлопнулось у меня над головой. Раздалось несколько звонких визгливых ударов – от стали рикошетили мелкие осколки. Одновременно в вышине что-то протяжно затрещало, словно падало, выворачивая собственным весом корни, опрокинутое ураганом дерево – процесс пошел.

А потом мне показалось, что кто-то с размаху саданул меня кувалдой по черепу, и череп зазвенел, будто колокол, будто экскаваторный ковш, до которого докатилась взрывная волна. Потеряв из-за гранатного разрыва точку опоры, огромный «Бизон» обрушился с глинистого склона и, перевернувшись в воздухе, с высоты трехэтажного дома рухнул на землю, погребая под собой и мой ковш, и не успевшего отпрыгнуть кровососа.

Удар был такой силы, что земля подо мной подпрыгнула. Одновременно с этим косматый бык на внутренней стороне ковша стремительно бросился мне в лицо – многотонная груда железа,

обрушившаяся на ковш, глубоко вбила его в мягкую глину. Я с изумлением уставился на днище ковша, замершее в паре сантиметров от моего носа. Будь экскаватор чуть тяжелее, меня просто размазало бы по земле.

Выходит, сегодня Черный Сталкер за меня. Как и последние шесть лет, впрочем.

Я толкнул днище ковша и понял, что на этом мое везение иссякло.

Крышка стального гроба была заблокирована намертво. Она даже не шелохнулась. Вообще-то, ковш должен был попасть аккуратно в мертвую зону между торчащей стрелой, которая когда-то оканчивалась ковшем, и кабиной экскаватора, но поди докажи Хозяевам Зоны, что все должно происходить совсем по-другому и тяжелая гусеница, вбившая меня вместе с ковшем в землю, обязана была пройти тремя метрами правее!..

Пока из ковша можно было выбраться, я ощущал только промозглый холод влажной земли, неудобство своей позы и напряжение от близости мутанта. Теперь же все чувства поглотил внезапный острейший приступ клаустрофобии. Я почувствовал, как стальной ковш стремительно сжимается вокруг меня, как его стенки неумолимо сдвигаются внутрь, словно рабочие поверхности гидравлического пресса, выдавливая из меня жизнь. Я судорожно пытался вдохнуть, но сведенное спазмом дыхательное горло только напрасно сокращалось, не в силах пропустить в легкие ни глотка воздуха. Я попытался перевернуться в своей металлической гробнице, но не сумел этого сделать, надежно заклинившись локтями и коленями. Я силился крикнуть, но из горла вырвалось лишь слабое сипенье, похожее на дыхание кровососа.

Когда я был мальчишкой, мы с приятелями как-то играли на стройплощадке. Строители подводили к новостройке теплоцентраль и вырыли посреди двора целые катакомбы. В них-то мы вечером и забрались, довольные по уши. Лазить между накрытых бетонными профилями труб, ощущая над собой полтора метра грунта, – это был экстрим и адреналин. Все было замечательно до тех пор, пока я не сунулся под наполовину вытащенный строителями из земли пустотелый бетонный блок, на котором в тот момент как раз прыгали и топтались три кривляющиеся мартышки – мои приятели. Профиль внезапно потерял точку опоры и осел, нежно прижав меня к земле. А сверху осыпалось несколько кубометров грунта.

Меня не искалечило, но очень надежно заклинило под бетонным блоком, так что я не мог выбраться без посторонней помощи. При помощи приятелей я, впрочем, выбраться тоже не смог. Был вечер субботы, поэтому пока нашли строителей и сумели меня откопать, я провел заживо погребенным несколько часов, не в силах шевельнуться и вдохнуть полной грудью.

Следующий месяц меня лечили от тяжелого нервного истощения. Психологам вроде бы удалось привести меня в относительную норму.

А еще через год мне в руки попал сборник рассказов Эдгара По.

Когда я прочитал рассказ «Заживо погребенные», мне показалось, что я вновь оказался в бетонном склепе на стройплощадке. Вместе с героями рассказа я пережил весь ужас погребения заживо, поскольку год назад уже прошел через подобное на самом деле. Я не мог спать – в темноте мне казалось, что потолок медленно и неумолимо опускается, чтобы придавить меня к кровати. Я начинал задыхаться – мне казалось, что моя грудь снова плотно прижата бетонным блоком. Я панически боялся, что завтра не сумею проснуться, меня похоронят и я очнусь уже в гробу – узком деревянном ящике, в котором почти невозможно повернуться и можно только колотиться всем телом о крепкие стенки, стремительно теряя

последние крупинки рассудка и с ужасом ожидая приближение неминуемой кошмарной смерти.

С тех пор я беспощадно уничтожил в себе множество подсознательных фобий и комплексов. Из вежливого книжного мальчика, которого обижала на улице любая собака, я сумел стать матерым хищником-спецназовцем, а потом – ветераном-сталкером. Я переломил собственную натуру через колени и жуткими, мучительными, бесчеловечными тренировками превратил свое тело в неплохую боевую машину. В погоне за адреналином я побывал во многих горячих точках бывшего СССР. Меня расстреливали в упор исламистские моджахеды, я горел в десантном вертолете, с одним рожком патронов я сумел завалить матерого контролера, окружившего себя двумя десятками вооруженных зомби и стадом псевдоплоти. Однако никогда я не испытывал такой паники и такого безумного страха, какие охватывали меня всякий раз, как я оказывался в закупоренном со всех сторон пространстве размерами чуть больше моего тела.

Теперь я бессильно бился в прочном стальном гробу, не в состоянии что-либо предпринять. Просунув руку с ножом между стенкой ковша и собственным боком, я попытался неуклюже ковырять землю под собой, но почти сразу убедился, что такими темпами не выкопать лаз и за месяц; кроме того, мне некуда было бы девать вынутый грунт. Попытка связаться с кем-нибудь, пусть даже и с собственными отмычками, через ПДА тоже закончилась неудачей: толстые стальные стенки надежно экранировали сигнал. Я чувствовал, что теряю контроль над собственным рассудком, и лишь неимоверным усилием воли сумел прекратить приступ паники. Спокойно, бесконечно повторял я себе, спокойно, спокойно, спокойно. Засохни, сволочь. Лежи смирно. В ближайшие несколько часов самое страшное, что тебе грозит, – это застудить почки. Представь, что ты просто прилег отдохнуть в котловане. Или, допустим, тебе нужно переждать выброс, и для этого ты забрался под перевернутый экскаваторный ковш. Как только выброс закончится, ты спокойно выберешься отсюда, а пока расслабься. Выход наверняка есть, безвыходных положений не бывает, как говорил Дима Шухов... Фу ты, черт, к дьяволу Шухова, это я, я говорю, это мой гребаный девиз... Только для того, чтобы найти этот самый выход, необходимо успокоиться и взять себя в руки, потому что паникеры на моей памяти, бывало, тонули в ручье, а рассудительным людям удавалось без всякого специального снаряжения форсировать морской пролив.

Мне удалось немного прийти в себя, однако меня по-прежнему колотила крупная нервная дрожь. Совсем нетрудно пролежать неподвижно четверть часа, когда знаешь, что в любой момент можешь изменить позу. Когда же попадаешь на те же четверть часа в наглухо закрытый железный ящик, каждая конечность начинает судорожно сигнализировать: мне срочно нужно шевельнуться и распрямиться! Я больше так не могу!.. Хотя объективно вроде бы ничего не изменилось, ничто на тебя не давит, конечности затекают не больше, чем на открытом пространстве... Однако мозг уже яростно колотит в рельсу: опасность! опасность! немедленно покинуть потенциально опасную территорию!..

В установившейся звонкой тишине прямо за стенкой ковша отчетливо раздался металлический лязг. Что-то железное стукнуло по ковшу, потом заскребло. Покосившись влево, я увидел, как по стенке из-под днища бежит ручеек черной крови. Кровососа расплющило экскаватором о днище моего ковша, однако, судя по всему, не до смерти. Эти твари живучи до ужаса. И теперь он, похоже, пытался добраться до меня, несмотря на придавившую его многотонную кучу металлолома.

Однако. Всегда уважал целеустремленные натуры.

Затаив дыхание, я внимательно слушал, как со скрежетом ворочается за стальной перегородкой огромный мутант. Он пытался приподняться, однако вес металлической груды, придавившей нас с ним к земле, явно был неподъемным даже для него.

Дыхание с тяжелым свистом и клокотанием вырывалось из его груди. Несколько бесконечных секунд кровосос лежал неподвижно, собираясь с силами, а потом внезапно, напрягшись изо всех сил, уперся спиной в искореженные металлические конструкции экскаватора и рванулся словно бешеный – я услышал, как затрещали его связки и захрустел изувеченный металл. Рванулся раз, другой – и по изменившемуся звуку я понял, что тяжелая гряда металлолома подается его усилиям.

Упершись коленом в морду быка, я почувствовал, что днище ковша, которое только что было заклинено намертво, слегка сдвигается. Я торопливо сунул в образовавшуюся щель штык-нож. Ну, уже кое-что. По крайней мере, не задохнусь, словно трюмная крыса, а умру от голода, жажды и переохлаждения, как и подобает настоящему мужчине. Если раньше у меня не остановится сердце от острой клаустрофобии.

Кровосос продолжал ворочаться. Из его пасти вырывалось рычащее подвывание. Он старался изо всех сил, и никогда еще я мысленно так не желал успеха ни одному мутанту. Сейчас он боролся не только за свою, но и за мою свободу, хотя наверняка не осознавал этого. Упираясь ногами и руками в крышку своего гроба, я изо всех сил старался помочь кровососу, хотя толку от моей помощи наверняка было кот наплакал.

А вот у атлетически сложенного мутанта – получалось.

Он наверняка испытывал страшную боль, но инстинкт самосохранения был сильнее. Идеальная машина, приспособленная убивать и выживать в любой ситуации. Более совершенная боевая машина, нежели мое тело, однако в кабине этой машины сидел менее опытный и рассудительный пилот. Его мышцы звенели от напряжения, кости потрескивали, прерывистое подвывание превратилось в глухое и невнятное хрипение. По мере того как придавившая мой ковш железяка усилиями кровососа приподнималась сантиметр за сантиметром, я приподнимал вслед за ней днище ковша, стараясь не совать кисти рук в расширяющуюся щель, чтобы в том случае, если монстр все-таки надорвется, обрушившаяся крышка не обрубилась мне пальцы. Когда щель стала шириной с ладонь, я сумел выглянуть наружу.

И сразу натолкнулся на безумный взгляд чудовища. Мне был виден только один его глаз, но и в нем одном было столько муки и бешенства, что я почувствовал, как по коже продирает мороз. Не уверен, что кровосос жаждал расправиться со мной прежде, чем покинет эту кучу металлолома; но в том, что меня ждет, если монстр покинет ее раньше меня, я не сомневался ни секунды.

Хрипло выдохнув, кровосос приподнял экскаватор еще немного. Что-то с грохотом проскребло по ковшу, тяжело соскочило с него, и щель увеличилась почти вдвое.

Дальше выжидать было нельзя: мутант в любой момент мог отпустить неподъемный груз, который сейчас держал на своих плечах. Я поспешно сунул голову в щель, разодрав в кровь правое ухо. Выбраться из железного ящика через узкую щель в крышке, находясь в позиции эмбриона, оказалось задачей, достойной Гарри Гудини. Извернувшись всем телом, я кое-как пропихнул наружу голову, каждую секунду ожидая, что захлопнувшееся днище ковша станет для меня ножом гильотины. Потом я стал опасаться, что меня перерубит поперек груди, наконец, после целой вечности возни, на самом деле уложившейся в несколько биений сердца, – что в пояс.

Кровосос продолжал методично выжимать спиной многотонный груз, пытаясь перевернуть экскаватор. Он яростно смотрел, как я, извиваясь, словно червяк, понемногу выбираюсь из ковша. Я боялся, что он может обрушить массу металла, которую держит на плечах, только для того, чтобы немедленно меня прикончить. Однако это означало бы, что потом ему придется начинать все сначала, а на второй заход сил у него могло не остаться. По сравнению со слепой собакой кровосос был настоящим профессором и умел просчитывать свои действия как минимум на один ход вперед.

Я вывалился из ковша прямо под ноги чудовищу. Его уродливые когтистые ступни глубоко ушли в мокрую глину. Оказавшись на свободе, я торопливо пополз в просвет между искореженными металлическими фермами стрелы экскаватора, моля Черного Сталкера, чтобы мутант продержался еще несколько мгновений. Штык-нож я, впрочем, не бросил в суматохе, совершенно автоматическим движением сунув его в ножны.

Я выполз из-под перевернутого экскаватора и, не в силах подняться с четверенек, с трудом перевел дух. Вокруг меня снова было безграничное пространство, и я имел возможность идти в любую сторону. Кровосос, судя по доносившимся слабым звукам, конкретно застрял под экскаватором. Собственно, попадали мы еще и не в такие переделки...

- Не ушибся, старшой? - донесся сочувственный голос.

Я поднял голову. Передо мной стоял Кислый с автоматом в руках, дуло которого было направлено мне точно между глаз. Мой автомат он небрежно перебросил через плечо.

У наших американских «друзей» из миротворческих сил это называется решать проблемы по мере их поступления.

Однако теперь-то я уж точно отбежался. Верняк. Не бывает сталкеру столько везения за один раз.

Впрочем, если только этот сталкер - не Хемуль.

- Ничего, спасибо, - проговорил я, поднимаясь на ноги.

- Тогда руки на голову, кругом и четыре шага вперед, - прогундосил Кислый, морщась от боли.

Я с удовлетворением отметил, что нос у моего бывшего коллеги сломан и на переносице запеклась кровавая корка. Моя работа.

- А может, лучше отсосешь? - деловито осведомился я.

Если тебя держит на мушке неопытный противник, его можно попытаться вывести из равновесия. Когда человек в ярости, он начинает допускать детские ошибки, и шансы во многом уравниваются. А стрелять в меня Кислый все равно не будет, пока не удовлетворит свою жажду мести за сломанный нос. Месть для таких человечков - это не убить противника, это все вторично. Главное - дать жертве понять, что сейчас она умрет, и как можно дольше наслаждаться ее ужасом.

А впрочем, даже если я ни черта не смыслю в психологии и Кислый сейчас без разговоров пристрелит меня на месте, как слепую собаку, все равно хрена ему лысого по всей морде, а не руки на голову и четыре шага вперед. Перетопчется.

Отмычка побагровел и раскрыл рот, но сказать ничего не успел – как раз в это мгновение со стороны экскаватора снова донеслись металлический скрежет и лязг. Затем еще раз и еще – что-то с натугой продиралось через механические потроха машины к свету. Кислый озадаченно посмотрел на разбитые останки экскаватора, – он явно не ожидал, что кровосос проявит такую волю к победе, – затем снова поспешно перевел взгляд на меня.

Когда он опять глянул на экскаватор, тот уже балансировал на ребре кабины. Еще мгновение – и тяжелая строительная машина с грохотом завалилась на бок, а на том месте, где она только что лежала, медленно выпрямлялся во весь свой устрашающий рост раненый кровосос.

Выглядел монстр паршиво. Рухнувшим экскаватором ему раздробило череп, и теперь вместо верхней половины головы у него было кроваво-черное месиво. Левая рука возле плеча у него оказалась разорвана изнутри сломанной коричневой костью. Левый бок был разодран в клочья, и наружу торчали расколотые ребра.

Уцелевший глаз кровососа повернулся в глубокой глазнице и остановился на нас. Безвольно повисшие щупальца вокруг ротовой присоски, по которым сползали сгустки черной крови, угрожающе вздернулись.

- Автомат! – рявкнул я. – Быстрее, ну!

Перед Кислым стояли два смертельно опасных врага. Однако валить кровососа, даже раненого, в одиночку – всегда лотерея, а пуля в голову однозначно предпочтительнее, чем медленная и мучительная агония со сломанным хребтом в лапах мутанта. Поэтому отмычка размышлял только долю секунды. Не спуская напряженного взгляда с чудовища, он сорвал с плеча мой «калаш» и бросил оружие мне. Я ловко перехватил автомат в воздухе и резво передернул затвор, досылая патрон в патронник.

В то же мгновение взбудораженный резкими движениями и громкими звуками кровосос атаковал. Я думаю, отмычка мысленно возблагодарил небеса, что сделал правильный выбор, потому что чудовище бросилось именно на него, и в один ствол Кислый его ни за что бы не остановил.

Мы разом ударили по мутанту из автоматов. Пули попадали в его покрытую коростой грудь и со страшной силой отбрасывали монстра назад. Кровосос пронзительно взвыл, его вопль перешел в визг, затем в ультразвук. Я подобрался – это был признак того, что сейчас монстр попытается перейти в режим «стелс». Кровосос действительно замерцал, словно изображение на экране неисправного телевизора, однако для того, чтобы достичь полноценной невидимости, ему не хватило энергии – чудовище было слишком истерзано автоматными попаданиями и изувечено экскаватором. Куски его зараженной плоти летели во все стороны, с каждой вонзившейся в тело пулей его отбрасывало все дальше и дальше, пока он наконец не уперся спиной в глинистую стену котлована. Ноги кровососа подогнулись, и он тяжело рухнул мордой вперед, неловко подогнув под себя переломленную руку. Единственный его глаз закатился, пальцы уцелевшей руки в агонии стиснули жидкую грязь, брызнувшую между пальцев, из-под распластанных по земле щупалец начала растекаться мутная зловонная лужа какой-то дряни, непохожей на кровь. Испустив протяжный полустон-полувздых, мутировавшая тварь, трижды спасшая мне жизнь, замерла, распростершись в полтора десятках шагов от нас.

Мы с Кислым одновременным рывком перевели стволы автоматов друг на друга, однако оба автомата издали только сухой щелчок – все патроны мы выпустили по общему врагу. С досадой отбросив бесполезное оружие в сторону, мы выхватили ножи и начали сближаться.

Кислый был вполне сносным рукопашным бойцом. Мне уже довелось однажды увидеть его в деле и приходилось признать, что в искусстве махать ножом он немногим уступает мне. И у него был боевой кинжалообразный нож «Шайтан». Так что пока ничего еще не кончилось, и меньше всего следовало недооценивать этого загнанного в угол, перепуганного произошедшим, но все еще опасного головастика.

Внезапно я обратил внимание, что лезвие его ножа выглядит странно тусклым, заржавевшим. Когда режущая кромка заискрилась на мгновение странным сиреневым светом, словно электрическая сварка, и снова погасла, я окончательно убедился в том, что этот кретин успел где-то сунуть свой нож в ржавые волосы. Рискованный трюк, потому что разрезать может не только само лезвие, но и ножны, а потом и кожу на бедре. В любом случае ножу хана, в следующий раз его уже в Зону не возьмешь, за пару дней останется от него обглоданный селечный скелет, прозрачный от ветхости. Но пока аномалия еще не сожрала лезвие, оно превращается в серьезное оружие. Достаточно нанести противнику малейшую царапину, чтобы ржавые волосы попали в кровь. Ну и всё, на этом поединок можно считать законченным.

Моя задача резко усложнилась. Черт! Выходит, идти на сближение нельзя вообще. Кислому я скорее всего завалю, поскольку в поножовщине важно не только умение, но еще выдержка, точный расчет и холодная голова. Но вот поцарапать меня пару раз эта скотина успеет, факт. Я прикинул свои действия так и этак. Нет, не получается.

В сплошном массиве бурлящих туч над головой возник небольшой разрыв, сквозь который в котлован скользнуло утреннее солнце. Окружающее пространство сразу же наполнилось горячим ослепительным светом, словно в разгар июля. Заблестела на солнце вода на мокрых от дождя проржавевших корпусах сгоревших автомобилей, покрытых рыжим мочалом жгучих волос. Подступающие к котловану деревья зашелестели под внезапным порывом ветра и стряхнули нам на головы дождевую влагу.

И совсем рядом с собой я увидел одну крайне любопытную штуку.

Похоже, Кислому, который не отрывал взгляда от моего штык-ножа, не было видно того, что видел я; впрочем, не факт, что он что-нибудь понял бы, даже если бы обратил внимание на расположение теней слева от нас. Кислый, судя по всему, конкретно наложил в штаны, но твердо решил продать свою жизнь подороже. Хорошо иметь репутацию маньяка-людоеда: сначала ты какое-то время усиленно работаешь на нее, а потом уже она помогает тебе в сложных ситуациях.

Кислый начал осторожно смещаться влево, пытаясь занять такую позицию, чтобы солнце светило ему в спину. Я охотно сдвинулся в противоположную сторону, принимая навязываемые им правила игры. Он снова шагнул влево и чуть назад – я тут же последовал за ним, смещаясь в невыгодную для себя позицию.

Кислый ощутил, что происходит что-то неправильное. Он готов был хитрить и изворачиваться, чтобы развернуть меня лицом к солнцу, однако я послушно, как баран, поддавался на его провокации. Так быть не могло, и отмычка приостановился в нерешительности. Мое поведение было для него непонятно, а когда в Зоне что-то непонятно, жди конкретных неприятностей.

- Бабах! - рявкнул я, внезапно подавшись вперед и выбросив в его сторону указательный палец.

Он инстинктивно шагнул назад, и я неторопливо опустил нож. Кислый обалдело посмотрел на меня, но в следующую секунду причина моего странного поведения стала ему ясна. Однако

сделать он, разумеется, ничего уже не успел, потому что еще через секунду его буквально вывернуло наизнанку.

Там, куда он ступил, притаилась изнанка – редчайшая и чрезвычайно коварная аномалия, которая попадалась мне за все время только раз или два. Она абсолютно невидима, не издает никаких характерных звуков или запахов, ее невозможно определить по магнитным возмущениям, повышенной ионизации воздуха, измененной плотности вещества или какому-либо влиянию на окружающие предметы. Возможно, именно поэтому она и считается редкой – потому что ее крайне трудно обнаружить, пока не попадешь прямо в нее. Заметить ее можно только по расположению теней. Тень, которая падает навстречу источнику света, и есть изнанка. Если нет источника света и не видно отбрасываемых им теней, изнанка совершенно неуловима.

Прежде чем снова скрыться в сплошной пелене туч, солнце хорошо очертило границы аномалии, так что я без особого риска проскользнул мимо вывернутого трупа Кислого. Теперь он напоминал распотрошенную и освежеванную свиную тушу, из которой во все стороны торчали обломки костей.

Неплохое завершение карьеры, приятель.

Пригибаясь, я выбрался из котлована, весь перемазанный грязью, и залег в неглубокой траншее у самого леса. Оставался еще Обойма, и если это он палил в меня со склона холма, то ему самое время эффектно появиться на сцене.

Я активизировал ПДА. Датчик движения молчал, как партизан. Я быстренько просмотрел почту. Однако оперативно работает Че! Два последних сообщения в моей почте были некрологами. «07.32, Павел «Кислый» Бойченко, Свалка, изнанка, DS 018/x». «07.26, Михаил «Китаец» Загребельный, Свалка, кровосос, DS 019/x». Едва получив сообщение от ПДА погибших сталкеров, Че сразу включил информацию об их гибели в общую рассылку. Оперативная информация с координатами произошедшего помогала коллегам погибших избежать смертельно опасных маршрутов либо, наоборот, обнаружить тела членов своего клана.

Пока я любовался почтой, пришло еще одно сообщение. «07.27, Петр «Обойма» Шорник, Свалка, резаная рана шеи, DS 018/z».

Опа.

В принципе, информация о смерти Обоймы вполне могла слегка задержаться, если в момент гибели хозяина его ПДА оказался поврежден. Однако все это больше смахивало на развесистую липу. Кто мог зарезать Обойму практически в то же время, когда кровосос схватил Китаецца, и практически на том же самом месте, судя по координатам? У меня появились невидимые анонимные защитники?

На всякий случай я снова перевел ПДА в режим датчика движения. Мертво было в котловане и его окрестностях. И это тоже могло значить что угодно: либо Обойма с перерезанным горлом валяется где-то неподалеку, либо он сидит в кустах и терпеливо выжидает, когда я клюну на его приманку.

Мог ли он, напуганный гибелью напарников, быстро договориться с Че и попросить его передать по сталкерской сети фальшивое сообщение о собственной смерти, чтобы выманить меня на открытое пространство?.. Чушь. Че не станет рисковать своей безупречной репутацией. Его репутация стоит очень дорого, ему доверяют практически все кланы, так что

достаточно одного такого прокола, чтобы информация сталкерской компьютерной сети Че упала до цены пустой гильзы от «макарова». Тем более с кем бы ему договариваться, но только не с отмычкой, болтающимся в Зоне меньше месяца. Скорее уж со мной. И не посредством электронной почты – когда бы он успел? Да и что Обойма мог ему предложить? Половину денег за ту штуку, что лежит у меня в портсигаре? Не смешите меня. Че управляет такими финансовыми потоками, которые нам, радиоактивному мясу, и не снились.

С другой стороны, мог ли Обойма симулировать собственную смерть? Что нужно сделать с ПДА, чтобы тот зафиксировал смерть хозяина от резаной раны горла? Мог ли этот тугодум найти способ обмануть сложную электронику?

Вряд ли.

Итак, можно быть на девяносто девять процентов уверенным, что Обойма мертв. Однако тогда возникает не менее неприятный вопрос: кто завалил его быстро, умело и без шума? И где убийца сейчас, а также чего он хочет от меня, если до сих пор не показался на глаза?

Ясно одно – Обойму завалил человек, поскольку его ПДА не зафиксировал в момент смерти присутствия рядом мутагенных форм. Завалил с таким расчетом, чтобы я об этом не узнал. Скорее всего, он предварительно повредил в драке ПДА Обоймы, чтобы тот не подал сигнала о гибели хозяина – мало ли сталкеров без вести пропадают в Зоне вместе со своими портативными компьютерами. Однако расчет не оправдался – поврежденный ПДА отмычки все-таки отправил в сеть свое последнее сообщение, хотя и с небольшим опозданием.

Я осторожно выглянул из траншеи. Координаты гибели сталкера обозначают определенную точку на местности согласно масштабной сетки. Высоту и глубину координаты не учитывают. Значит, Обойма вполне мог погибнуть почти в том же самом месте, что и Китаец, только не в котловане, а наверху, у самого обрыва. Наверное, он выследил меня при помощи датчика движения, подкрался к котловану и собирался полоснуть по мне сверху из автомата – тут-то его и настигла смерть.

Целый детектив, мать его. Кто же это мне помогает?..

Не могу сказать, что мне понравилась такая помощь.

Наконец я разглядел указанный в сообщении квадрат местности. Вот он. Равнинный участок, кучка деревьев у склона, высокая трава, вполне способная скрывать труп. И зверски вырванный у самого края обрыва огромный кусок почвы – в том самом месте, где над котлованом еще четверть часа назад нависал тяжелый экскаватор-«бизон».

Ага. Вон что. Вот теперь, кажется, все становится на свои места.

Хотя картина вроде бы прояснилась, я пополз к обрыву по-пластунски. На всякий случай. Если вдруг я оценил ситуацию неправильно, убийца Петра Шорника может сейчас сидеть в лесу и аккуратно целиться в меня. Кто знает, что у него на уме.

Обойму я действительно обнаружил в высокой траве неподалеку от края котлована. Он лежал на спине, на лице у него застыло глубочайшее изумление – почти такое же, как за несколько мгновений до смерти на лице у Китайца, – а в шее сбоку торчал глубоко вонзившийся осколок стекла, выбитого взрывом из кабины экскаватора. ПДА Обоймы и вправду оказался помят ударной волной. Лужа крови под головой отмычки была такой обширной, что небольшой ручеек устремлялся от нее к котловану и исчезал за краем обрыва.

Не стоило ему прятаться за экскаватором. Совсем не стоило. Не принесло это ему счастья.

Фу, черт. Аналитический склад ума, позволяющий быстро достраивать возможную картину происшедшего из мелких деталей, следов, косвенных свидетельств и слухов, – это, конечно, полезно, и он не раз уже спасал меня в Зоне, когда я просчитывал ситуацию на несколько ходов дальше и быстрее противника. Однако иногда он играет со своим обладателем странные шутки.

Поднявшись с земли, я подобрал валявшийся рядом с Обоймой автомат и передернул затвор. Похоже, ему взрывная волна не повредила. Хорошее оружие, неприхотливое. И вполне эффективное против кровососов, в чем я сегодня мог убедиться еще раз.

Патронов в рожке было достаточно.

ПДА негромко зажужжал, и я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Пришла очередная почта: «07.39, Юрий «Живчик» Семяцкий, Янтарное озеро, псевдогигант, UG 343/w».

Я сплюнул, но уже без злобы, облегченно. Мертвый Семяцкий – это хорошо. Это хорошая примета.

Только чуть поздновато. Я посмотрел на хронометр. Определенно, сегодня некоторые некрологи чуть запаздывают. Надо будет обратить внимание Че.

Забросив автомат за плечо, я неторопливо побрел вдоль бывшей линии электропередачи, высматривая прячущиеся в траве мясорубки. Несмотря на то что все закончилось так, как и должно было закончиться, я еще некоторое время ожидал выстрела в спину и мне страшно хотелось оглянуться.

Разумеется, никто мне в спину не выстрелил.

Глава 2. Бар «Шти»

Я ввалился в бар «Шти» в самый час пик. Через массивные железные ворота в высоком кирпичном заборе меня пропустил штатный швейцар-вышибала Гоблин, шкафчик метр девяносто девять на метр девяносто девять, бывший член сборной страны по регби. Я ткнул в его сторону указательным пальцем и сказал: «Бабах!» Гоблин скривил рожу и отвернулся.

Один-ноль.

Я пересек внутренний двор, нырнул в предбанник и окунулся в грохочущую тяжелой музыкой, наполненную спиртовыми парами, пропитанную табачным и конопляным дымом атмосферу салуна. В углах бара, в решетчатых декоративных колоннах из хромированных прутьев, лениво извивались в такт музыке девчонки топлесс. В центре бара возвышался окруженный невысокой решеткой подиум, на котором после двадцати двух ноль-ноль выступали нон-стоп стриптизерши нью более высокого класса. В дальнем конце помещения располагалась длинная барная стойка, занавешенный бамбуковой занавеской дверной проем рядом с ней вел в бильярдную. Оттуда доносился грохот шаров. Вдоль стен выстроились игровые автоматы, а также механические торговцы газетами, презервативами и энергетическими пилюлями.

Бар был полон сталкеров – в основном стариков из моего клана, хотя попадалась и борзая молодежь из тех, кого ветераны снисходительно допускали в свою компанию. Сейчас было

недетское время – отмычки тусовались здесь в основном до заката. Я же, вернувшись рано утром со Свалки, завалился к Динке и, отмокнув как следует в ванне, отсыпался до самого вечера, пока подруга не собралась на работу. Прихватив портсигар, я отправился с ней. У входа в бар мы расстались: Динка отправилась в переодевалку, а я – в общий зал.

За дальним столиком блеснул очками и поднял руку в приветствии Муха. Я кивнул ему. У входа оккупировали пару сдвинутых столов Гурвинек, Сыпь, Мавпа, Хе-Хе и Пивкабы. Пожимая им клешни, я обогнул их столики, дружески ткнул Гвинпина кулаком в плечо, шлепнул по спине Монаха, что-то оживленно обсуждавшего с Енотом и опасно размахивавшего дымящейся сигаретой прямо перед носом у собеседника, подмигнул скачущей в одних трусиках вокруг металлического шеста на подиуме Ириш, хлопнул по подставленной ладони Крота Кирилла, приобнял Патогеныча и уселся за стойку бара, прямо напротив бармена Джо.

Бармен вопросительно уставился на меня.

- Налей мне... это... на четыре пальца прозрачного! – небрежно бросил я. Потом представил, как Джо льет мне из бутылки на пальцы, и поморщился. Богатое, мать его, воображение. – Короче, водки и вот досюда. – Я отчеркнул ногтем место на стакане, до которого следовало наливать прозрачное. – Вкусной, ароматной, полезной и питательной водки. И побольше, доктор, побольше.

- Побольше или вот досюда? – флегматично осведомился бармен.

- Вот досюда, но как можно больше, – терпеливо пояснил я бестолковому.

Джо кивнул с таким серьезным видом, что человек, незнакомый с ним, был бы готов ручаться, что бармен действительно собирается уместить в указанный объем пару бутылок «Черного Сталкера».

Вообще-то Джо прибалт и зовут его на самом деле Айвар. Он долговязый и совершенно лысый, а его рыжая борода по самой последней европейской моде всегда заплетена в длинные афрокосички. Впервые я с отвращением подумал, насколько он похож на кровососа. Впрочем, это сходство могло быть и не случайным: от Джо можно ожидать чего угодно.

- Бубна у себя? – поинтересовался я, придвигая к себе тщательно отмеренное барменом прозрачное.

- Угу, – пробурчал Джо. – Над золотом чахнет.

- Ну, стало быть, будьмо.

Приподняв стакан, я уважительно качнул им в сторону сидевшего рядом Патогеныча – Патогеныч приподнял свой бокал с «Оболонью» в ответ – и выцедил содержимое стакана в несколько солидных глотков. На глаза навернулись крупные лошадиные слезы. Выпитое поселилось где-то в районе солнечного сплетения и начало стремительно расплзаться по жилам. Пожалуй, следовало что-нибудь опустить в желудок – я не ел со вчерашнего дня. Динка с утра пыталась меня покормить, но сутки после Зоны всякая еда стабильно вызывает у меня тошноту. Привычная доза так активно бросилась в голову и в ноги, что я даже задумался на мгновение – не слишком ли резво начал? Впрочем, я почти сразу пришел в норму, то есть приятно поплыл, и мысль о закуске благополучно оставила меня.

Видит Черный Сталкер – не пьем, а лечимся.

- Джо, - доверительно произнес я, отправив следом за водкой дольку душистого лимона, - мне нужен Бубна.

- Ясное дело, - кивнул бармен. - Всем, кто приходит сюда, всем без исключения нужен Бубна.

- Прямо вот всем? - усомнился я.

- Девятерым из десяти.

- О как! - Я демонстративно сплюнул на пол лимонную косточку. - Молодца. Занятой человек, уважаю. Это мы, радиоактивное мясо, в общем-то пустяками занимаемся, а Бубна настоящими делами ворочает. Набабахай мне еще прозрачного.

Получив вторую порцию, я развернулся на высоком стуле и принялся с интересом наблюдать за происходящими на стриптизном подиуме событиями. К этому времени Ириш уже осталась в чем мать родила. На это стоило взглянуть, честное слово. Теперь я попивал водку меленькими глоточками, как меня научил в свое время один мичман. Недурственно.

- Бубна ждет тебя со вчерашнего дня, - проговорил Джо, не дождавшись от меня продолжения. - Не стоило бы тебе заставлять его ждать. Ты ведь утром вернулся из-за Периметра?

- Ну? - с готовностью удивился я, не прерывая наблюдений. - Со вчерашнего дня ждет?

- Точно.

- Ну, стало быть, подождет еще часок-другой, - здраво рассудил я. - Не рассыплется. Ждал со вчерашнего дня, подождет еще немного. О, о! Ты посмотри, как она вот этим вот всем крутит!..

Джо начал нервничать - чего, собственно, я и добивался.

- Слушай, Хемуль! - произнес он, и как всегда, когда он нервничал, в его речи начал отчетливо проскальзывать ярко выраженный прибалтийский акцент. - Не гони волну. Бубна сейчас серьезно тер с Че. Как только ты вошел, он сразу отложил разговор. Он тебя действительно ждет, понимаешь? Не надо, не зли его сейчас. Всем нам будет лучше. Он и так вчера психовал весь вечер: боялся, что потерял из-за внепланового выброса крутого сталкера.

- Крутого? - картинно изумился я.

- Крутого! Крутого! Круче, чем пять слонов, стоящих друг на друге! Ради всего святого, поговори с Бубной, крутой, не буди в нем зверя.

- Что мне Бубна? - патетически спросил я. - Что я Бубне? Суета суета, одна сплошная суета...

- Слушай... это... - выдавил наконец Джо. Признаваться ему было неприятно, однако он уже понял, куда я клоню. Переупрямить меня еще никому не удавалось, особенно когда я в дурацком настроении и уперся рогом. - Он с меня шкуру спустит, когда узнает, что я тебя сразу не проводил к нему...

- О как! - удивился я. - То есть мы больше не играем в «Я-крутой-бармен-Джо-который-может-выпенд-риваться-перед-Хемулем-когда-только-пожелает»?

- Не играем, - угрюмо признался Джо.

- Ладно. - Я поставил свое недопитое прозрачное на стойку. - Тогда категорически уважим человека, как говорит один мультяшный страус. - Я подергал Патогеныча за футболку. - Брат, не пускай никого на мое место. Не позволяй никому допивать мое пойло. Я отплачу хабаром.

Патогеныч сложил из пальцев левой руки нечто вроде «о'кей» и, когда я слез со стула, бросил на него свое камуфлированное кепи.

Я обогнул барную стойку и вслед за Джо нырнул в низкую дверь, ведущую во внутренние служебные помещения бара. Дверь охранял бывший коллега Гоблина по регбийной команде, известный в народе как Храп. Он подозрительно покосился на меня, но Джо сурово кивнул ему: этот со мной, калечить пока не надо. Храп разочарованно вздохнул.

Благополучно миновав Храпа, мы двинулись по узкому извилистому коридору, изгибы которого напомнили мне изгибы котлована на Свалке. Насколько я помнил, в темных тупичках дежурила еще пара-тройка громил, но их мне в полумраке видно не было.

У толстой, похожей скорее на люк подводной лодки металлической двери, которой заканчивался коридор, нас поджидал еще один бывший регбист, именуемый Сирота. Видимо, ребята передавали нас по цепочке, связываясь через мобильники. При виде внушительной, кряжистой фигуры Сироты хотелось немедленно упасть и перекатиться, уходя с линии огня. Он задумчиво охлопал меня по карманам, затем поднес к уху телефонную трубку, совершенно утонувшую в его медвежьей лапе:

- Хемуль на месте, босс. Без шороху. Все чисто.

Кстати, Сирота - это у него, в отличие от остальных громил, была вовсе не кличка, как могло показаться, а самая что ни на есть подлинная фамилия.

Присутствие в охране Бубны сплошных регбистов особой загадки не представляло: когда-то, еще в мирной жизни, он играл за сборную Украины, а потом еще ухитрился ее немного потренировать. Его бывшие подопечные ради него готовы были выйти один на один с псевдогигантом, а это дорогого стоит.

Грохнули засовы, разблокируя металлическую дверь. Судя по всему, их было шесть, и они заклинивали дверь не только с боков, но также сверху и снизу. Я посещал Бубну не в первый раз и давно уже успел подсчитать. Хорошая система, голыми руками не взломаешь, особенно если конструкция укреплена замурованными в стену стальными профилями. А она наверняка укреплена. Но можно и здесь кое-что придумать, если иметь под рукой соответствующее снаряжение и четверть часа свободного времени.

Не то чтобы я подсчитывал и прикидывал все это с какими-то определенными намерениями. Просто профессиональная привычка.

Бармен Джо с натугой приоткрыл тяжелую дверь, пропуская меня вперед, и вошел следом за мной. Дверь за его спиной глухо бухнула.

- Поздорову, бродяга, - донесся до меня из глубины помещения проникновенно-хриплый голос. За такой голос любой исполнитель блатного шансона отдаст полжизни, точно вам говорю.

Бубна сидел за массивным дубовым столом и, наклонив голову, ласково смотрел на меня. Меня его напускное радушие обмануть не могло: я знал, каким страшным он может быть в ярости. А припадки ярости, судя по мандражу бармена Джо, настигают его в последнее время все чаще и чаще.

Бубна был старый чернобылец. Он мог сделать неплохую спортивную карьеру, но за каким-то хреном отправился добровольцем тушить станцию, еще когда она рванула в первый раз. Потом, когда окончательную катастрофу удалось предотвратить, работал несколько лет на заглушаемых энергоблоках, потом участвовал в аварийных работах по ликвидации последствий второго взрыва. Никто не знает, как ему удалось выйти из Зоны, образовавшейся после самого первого выброса, однако он вышел. Бубна был в числе первых легендарных сталкеров, он лично знал Шухова, Семяцкого и Оборотня Завьялова, еще когда они были людьми, но в Зону ходил недолго – во время одной неудачной вылазки по колено провалился в подвалах НИИ «Агропром» в студень и лишился обеих ног. Его вытащил Звериный Доктор и некоторое время лечил у себя на Болоте, а потом доставил в лагерь ученых на Янтарном озере. Лишенный возможности ходить в Зону, Бубна занялся коммерцией: он скупал у сталкеров артефакты, взамен поставляя им через посредников боеприпасы, снаряжение и тушенку. Контрабандная схема Бубны оказалась удачной, он довольно быстро поднялся, расширил дело, оброс необходимыми связями как среди военных, так и среди вольных сталкеров, и вскоре стал одним из самых значительных местных теневых деятелей. Столичные братки пытались прибрать к рукам его процветающий бизнес, но Бубна, продемонстрировав незаурядные дипломатические и полководческие способности, с одними неудобными людьми сумел договориться, других ликвидировал. Теперь, судя по всему, он имел покровителей на гораздо более высоком уровне – как в преступном мире, так и в законодательной верхушке страны.

- Поздорову, отец, – наконец произнес я.

Дверь Бубна запирасть не стал, Джо просто плотно прикрыл ее за собой. Разумеется, на случай: если посетитель начнет бузить, нельзя отсекать себя, драгоценного, от охраны. Интересно, где у него пульт, подающий команды на запорный механизм?

А судя по всему, с обратной стороны столешницы. Это логично и крайне удобно: можно в случае чего нажать коленом.

- Чем порадуешь? – вкрадчиво поинтересовался Бубна.

Я вытащил из кармана портсигар и бросил его на стол.

- Вот.

- Это оно? – поинтересовался Бубна, подняв на меня глаза.

- Оно самое.

Бубна перевел взгляд на Джо.

- Открой.

Бармен Джо послушно подцепил крышку портсигара ногтем, приоткрыл ее. Прищурился, словно от нестерпимо яркого света.

- Покажи, – потребовал Бубна.

Джо развернул портсигар к нему. Хозяин кабинета прищуриваться не стал, выдержал. Молодец. Старая школа.

- Закрой, – негромко произнес Бубна.

Джо поспешно, с явным облегчением защелкнул крышку.

- Положи, - сказал Бубна.

Затем он вытащил из ящика стола перетянутую резинкой пачку денег и бросил ее рядом с портсигаром. Я без всякого интереса посмотрел на нее.

- Хемуль?.. - ласково произнес Бубна.

- Я оставил в Зоне всю команду, - сообщил я, не прикасаясь к деньгам. - И знаешь почему? Твои отмычки оказались гнилыми.

- Хемуль, - тяжело сказал торговец, положив квадратные ладони на стол. - Я тебя подставлял хоть раз?

- Знаешь, в нашем деле, как у саперов: единственного раза достаточно.

- Брось! - Бубна грянул кулаком по столу. - Для каких раскладов мне закапывать опытного сталкера?! Вы и так мрете, как мухи осенью! Короче, ты мне пытаешься предъяву выставить за отмычек или я тебя плохо понимаю?

- Я тебе ничего не пытаюсь выставить, отец, - скучным голосом сказал я. - Просто сообщаю, что твои отмычки оказались насквозь гнилыми. И мне пришлось их класть самому вместо мясорубок. А это всегда напрягает. Это раз. - Для наглядности я демонстративно загнул мизинец на левой руке. - Далее. Все оказалось совсем не так просто и красиво, как ты описывал. А если бы я с самого начала получил более подробную информацию, я бы вел отмычек малость по-другому. Лишнее снаряжение взял бы, что ли. Это два. - Второй палец. - Наконец, эта штука в портсигаре. Ты не говорил, что с ней все будет *так*. Не действует через серебро? Черта с два! Действует, и еще как. А я протаскал ее сутки возле самого сердца. Это три и четыре. - Я сжал руку в кулак.

Бубна грустно смотрел на меня. Я представил, как у него в черепной коробке вращаются барабанчики с цифрами, нарисованными лимонами и знаками доллара.

- Сынок, ты в Зону ходил или в кино с девочкой? - наконец проронил он. - Ты лучше меня знаешь, как там ситуация меняется каждую минуту. У меня была кое-какая обрывочная информация, но если бы я имел точный маршрут с детально нанесенными на нем ловушками, согласись, я бы тебя не стал нанимать за такие бабки. Послал бы вон своего оболтуса какого-нибудь, Сироту, например. То же самое и с этой штукой. Никто не знает, что она такое. Никто не знает, как с ней толком обращаться, на что она способна. Ты ее забрал, я перепродал дальше, а изучать и использовать ее по назначению будут совсем десятые люди. Ты понимал, на что идешь.

Я молча смотрел ему в переносицу. Несколько мгновений мы играли в гляделки, потом Бубна огорченно крикнул.

- Ну, добро.

Он опустил руку под стол и защелкал рукоятью походного сейфа. Я напряженно слушал: щелк-щелк-щелк - тр-р-р-р-р - щелк-щелк - щелк-щелк-щелк - щелк - тр-р-р. Баловство, конечно, хренушки так чего определишь, но в нужный момент самая мизерная информация может здорово помочь. Проверено. Так что последовательность щелчков и прокрутов лучше запомнить. На всякий непредвиденный случай, как говорил один страус.

- Вот так. - Бубна придвинул ко мне перетянутую резинкой пачку денег, которая уже лежала на столе. - Это как договаривались. И еще за моральный ущерб. - Он бросил сверху две пачки потоньше, составленные из бумажек другого достоинства. - Без обид?

- На обиженных обычно воду возят, - солидно заметил я, сгребая деньги. - И рельсу кладут.

- Следующую работу - берем? - как бы между прочим поинтересовался Бубна.

- Нет, - немедленно отозвался я, старательно подравнивая края пачек, чтобы они уместились в объемистом внутреннем кармане. - Следующую работу - не берем. Ложимся на дно и пару недель глубокомысленно пропиваем вот эти три пачки. Аут.

- А потом опять придешь в долг вымалывать? - хмыкнул Бубна. - Кой черт - пару недель! Сейчас выйдешь в зал, поставишься всем пару раз - и снова пустой.

- Сдается мне, ты малость преувеличиваешь, отец, - с достоинством заметил я.

- Короче, есть у меня для тебя небольшая сезонная халтура, - проговорил хозяин кабинета, технично пропуская мои возражения мимо ушей. - Легкая, не напрягайся. Не как в последний раз. Значит, имеем группу интуристов. Имеем в финансовом смысле, не в сексуальном, не смотри на меня так. Свихнувшиеся на экстриме интуристы хотят сафари в Зоне. За ценой не стоят, но желают за это получить все самое лучшее. Лучшее снаряжение. Лучший маршрут. Лучшего ведущего - тебя то есть. Лучшего помощника ведущего - ну, Гурвинека там или вон Хе-Хе. С Хе-Хе они поговорили вроде, он им понравился. Короче, надо потаскать группу из пяти человек по Зоне, пострелять с ними псевдоплоть, проследить, чтобы не совались туда, куда слепая собака хрен не сунет. Маршрут выбираешь сам, все честно. Сам себе хозяин. Денег насыпят полную шапку. Минус мои проценты и некоторая сумма в общак клана. Идет?

- Заманчиво... - Я почесал в затылке. - Только я действительно выложился в последний раз по полной. Все, не могу, отец. Аут. Подбери им кого-нибудь другого.

- Я не могу подобрать другого. Проблема в том, что им нужен именно ты.

- С какой это стати их заинтересовала моя скромная персона?

- Я посоветовал, - протестки ответил торговец. - Они потребовали в проводники не просто суперопытного сталкера с безошибочным чутьем на опасность, но еще и самого везучего сукина сына. То есть такого, который постоянно вылезает из абсолютно безвыходной задницы и делает это достаточно давно. И я подумал, что раз они выкладывают такие бабки, надо вести бизнес честно и предоставить им именно такого сукина сына. Вообще эти штатовцы придают везучести очень большое значение, они ведь там у себя страшно суеверные все. Не веруют как следует в Господа нашего Иисуса Христа.

Я припомнил, что в последний раз, в котловане, действительно вылезал из полной задницы несколько раз подряд, и мысленно был вынужден согласиться с Бубной. Хотя сравнение мне не понравилось. Нет, не понравилось.

Решив, что молчание затягивается, Бубна назвал сумму. Сумма оказалась такая, что если бы это число упало на пол, нолики раскатились бы по всей комнате.

Это несколько меняло дело. Но найдется ли в Северном полушарии человек, способный меня переупрямить, когда я в дурацком настроении и уперся рогом?..

- Из самой безвыходной ситуации выбрался Черный Сталкер Дима Шухов, - произнес я. - Повезло необыкновенно. Пусть наймут его в проводники. И заодно Юру Семецкого, в помощники ведущему.

- Ладно, Хемуль, - Бубна поспешно выставил перед собой ладонь, словно заранее отметая все, что я скажу ему дальше. - Ты вымотался и перенервничал. У тебя были трудные сутки. Отдохни, сынок, попей прозрачного, покувыркайся с Дианой. А завтра вечером приходи опять. Приходи и соглашайся. Только не тяни, потому что послезавтра утром вакансия уже будет занята. - Он замолчал и выжидающе посмотрел на Джо.

Бармен кашлянул.

- Проводить? - поинтересовался он.

- Проводить, - милостиво кивнул Бубна. - И это... - он брезгливо ткнул мизинцем в лежащий на столе серебряный портсигар. - Фельдшеру.

Сдав на обратном пути портсигар с добытым мной ценным артефактом кому-то из охраны, Джо снова занял пост за стойкой. А я снял кепку Патогеныча с моего стула и опустился на свое место.

- Кстати, - обратился я к Джо, - Бубна в чем-то прав. Налей-ка всем ребятам, кого я знаю в этом баре, на четыре пальца прозрачного за мой счет. Будем считать, что сегодня я несколько раз подряд возвратился с того света, а это необходимо отметить, пока Дима Шухов не наказал за жадность. Молодняку не наливай, и вон тем уродам в углу, и вон тому типу тоже - я его в первый раз вижу.

В зал я вернулся вовремя. Подиум как раз покидала Гюзель, которая, пикантно наклоняясь, собирала по всей сцене раскиданные предметы своего нижнего белья. Едва только она скрылась за бархатным занавесом, иллюминацию слегка притушили, и все физиономии в баре разом повернулись к сцене. Вот подонки, сейчас станут пялиться на мою подругу, лакая мое пойло. Дуплет! Поубивал бы гадов.

Хотя где-то и приятно, конечно. У них-то такой девочки нет и не будет никогда.

Динка вылетела в круг света на подиуме мягко, но хищно, словно пантера. В этот раз она была одета под байкершу: тугая кожаная юбочка, едва прикрывающая бедра, тертая джинсовая куртка с вышитым на спине блестками именем «DIANA», черные туфельки на высоком каблуке и с острыми носками, стилизованные под «казаки». Музыка, сопровождавшая ее эффектное появление, принадлежала - правильно, «ZZ Top», группе, культовой среди байкеров уже более полувека. Ухватившись за шест, Динка стремительно провернулась вокруг него, а затем резко наклонила голову, словно норовистая кобылка, и тут же запрокинула ее в такт бодрому реву техасских бородачей из динамика, позволив своим шикарным волосам черной бабочкой метнуться вперед, а потом свободно расплескаться по плечам. По залу прокатилась волна оживления, Муха восхищенно засвистел в два пальца.

Отточенным движением красивой головки Диана снова заставила волосы взмыть в воздух, одновременно распахнув кожаную куртку и тут же снова укрыв свое плоское пузико от посторонних взоров. На ней был черный кожаный топик. Еще у нее была новая татуировка пепельного цвета по всему телу, как у якудза, однако по отдельным кускам рисунка, видневшимся из-под одежды, пока невозможно было разобрать, что это такое.

Динка раздевалась вдохновенно и энергично. Куртка полетела на пол, и пузико стало наконец

доступно для всеобщего обозрения. Покрутившись по сцене и позволив самцам со всех ракурсов оценить свою затянутую в кожу идеальную фигуру, Динка под музыку начала вылезать из топики, словно змея, сбрасывающая шкуру. Под топиком обнаружился черный лифчик. В течение пяти следующих минут эффектно избавившись от юбки и лифчика, она продемонстрировала свою безупречную грудь четвертого размера и шикарные бедра. Заведя публику до предела, она наконец стащила с крутых бедер трусики, коротко вышагнула из них и движением ноги отправила их в публику. Счастливым обладателем трусиков стал Мавпа. У Динки была крепкая вздернутая попка, которую так и хотелось обхватить ладонями. Потом софиты внезапно вырубил, и в полумраке ярко вспыхнула разными цветами люминесцентная татуировка моей подруги, на свету выглядевшая серой и невзрачной. Это был дракон, который словно прижался к Динке сзади, обхватив ее двумя лапами под грудью, обвив ноги до самых щиколоток длинным хвостом и деловито положив морду ей на плечо. Выглядело это страшно эротично, у меня даже нос зачесался от возбуждения.

Динка упала на четвереньки и в такт музыке начала энергично раскачиваться всем корпусом и поддавать тазом, будто татуированный дракон неистово брал ее сзади. Тут, полагаю, мужское начало отвердело не только у меня.

Я, конечно, так себе разбираюсь в пластическом искусстве, но если это не оно самое, то я папа римский. Покойный.

По окончании номера собравшиеся в баре сталкеры, до того молча и жадно наблюдавшие за пикантным зрелищем, завопили, зааплодировали, затоптали ногами, засвистели, завыли, подражая сексуально озабоченным волкам и койотам из американских мультфильмов.

- Феерично, - сказал мне Патогеныч, закончив выть. - Но отлучусь. Мочевой пузырь катастрофически переполнен.

- Очень подозрительно, - заметил я.

- Да, я иду рукоблудить! - рассердился Патогеныч. Его борода возмущенно встопорщилась, темные очки сползли на кончик носа. - Ибо надо быть деревянным, чтобы безболезненно переносить такие шоу-программы! И никто не вправе мне воспрепятствовать. Потому что мы живем в свободной стране. Кажется. Хемуль, слушай, а в какой мы сейчас хотя бы стране?..

- Ступай уже. Я покараулю тебе место, - пообещал я.

Патогеныч ушел в туалет, и на его стул тут же вскарабкался Хе-Хе.

- Старик сейчас вернется и прогонит тебя пинками, - честно предупредил я.

- Я ненадолго, - пояснил Хе-Хе.

Этот тип был страшно похож на актера из одного старого фильма, который я как-то от нечего делать смотрел по телевизору у Динки. Названия я не помню, потому что смотрел не с начала. Там вроде бы хорошие вампиры мутузились с плохими, зилковский фургон прямо на трассе перекувырнулся через кабину, а один крендель в черных очках, как у Патогеныча, хороший, пил свиную кровь из термоса - человеческую ему было запахло, религия не позволяла, - и время от времени кричал: «Всем выйти из тени! Ночной патруль!» Кино было нормальное такое, жизненное - особенно мне понравилось, как главный плохиш вынул себе через разрез в шее позвоночный столб и махался этим столбом с главным хорошим в черных очках, который в качестве оружия использовал длинную ртутную лампу дневного света. Ну так вот, был там у хороших крутой водила, дававший по городу на том самом перевернувшемся зилковском

фургоне под двести в час. Именно на него и был поразительно похож Хе-Хе – и внешностью, и повадками, и голосом, и манерой говорить.

- Ты не с Бубной сейчас разговаривал? – спросил Хе-Хе, задумчиво глядя, как по сцене скользит очередная стриптизерша.

- А что?

- Так, интересуюсь знать. – Он помолчал. – Что ты решил с туристами? Паковать мне рюкзак?

Я сделал крошечный глоток водки.

- Паковать, конечно. Только без меня.

- Что так? – Подняв бровь, Хе-Хе перевел на меня удивленный взгляд. – Хорошие вроде деньги предлагают.

- Не хочу, – сказал я. – Устал. Отмычки, которые мне позавчера подобрал Бубна, оказались гнилыми. И вообще работенка, которую подыскивает мне Бубна, раз от разу оказывается насквозь гнилой. Надоело.

- Ну, в этот-то раз все в ажуре! – возмутился Хе-Хе. – Все абсолютно прозрачно. Работа непыльная. Деньги хорошие. Риска мало. Хе-хе! Чего я тебя уговариваю, как девочку?

- К чертовой бабушке, – заявил я. – Меня вырвет сразу, как только я перешагну через Периметр. Осточертела мне Зона, поганка, хуже горькой редьки. Полежу маленько на диване, поплюю в потолок, поплюю прозрачного, глядишь, полегчает через пару недель.

- Верное дело упускаешь, Хемуль! – горячо заговорил Хе-Хе. – Столько денег огребем, что потом можно будет полгода безнаказанно в потолок плевать!

- Да что, на мне свет клином сошелся? – рассердился я. – Пусть вон Муха сходит. Он как раз на мели, ему позарез работенка нужна.

- Хе-хе! Муха не годится, – пояснил Хе-Хе. – Муха плохо знает Темную долину.

Я всем корпусом развернулся к нему.

- А зачем это господам туристам Темная долина? – вкрадчиво поинтересовался я.

- Господа туристы хотят бить бюрера.

- Ах, значит, бюрера! Всего-навсего! А контролера они не хотят бить? А псевдогиганта?..

- Псевдогиганта – непременно, – серьезно ответил Хе-Хе. – А контролера – по обстоятельствам. Слишком рисковать они тоже не хотят, хе-хе. Например, про химеру я уже объяснил, что она им будет не вполне по зубам. Но если ведущий даст добро и обеспечит достаточную безопасность – будут только за.

- Ну, блин! – только и сумел прокомментировать я такую наглость.

- Еще они собираются бить припят-кабана, кровососа, чернобыльского пса и псевдоплоть, – продолжал Хе-Хе. – Знаешь, была раньше такая Большая африканская охотничья пятерка: лев,

слон, леопард, носорог и буйвол. Пока ты, значит, не добыл всех пятерых, хотя бы по одному экземпляру, не можешь считаться полноценным охотником. Сейчас львов не осталось ни хрена, слонов моторизованными патрулями охраняют, носорога разве что в Харьковском зоопарке можно увидеть. Зато черныбыльских мутантов – вон, полная Зона. Хе-хе! Бей – не хочу. И некоторые из них, между прочим, куда опасней Африканской пятерки. Прямо раздолье для экстремальной охоты.

Он снова издал мерзкий смешок, за который и получил свое боевое прозвище. На самом деле оно вовсе не означало сокращенного «Хемуль-Хемуль», то есть Хемуль в квадрате, как рассказывал новичкам сам Хе-Хе.

- Они психи ненормальные, эти туристы, – сказал я. – Фига себе сафари.

- Они бабки платят бешеные, – напомнил Хе-Хе. – Могут себе позволить быть психами.

- Ну их к монахам на самом деле, – сказал я. – Ты что, всерьез решил, что я на это подпишусь?..

- Слушай! – заторопился Хе-Хе. – Я уже все прикинул. Риск минимален. В семь стволов, да еще если по всем правилам загнать, можно завалить и псевдогиганта. Сильно глубоко в Зону лезть необязательно. Риска нет практически! Не надо ходить в Долину Смерти, не надо мотаться в Припять, не надо лазить по Болоту, не надо приближаться к Саркофагу... Хе-хе! Не доходя до Янтарного озера, найдем любую дичь. Ну, максимум на Милитари. Собаки, крысиные волки и зомби вообще вдоль Периметра шастают, можно прямо с той стороны колючей проволоки отстреливать...

- Что, и на зомби тоже будем охотиться? – уточнил я.

- Ну, туристы сказали, что неплохо бы, – насторожился Хе-Хе.

- Может, тогда сразу начнем с военных сталкеров? – предложил я. – Или загоним кого-нибудь из темных по всем правилам?

- Хе-хе, – неуверенно хихикнул мой собеседник. – Ладно чушь-то пороть...

- Зомби – это бывшие люди, – сказал я, стискивая стакан. – Такие же сталкеры, как мы с тобой, понял? Убить зомби для самообороны – одно, а устраивать на них охоту со спецснаряжением...

- Ну знаешь, брат! – Хе-Хе поморщился. – А кровососы – не бывшие люди? Явные результаты генетических экспериментов. Суперсолдат, гады, выращивали... Ведь положить кровососа для сталкера – дело чести. А?

- Кровососы – твари, – сказал я. – Хитрая, умная, злобная, вечно голодная биомасса. В них уже ничего человеческого не осталось.

- А бюреры? Контролеры, в конце концов? Хе-хе! С контролером даже поговорить по душам можно.

- Хлам это все, понимаешь? Генетические твари на человеческом биоматериале. Псевдоплоть тоже все время бормочет какую-то чушь, но ты же не назовешь ее человеком? А зомби вчера были людьми. Вчера, позавчера, на той неделе. Завтра зомби можешь стать ты, и пьяные американцы устроят на тебя сафари.

- Да лучше уж так, чем бродить по Зоне, пока совсем не сгниешь, – буркнул Хе-Хе.

- На самом деле вся эта затея насквозь гнилая, - сказал я. - Вот смотри, что получается. Значит, им нужно по экземпляру всякой твари. Ну, слепых собак и крысиного волка где угодно можно найти в количестве и ассортименте. Дальше: на псевдоплоть проще всего наткнуться на Свалке. Ну, тоже пусть. По Свалке только ленивый не гуляет. А вот бюреры водятся в подвалах Темной долины, если они выбираются на Свалку, то это большая редкость. Псевдогиганты в основном попадают в окрестностях Янтарного озера и ближе к Болоту. Контролера лучше всего искать на Милитари, кровососа и кабана - в районе завода «Росток». Улавливаешь? Это сектора, где постоянно копают военные сталкеры и ученые - бывшие лаборатории, секретные предприятия и почтовые ящики. Думаешь, случайно совпало?

Хе-Хе серьезно задумался. Судя по его физиономии, такая мысль ему в голову не приходила.

- Думаю, случайно, - произнес он.

- А по-моему, гнильем за версту несет, - сказал я. - Не связывался бы ты с гнильем, Хе-Хе. Целее будешь.

- Ну, это уж мое дело, брат, - отозвался он. - И ты знаешь что... Ты держи свои соображения при себе, понял? Не болтай попусту, хе-хе. Поручишь мне бизнес - я тебе славно припомню. Отплачу хабаром, что называется.

- Плевал я на твой бизнес, - вяло ответил я. - Спросят меня честные бродяги в лоб - скажу все, что думаю, врать не стану. Не спросят - сами себе будут злобные бакланы. Я в Армию спасения не нанимался отговаривать потенциальных самоубийц с тобой в Зону лезть.

- Ладно, брат, - проговорил Хе-Хе, сползая со стула. - Смотри, ты обещал.

Я пробормотал что-то невразумительное и продолжил созерцать стрип-шоу.

Не успел Хе-Хе вернуться в свою компанию, как над стулом Патогеныча навис тот самый тип, которому не досталось от меня дармовой выпивки. Кто его сюда привел и каким образом он прошел фэйс-контроль на входе, для меня осталось загадкой. А не мешало бы выяснить, каким образом в излюбленный бар нашего клана, можно сказать, в святая святых, просачиваются посторонние личности.

- Занято, - произнес я. В голосе моем отчетливо читалось: в настоящий момент мне лень, но если будешь настаивать, могу и в лоб закатать. То есть, это я надеюсь, что так читалось. По крайней мере, на незнакомца это особого впечатления не произвело либо он мастерски прикинулся, что не понял.

- Я не отниму у вас много времени, - заверил он. - Всего несколько минут. Вы ведь Хемуль?

- Занято, - терпеливо повторил я.

- Я хотел бы сделать вам одно небольшое предложение.

Да что вы, ребята, сговорились, что ли, весь вечер делать мне предложения? Я не девушка на выданье, слава богу.

- Занято, - сказал я, начиная терять терпение.

- Вы же ходите в Зону?.. - вкрадчиво продолжал незнакомец.

- Ошибаетесь, уважаемый, - произнес я, окончательно потеряв терпение. - Разве вы не знаете, что доступ за Периметр строго запрещен? Я беженец, как и подавляющее большинство местных жителей. Работаю машинистом в котельной. Вы меня с кем-то спутали. - Я отвернулся к стойке и краем глаза заметил выбирающуюся из сортира тушу Патогеныча. - Кстати, вот и хозяин места. Шел бы ты за свой столик, дядя, а то бармен потом замучается кровь отмывать со стойки...

Криво ухмыльнувшись, незнакомый тип послушно слез со стула и направился восвояси. Оседлавший свой стул Патогеныч озабоченно посмотрел ему вслед.

- Порядок? - спросил я.

- Порядок, - сказал Патогеныч. - Даже не испачкался. Чего хотел этот?..

- Не знаю. Странного хотел. Признайтесь, говорит, вы же лазаете через Периметр каждую неделю? Не повторите ли то же самое еще раз прямо в микрофон? Среди наших присяжных заседателей, видите ли, попадаются глуховатые.

- Ага, - сосредоточенно проговорил Патогеныч.

Он вдруг распрямылся, как пружина, и двинулся следом за незнакомцем.

- Эй, - произнес мой коллега, положив руку на плечо странному типу. И когда тот обернулся, с наслаждением всадил ему кулак между глаз. От удара незнакомец стремительно попятился и опрокинулся на пол вместе со столиком Мухи.

- Скука, - сказал я, поворачиваясь к бармену Джо. Судя по доносившимся из-за моей спины звукам, там закипела рукопашная. - Скучно у вас стало, Джо. Совершенно невозможно культурно развлечься. Сколько с меня за все?

- Скука, - подтвердил Патогеныч, опускаясь на стул рядом, когда я расплатился, и меланхолично дую на рассеченные до крови костяшки пальцев. - Эй, Джо, а мне вот еще раз того же самого, - он пощелкал ногтем по своей опустевшей кружке. - И сухарики. И начинай подсчитывать нанесенный заведению ущерб, я все оплачу.

- Брат, - проникновенно сказал я, - возле Зоны нельзя пить пиво. Возле Зоны следует пить только спирт или водку, на худой конец - сухое красное вино, поскольку только эти достойнейшие жидкости качественно выводят из организма радионуклиды.

- Засунь свои радионуклиды себе поглубже в дупло, - с достоинством отвечал Патогеныч. - А у меня сегодня пивной день. Когда я захочу спирта, я буду пить спирт.

- Уважаю, - сказал я, потрепав его по плечу. - Увидимся.

- Куда ж ты денешься, собака.

Продираясь к выходу, я не смог отказать себе в удовольствии притормозить на несколько секунд и понаблюдать, как впавший в боевое безумие Муха валтузит скорчившегося незнакомца. Вокруг них царила обычная в таких случаях неразбериха - кто-то кого-то бил, кто-то отплясывал на столе, круша тарелки подкованными ботинками, а Гоблин с ревом расшвыривал попавших в эпицентр драки посетителей.

Пожав плечами, я вышел из бара и отправился к Динке - лежать на диване и плевать в

потолок.

Глава 3. Алтарь Великого Червя

Холодный ветер упругими волнами гулял по Зоне, стонал в ветвях, раскачивал кроны деревьев. Ощущалась в нем дождевая сырость и едва уловимый запах костра. Огромные черные облака высоко в небе яростно пожирали друг друга, клубились, сталкиваясь, расплзались к горизонту и исчезали в сиреневой дымке; флегматичное закатное солнце время от времени прорывалось сквозь них, окрашивая лес в багровое.

Шедший в авангарде Енот внезапно предостерегающе вскинул руку.

Мы все мигом замерли там, где находились. Монах осторожно опустил на землю занесенную для шага ногу. Янкель, продиравшийся через еловый лапник, застыл, придерживая ветку, которую как раз отводил от лица. Термит с трудом подавил душивший его кашель. Муха, шедший слева от Енота, быстро присел, обводя заросли датчиком аномалий.

В пространстве повисла гулкая тишина, и каждый из нас чутко вслушивался в нее, пытаясь различить опасность. Я посмотрел на Енота. По-моему, все было чисто, но он шел впереди, и ему было виднее.

Муха поднял руку и сделал особый сталкерский жест, означавший: продвигаемся, но медленнее, чем раньше. Мы осторожно двинулись вперед. Сталкерское чутье – это такая штука, пренебрегать которой смертельно опасно.

Патогеныч резко поднял правую руку, развернув ладонь параллельно земле: мясорубка! Пока они с Беломором бросали в мясорубку болты, пытаясь приблизительно определить ее границы, мы с двух сторон обошли аномалию по широким параболам и продолжали движение.

Хамза махнул рукой, привлекая мое внимание, и очертил в воздухе круг, после чего показал два пальца: горячее пятно в направлении на два часа. Я кивнул: понял, спасибо.

«Грешники» выбрали себе для штаб-квартиры довольно глухое место на северо-востоке Зоны. Когда-то здесь располагалась военная база, на которую вела до сих пор неплохо сохранившаяся асфальтовая дорога, однако этот путь давно был перекрыт скоплениями аномалий и блок-постами «грешников». В чаще аномалий тоже оказалось будь здоров, но через лес мы имели возможность подобраться к базе «Греха» незамеченными на минимальное расстояние.

В настоящий момент еще три группы сталкеров – из кланов «Долг», «Чистое небо» и «Последний день» – обходили логово «грешников» с трех сторон. С руководством большинства других сталкерских кланов была достигнута договоренность, что они не лезут в наши разборки с «Грехом» или молчаливо нас поддерживают. Не присоединились к союзу лишь «Монолит», «Свобода» и темные, сталкеры-полумутанты, которые жили в мертвых деревнях в глубине Зоны и которым, по большому счету, было наплевать на наши человеческие дела. «Грешники» своими чудовищными выходками и ритуалами сумели настроить против себя практически всех вольных бродяг. Мы собирались раз и навсегда покончить с этой раковой опухолью, и не только потому, что имели к ним довольно большие личные счета, но еще и потому, что воспринимали их не иначе как опасных мутантов, как стаю смертельно опасных бюреров, стаскивающих в свои подземелья искореженные предметы человеческого обихода и поклоняющихся им. А наш клан одной из своих основных целей провозглашал очистку Зоны от мутантов.

Четверть часа спустя мы выбрались на опушку леса. Термит приложил к глазам небольшой армейский бинокль, разглядывая высившийся прямо по курсу бетонный забор и видневшиеся из-за него серые полуразрушенные строения. По углам базы находились сторожевые вышки. На одной из них торчал «грешник» в камуфляже, который хаотично вращал включенным прожектором и что-то энергично вещал в мегафон. Шквальный ветер доносил до нас только обрывки фраз:

- Тьма... территория в огне... грехи... да снизойдет... мир сгорит дотла... смерть и опустошение!

Его мегафон отчаянно зафонил, и с вышки донеслась длинная пулеметная очередь. Что-то серое и четвероногое, затаившееся в кустах неподалеку от забора, бросилось удирать к опушке леса.

- Мы прокляты!!! - донеслось с вышки.

Я тронул Термита за плечо и жестами спросил: как думаешь, псих или жертва контролера? Термит пожал плечами. В принципе, зомби так себя не ведут. Однако о целом клане сумасшедших сталкеров мы пока еще тоже ни разу не слышали.

Очередной порыв ветра взъерошил мне волосы. Я повернул голову, чтобы посмотреть, не в нашу ли сторону бросился мутант, вспугнутый выстрелами со сторожевой вышки, - и получил прямо в морду целый ком жгучего пуха.

Ощущения от прикосновения этой дряни весьма болезненные - словно по коже с размаху хлещут пучком крапивы, и ее стрекательные крючья начинают медленно, но неумолимо погружаться в тело. При этом площадь поражения в несколько раз превышает площадь соприкосновения. К счастью, воздействие ядовитой аномалии обычно продолжается недолго, боль понемногу усиливается около четверти часа, после чего начинает слабеть и пропадает часа через полтора. Однако я лично был свидетелем случая, когда человек умер от болевого шока, по пояс провалившись без защитного костюма в груды жгучего пуха, которую намело ветром под стеной здания.

Черт! Слава богу, не попало в глаза. Зажмурившись, я на ощупь отыскал на поясе аптечку и воткнул в скулу иглу шприца с антидотом. Главное, чтобы не получилось заражение, а пару недель, которые мне придется ходить с рябой физиономией, не самое страшное. Динка мне простит. Наверное.

Рассыпавшийся от столкновения с моей мордой ком жгучего пуха полетел дальше к опушке уже в виде небольшого облака едва заметных белесых пушинок, между которыми изредка проскакивали миниатюрные багровые молнии.

Пока я разбирался с пухом, Янкель при помощи Хамзы забрался на сосну, снял с плеча снайперскую винтовку в походном чехле, быстро собрал ее и оборудовал себе что-то вроде огневой точки. Утвердив длинную винтовку в раздвоенном суку, он некоторое время ловил в прицел мелькающую среди перекрещенных деревянных балок голову безумного часового, затем делал поправку на расстояние и ветер, затем, затаив дыхание, плавно выжал спуск...

Крупнокалиберная пуля прошла через укрепленный металлическим листом борт вышки, как нож сквозь масло. Судя по всему, голова часового брызнула на деревянные балки кровью, осколками черепа и мозговым веществом. На таком расстоянии невозможно было разглядеть, но я не один раз видел, как оно бывает после попадания из снайперки. Сумасшедший исчез за деревянным бортиком. Оставшийся на бортике мегафон страшно зафонил.

В ту же секунду мы бросились вперед. Короткими перебежками, прячась за кустами и пригорками, мы быстро добрались до бетонного забора и залегли в канаве неподалеку. Пэпс вынырнул из кустов, хищно оскалившись и сжимая окровавленный нож – судя по всему, один из часовых «грешников», расставленных по периметру базы, приказал долго жить. Дрозд одобрительно поднял вверх большой палец, потом опустил его вниз. Пэпс хлопнул его по подставленной ладони.

Термит, который держал связь через ПДА с командирами подразделений других кланов и координировал с ними наши действия, жестом приказал: понемногу – вперед!

Беломор и Енот быстро налепили на забор взрывчатку, по цвету и консистенции напоминавшую оконную замазку. К тому времени фонивший мегафон покойника уже заглох – что-то в нем перегорело от перегрузки, я думаю. Слезший с дерева Янкель догнал нас и тоже укрылся в канаве. Тяжелую снайперскую винтовку он временно бросил в лесу и теперь был вооружен только «АКМК» и штык-ножом.

Вылепив на заборе кривой квадрат со стороной сантиметров в тридцать, саперы скатились в канаву, и Беломор, дождавшись команды Термита, дистанционно активизировал взрыватель. Над головами у нас глухо бухнуло, и двухметровая секция бетонного забора осыпалась внутрь огороженной территории. Когда мы сквозь облако пыли бросились в образовавшийся пролом, аналогичный приглушенный взрыв донесся с противоположной стороны базы – «должники» времени даром не теряли. Справа хлопнули несколько одиночных выстрелов: «Чистое небо» прорывалось через полуразрушенные железные ворота и шлагбаум. Ожидаемого шквального огня, впрочем, так и не последовало: мы предполагали, что фанатики будут защищаться до последнего, однако ни мы, ни наши союзники за забором почти никого не встретили.

Проникнув за забор, мы оказались на хоздворе. Хлопали на ветру взломанные двери покосившихся деревянных сараев. Ворота ПТО и автомобильных боксов оказались распахнуты настежь, никакой техники внутри не было, кроме древнего остова «Нивы», который проржавел настолько, что уже начал в некоторых местах рассыпаться рыжей пылью. Одинокое бродившего по двору доходягу в налобной повязке «грешника» и с американской автоматической винтовкой в руках мы с Пэпсом быстро скрутили, и Муха с оттяжкой перерезал ему горло. «Грешник» вел себя заторможенно, словно обдолбался, и не сделал даже попытки защититься. Он болтался у нас в руках, как тряпичная кукла. Однако на зомби он был похож мало.

Мы рассыпались по двору, быстро обшаривая постройки. Нигде не было ни души, только в одном сарайчике гнил укрытый толем труп в солдатском бушлате да под забором с внутренней стороны базы Патогеныч нашел какие-то полуразложившиеся, совершенно не поддающиеся идентификации останки – то ли человеческие, то ли мутировавшей человекообразной твари. Несмотря на полную нашу уверенность, что сегодня здесь собралась почти вся банда «грешников», территория заброшенной базы оказалась пустынной. Все это здорово смахивало на ловушку, и мы напряглись.

Хмурясь, Термит поглядывал на свой ПДА. Союзники тоже продвигались вперед, не встречая никакого сопротивления. Только один раз с той стороны, откуда атаковал «Последний день», донеслась пара коротких очередей. «Двадцать два, – машинально произнес я про себя, прислушиваясь к треску автоматных выстрелов, – двадцать два».

База словно вымерла.

У стены санчасти Дрозд обратил мое внимание на местный феномен. Древний «Москвич»-«каблук» висел в полтора метра над асфальтом – словно стоял на невидимой эстакаде.

Только не было под ним никакой эстакады – ни видимой, ни невидимой. Ветер свободно гнал под висящим в воздухе автомобилем мелкий мусор, и еще росли под днищем «Москвича» уродливые репейники, пробившиеся через трещины в асфальте. Феномен наверняка не таил угрозы, иначе «грешники» не оборудовали бы в непосредственной близости от него своей штаб-квартиры. Хотя кто его знает... Куда-то же они все подевались, в конце концов. Я уже неоднократно сталкивался с тем, что некоторые безобидные феномены Зоны после очередного выброса вдруг становились смертельно опасными.

Из бывшего пищеблока вынырнули двое незнакомых мне сталкеров в черных банданах. Сегодня это был отличительный признак бойцов четырех кланов, объединившихся против общего врага. Обычно мы носили серые банданы, или налобные повязки, «должники» – черные, «Небо» – синие, а члены «Последнего дня» – белые. Если повязать бандану не представлялось возможным, ее наматывали на предплечье. Честно говоря, черный цвет для совместного карательного отряда мы выбрали не потому, что «Долг» являлся зачинщиком или координатором сегодняшней акции, а из-за того, что такой материал проще было достать. Сегодня нам потребовалось много материала.

Я обменялся с союзниками несколькими жестами на безмолвном языке спецназа. Они сообщили, что с той стороны все то же – заброшенные строения и почти полное отсутствие людей. Им удалось кого-то подстрелить, но основные силы «грешников» словно провалились сквозь землю.

Ха. А это внятная мысль, как говорит один страус.

Я ухватил за плечо выпрыгнувшего из окна первого этажа Термита и показал рукой вниз. Термит кивнул, но вполголоса произнес:

- Возможна ловушка...

Ясное дело. То обстоятельство, что нам придется сунуться под землю, в узкие и сумрачные тоннели, беспокоило и меня, хронического клаустрофоба.

Вскоре от остальных союзников тоже пришли сообщения, что больше на базе противника нет. Оставалось два варианта: либо «грешники» срочно эвакуировались за час до нашего прибытия, оставив на базе мизерную охрану, либо действительно в полном составе спустились в подземелье. Для чего? Не встретит ли нас в тесных подземных коридорах, где преимущество будет не на стороне атакующих, плотный автоматный огонь или что-нибудь похуже?..

Например, Великий Червь, которому они молятся.

Термит пожал плечами.

- Раз мы ввязались в это дело, нужно доводить его до конца.

«Чистое небо» осталось контролировать оккупированную территорию клана «Грех», а остальные союзники спустились в подземные коммуникации. Военная база была построена уже после первого взрыва на Чернобыльской станции, поэтому грунт под ней был изрыт всевозможными тоннелями, бункерами, радиационными убежищами и кабельными отводами: необходимо было соблюдать строжайшую секретность и безопасность. Увы, второй взрыв превратил территорию базы в остров – она оказалась отделена от прочих уровней Зоны несколькими аномальными секторами, через которые можно было пробраться лишь с большим трудом и риском для жизни, так что дальнейшая эксплуатация базы военными оказалась невозможна. Несколько сотен солдат и офицеров из расквартированной здесь воинской части

бесследно исчезли. Возможно, они пополнили ряды зомби, в огромном количестве блуждающих по расположенному неподалеку городку, а может, покоились как раз в тех самых подземных тоннелях и коммуникациях, в которые мы решили спуститься. Оружием, оставшимся после них в ружейных пирамидах, разжились мародеры, а остатки забрали члены клана «Грех», когда вышли с территории базы мародеров и устроили тут свою штаб-квартиру.

На базе имелось несколько входов в тоннели. Наша группа спустилась под землю из помещения ПТО – пункта технического обслуживания автомобильной техники. Одна из ремонтных ям в торце, противоположном лесенке, оканчивалась незапертой железной дверью с болтающимся на одной петле массивным замком. Термит распахнул дверь и, на вытянутой руке подняв фонарик над головой, осветил внутрь. Влажные бетонные ступеньки уходили в темноту, которая на глубине нескольких метров слабо рассеивалась тусклым желтым заревом – там начинался освещенный коридор.

- Вперед, – негромко скомандовал Термит и первым начал спускаться по осклизлой от сырости лестнице.

Проход оказался узким – это был запасной аварийный выход из подземных коммуникаций, не предполагавший особых удобств. Мы осторожно спускались, стараясь не прикасаться к стенам: на них мог сидеть гриб-невидимка – отвратительный плотоядный лишайник, повторяющий цвет и фактуру находящейся под ним поверхности столь идеально, что его почти невозможно различить на фоне покрытого этим лишайником предмета.

Тускло освещенный укрепленными под потолком лампами коридор, в который мы спустились, был полукруглым в сечении и довольно просторным. По голым бетонным стенам и потолку тянулись вдаль и скрывались за поворотом толстые кабели в защитной оплетке. В бетонных тубингах там и сям виднелись низкие черные двери с небрежно намалеванными на них белой краской цифрами и буквами.

Пол тоннеля оказался усыпан всяким мусором. Енот пошевелил носком армейского ботинка одну из слежавшихся бесформенных куч и выворотил на свет божий человеческий череп, пару берцовых костей и проржавевший «калашников» без магазина. Брызнули во все стороны выпрыгнувшие из кучи крысы – их было слишком мало, чтобы атаковать, и среди них не было крысиного волка, чтобы организовать их в некое подобие коллективного разума, поэтому на них никто не обратил внимания. Только Пэпс с омерзением отдернул ногу, когда мимо него с писком проскользнул крупный уродливый грызун с почти свиным рылом.

Тронув Термита за локоть, я сделал жест, словно обеими руками отталкиваю от груди рывками что-то невидимое: как насчет бюреров? Термит пожал плечами, потом, поколебавшись, покачал головой. Подземелья Зоны были основным местом обитания карликов-телекинетиков, однако западнее Темной долины бюреры почти не попадались.

Откуда-то издали гулко доносилось заунывное пение множества глоток. Это было похоже на какой-то исковерканный псалом. Проверив каждую попадающуюся на пути дверь – на всех висели внушительные навесные замки, – мы миновали угол и, без шума сняв задремавшего у стены часового, форсированным маршем устремились вперед. Пение раздавалось все ближе. Коридор еще несколько раз вильнул и наконец вывел нас в большое помещение, освещенное лампами дневного света – то ли машинный зал, то ли секретный цех. Оно располагалось ниже уровня коридора, и в него спускались пятиметровой высоты вертикальные железные лесенки. В дальнем конце помещения виднелся низкий пандус, выходивший в другой, более широкий

тоннель, в котором запросто могли разъехаться два грузовика; на этом пандусе за давно обрушившимся штабелем фанерных ящиков мелькнула черная бандана кого-то из союзников. В центре зала располагались какие-то агрегаты странной формы – то ли станки, то ли машины, от которых отходили и расплзались по стенам толстые жгуты разноцветных кабелей.

А эта военная база совсем не так проста, как кажется снаружи.

Между агрегатов, поодиночке и группками, неподвижно стояли «грешники». Все они сосредоточенно смотрели в один из дальних углов и хором тянули какой-то странный однообразный мотив. Слов было не разобрать.

В ближнем углу у них, судя по всему, был оборудован стационарный алтарь. Огромный металлический куб, ранее служивший военным то ли сервером, то ли телефонной подстанцией, то ли еще чем-то похожим. Он был накрыт целлофаном, и на нем рядком лежали отрубленные человеческие руки и ноги. Священник в черной накидке отрезал от них широким ножом небольшие кусочки мяса и складывал на окровавленный поднос, который держал в руках неподвижно замерший перед ним рядовой «грешник». Судя по всему, они готовили какое-то сатанинское причастие.

Я поднял взгляд и только теперь разглядел то, что в первое мгновение принял за грубо и неумело изготовленное из дерева распятие. Вознесенный над нестройно поющей и бормочущей толпой, на противоположной стене висел большой деревянный крест, на котором были распяты останки человека в полуистлевшей камуфляжной куртке и потрепанной серой бандане. Покосившийся набок мумифицированный череп бессмысленно улыбался в пространство.

- Тайга!!! - прорычал Пэпс, выпрыгнув на составленную из металлических прутьев площадку над одной из ведущих вниз лесенок и начав щедро поливать свинцом импровизированный алтарь перед распятием и не успевших залечь грешников. - Тайга!!!

С двух сторон его вынужденно поддержали огнем мы и «Последний день».

Иван Тайга, легендарный ветеран нашего клана, пропал без вести несколько месяцев назад. В то время он уже серьезно копал под «грешников», поэтому мы давно подозревали, что к его бесследному исчезновению приложили руку эти твари. И только несколько дней назад мы сумели получить достоверную информацию, что труп Тайги исполняет в центральном святилище «Греха» роль статуи Сталкера-Искупителя, искушаемого Великим Червем.

Шквальным автоматным огнем молившихся на Тайгу «грешников» смело с предалтарных ступеней. Многие были убиты на месте, некоторые попытались отползти под защиту алтаря, но мы добились их короткими очередями. На залитом кровью полу в числе прочих остались такие знаменитости, как Бес, зимой расстрелявший группу наших на выходе из бара «Сталкер», Штырь, попытавшийся однажды ограбить и убить Болотного Доктора, и Сержант, месяц назад без всякой видимой причины отрезавший голову Шнуру. Остальные залегли, расплзлись по углам, забаррикадировались ящиками с инструментом и пытались отстреливаться. В пронзенном редкими лучами ламп пространстве поплыла густая дымка потревоженной пыли и пороховых газов. Едкая пороховая вонь выползала в коридор.

Пэпс не имел шансов. Нельзя терять головы, даже увидев собственного родного брата распятым на сатанинском кресте. То есть я вполне понимаю его чувства, но сам бы десять раз подумал, прежде чем в такой ситуации очертя голову бросаться в драку.

Беснующегося с автоматом в руках Пэпса быстро достали трассерами с трех точек. Он с размаху опрокинулся навзничь, захлебываясь кровью из пробитого легкого. Теперь железная площадка, на которой он лежал, защищала его от выстрелов снизу, но это уже не могло ему помочь. По меньшей мере два ранения были смертельными; у него оказались разворочены грудь и живот. Через несколько мгновений я увидел, как с пандуса с дырой в голове свалился один из союзников. Хамза ухитрился поймать пулю в правое плечо, и Патогеныч с проклятиями зажимал ладонью разорванное ухо. В принципе, мы были готовы к гораздо более серьезным потерям, полагая, что «грешники» будут до последнего отбиваться за забором своей базы, превратив ее в укрепленный форт. И все же было больно смотреть на содрогающегося в агонии Пэпса, жить которому оставалось не больше минуты.

Ладно. Скулить потом.

Мы находились в очень выгодной позиции, для того чтобы забросать «грешников» сверху гранатами и раз и навсегда закрыть тему этого клана ненормальных. Однако Термит все не подавал сигнала к гранатной атаке. Судя по всему, его беспокоило содержимое нескольких небольших желтых цистерн без надписей и опознавательных знаков, которые через неравные промежутки были расставлены между агрегатов. Впрочем, пара шальных пуль уже угодила прямо в цистерны, и теперь из пробитых железных емкостей тягуче вытекала какая-то желеобразная суспензия. Взрываться она, похоже, не собиралась, так что Термит наконец решился. Он выхватил из кармашка разгрузочного бронежилета гранату и вырвал чеку.

И в этот момент жрец-«грешник», в самом начале нашей атаки резко присевший за алтарем, внезапно выпрямился во весь рост и откинул с головы капюшон.

Это был контролер.

Стрельба быстро стихала - контролер обрушил пси-удар на всех атакующих одновременно. Ничего удивительного, ведь у этой твари хватало сил на протяжении полугода удерживать под контролем целый клан сталкеров.

Мне показалось, что черная одутловатая морда мутанта с бесцветными поросычьими глазками внезапным скачком увеличилась, перекрыв поле моего зрения. В ушах у меня появился неприятный вибрирующий звон, перед глазами все поплыло, ноги стали ватными. Я наклонился и непослушными руками положил автомат на пол.

Значит, вот оно как. Мы с самого начала подозревали, что «Грех» попал под мощнейшее пси-воздействие неизвестного происхождения, но версию контролера отбросили довольно быстро. Контролеры считаются самыми разумными из мутантов Зоны, с ними даже можно поговорить и получить более или менее осмысленные ответы, если подобраться вплотную, однако их действия всегда незамысловаты и однотипны. Все-таки они не люди, их мозг необратимо поражен и видоизменен мутациями и беспощадными научными экспериментами. Следуя примитивным инстинктам и стремясь обезопасить себя в Зоне, они собирают вокруг себя стаю мутировавших существ и зомби, большую или меньшую, в зависимости от ментальных способностей конкретного контролера, которую удерживают в подчинении при помощи непрерывного пси-воздействия. Они бесцельно бродят со своей стаей по Зоне и время от времени поедают кого-нибудь из своих телохранителей. Бывали случаи, когда контролеры захватывали группы сталкеров или даже армейские блокпосты со всем личным составом. Но и тогда фантазии и возможностей этих тварей хватало только на то, чтобы заставить свои жертвы механически, тупо совершать привычные ежедневные действия, словно заученный ритуал, сохраняя лишь отдаленную видимость осмысленности.

Однако никто ни разу не слышал, чтобы превращенные в зомби жертвы контролера становились фанатичными религиозными боевиками, чтобы клан пси-атакованных сталкеров сохранял полную организованность и даже выполнял какие-то поручения торговцев, контактировал с коллегами, поддерживал полное впечатление осмысленной и бурной деятельности. Следовало признать, что этот контролер, целых полгода игравший в сталкеров группировки «Грех», словно в игрушечных солдатиков, по своим умственным и пси-способностям значительно превосходил всех своих собратьев. И помоги нам Черный Сталкер, если это – новая, возникшая после очередного выброса спонтанная мутация, потому что пары десятков таких тварей достаточно, чтобы в Зоне не осталось живых существ, думающих своими мозгами.

А мы-то решили, что обезумевшие «грешники» объявили нам войну! Нет – войну нам объявил скучающий контролер в сером капюшоне.

Это все мелькнуло у меня в голове за долю секунды, а в следующий момент я сообразил, что лежу на полу, скорчившись в позе зародыша. Видимо, контролеру все же удалось полностью взять меня под контроль и на какое-то время погасить сознание, поэтому что я делал до того, как упал на пол, осталось для меня загадкой. Впрочем, судя по всему, прошло всего несколько секунд, поскольку ситуация на поле боя не успела сильно измениться. Стрельба полностью прекратилась. Зомби-«грешники» выползали из своих укрытий и снова молча становились перед крестом Ивана Тайги. Задрав головы, они бесстрастно смотрели, как наши ребята медленно спускаются к ним по металлическим лесенкам. На моих глазах за краем лестничной площадки исчезли Хамза, Дрозд и Беломор. Лица у них были пустые, движения – вялые и механические; сталкеры сосредоточенно перебирали руками по перекладинам лесенки, словно каждое мгновение лихорадочно размышляли, как им следует двигаться дальше. Члены «Последнего дня» спрыгивали прямо с пандуса, благо там было невысоко, и присоединялись к пастве.

Янкель стоял в полный рост неподалеку от меня. На лице его было написано страдание, дуло автомата, который он сжимал в руках, описывало восьмерки в воздухе. Рот Янкеля отчаянно кривился в безуспешной попытке что-то сказать.

- Х-х-х-х-хэм-м-м... - прохрипел он.

Похоже, возможности контролера были не безграничны. Ближайших к нему ребят он взял под контроль быстро и плотно, а вот на тех, кто стоял чуть дальше, его ментальных резервов уже не хватало, и контроль оказался неполным. Я же вовсе вывалился из его зоны контроля, либо ему уже не хватало концентрации внимания, чтобы управлять столькими разумами одновременно, и некоторых из нас, больше не представляющих опасности, он просто отпустил.

У перил одной из лестничных площадок я увидел Термита, который тоже явно боролся с контролером. Автомат его валялся на полу, но в руке по-прежнему была граната с намертво зажатыми в пальцах усиками взрывателя, и он то подносил ее к перилам – медленно, с усилием, то рывком отводил в сторону, словно кто-то невидимый пытался заломить ему руку за спину. По вискам Термита тек пот, зубы были стиснуты с такой силой, что я даже на таком расстоянии отчетливо слышал их скрип.

Внезапно лицо Янкеля окаменело. Он плавно начал разворачиваться к сражающемуся возле лестницы с самим собой Термиту – всем телом, вместе с автоматом, который, казалось, тащит снайпера за собой. Я уже неоднократно видел такие же бесстрастные лица с опущенными книзу уголками губ, пустые взгляды, замедленные неловкие движения. Зомби попадались мне

в Зоне достаточно часто.

Отталкиваясь от бетонного пола локтями и коленями, я преодолел полтора метра до своего брошенного автомата, когда услышал в голове знакомый мерзкий звон. Священник сатанинского культа Зоны не оставлял попыток остановить меня без крови. Кровь тут позволялось проливать только ему. Для чего ему испорченные солдатики?..

Я торопливо вскинул автомат к плечу и обхватил ладонью цевье, целясь Янкелю в ноги. Внезапная слабость снова охватила тело, ствол «калашникова» повело в сторону, и я уже в падении, почти не управляя собой, выпустил в пространство короткую очередь. «Двадцать два», – мелькнуло в голове, прежде чем я с размаху ударился скулой о бетонный пол.

Одна из пуль калибра 7,62 ушла в дальнюю стену подземного зала, а вторая вонзилась Янкелю точно под левую лопатку. Он медленно опустился на колени, все еще целясь в Термита, потом выпустил из рук автомат и лицом вниз повалился на пол. Контролер отключает у своих жертв болевые ощущения, поэтому они не теряют способности передвигаться, даже наспигованные свинцом или заживо пожираемые своим хозяином, однако если пуля попадает в жизненно важный орган, без которого невозможно функционирование человеческого организма – например, мозг или сердце, – зомби умирает, как любой из нас.

Только присутствие в моей голове искаженного сознания контролера, заставлявшего меня смотреть на мир отстраненно, словно сквозь мутное стекло, позволило мне не застонать от досады.

Термит поднял голову, услышав выстрелы. Я видел, как ему тяжело. Тем не менее он упорно сопротивлялся. Может быть, у него самого были задатки телепата. Не знаю. Он смотрел мне в глаза, а его левая рука с мучительно пляшущей гранатой медленно, очень медленно приближалась к перилам.

Задрав голову, контролер бесстрастно разглядывал нас. Если бы я мог, я бы спрыгнул вниз и голыми руками сломал ему шею.

Возникла невыносимая пауза. Мы с контролером смотрели на Термита. Прошла секунда вечности, две, три. Термит, скрипя зубами, пытался двинуть рукой в сторону стоящего внизу врага, но не мог преодолеть невидимого барьера. По лесенкам к нам торопливо карабкались снизу люди в черных банданах, которые теперь играли за противоположную сторону, которые больше уже не были людьми – контролер почувствовал нешуточную опасность.

Взревев от натуги и отчаяния, Термит вдруг качнулся вперед, к железным перилам, ударился о них животом, перевалился через перила, несколько мгновений балансировал ногами в воздухе, а потом потерял точку опоры и рухнул прямо с зажатой в руке гранатой вниз, на голову контролеру. Борьба с силой земного притяжения тот оказался не в силах.

Спустя мгновение внизу раздался взрыв, и куски черной плоти контролера взлетели над металлическими перилами.

А потом что-то сдетонировало и начало рваться непрерывно. И подземный зал стало заливать море огня, методично пожирая тех, кто еще не успел вылезти наверх – Хамзу, и Дрозда, и Беломора, и лежащего на лестничной площадке Пэпса, и многих других моих товарищей.

Я пытался вскочить, но тело мое будто набили ватой. Я пытался крикнуть, но мой голос все еще принадлежал контролеру, хотя уже и мертвому. Я попытался понять, где нахожусь, и в конце концов мне это удалось.

Динка сидела за столом с дымящейся сигаретой в руке и задумчиво смотрела на меня.

- Доброе утро, - бесстрастно сказала она. Я покосился на светящиеся в сумраке зеленоватые цифры электронного будильника - было без четверти три ночи. - Что, опять ходил к «грешникам»?

Вытатуированный дракон слегка шевелился в такт ее дыханию. Как-то раз я поинтересовался, не вредны ли светящиеся татуировки, которыми Карабах время от времени покрывает ее с головы до ног, а потом снова выводит. Динка ответила, что шастать каждую неделю в Зону гораздо вреднее. Стерва.

До чего же она красивая.

- Ходил, - просипел я. - К «грешникам». Дай промочить горло.

Она всунула в пакетик с соком соломинку и протянула мне. Я взял пакетик из ее рук и изо всех сил запустил им в стену. По стене поползло мокрое оранжевое пятно.

- Промочить горло, - повторил я.

Диана хмыкнула, сходила к холодильнику и протянула мне бутылку прозрачного и стакан. Стакан отправился вслед за соком. Я присосался к горлышку бутылки и несколько секунд гулко глотал.

- Сдохнешь однажды от водки, - безразлично произнесла моя девочка, затушив сигарету в пепельнице на столе.

- Хрена, - сказал я, жадно хватая ртом воздух. - Не дождешься.

- Или меня задушишь во сне, - продолжала она.

- Хрена, - повторил я.

Приняв на грудь, я сумел взять себя в руки. Бушующее пламя, перехлестывавшее через железные перила, отступило, подернулось туманной пеленой.

Хрена. Тот, кто не пьет водки в Зоне, быстро умирает от лучевой болезни. Динка тоже пьет водку, только не из горла и не жадно - вот и вся разница.

- Иди ко мне, - велел я, утирая губы тыльной стороной ладони со старой полураспльвшейся татуировкой.

- Хрена, - дерзко сказала она.

Пришлось подняться, сходить к столу, сгрести ее в охапку и принести в постель на руках. Так оказалось даже лучше. Это у нас, стало быть, вышло вместо любовной прелюдии. Ненавижу все эти прелюдии; весь измаешься и испсихуешься, пока твоего дружка наконец пустят в тепленький чехольчик. Впрочем, сейчас я был не в настроении спрашивать разрешения. То есть, если бы я на самом деле почувствовал, что меня не хотят, я, конечно, не стал бы ломиться в закрытые двери. Думаю, ночь, когда я вздумаю изнасиловать Динку, окажется последней нашей совместной ночью. Но я видел, как лукаво блестят наглые глаза этой паразитки, я чувствовал правым предплечьем, когда нес ее в постель, как горячо и мокро у нее между ног. Несмотря на всю ее демонстративную независимость, ей нравится, когда ее подавляет грубый

и наглый самец.

- Ты спишь со мной только из-за денег, - сказал я, когда все закончилось. Мы лежали рядом, курили и стряхивали пепел в банку из-под пива, стоявшую у меня на груди. Я был пьян, мои семенники были пусты - как всегда в подобных случаях, я превращался в капризную скотину. Мне хотелось, чтобы меня пожалели, потому что у меня не хватало сил на жалость к самому себе.

- Если бы мне были нужны деньги, я спала бы с Бубной, - сказала Диана.

- Логично, - признался я, глядя в потолок. - Хотя стоп, отставить. У него ног нет.

- Ты будешь очень удивлен, но в этом деле ноги - не главное.

- Чертова стерва, - проворчал я.

- Пьяная сволочь, - тут же откликнулась Динка.

- Маленькая сучка.

- Радиоактивное мясо.

- Шлюха.

- Козел.

Короче, в ту ночь мы любили друг друга еще три раза. А фигли!..

Глава 4. Охотники

Разумеется, следующим вечером я отправился к Бубне в «Шти» и согласился руководить безумным сафари. Вот такой я кретин, радиоактивное мясо.

Мы сидели за сдвинутыми столиками. Народу в баре почти не было, поэтому нам никто не мешал. Стриптиз-подиум с шестом стоял пустой и темный, в клетках-колоннах девчонок тоже не было - они заступали на смену в девять часов вечера. За стойкой бара маялся вместо Джо невыспавшийся молодой бармен с густой рыжей шевелюрой.

Клиенты мне понравились сразу. Даже несмотря на то, что трое из них были американцами. Однако они мало походили на стереотип современного штатовца, прочно утвердившийся в умах обитателей бывшей советской империи - трусоватый, недалекий, толстый педик, который называет женщин феминоамериканками во избежание судебных преследований за оскорбление личности, искренне полагает, что во Второй мировой войне Америка под командованием рядового Райана при некотором участии британцев разгромила объединенные русско-немецкие силы, а попав в армию, способен отказаться идти в наступление только потому, что в расположение части не подвезли туалетную бумагу. Клиенты были поджарыми, мускулистыми и неулыбчивыми, и то, что они не сушили ежеминутно десны в натянутых и фальшивых голливудских улыбках, расположило меня к ним еще больше. Только у Сэма Галлахера под джинсовой рубашкой обозначалось брюшко, однако это было аккуратное мускулистое брюшко спецназовца в отставке.

Клиенты были немногословными, смуглыми, с обветренными лицами, они держались с достоинством, но без панибратства; казалось, они все время настороже, чтобы вовремя уловить перемену в настроении собеседника и скорректировать свое поведение, дабы не вызывать ненужных столкновений с аборигенами. В общем, многочисленные экстремальные путешествия научили их правильно себя вести. Как только я увидел их, я понял, что передо мной мужики, настоящие волки из породы тех, что некогда отправлялись в Клондайк мыть золото, в Трансвааль - сражаться против английских колонизаторов и в джунгли Амазонки разыскивать Эльдorado. Впрочем, многое объяснялось еще и тем, что один из них, Альваро Камачо, оказался сложного славяно-латиноамерикано-индейского происхождения, и все трое были родом из штата Техас - штата настоящих мужиков, если верить западным фильмам, во многом сохранившего традиции старой Америки, государства пионеров, ковбоев и кавалеристов. Сэм, словно желая это подчеркнуть, явился в широкополой ковбойской шляпе, с которой он, как выяснилось позже, вообще никогда не расставался.

Третьим из американцев - а по значению, вообще-то, первым - был Мартин Донахью, миллионер, сколотивший состояние на торговле скотом и изготовлении из этого самого скота мясных консервов. Собственно, именно ему пришла в голову блестящая мысль отправиться в Зону поохотиться. У Мартина было вытянутое лицо типичного англосакса и руки человека, привыкшего к грубой физической работе. Специфические мозоли на костяшках пальцев и ребрах ладоней, появляющиеся от долгой и упорной работы с макиварой, я тоже отметил.

За четверть часа я узнал о нем довольно много. Выяснилось, что они с Альваро Камачо и Сэмом Галлахером учились в одном классе и еще тогда крепко подружились. С детства у всех троих имелась склонность к авантюризму. Их привлекал риск, они нуждались в постоянном притоке адреналина. Пока они были подростками, адреналиновые развлечения у них были вполне стандартными: драки стенка на стенку с такой же шпаной с соседней улицы, прыжки в небольшой водопад и на железнодорожную насыпь с движущегося товарняка, охота на пуму и побеги из местного полицейского участка. Однако, как выяснилось впоследствии, миллионеру доступны гораздо более интересные штуки.

Когда предприимчивый и энергичный Мартин резко пошел в гору, а его друзья так и остались протирать штаны в дешевых барах заштатного техасского городишки, он не забыл о своей преданной банде и нанял ее на работу. Собственно, частью капитала Донахью был напрямую обязан Камачо: с детства всерьез увлекавшийся химией Альваро придумал простую, но эффективную схему саморазогревающейся банки для консервов, так что тушенка Мартина, расфасованная в такие банки, быстро стала бестселлером. Честно говоря, при взгляде на Камачо трудно было представить, что он способен на серьезную мыслительную деятельность, но ладно, внешность обманчива; взять вон, к примеру, Енота. Что касается простоватого, но крепкого и верного Сэма Галлахера, круглолицего простодушного парня с армейской стрижкой-ежиком, действительно не обремененного тонким аналитическим умом, то он стал личным телохранителем Мартина, и уж его внешность вполне соответствовала новой профессии.

Когда бизнес Донахью встал на ноги и начал приносить солидный доход, Мартин затосковал по адреналину и стал вытаскивать своих неразлучных друзей в экстремальные экскурсии. Друзья, насколько я понимаю, не возражали, поскольку умереть от старости представлялось им самым неудачным финалом бурной жизни.

Троица безумных американцев ездил в Боливию и полтора месяца воевала с правительственными войсками в отряде местных партизан. В Новой Гвинее они жили в племени людоедов. В качестве туриста Мартин побывал на международной лунной станции, вбухав в это дело астрономическое количество бабок - Альваро не отправился с ним только

потому, что не прошел предполетных испытаний, а Сэм наотрез отказался лететь в космос: был и у него свой предел психологической прочности. Кишка, короче, оказалась тонка у Сэма; впрочем, я его вполне понимаю и Мартин тоже понял. На собачьих упряжках они избороздили окрестности Северного полюса. Отправившись в Сахару на мотоциклах, они умудрились не только остаться в живых, но и привезти массу отснятого материала для «Нэшнл джиогрэфик». Некоторое время они воевали в Экваториальной Африке, в Австралии охотились на крокодилов, в Панаме – на акул, в Гренландии – на белых медведей. Не уверен, не стану врать, но однажды я, по-моему, даже видел их по телевизору в какой-то передаче навроде «Вокруг света». По крайней мере, фамилия Донахью была мне смутно знакома и ассоциировалась со списком Амундсен – Нобиле – Хилари – Сенкевич – Хейердал – Палкевич – Конюхов. Одним словом, им было что вспомнить и что предъявить на Страшном суде. Я им даже слегка позавидовал.

Впрочем, вспоминали-то как раз не они. Хотя, как выяснилось, двое из них более или менее сносно знают русский язык: Альваро – в силу происхождения и Мартин – поскольку изучал его в Звездном городке перед космическим полетом. Тем не менее к ним был приставлен секретарь-переводчик или уж не знаю кто, который молотил языком без умолку, в то время как мои клиенты флегматично прихлебывали «Оболонь» с сушеными кальмарами и изредка вставляли отдельные реплики. Переводчик оказался полной противоположностью клиентам: щупленький, маленький, взъерошенный, дерганный, с блуждающим взглядом и стремительной жестикуляцией. Он все время увлекался своим рассказом до такой степени, что начинал брызгать слюной и тянуть меня за рукав, а когда рассказывал про саморазогревающиеся банки Альваро, выдернул из держателя салфетку и попытался нарисовать на ней схему изобретения, но я отобрал у него салфетку и, скомкав, уронил в пепельницу. Этот тип мне сразу не понравился, я понял, что этот балласт мне большую часть пути придется нести на собственной спине. Прервав его, я поинтересовался у того, кто заказывал музыку: есть ли необходимость тащить в Зону вот этого вот сверчка? Мне было отвечено, что необходимость есть и в Зону идут пятеро туристов либо никто. Я не стал настаивать, но пометку в уме сделал. Это обойдется папаше Дорсету в лишние пятьсот долларов, как говаривал один классик.

Сверчок сразу надулся и замолчал. Звали его Миша Пустельга, и меня рассмешило абсолютное соответствие его фамилии и внутренней сущности.

Что касается пятого туриста, то кроме переводчика в интернациональную банду клиентов входил еще один славянин – Андрей Стеценко. Насколько я понял, он был киевским деловым партнером Донахью, и именно при его непосредственном участии была организована вся эта авантюра, подготовку к которой он курировал на месте. Именно он отвечал за то, чтобы тайно перебросить туристов и спецснаряжение в закрытый для посторонних Чернобыль-4. Стеценко был раза в полтора крупнее Пустельги и выше Сэма, но внешне все равно напоминал старшекурсника университета: подслеповатые сонные глаза, белобрысые волосы до плеч, кожаные фенечки на шее и худых руках, оранжевый значок на черной футболке с какой-то замысловатой фирменной эмблемой – GSC, что ли, я так толком и не разобрал, – развязная манера говорить. Ему вполне можно было дать лет двадцать с небольшим хвостиком, хотя я безошибочно определил на глаз, что он из поколения каштановой революции, другими словами, что ему хорошо за тридцать. Стеценко Мишу особо не перебивал, однако вел себя достаточно независимо и время от времени вставлял замечания, недвусмысленно демонстрирующие, что он тоже хозяин и с ним следует считаться.

Заткнув Мишу Пустельгу, я сообщил клиентам следующее:

– Значит, так, господа охотники. Я готов вести вас в Зону, но с одним условием: ваше беспрекословное подчинение. Запомните: Зона – это не усложненный вариант партизанских

джунглей, Зона – это верная смерть после первого же неправильного шага. Я топчу Зону уже пять лет с лишним и до сих пор жив, а это большая редкость. Поэтому вам придется слушаться меня во всем и доверять мне больше, чем собственным органам чувств. Если я прикажу упасть лицом в грязь и затаиться – это нужно сделать раньше, чем до вас дойдет смысл приказа. Если я прикажу прыгать в огонь – нужно это делать не задумываясь, потому что это может быть единственным выходом из создавшейся ситуации. Размышлять, не ошибается ли ведущий в каком-то конкретном случае, запрещаю – иногда этих секунд может не хватить на то, чтобы начать действовать. То же самое относится и к помощнику ведущего: каждое его распоряжение должно быть для вас законом, если только его не отменил ведущий.

– Конечно, Хэм. – Донахью со сдержанным любопытством разглядывал меня, словно неведому зверушку, машинально бултыхая в бокале остатки пива. – Мы представляем себе, что такое Зона.

У него был варварский тexasский акцент, и как всякий иностранец, поверхностно изучавший русский, он отчаянно путался в сложной грамматике. На самом деле его фраза прозвучала так: «Кониечно, Хэм, наши приедставлялья, что ест Зона».

– Ни черта вы не представляете, – сказал я. – Для этого недостаточно посмотреть пару документальных роликов и почитать статьи дураков-стрингеров, прорывающихся через Периметр. Необходимо сделать несколько шагов по этой проклятой земле, чтобы что-то понять. Но у вас будет такая возможность. Так что главное – чтобы первые шаги не стали для вас последними. Это ясно?

– Это ясно, братан. – Стеценко щелкнул зажигалкой и откинулся на спинку стула, выпустив в мою сторону длинную струю дыма. – Ты мне вот что скажи: тебе обязательно вот так топырить пальцы во все стороны? Люди тут подобрались тертые, бывалые, много повидавшие. Опытные охотники. Ни к чему нас давить своей крутизной. Давай не забывать, что ты просто наемный персонал.

– Счастливо оставаться, ребята, – сказал я, поднимаясь из-за стола.

Я двинулся к стойке бара, с удовлетворением отметив, что за моей спиной начался бурный обмен мнениями. Хе-Хе что-то возмущенно и энергично втолковывал клиентам.

Мартин Донахью перехватил меня на полдороге.

– Сэр, – серьезно произнес он, – я приношу вам самые искренние и глубокие извинения за нашего друга. Прошу вас, вернитесь за столик.

Пожав плечами, я вернулся на свое место. Вся компания, включая Хе-Хе, молча смотрела на меня – кроме Стеценко, который смотрел на дымящуюся у него между пальцев сигарету.

– Ребята, давайте взрослеть, – внушительно сказал я. – Вы придумали себе очень опасное развлечение. Все, чем вы занимались до этого, по сравнению с сафари в Зоне – детский сад. И если вы хотите выжить, на ближайшие пару дней я для вас – царь и бог. Мои слова должны быть для вас законом, мои действия – безусловным примером для подражания. Причем это начинает действовать не в тот момент, когда мы пересечем Периметр, а немедленно. Уже давно должно действовать, с тех пор, как вы предложили мне стать ведущим. Если хотя бы одна собака вспомнит вслух или даже просто подумает о том, что я – наемный персонал, с которым можно спорить и которым можно командовать, на нашей экспедиции можно будет смело ставить жирный черный крест. Могильный крест, господа. Нет, разумеется, сначала мы с помощником будем пытаться навести порядок, используя самые жестокие методы, но если и

это не поможет - нам всем труба. Поэтому давайте сразу расставим все точки над «і». Если вы не готовы беспрекословно признать меня лидером, мы никуда не идем.

- Мы вполне понимаем, что Зона требует совершенно особых навыков и умений, которыми мы не обладаем, - произнес Мартин, нещадно коверкая несчастный русский язык. - Мы готовы полностью подчиниться вашему руководству, мистер Хемуль.

- А как остальные? - поинтересовался я. - Каждому следует решать самому за себя, в Зоне мистер Донахью уже не будет председателем совета директоров, имеющим решающее слово. Он будет просто одним из рядовых охотников, которого я стану гонять так же, как и всех остальных.

Все клиенты подтвердили, что согласны. Андрей Стеценко тоже подтвердил - неохотно, но достаточно спокойно, без особого выпендрежа.

Недокуренную сигарету он свирепо втоптал в пепельницу.

К тому времени, как я вкратце объяснил своим туристам положение вещей и закончил первичный инструктаж, в баре стало многолюдно. Из многодневной вылазки за Периметр вернулся Борода со своей командой отмычек, и они заняли дальний угол общего зала. В отличие от меня, он не потерял ни одного человека. Притащились зеленые от многодневного запоя Муха и Енот - пропивать остатки своего последнего гонорара. Явился Патогеныч, который немедленно уселся на свое любимое место за стойкой и издали начал знаками приглашать меня присоединиться к нему. Сегодня он, как и обещал, пил исключительно прозрачное. Появились тусовочные бездельники - Гурвинек, Сыпь и Пивкабы. Мельник и Крот с утра ушли на Милитари, зато целыми и невредимыми вернулись с Янтарного озера Астроном и Фаза. Они, кроме всего прочего, обнаружили в непролазных зарослях на берегу озера полурастасканные собаками человеческие останки в одежде Татара, так что его смело можно было вычеркивать из списка пропавших без вести. Кондратий умудрился попасть в жарку, и его с ожогами третьей степени оставили в лагере ученых, которые обещали вывезти его из Зоны на вертолете и отправить в госпиталь под видом одного из подсобных рабочих лагеря. Если бы военные узнали, что он проник в Зону самостоятельно, после госпиталя ему светил бы приличный срок. Однако ученые старались не подставлять вольных сталкеров, добывавших позарез необходимые им для изучения артефакты и в больших количествах покупавших казенное спецснаряжение и оборудование, которое ученые без счета списывали как утерянное или испорченное в результате воздействия агрессивных феноменов Зоны. Между сталкерами и учеными поддерживалось довольно прочное перемирие, основанное на самых крепких в наше беспокойное время связях - коммерческих.

Мы с клиентами выпили за упокой души Татара, чтобы ему хорошо лежалось. Когда мы ставили стопки на стол, меня сзади крест-накрест обхватил руками за плечи Енот. Он был совершенно пьян и навалился на меня всем весом - к счастью, небольшим, поскольку роста он крайне невысокого и телосложения не сказать чтобы богатырского. Совсем не сказать.

- Выпьем, Хемуль! - проговорил он заплетающимся языком, когда я снял его с себя и заставил стоять ровно. - Глотнем слез греха!.. За Татара, чтоб ему... - Он шумно перевел дух. - Чтоб ему хорошо лежалось! Эй, поилец! - он энергично замахал руками в сторону стойки. - Прозрачного всем за этим столиком на четыре пальца!..

- Ладно, Енот, поди отдохни, - я попытался деликатно отстранить приятеля от наших сдвинутых столиков. - Видишь, люди о серьезных делах разговоры разговаривают. Не рушь мне

бизнес. Хе-Хе, убери-ка его. Мы уже только что выпили за Татара, успокойся.

- Вам что, лишний раз за Татара выпить в падлу?! - оскорбился Енот, отпихивая вставшего ему навстречу Хе-Хе. - Хемуль, ты ведь брат?.. Ты ведь брат мне?! Да кто вы все тут такие, чтобы вообще пить за Татара! - внезапно заявил он моим клиентам с дивной последовательностью вусмерть пьяного человека.

- Отвали, скворец, - брезгливо бросил Стеценко, безуспешно пытаясь вытрясти из пачки новую сигарету.

Я с сомнением посмотрел на него, потом перевел взгляд на Енота. Киевский предприниматель был далеко не первым несчастным, кого жестоко обманули малые габариты и невинная физиономия моего приятеля. А Еноту просто крышу срывало, когда его принимали за малолетку или, что еще хуже, за женщину.

Судя по всему, сейчас состоится вынос тела.

Енот почернел лицом. Он приоткрыл рот и со свистом втянул в себя воздух, не веря собственным ушам.

- Чего ты сказал? - севшим от ярости голосом выговорил он, бесцеремонно раздвинув наши столы и кошачьим движением скользнув между ними к оппоненту.

- Все, все, замяли! - Пospешно вскочив со стула, я попытался через стол поймать Енота за плечо. - Он сейчас извинится...

- Канай отсюда, шкет. - Стеценко наконец удалось подцепить ногтями сигарету, и он потащил ее из пачки на свет божий. - Дай взрослым дядям поговорить спокойно.

Хаба-хаба, как говорит в таких случаях один страус.

Я бросился между нашими столами, расшвыряв их в стороны, и даже почти успел вклиниться между Енотом и Стеценко, но мой коллега искусным финтом ушел в сторону и, когда я попался на обманный прием, прыгнул мимо меня прямо на Андрея и опрокинул его вместе со стулом на пол. В общем-то, тут бы я его и оторвал от жертвы за шкуру и все окончилось бы парой синяков и бессильными проклятиями с обеих сторон, разведенных по разным углам, если бы стул Стеценко в падении не задел соседний столик, за которым расположились Астроном и Фаза.

Кипятить твое молоко!.. Все. Это была катастрофа.

Фаза выпрямился во весь рост, стряхнул с камуфляжной рубашки пролитое пиво и молча шагнул к нашему столику. Ростом он был с матерого кровососа. Первым, кто попался ему под руку, оказался Сэм, который, правда, весьма вовремя успел поставить блок, иначе лежать бы ему в глубоком нокауте рядом со Стеценко, которого как раз оседлал и стучал головой о пол бара Енот. Астроном тут же оказался рядом и влепил прямой в скулу Альваро Камачо, после чего атаковал растерявшегося Мартина Донахью. Со стороны туалета с яростным кличем, снимая на ходу очки, уже набегал Муха, жаждущий поддержать товарищей, и быть бы побелевшему от ужаса Мише Пустельге размазанным по ближайшей стенке, но, к счастью, Муха по количеству принятого внутрь прозрачного двигался ноздря в ноздрю с Енотом, поэтому, добравшись до нашего столика, запутался в собственных конечностях, споткнулся и кувырком полетел через выставленную переводчиком ногу, которую тот не успел своевременно убрать под себя. Миша оказался гораздо более изумлен этим результатом, чем

Муха, который, по-моему, даже не понял, что произошло.

Дальше предотвращать крупномасштабную драку было бесполезно, поэтому я со вздохом отступил к стойке, забрался на высокий стул рядом с Патогенычем и уже оттуда наблюдал, как потасовка, раскручиваясь, словно эпицентр урагана, вовлекает в свой круговорот все новых и новых участников. На самом деле хорошая драка – первейшее средство для снятия стресса, значительно превосходящее алкоголь по терапевтическому эффекту. Хотя, с другой стороны, разумеется, драка без водки – деньги на ветер. Без драки не обошелся ни один вечер в баре «Шти», так что все пока оставалось в рамках допустимого.

Единственно, мне бы не хотелось, конечно, чтобы мои коллеги всерьез искалечили моих клиентов. Мне с них хорошие денежки полагались как-никак. Сначала я даже хотел идти спасать американцев, но потом, разглядев, как технично они двигаются, решил не лезть. Пусть покажут себя, разомнутся. Опять же и нашим ребятам развлечение.

Сэм Галлахер дрался вдохновенно. Он явно попал в свою стихию; думаю, в Техасе он имел заслуженную славу одного из первейших кулачных бойцов. Его ковбойская шляпа мелькала то тут, то там, пока ее наконец не сбили у него с головы. Его кулаки двигались со скоростью двух паровозных поршней и, похоже, не уступали им в твердости. Изредка Галлахер что-то радостно выкрикивал по-английски – когда его кулак впечатывался в чью-либо физиономию или чужой удар не достигал цели. Хороший мужик, простецкий. Уважаю. И он славно держался один против двоих.

В отличие от телохранителя Галлахера бизнесмен Донахью дрался молча, движения его были расчетливыми и экономными. Драться ему особо не нравилось, по всему было видно, но некоторый минимальный кайф он при этом определенно получал. Хотя защиту ему явно ставил престарелый Джеки Чан: восемьдесят процентов блоков Мартина были рассчитаны на внешний эффект, на то, чтобы окружающие восхитились скупой красотой лаконичных движений. Думаю, сам Мартин был в этом не виноват, он двигался автоматически, как научили, а вот его учителю я бы непременно и с удовольствием показал пару прямолинейных и некрасивых приемов, которые проломили бы его защиту на раз. К счастью, наседавшие на Донахью сталкеры были уже под хорошим градусом, так что пока его оборона успешно держалась.

Альваро Камачо тоже показывал себя молодцом, хотя этому породистому красавчику с длинной гривой густо-черных волос, как у Десперадо или у моей Динки, любовные сражения наверняка были привычнее потасовок в барах. Кстати, и в лице Камачо было что-то неуловимое от Антонио Бандераса. Говорят, метисы и креолы очень часто получают крайне удачными на внешность, плюс еще русская мама Альваро, которая, прежде чем подцепить его индейско-мексиканского папу, почти наверняка работала в Америке проституткой или стриптизершей, а значит, тоже была не совсем образина. Камачо дрался размашисто, грамотно пользуясь своим природным преимуществом – длинными руками, которые позволяли ему не подпускать противника на расстояние удара. Астроном рассек ему бровь, но больше никто до физиономии Альваро добраться не смог, как ни старался.

Миша Пустельга бестолково болтался в гуще схватки, словно коровья лепешка в проруби, время от времени деловито втыкая один из кулаков между дерущимися – в общем, вполне соответствовал впечатлению, которое произвел на меня с самого начала. Впрочем, к его чести следует заметить, что он до сих пор оставался на ногах и пропустил не так уж много ударов, хотя это могло случиться оттого, что он не казался сталкерам интересным соперником и они в первую очередь стремились дорваться до Сэма или до Мартина.

В общем, с этими товарищами все было вполне ожидаемо. А вот кто меня приятно удивил, так это Стеценко. Вначале ошарашенный напором, с которым обрушился на него Енот, господин бизнесмен вскоре сумел сбросить с себя бешеного сталкера и теперь, поднявшись на ноги, умело удерживал эту обезумевшую боевую машину с дюжиной мелькающих конечностей на расстоянии вытянутой руки. Двигался он при этом настолько четко, профессионально и правильно, что я сразу заподозрил в нем бывшего сотрудника какой-нибудь спецслужбы, довольно далеко ушедшего по Пути Воина, хотя это мало вязалось с кожаными фенечками и развеселым оранжевым значком.

Разумеется, если он не работал под прикрытием.

Припомнив, как Пустельга случайно завалил такого серьезного мамонта, как Муха, я задумчиво потерел верхнюю губу. Случайно? Ага, щас. Случайно только кошки рождаются. Профессиональную стойку, которую принял Миша за мгновение перед тем, как перебросить Муху через бедро, мог спутать с беспомощным топтаньем дилетанта кто угодно, но только не я, бывший инструктор батальона спецназа по рукопашному бою.

А если так, для чего он играет беспомощного полудурка?

Тайный телохранитель от господина Стеценко?

Соглядачай от третьей стороны?

Во что я вообще ввязываюсь, черт побери?..

В любом случае, за обоими в дальнейшем надо очень внимательно приглядывать... как и за всеми остальными, между прочим.

Вскоре после того, как в гущу дерущихся нырнули Храп с Гоблином, драка неизбежно затухла. Напоследок вышибалы растащили Сыпя и Монаха, вяло валтузившихся в центре зала, и принялись деловито переворачивать на ножки опрокинутые столики.

Первым, что сказал мне после этого Донахью, облизывая разбитую губу, было:

- Мы вас сильно подвели, Хэм?

- Да не так чтобы очень, - я пожал плечами. - Не обращайтесь внимания, это старинная местная забава. Наоборот, вас теперь тут здорово зауважают. Это у нас что-то вроде прописки.

Действительно, после драки, как обычно, наступило всеобщее братание противоборствующих сторон, в котором охотно приняли участие и мои клиенты. Мы сдвинули столики в одну кучу и все вместе за мой счет несколько раз выпили за удачное знакомство, потом еще за Татара, чтобы ему хорошо лежалось, потом за Америку, потом за Украину, потом почему-то за Галапагосские острова, потом снова за удачное знакомство...

Ладно. Ребята мне вроде достались крепкие и кое в чем подготовленные, так что часть проблем, которые уже маячили у меня в голове в связи с этим дурацким сафари, автоматически снималась.

Но черт меня побери, если мне нравилась грядущая экспедиция.

Глава 5. Периметр

Драка в баре «Шти» действительно не осталась без внимания. Вся сталкерская сеть была забита сообщениями анонимов о том, как несколько гражданских бездельников отметелили ветеранов. Редкие оправдания участников драки насчет того, что ветераны, в общем-то, были в доску пьяны, а гражданские бездельники имели неплохую рукопашную подготовку, в расчет не принимались. В основном наши пропускали эти неприятные слухи мимо ушей, брезгуя вступать в серьезные препирательства с рыбьей мелочью, любыми средствами пытающейся свергнуть стариков с пьедестала, один только заводной Муха регулярно влезал в общий форум и злобно крыл матом клеветников. Его крыли матом в ответ: анонимный форум – не Зона, воинские умения здесь в счет не идут, значение имеет только длина языка. Опытные же бродяги, не считавшие необходимым скрывать свои боевые прозвища за регулярно меняющимися сетевыми псевдонимами, сходились в одном: люди, выступившие в драке на равных с ветеранами сталкерского клана, заслуживают как минимум уважения.

Я вышел из форума, натянул на ПДА обшлаг рукава и негромко сказал лежавшему за соседней кочкой Мартину Донахью:

- Сталкеры называют вас бездельниками, но считают, что вас следует уважать.
- Очень рад, – отозвался он.

Его физиономия с левой стороны была украшена огромным синяком. Правая скула несколько потеряла форму и напоминала перезревшую дыню. Ничего, боевые шрамы украшают мужчину. По крайней мере, девчонкам нравится их целовать.

- Эй, мистер миллионер, а не боишься, что какая-нибудь местная банда мародеров возьмет тебя в заложники и потребует выкуп? – поинтересовался я.

Донахью тихо фыркнул.

- Хэм, мне приходилось бывать в гораздо более опасных местах, – произнес он. – Я имею в виду людей, – торопливо поправился он, поймав мой свирепый взгляд. Одним из первых пунктов многочасового инструктажа я заставил их накрепко вбить себе в головы, что Зону нельзя недооценивать, нельзя ничего делать в ней на авось, нельзя считать, что охоте в Зоне можно найти аналог из их предыдущего богатого опыта – это смертельно опасно. – Здесь живут люди, у которых есть с нами хотя бы что-то общее. Реакцию и поведение ваших людей можно просчитать хотя бы приблизительно. Нам же приходилось справляться с людьми из диких племен людоедов, мотивация и логика которых так и осталась для нас загадкой. Мы не боимся и сумеем постоять за себя. Разумеется, остается еще какая-то доля непредвиденного риска, но совсем без риска было бы неинтересно, правда?

Это была самая длинная реплика, которую я услышал от него за последние сутки. Мне стоило огромного труда составить из нее связный текст – за полгода обучения языку он, конечно, зазубрил немало правил и значительно обогатил свой словарный запас, но для постановки правильного произношения этого абсолютно недостаточно. Когда он отделивался короткими фразами, улавливать смысл было значительно проще.

Тьфу, идиоты. С дикими племенами они справлялись, видите ли. Да у нас тут такие экземпляры хомо сапиенсов бродят, что дикари из Новой Гвинеи по сравнению с ними кажутся близкими родственниками.

Наша команда залегла в лесополосе неподалеку от проселочной дороги, проложенной вдоль Периметра. От Чернобыля-4 мы добирались сюда на двух раздолбанных «Нивах», принадлежащих нашему клану. Гурвинек и Пивкабы высадили нас километрах в трех от

Периметра, а дальше мы совершили под прикрытием лесопосадок небольшой марш-бросок – военные вертолеты еще на дальних подступах отслеживали приближающиеся ко второй защитной линии автомобили и задерживали их до выяснения. Нам, по полной программе экипированным для проникновения за Периметр, это было совсем ни к чему.

Что касается экипировки, то часть снаряжения американцы привезли в Чернобыль-4 с собой (точнее, ее доставил при помощи местных контрабандистов Стеценко), и будь я проклят, что это было за снаряжение! Это было весьма достойное снаряжение. Думается мне, у военных сталкеров даже близко не найдется ничего подобного.

В качестве оружия клиенты предложили мне укороченную автоматическую винтовку Н-213 «хопфул», и я расстрелял в специально оборудованном подвале «Штей» несколько магазинов, прежде чем признал, что это действительно весьма достойное оружие. Она могла вести стрельбу как одиночными выстрелами и длинными очередями, так и короткими очередями, за одно нажатие спускового крючка выпуская ровно три патрона. Дальность стрельбы моего нового приятеля приближалась к двум тысячам метров, дальность прицельной стрельбы – к тысяче. На тридцати шагах очередь из «хопфула» сносила к чертовой матери мишени-манекены Бубны, специально укрепленные для того, чтобы по ним можно было стрелять из «калаша». Автомат был снабжен счетчиком боеприпасов, дульным тормозом-компенсатором, который при стрельбе практически полностью поглощал шум и пламя, амортизирующим прикладом и электронной системой опознавания хозяина: посторонний человек, на которого не была настроена система, не смог бы сделать из моего автомата ни одного выстрела. Последнее мне, кстати, не очень понравилось – вдруг что-нибудь заклинит в этой самой системе и в решающий момент у меня в руках окажется бесполезная железяка? Однако американцы убедили меня, что система очень надежная, поскольку проста, как пробка, и на их памяти еще ни разу не давала сбоя.

К цевью автомата был прикреплен компактный подствольник, под левой рукой находился съемный магазин с несколькими выстрелами к нему, которые я мог досылать в ствол гранатомета коротким движением кисти. К автомату можно было при желании одновременно пристегнуть четыре магазина по сорок патронов, и когда заканчивался один, в дело без перерыва включался другой. Можно было набить все четыре магазина разными патронами – допустим, один бронебойными, один трассирующими, один зажигательными, один обычными, – и в ходе боя при помощи специального переключателя выбирать тот боеприпас, который необходим в данный момент.

И еще, конечно, целеуловитель, который продолжал удерживать заданную цель и направлять в нее пули, даже если она уходила с линии прицела. Это был такой крохотный, чуть выгнутый экранчик, который прикреплялся за ухом на манер гарнитуры мобильного телефона «хэндс фри» и при помощи шарнира мог сдвигаться на левый глаз. Зажмурив правый, можно было оценить обстановку через экранчик и вести стрельбу при помощи компьютера: почти незаметными движениями головы совместив расположенный в центре монитора целеуказатель, состоящий из обращенных вершинами внутрь четырех зеленых треугольников, с выбранной целью, оставалось только давить на спусковой крючок, и можно было быть вполне уверенным, что все пули лягут точно в цель. Если я прикрывал левый глаз или сдвигал экранчик в сторону, сенсоры целеуловителя отключались, и можно было вести огонь по старинке, контролируя огонь через мушку и прицельную планку.

Там было еще много всяких прибабасов, и я конкретно влюбился в эту штуку, которую по окончании охоты Мартин Донахью обещал мне подарить. Я не смог побороть искушение и согласился – для того, чтобы купить такую, мне пришлось бы притащить Бубне еще пару

десятков серебряных портсигаров с лучистой дрянью внутри. Единственное, что меня расстроило, – это осознание того, что оружейная индустрия развивается быстрее, чем совершенствование боевых навыков, и если так пойдет и дальше, в скором времени, видимо, исчезнет всякая разница между подготовленным бойцом и зеленым новобранцем: вся подготовка будет сведена к умению развернуть автомат в сторону противника и нажать на спусковой крючок, а остальное сделает электроника.

И все же чем сложнее конструкция, тем больше шансов, что она откажет, а вот несколько правильно соединенных между собой железяк вроде «калашников», способных точно послать пулю в цель, при соответствующем уходе могут работать без сбоев годами.

Верный штык-нож, неоднократно выручавший меня в сложных ситуациях, я менять на новый не стал, хоть он и не подходил к новому автомату, – но когда это сталкеры ходили в штыковую атаку? А вот компактными гранатами с регулируемой мощностью взрыва, которые можно было ставить на любое запаздывание в пределах трех минут, я от души набил карманы своего нового разгрузочного жилета, коим снабдил меня Бубна взамен поврежденного в последней вылазке на Свалку.

Куртку в Зону я взял свою, хотя меня и уговаривали примерить такой же лесной камуфляж, какой надели на охоту клиенты. В ткань их камуфляжа было вплетено какое-то особое волокно, из-за чего ее невозможно было ни порвать, ни разрезать ножом. Впрочем, от пули такая куртка не спасала, тело же под ней дышало плохо, и я без колебаний отказался. А вот защитные костюмы у них были что надо. Мартин поведал, что такие носят бойцы американского антидиверсионного спецназа. Легкий полимерный бронежилет прикрывал практически все тело спереди и спину сзади, в случае ранения его части быстро отстегивались, чтобы можно было добраться до раны. Еще в защитный комплект входили шлем с ларингофоном УКВ-связи, напоминавший летный шлем пилота сверхзвукового истребителя, и защитная кислородная маска на лицо со специальными очками, на которые выводилась компьютерная информация, но я решил, что эти буржуазные излишества следует использовать, только достаточно сильно углубившись в нижние уровни. В полосе отчуждения и на Свалке эти игрушки не были нужны абсолютно.

– На электронные штучки особо не рассчитывайте, – сразу предупредил я. – Там, куда мы идем, полно мертвых зон, в которых не действует никакая техника, кроме старого доброго огнестрельного оружия.

Исходя из этого я потребовал, чтобы мы не брали в Зону оборудования, от исправной работы которого могла бы зависеть наша судьба. Бубна снабдил нас хорошо зарекомендовавшими себя сталкерскими детекторами аномалий и антирадиационными костюмами. Также каждый участник сафари получил индивидуальный ПДА с личным кодом, подключенный к сети. Это было самое надежное средство связи из тех, что я носил когда-либо в Зону. Создатель и администратор сталкерской сети Че не зря получал свои бешеные бабки. Еще я разрешил Камачо взять с собой компьютер-компакт, на который со спутника передавалась карта местности, поскольку креол заверил меня, что эта информация будет факультативной, но в критической ситуации может здорово помочь. Я не был уверен, что эта игрушка нам понадобится, но если ему охота нести лишний груз – на здоровье.

Итак, одетые в полимерные бронежилеты, с прикрепленными за левым ухом целеуказателями, автоматами «хопфул» на шеях и двадцатикилограммовыми рюкзаками за спиной, полными всякого позарез необходимого в Зоне барахла, мы лежали неподалеку от Периметра и ожидали, когда мимо проедет военный патруль. Этот участок контролировали международные войска миротворческих сил ООН, поэтому для сталкеров, базирующихся в Чернобыле-4, он был

излюбленным входом в Зону – «голубые каски» в основном занимались охраной и обороной собственных блокпостов и военных городков, которые постоянно тревожили мародеры. Главной задачей для иностранных легионеров являлось уцелеть любой ценой, поэтому на боевые задачи времени у них практически не оставалось. Если ооновцы иногда патрулировали границы Зоны, то второпях и не выходя из джипов. Кроме того, обнаружив нарушителя, без предупреждения они старались не стрелять – в Европе до сих пор свято блюдут права человека, хотя уже самому распоследнему правозащитнику давно ясно, что столкновение цивилизаций вошло в решающую фазу, и если нам, азиатам, регулярно не демонстрировать силу, мы совсем скоро затопим на хрен всю Европу. Правда, в последнее время ооновцы, научившись у наших, тоже понемногу начали мочить выходящих из Зоны сталкеров без лишнего шума и сбрасывать тела обратно за Периметр – мало ли какую заразу несут. В прошлом году целый батальон миротворцев оказался в карантине после того, как их патруль задержал сталкера, инфицированного *коричневым*. Нашим же военным патрулям лучше вообще не попадаться: защитных костюмов у них мало, только ОЗК и противогазы, поэтому нарушителей они живыми стараются не брать. С другой стороны, бывшие братья по социалистическому лагерю охотно берут на лапу, так что с ними всегда остается шанс договориться. Если же вы нарвались на западноевропейский или американский патруль, то будьте уверены, что менее чем через десять минут к вам от ближайшего блокпоста уже стартует набитая десантниками БМП.

- Пивка бы сейчас... - пробормотал Стеценко, пытаюсь поудобнее устроиться на сырой кочке.

Я фыркнул. Пивкабы получил свое боевое прозвище именно за эту фразу, которую он употреблял к месту и не к месту.

- В Зоне – только прозрачное, – отрезал я. – Водка и спирт. Здесь не пьем, а лечимся.

- Слушаюсь, командир, – двумя пальцами козырнул Стеценко.

После марш-броска я заставил всех членов своей группы принять внутрь по стакану разведенного спирта – первейшее средство от радиации. Ничего, после лежания на холодной земле алкоголь сильно в голову не бросится, зато никого не придется обратно тащить на себе.

- А нельзя ли повторить лечение? – поинтересовался Альваро.

- Спирт следует беречь, – наставительно произнес я, не приняв шутливого тона. – В Зоне нет водочных ручьев, пополнить запасы будет сложно.

- Всосал, начальник, – отозвался Камачо. – Без базара.

Я покосился на него. Определенно, мама, учившая его русскому языку, была той еще штучкой. А к крепкому алкоголю креол, однако, мало привычен и быстро захмелел.

Насколько проще было бы, если бы за соседними кочками лежали сосредоточенные, напряженные, напуганные близкой Зоной и злобным Хемулем отмычки, а не эти легкомысленные, до конца не понимающие, во что ввязались, бизнесмены, которым я и врезать-то от души не смогу в случае чего.

То есть это они так полагают, что не смогу.

Справа послышался рев мотора, и я жестом велел всем заткнуться. Патрульный джип двигался точно по расписанию – хоть часы проверь. Интересно, кого они мечтают тут отловить,

появляясь через строго определенные промежутки времени? Разве что полных лохов-стрингеров, пытающихся прорваться в Зону, чтобы отснять сногсшибательные кадры, или любопытствующих идиотов, наобум движущихся в сторону Периметра за острыми ощущениями.

В патрульном джипе обычно помещаются три человека: водитель, командир экипажа и пулеметчик. На крыше патрульной машины, как правило, устанавливают станковый пулемет, который превращает джип в заслуживающую внимания боевую единицу. Ооновцы бодрой рысцой проскакивают этот участок дороги между заброшенных полей, полуразрушенных деревень и разросшихся лесопосадок, затем скрываются за холмами. Еще четверть часа езды – и дорога упирается в обрушившийся от подземных толчков во время второго выброса железнодорожный мост. Возле него патруль разворачивается и отправляется в обратную сторону. Времени, пока они добираются до моста и возвращаются обратно, вполне хватает, чтобы без особой спешки вырезать дыру в Периметре, ликвидировать следы проникновения и укрыться от патруля в поросшем молодым леском распадке – уже по ту сторону границы.

Лежа в кустах под дорожной насыпью, мы сосредоточенно вслушивались в нарастающий звук мотора. Хе-Хе показал мне знаками: не слишком ли близко в этот раз? Я махнул рукой: нормально. Мы залегли приблизительно в полукилометре от того участка, где обычно прорывали Периметр, – через наше излюбленное место совсем недавно кто-то прошел, причем сталкеров была целая группа. Эти люди явно были не из нашего клана, иначе я бы знал об этом и выбрал другой маршрут: идти по следам предыдущей группы не стоило, поскольку военные, получив сигнал о неоднократном прорыве Периметра, могли устроить в этом месте засаду.

Скрипнув покрывками по гравию, джип остановился прямо у нас над головами. Донахью бросил на меня встревоженный взгляд, но я безмолвно приказал: лежать! Альваро надвинул на глаз целеуловитель, и я показал ему кулак: не хватало нам еще схлестнуться с патрулем. Впрочем, если военные заметили что-то подозрительное и возьмутся обшаривать кусты, отстреливаться придется так и так. Американских граждан консул вытащит, со столичными хозяевами жизни тоже все более или менее ясно, а вот мне впаяют по полной программе. Как рецидивисту и по совокупности эпизодов. Не внушающая оптимизма альтернатива, как говорит один страус.

Я окинул взглядом проделанный нами путь, пытаюсь определить, где мы наследили. Нет, все было чисто. К Периметру я привел свою команду по камням и краю поля. Нигде не было видно ни следов на раскисшей от влаги земле, ни поломанных или согнутых стеблей, ни темных дорожек в густой траве, свидетельствующих о том, что недавно здесь прошли люди, которые сбили с травы тонкую серебристую пленку из мельчайших капелек влаги. Что могло привлечь патрульных?..

Я перевел взгляд на свою команду. Разумеется, никто из моих подопечных, залегших под насыпью, не курил, не ерзал, не разговаривал и не работал с электронными датчиками. Дисциплину я за прошедшие два дня непрерывных инструктажей и тренировок постарался установить жесточайшую. Все ПДА и прочая аппаратура до входа в Зону были выключены, чтобы нас не могли засечь по электромагнитному излучению. Ладно. Я снова посмотрел вверх, на гребень насыпи, за которым равномерно гудел на холостом ходу двигатель остановившегося автомобиля. Либо патрульные сидят в машине и совещаются, либо кто-то из них осторожно приближается к нашим кустам. Ощущение не из приятных.

Грохнула дверца машины, из-за гребня дорожной насыпи вылетела пустая алюминиевая банка и весело заскакала вниз по склону. «Живчик» – безалкогольный яблочный напиток с

эхинацеей, сразу определил я. Говорят, помогает лучше переносить радиацию, питает организм необходимыми витаминами. О как! Прямо пикник у них там, на обочине. Что они там делают так долго – отливают прямо на дороге, что ли?..

Бормотание голосов над нашими головами было совершенно неразборчивым. Говорили явно не по-русски. Один из патрульных подошел к самой обочине. Еще шаг – и мы смогли бы его увидеть. Он нас – вряд ли, но мало ли что. Несколько мгновений он стоял на краю дороги, потом в траву рядом со мной полетел непогашенный окурочок. Патрульный вернулся к машине, снова хлопнула дверца, джип взревел и рванул с места.

Мы лежали неподвижно, вслушиваясь в удаляющийся рев двигателя. Военные с блокпостов на Свалке ставят на такие джипы дополнительные защитные устройства и раскатывают на них прямо по мясорубкам, как по асфальту. Качественная техника.

Дождавшись, когда машина исчезнет за холмом, я дал команду выдвигаться. Первым на дорогу выбрался Хе-Хе. Добравшись до противоположной обочины и покрутив головой, он подал сигнал, что все в порядке. По моему жесту наверх вскарабкался Альваро. Молниеносно преодолев узкую полосу дороги, он прыгнул в канаву к Хе-Хе. За ним последовали Мартин, Андрей, Сэм, Миша – по одному, пригнувшись, стараясь производить как можно меньше шума. Я замыкал группу.

Едва оказавшись в канаве, я негромко свистнул. Это был условленный сигнал: всем оставаться на местах. Перебегая дорогу, я уловил, как изменился звук мотора патрульного джипа, уже едва-едва доносившийся из-за холмов. Я осторожно выглянул из канавы и напряг слух, тщательно отфильтровывая посторонние шумы. Да, сомнений не было: патруль снова остановился на дороге.

Не нравилось мне это. Совсем не нравилось. Выглядело это так, словно кто-то заложил нас военным, и теперь они целенаправленно ищут нашу группу на определенном участке Периметра. Впрочем, один патрульный джип, даже с пулеметом, против семи вооруженных автоматическим оружием и гранатами сталкеров – не слишком ли самонадеянно? Нет, на облаву совершенно не похоже. Тогда какого же черта они тут крутятся?

Я потер кончик носа. Почему они остановились возле нас – это пес их знает, а вот за холмом, где они стоят теперь, прорывала Периметр неизвестная группа сталкеров, которая шла до нас. Их следы, наверное, и привлекли внимание патруля. Я сразу обратил на них внимание, еще когда осматривал местность с холма: несколько протянувшихся по высокой влажной траве полос чуть более темного оттенка, уходящих к еловым зарослям, которые поднимались рядом с полосой отчуждения Зоны. Именно эти следы и заставили меня взять левее.

Все это было более чем странно.

Если бы военные получили сигнал о прорыве Периметра, они вряд ли прислали бы сюда трех человек на джипе. После нескольких серьезных боестолкновений с большими и хорошо вооруженными отрядами сталкеров группы захвата начали прибывать на бронетехнике в сопровождении одного или двух вертолетов. По всему выходило, что патрульные видят следы, уходящие к Периметру, впервые, а значит, отряд сталкеров в Зону так и не вошел. Чем же он тогда занимался столько времени в лесополосе? Я готов был поклясться, что те четверть часа, которые мы провели возле Периметра, вокруг него не было никакой активности.

Паршиво все это. Если что-то непонятно или вызывает тревогу – готовься к конкретным неприятностям, это один из основных законов Зоны.

Хе-Хе вопросительно смотрел на меня. Я перехватил его взгляд и покачал головой. Прежде чем я пойму, чего хотят ооновский патруль и загадочная группа сталкеров, похоже, до сих пор сидевшая в лесополосе, я с места не сдвинусь.

- Что случилось, Хэм? - тревожно зашептал Донахью.

- Чш-ш-ш-ш-ш! - Я приложил палец к губам.

Я вслушивался в звенящую тишину еще минут пять. Туристы уже ощутимо нервничали, хотя и старательно пытались это скрыть. Гер-р-рой, итить твою двадцать. Рева джипа я так больше и не услышал, и с каждой минутой мне это нравилось все меньше и меньше.

Внезапно над холмами раскатился грохот тяжелого пулемета, и ему ответили лающие очереди нескольких автоматов. Можно было отчетливо разобрать голоса четырех или пяти «АКМК», одной «грозы» и одной автоматической винтовки «М-16». Один из «калашей» чуть захлебывался при стрельбе - определенно, затворную раму вскоре придется менять. Повернув голову, я увидел ошарашенную физиономию Хе-Хе. Да что у них там происходит, черт побери?! Может быть, прорыв мутантов? Но тогда бы этот участок Периметра уже давно утюжили вертолеты и артиллерия, да и патруль получил бы предупреждение по рации и попытался бы удрать отсюда как можно скорее...

Объяснение было простым, как стакан водки, просто мне ужасно не хотелось, чтобы оно оказалось правдой. Однако других версий у меня не было. Те люди, которые прошли к Периметру перед нами, - они не были сталкерами. Но и мародерами, которые порой поджидают возвращающихся с добычей сталкеров по эту сторону Периметра, они не были. Они устроили в лесополосе засаду именно на нашу группу, точно зная, где мы будем прорывать Периметр. Вот только ооновский патруль ухитрился наткнуться на них первым, и им пришлось отстреливаться.

Хе-Хе сделал большие глаза и мотнул головой в сторону города: отходим? Я покачал головой, несколько мгновений размышлял, а затем решительно рубанул рукой воздух в направлении Зоны:

- Быстро! Вперед!

Армейский патруль, атакованный неизвестной вооруженной группировкой, - это крайне серьезное ЧП: через десять минут в небе будет черным-черно от вертолетов, а местность по эту сторону Периметра начнут прочесывать специальные подразделения на бронетехнике. Без машины нас сразу перехватят, и это еще в самом лучшем случае, а скорее всего саданут по нам ракетой «воздух—земля», приняв за напавших на патруль мародеров.

В Зону же за нами скорее всего никто не полезет, поэтому укрыться там будет гораздо легче.

Стрельба за холмами внезапно прекратилась: одна из сторон одержала верх. Хотелось бы мне знать, какая. Повинуясь моим яростным жестам и выплевываемым сквозь зубы ругательствам, охотники неуклюже выкатились из канавы и через лесополосу бросились к Периметру, который уже виднелся вдали сквозь переплетения ветвей.

- Джизес! - выдохнул Сэм Галлахер, продираясь сквозь бурелом.

Охотнички мои быстро прониклись серьезностью ситуации. Мне даже не пришлось их дополнительно пугать - грохот станкового пулемета сам по себе неплохое средство разогнать адреналин по жилам. Это еще моя бабушка говорила. Мы добрались до второй защитной линии

в хорошем спринтерском темпе и миновали три ряда колючей проволоки за шесть с половиной минут – приличное время, хотя и далеко не рекорд. Хе-Хе разминировал колючку быстро и четко, словно на полигоне, затем мы с ним разрубили спираль Бруно специальными диверсионными ножницами по металлу и разом отогнули ее концы в стороны, чтобы клиенты могли проползти с комфортом, не задевая растяжек сигнальных ракет и щедро разбросанной под проволочным забором «лапши» – тонкой, но чертовски прочной витой стальной проволоки, которая великолепно рассекает одежду и впивается в тело. Ползать клиенты оказались не горазды – оно и понятно – зачем им? Заметать следы времени не было, поэтому проделанную дыру мы бросили как есть, хоть это и запахло по отношению к другим сталкерам. Ладно, все равно уже засветились дальше некуда, пусть и не по своей вине.

Альваро ухитрился зацепить спираль Бруно незащищенной бронежилетом шеей и долго вполголоса бормотал что-то на бегу, мешая русские и испанские ругательства, пока я не велел ему не сбивать дыхания.

Слава Черному Сталкеру, этот участок Периметра считается вполне спокойным, поэтому в сплошных линиях армейских оборонительных укреплений полно слабо контролируемых участков. Голубые каски считают более рациональным вести постоянное наблюдение за окрестностями с воздуха и с шоссе, нежели держать здесь постоянную систему блокпостов и долговременных огневых точек. Оно и понятно, если Зона медленно, но верно расползается, и оказавшиеся на зараженной территории укрепления то и дело приходится бросать, отступая на новые позиции. А вот на северо-западе, к примеру, доты второй защитной линии оборудованы в пределах прямой видимости один от другого. Там иначе нельзя, там Болото и мертвая Припять, откуда непрерывно прут через Периметр зомби и другие страхолюдные твари, словно что-то усиленно гонит их на север, и первая линия стабильно оказывается прорванной раза по четыре в день. Там насмерть бьются с порождениями Зоны славяне-контрактники – украинцы, белорусы и русские, которых, как обычно, бросили в самое пекло. Там плотно заминированы не только заграждения из колючей проволоки, но и сорокаметровой ширины контрольно-следовые полосы. Там патрулируют Периметр боевые роботы, похожие на огромных металлических куриц и обстреливающие из крупнокалиберных пулеметов все живое, что движется на территории, ограниченной Периметром. Хвала тебе, тихий участок второй защитной линии в пятнадцати километрах от Чернобыля-4.

Впрочем, ооновцы свой усиленный паек тоже не зря едят. Когда мы миновали последний ряд колючей проволоки и я через поле погнал свою команду к смешанной роще среди карантинной полосы, у горизонта застрекотали вертолеты.

Кипятить твое молоко!.. Не успели. Совсем немного не успели.

Едва ли не пинками подгоняя ковылявшего последним Мишу Пустельгу, я на бегу обернулся через плечо. Три «Скай фокса» на небольшой высоте двигались прямо на нас со стороны Чернобыля-5. Чертовски неприятное ощущение – наблюдать, как тебя атакуют три боевых вертолета. Два из них внезапно сломали строй, отвалили в сторону и ушли к холмам на востоке. На их темных бортах можно было отчетливо разглядеть бортовые номера: соответственно 018 и 021. Острое рыло двадцать первого было мастерски разрисовано под ощеренную пасть акулы. Через несколько мгновений, когда мы уже достигли рощи и нырнули под старые еловые лапы, со стороны холмов донеслись звуки разрывов: вертолеты методично обрабатывали территорию ракетами. Похоже, те, кто организовал засаду и расстрелял армейский патруль, далеко уйти не успели.

Тень третьего «Скай фокса» змеей скользнула в листве прямо над нами. Нам достался номер

четырнадцатый.

- Ложись! - рявкнул я, дергая Мишу за ногу.

Миша растянулся на усыпанной пожелтевшей хвоей земле справа от меня, прижатый к грунту тяжелым рюкзаком, слева упал на бок Стеценко, судорожно сжимая в руках «хопфул». Американцы уже лежали шагах в десяти перед нами, уткнувшись в землю и прикрыв головы руками. Через мгновение с неба обрушился металлический град. Среди «зеленки» ракеты могли оказаться малоэффективными, поэтому пилот, недолго думая, ударил по роще из крупнокалиберных спаренных пушек-пулеметов.

- Что будем делать, командир? - гаркнул Стеценко, пытаясь перекрыть грохот.

- Лежи на месте! - крикнул я. - Он нас не видит через «зеленку», бьет вслепую, на кого бог пошлет!

Хотел бы я сам в это верить. Интересно то, что на «фоксах» установлены тепловизоры, позволяющие их пилотам четко фиксировать цель сквозь деревья и даже стены домов, - это реальный факт или еще одна сталкерская байка?..

Укрывшийся за старым кленом метрах в пяти от меня Сэм перевернулся на спину и, надвинув на глаз целеуказатель, приложил к плечу автомат, направив его ствол в небо.

- Отставить! - заорал я. - Сэм, отставить! Мишка, переведи ему!

Доблестный Миша Пустельга лежал носом в землю и только вздрагивал, когда в толстые стволы деревьев со смачным треском входили крупнокалиберные пули. Толку от него сейчас было мало.

Я пополз к Галлахеру, и в этот момент он шарахнул вверх из подствольника, а затем, быстро дослав в ствол вторую гранату - еще раз. Первая граната, похоже, ушла «в молоко», затем над головами у нас полыхнуло и грохнуло, но вертолету это особого вреда не причинило: для того, чтобы пробить его бронированное брюхо, требовалось что-нибудь посолоиднее, к примеру, выстрел из модернизированной «иглы», «це-це» или морально устаревшего, но вполне еще эффективного старинки «стингера». Однако это позволило четырнадцатому точно зафиксировать наше местоположение. Развернувшись для второго захода, он уже вполне целенаправленно принялся поливать свинцом тот участок рощи, где залегла наша группа.

Со стороны холмов внезапно донесся зловещий приглушенный треск, а затем особо мощный взрыв, и грохотавшая там канонада на этом заглохла. О как! Похоже, пилоты не пожалели серьезного боеприпаса, машинально отметил я. Хотя к чему это мне сейчас? А так, на всякий противопожарный случай, как говорит один страус. Никогда не знаешь, какие сведения пригодятся через пять минут. В любом случае необходимо владеть как можно более полной информацией о происходящем на поле боя - иногда это позволяет принять правильное решение в критической ситуации. К примеру, брошенный патрульный джип как средство передвижения из дальнейших расчетов теперь можно исключить - наверняка неизвестные боевики пытались скрыться на нем, как поступил бы я на их месте, и получили вдогонку глубоковакуумный заряд.

Впрочем, в данный момент у меня были гораздо более насущные проблемы, чем общий анализ ситуации.

Лужа в нескольких шагах от меня покрылась высокими мутными фонтанчиками. На головы

нам сыпались срубленные верхушки деревьев, труха, раздробленные сучья, хвоя и куски коры. Довольно большой кусок дерева ощутимо треснул мне по башке, и я горько пожалел, что мы сразу не надели защитные шлемы. Стеценко, вжавшись в грунт слева от меня, беззвучно матерился – его не было слышно за грохотом «вулканов». Четырнадцатый номер висел прямо над нами, и вспышки в жерлах его автоматических пушек были видны сквозь кроны деревьев весьма отчетливо.

А потом, окинув взглядом поле боя, я увидел, как дорожка пулевых попаданий стремительно мчится по влажной земле к Сэму, разбрасывая далеко вокруг прошлогоднюю почерневшую листву и сырой дерн.

Галлахер тоже ее увидел. Он попытался откатиться в сторону, однако зацепился рюкзаком за дерево и так и не сумел уйти из зоны поражения. Пулеметная очередь, способная разрубить человека пополам, неслась на него со скоростью железнодорожного экспресса. Так атакует кровосос в режиме «стелс» – оторопевший сталкер не видит самого мутанта и лишь с изумлением наблюдает, как к нему стремительно приближается цепочка корявых следов, оставляемых невидимым монстром. Единственное спасение в этом случае – мгновенно, не рассуждая, веером от живота как следует полить из автомата то направление, с которого приближается кровосос. Раненая тварь сразу же становится видимой, поскольку поддержание режима «стелс» требует слишком больших затрат энергии, часть которой теперь начинает уходить на регенерацию поврежденных тканей. Этот рефлекс настолько глубоко въелся в подсознание, что я едва не вздернул автомат, чтобы расстрелять приближающуюся к Галлахеру пулеметную очередь.

Однако то, что срабатывает с живым противником, не может остановить плотный поток бронебойных пуль. Сэм уже был сертифицированным покойником – и, похоже, сам успел это понять. Я увидел его перекошенное лицо, превратившееся в застывшую бледную маску, и левую руку со скрюченными пальцами, судорожными рывками пытающуюся дослат в ствол гранатомета очередную гранату, застрявшую в магазине. Я не в первый раз видел человека за несколько мгновений до гибели, и всякий раз эти замершие лица намертво впечатывались в мою память. Если человек знал наверняка, за миг до смерти успевал осознать, что сейчас неизбежно умрет, его лицо приобретало точно такое же выражение, какое в данный момент застыло на лице Галлахера. Это не зависит от храбрости или темперамента погибающего, это, по-моему, не зависит даже от физиологии – это метафизическая маска Смерти, ложащаяся на лицо покойника, который уже заглянул за грань, отделяющую жизнь от небытия, и еще всего лишь несколько мгновений будет казаться окружающим его людям живым существом.

Оп-па. Один-ноль.

Неплохо день начинается, как говорит в таких случаях один страус. А потому что доверяй своим инстинктам, кретин, доверяй, доверяй, доверяй! Они еще ни разу тебя не подводили. Не хочется браться за гнилую работу, воротит с души – ну так не берись! Впрочем, чего уж теперь пить «Боржоми»...

Дорожка пулевых попаданий прервалась, не добежав до Сэма полуметра. Огромная тень у нас над головами внезапно качнулась, ушла в сторону и устремилась к холмам. Винты вертолета на прощание обдали нас тугой волной холодного воздуха.

Похоже, пилот решил, что с нас достаточно.

- Хемуль!.. – рявкнул оглушенный Хе-Хе, приподнимая голову.

- Остаться на местах! - распорядился я.

Нет, так просто ничего не бывает. «Скай фокс» обязан был перемешать нас с землей, или я чего-то не понимаю в этой жизни.

Я подполз к зарослям малины у края лесополосы и осторожно выглянул из-за них. В голове и ушах противно звенело, отчего казалось, что бедная моя голова медленно вращается вокруг своей оси и заваливается набок. Наш четырнадцатый стремительно двигался вдоль шоссе на северо-восток, в направлении своего коллеги с акульей пастью, который барражировал над дальними холмами. Неподалеку от коллеги поднимался из-за холма густой столб черного дыма. Третьего вертолета за номером, если мне не изменяет память, восемнадцать, нигде видно не было, так что я решил, что не слишком ошибусь, если отнесу столб дыма на его счет. Вот, значит, что там взорвалось, а никакой не джип, пока нас тут усердно поливали из «вулканов»...

Едреный перец! Похоже, загадочные боевики, напавшие вместо нас на военный патруль, вооружены не в пример лучше, чем мы. Если только им не посчастливилось сбить «Скай фокс» из «М-16», что практически нереально. Или...

От удаляющегося от нас «Скай фокса» внезапно отделилась черная точка, которая, оставляя в небе неровный дымный след, устремилась к вертолету ноль двадцать один, совершавшему маневр над холмами.

О как! Они что, совсем с ума посходили?! Хотел бы я знать, что тут на самом деле творится! Похоже, Акуляя Пасть сбил своего товарища, с которым только что садил по кому-то на земле ракетами. Сбил не случайно, а вполне целенаправленно, в упор, - вон как наш четырнадцатый переполошился. Любопытно было бы послушать, какой у них сейчас происходит радиообмен... Впрочем, судя по разворачивающимся событиям, ничего утешительного четырнадцатый от двадцать первого в эфире не слышит.

Из корпуса атакованного «фокса» в разных направлениях вывалились несколько темных предметов, которые с такого расстояния выглядели крошечными бесформенными пятнышками. На мгновение они зависли в воздухе, а затем внезапно с ускорением рванулись в разные стороны от вертолета, оставляя за собой петляющие белые трассы. Акуляя Пасть круто ушел на вираж, а обманутая ложными целями ракета отклонилась от верного курса и направилась за одной из тепловых ловушек. Мне показалось, что вспухшее на ее месте огненное облако лизнуло обшивку двадцать первого «фокса», однако особого вреда боевой машине это, судя по всему, не причинило.

Почти без перерыва двадцать первый атаковал сам. Он ударил сразу с двух плоскостей. Две ракеты одна за другой ушли в сторону противника с оглушительным шипением, которое отразилось от холмов и прогремело где-то у горизонта. Я решил, что нашему обидчику хана, однако и этот удар не достиг цели. Одна ракета просто-напросто заблудилась, уклонилась в сторону и взорвалась высоко над холмами, превратившись в огромную пылающую медузу. Не знаю, сделал ли что-либо для этого пилот четырнадцатого или ему просто повезло. Вторую же ракету он довольно легко пропустил под собой, совершив несложный маневр, и она самоликвидировалась вдали, не найдя цели.

Однако! Говорила мне мама - не пей на ночь столько водки, козленочком станешь.

Между тем противники, сблизившись на достаточное расстояние, пустили в ход пулеметы. Понемногу удалившись от меня к холмам, сражающиеся «Скай фоксы» теперь выглядели двумя выясняющими отношения гигантскими осами. Еще одна ракета впустую разорвалась над

Периметром, осыпав полосу отчуждения крупными осколками. Потом что-то там у них произошло – я не большой специалист в тактике ведения воздушного боя и не смог по достоинству оценить все произведенные противниками маневры, но двадцать первый вдруг сел нашему обидчику на хвост и погнал его над холмами. Они стремительно пронеслись в небе, словно скованные одной цепью. Я так и не понял, что случилось потом – раздался странный скрежет, оглушительный треск, и вместо четырнадцатого в вышине внезапно возник разворачивающийся огненный шар, от которого оторвался и взмыл ввысь внушительный клуб черного дыма. Охваченный пламенем корпус и исковерканные куски винтокрылой машины, лениво вращаясь, устремились к земле. Я молча смотрел на них, не в силах поверить собственным глазам.

Ущипните меня кто-нибудь, да побольнее.

Акуля Пасть, только что удачно заваливший двух своих коллег, описал над лесом широкую дугу и устремился к горизонту, в направлении, противоположном аэродрому миротворческих сил в Чернобыле-5. За считанные секунды он превратился в точку и исчез из глаз.

Вот это да! Какую же это траву курят военные пилоты, чтобы прямо на боевом вылете начать мочить друг друга из всех имеющихся под рукой орудий?..

Я вернулся к своим туристам. Молниеносный воздушный бой занял всего пару минут, поэтому туристы до сих пор еще благоразумно не выползли из своих укрытий.

- Что там? – поинтересовался Мартин Донахью, показавшись из-под огромной поваленной ели.

- Полный порядок, – заверил я его. – Вертолеты нас больше не беспокоят. Вперед!

У меня было только одно объяснение странному поведению Акулей Пасты – воздействие контролера. Но контролер в карантинной полосе – совершенно невозможно. Ни один контролер никогда даже на пару километров не приблизится к первой линии обороны, трепетно оберегая себя, любимого, от малейшей угрозы своему драгоценному здоровью. Впрочем, когда-то я так же искренне полагал, что контролеру не под силу удерживать в подчинении целый клан сталкеров...

Мы совершили еще один отчаянный марш-бросок – через полосу отчуждения, через высокие заросли камыша по колено в ржавой воде, через бывшую пашню, за прошедшие десятилетия превратившуюся в дикий луг, через заброшенную деревеньку с покосившимися, полусгнившими, почерневшими хатами. Холмы с двумя догорающими винтокрылыми машинами я постарался обогнуть на почтительном расстоянии – мало ли что.

В деревне под одним из перекошенных заборов валялись свежие консервные банки – наверняка мародеры перекусывали, сталкеры стараются не оставлять откровенных следов так близко от военных. Мародерам же по барабану – они птицы перелетные, все время в движении, сегодня здесь, завтра там, сегодня подстрелили возвращавшегося с хабаром честного бродягу, завтра сами получили честную пулю в голову. Романтика, блин.

Брат, встретишь мародера – не убивай его. Он мой.

Впереди, над лесом, перемещалось и бурлило безумное небо Зоны. Такое ощущение, что многие физические законы после второй чернобыльской катастрофы сошли с ума не только на огражденной Периметром территории, но и высоко над ней. Независимо от погоды в окрестностях над Зоной все время сталкивались и боролись облачные фронты, часто шел

дождь, временами наблюдалось северное сияние, ложные солнца и другие атмосферные феномены, нехарактерные для наших широт. Постоянно изменяющееся, все время перетекающее с места на место небо здесь напоминало картину сюрреалиста – угрюмую и зловещую, но невероятно красивую.

- Сталкер, ты можешь нам объяснить, наконец, что происходит? – не выдержал Стеценко, когда я, решив наконец пощадить туристов, объявил пятиминутную передышку под забором.

- Все в порядке, – проронил я. – Мы уже почти в Зоне.

Не лез бы ты со своими дурацкими вопросами, Андрюша. Я и так ни черта не понимаю. А когда я ни черта не понимаю, у меня от напряжения начинает болеть мозжечок. А когда у меня от напряжения болит мозжечок, я с трудом переношу внезапную стрельбу, коварных мутантов и назойливых дилетантов.

- И вас что, каждый раз так встречают? – настаивал Андрюша. – Ты обещал, что мы просочимся через Периметр без проблем!

- Значит, не судьба, – терпеливо пояснил я. – На всякий случай напоминаю, что мы пытаемся прорваться в зону ведения боевых действий, границы которой контролируются международными силами безопасности и доступ в которую строго запрещен. Я вас предупреждал, что мы запросто можем попасть в переделку.

- Не разумнее ли вернуться, босс? – поинтересовался Стеценко.

- Не разумнее. – Я ткнул большим пальцем за спину. – Вон там какие-то кретины только что расстреляли армейский патруль и уничтожили два вертолета. А военным почему-то страшно не нравится, когда убивают их товарищей. Как раз к тому времени, как мы вернемся ко второй линии, солдат там будет, как муравьев. Думаю, нам обрадуются...

Стеценко хмыкнул и, сев на корточки, привалился рюкзаком к почерневшему от времени забору.

Будь ты отмычкой, Андрюша, я бы тебе уже давно продемонстрировал, кто здесь главный медведь в берлоге. Давать ведущему на маршруте ценные советы строго, строго воспрещается.

Теперь Галлахер.

- Сэм!

Массивный американец поднял голову и угрюмо посмотрел на меня из-под полей своей техасской шляпы. Ладно, ты уже свое на сегодня получил, обойдемся с тобой предельно мягко.

- В следующий раз, когда надумаешь сбить вертолет из подствольника, я прострелю тебе обе ноги, ублюдох. Переведи ему, Миша.

На Мишу было жалко смотреть, кроссы по пересеченной местности явно не были его стихией. Однако он покорно перевел требуемое, не пропустив даже «бастарда». Сэм виновато поднял обе руки и потряс головой.

- Всех касается, – произнес я. – Отдохнули? Вперед!

Между первой и второй – перерывчик небольшой. В смысле, между первой и второй линией

обороны Периметра – карантинная полоса шириной в три километра. Вторую линию обороны вслед за основной, уже на чистой территории, стали оборудовать после того, как Зона после некоторых выбросов несколько раз неожиданно расплзлась, словно раковая опухоль, на километр-другой, поглощая первую линию вместе с оборонительными укреплениями, которые, естественно, приходилось бросать. Кроме того, что вторую линию при необходимости можно было довольно оперативно надстроить и превратить в первую, она также служила неплохим шлагбаумом для стремящихся в Зону авантюристов, уголовников, бомжей и просто придурков, число которых за последние годы стало просто угрожающим. Существовала также и третья линия – далеко у нас за спиной, километрах в десяти от Чернобыля-4 в сторону Киева. Она представляла собой цепь блокпостов, комендатур и КПП на дорогах. Там отсекался основной поток случайных туристов и любопытствующих. Чернобыль-4, который в начале XXI века был выстроен как военный городок, да и сейчас оставался закрытым объектом, располагался как раз между второй и третьей линиями, что делало его отличным плацдармом для вольных бродяг, именуемых сталкерами.

Через первую линию обороны мы просочились даже легче, чем через вторую. Чрезвычайно мощный выброс, отождествивший у военных еще два километра и очередную линию укреплений, произошел совсем недавно, меньше месяца назад, так что целостность оборонительной системы в этом районе была восстановлена еще не до конца. С одной стороны, это играло нам на руку, с другой стороны, здесь нас могли поджидать всякие неприятные сюрпризы. Допустим, шагаешь себе через просеку, которую полагаешь совершенно чистой, и вдруг упираешься лбом в ствол крупнокалиберного орудия миротворческого батальона, которого здесь не наблюдалось еще вчера.

Нам удалось пройти через первую линию без сюрпризов – между двух молчащих долговременных огневых точек. Над одной из них развевался флаг ООН, древко которого оказалось увито спиралью Бруно – видимо, для эстетики. Многорядные сетчатые заграждения здесь сплошь и рядом были прорваны, а часть сталкерской тропы даже не сочли необходимым заминировать. Недалеко от блокпоста мы наткнулись на застрявшую в колючей проволоке грудку органики, в которой я с трудом распознал изуродованного бронбойными пулями до полной неузнаваемости псевдогиганта – тварь тупую и медлительную, но мощную и слабо уязвимую. Пули в нем просто вязнут. От псевдогиганта проще убежать, чем прикончить его, благо бежит он медленно. Но основная опасность в том, что, убегая от настойчиво преследующего тебя мутанта, запросто можно влететь впопыхах в какую-нибудь аномалию или ловушку. По Зоне вообще противопоказано мчаться напролом, не глядя под ноги и по сторонам.

Несмотря на то что первая линия обороны пролегла по этим холмам совсем недавно, вдоль следовой полосы уже валялись в огромном количестве обезображенные, гниющие трупы порождений Зоны – в основном слепых собак, крыс и псевдоплоти, но попадались иногда и неведь как забредшие сюда кабаны. Смердело здесь буквально до рези в глазах. То там, то сям виднелись неподвижно лежащие на земле скорченные человеческие фигуры в камуфляже – зомби тоже постоянно выбредали на Периметр. Не исключено, что некоторые из этих трупов принадлежали накрытым внезапным артобстрелом сталкерам. В одном месте я даже обнаружил молодого кровососа, разорванного почти пополам прямым попаданием из миномета. Привлеченные запахом гниющего мяса, сюда понемногу стекались новые твари – и тоже оставались здесь, пораженные минометными осколками и трассирующими пулями. Мои туристы во все глаза глядели на эту скотобойню, и я им не мешал, следил только, чтобы они не сбивались с курса. Это полезно, пусть хотя бы приблизительно поймут, во что вляпались.

- Первый круг ада, – негромко произнес Мартин Донахью.

Переползая из воронки в воронку, пригибаясь, короткими перебежками мы быстро миновали простреливаемый участок. Как я и предполагал, Мишу Пустельгу, кем бы он ни был, мне пришлось опекать особо, то и дело выдергивая за шкуру из наполненных разлагающейся плотью ям, куда он ухитрялся проваливаться по колено. Что касается Альваро Камачо, то он успевал двигаться, практически не отрываясь от портативной видеокамеры. Что ж, будет что показать техасским девочкам.

Даже если бы дозорные заметили нас, стрелять по нам они вряд ли стали бы. Военным на первой линии обороны, в общем-то, положить с прибором на тех ненормальных, что нелегально лезут в Зону, они вполне резонно полагают, что это забота второй и третьей линии; задача же солдат, находящихся на передовой, – не выпустить во внешний мир ту дрянь, что настойчиво прет из Зоны. Вот когда мы будем возвращаться, солдаты не пожалеют на нас ни патронов, ни мин, ни гранат: согласно официальной версии, в Зоне нет людей, кроме ученых и охраняющих их военных сталкеров, поэтому всякое двуногое, пытающееся покинуть Зону и не являющееся ни ученым, ни военным сталкером, есть либо мутант, либо зомби, либо опасный преступник, скорее всего, инфицированный смертельным и чрезвычайно заразным заболеванием. Возможно, то, что военные сквозь пальцы смотрят на уходящих в Зону вольных бродяг, объясняется исключительно меркантильными соображениями – туда ведь сталкеры отправляются пустыми, а вот обратно возвращаются с хабаром, который в случае ареста или смерти бродяги неподалеку от блокпоста весь достается военным. Но возвращаться здесь мы, конечно, не будем: знающие люди никогда не выходят из Зоны тем же путем, которым вошли. Это верная смерть – вернее только пустить себе пулю в лоб.

Кладбище монстров охотников определенно впечатлило. Опасаясь засады, я дал солидный крюк к западу, и пока мы огибали простреливаемую ооновцами долину, гигантский могильник под открытым небом, физиономии туристов оставались вытянутыми. Лишь в глазах Мартина я заметил нехороший азартный огонек. Лицо же Сэма оставалось равнодушным, словно он даже не заметил изувеченных груд мутировавшей плоти. Вообще он на удивление быстро пришел в себя после того, как избежал неминуемой смерти от пулеметных очередей. Крепкий парень, уважаю. Таких нужно ломать в первую очередь, чтобы не сели на шею и не начали качать права, оспаривая твой авторитет. Однако как его ломать, эту скотину? Клиент, мать твою двадцать, тем более не понимающий по-русски!..

Вот почему я не люблю водить в Зону туристов, так именно поэтому.

Дважды я слышал за холмами стрекот «фоксов», однако боевые вертолеты так и не появились в поле зрения. Похоже, по ту сторону Периметра началось весьма активное шевеление.

Наконец мы добрались до густого подлеска по ту сторону холмов и по моей команде без сил повалились на траву, сбросив с плеч массивные рюкзаки. Я этот лес так и называю – «Нокаут». Всякий раз, входя в Зону, я ощущаю это странное чувство – словно невидимая рука начинает медленно, но неумолимо сворачивать внутренности в один тугой узел, а в голове наоборот – словно распрямляется понемногу тугая спиральная пружина. Однако в зоне прямой видимости военных останавливаться никак нельзя, никогда не знаешь, что придет им в голову, если тебя вдруг заметят. Бокасса однажды проверил это на собственном опыте – и теперь валяется, расплосованный пулеметной очередью, среди других монстров возле блокпоста на подступах к Болоту, если его еще не сожрали слепые собаки и крысы. Первым укрытием на пути, в котором можно упасть на землю и перевести дух, и является лес по имени Нокаут.

Кстати, Бокасса не имел никакого отношения к знаменитому африканскому диктатору-людоеду. Он даже не был черным – обычный добродушный хохол из-под Житомира. Своим прозвищем он был обязан дурацкой привычке: всякий раз, расплатившись в баре «Шти», он

старательно перетягивал оставшиеся деньги резинкой, долго и тщательно прятал их в извилистые глубины бездонного внутреннего кармана, после чего радостно пояснял бармену и сидящим рядом с ним за стойкой собутыльникам: «Бо каса!»

В нашем случае существовал дополнительный риск, что военные со второй линии свяжутся с первой, и местные вояки усилят бдительность, пожалуй, еще и устроят внеплановое патрулирование. Однако я был уверен, что ребят с передовой не будут беспокоить еще некоторое время. Сталкеры никогда не прорываются в Зону со стрельбой: для нас гораздо проще и безопаснее шмыгнуть туда незамеченными. На боестолкновение обычно идут те бродяги, которые возвращаются с богатым хабаром, которым наступают на пятки солдаты первой линии и которым уже нечего терять. Следовательно, нас с туристами еще некоторое время будут искать по ту сторону Периметра – вне Зоны. Если только нас вообще будут искать, а не удовлетворятся трупами тех, кто пытался организовать на нас засаду.

- Ну что, господа охотники, – прохрипел я, – добро пожаловать в Зону.

Мои охотнички валялись на земле, как раздавленные лягушки, и жадно глотали прохладный воздух.

- Надеюсь, я вас не загнал? – поинтересовался я. – Медленнее было нельзя.

- Порядок, Хэм, – за всех отозвался Донахью, с трудом переводя дух. От перенапряжения его русский окончательно превратился в кашу. – Это что... так и будет? – Он описал пальцем круг возле своего торса.

- Минут через десять отпустит, – сказал я. – Можно курить и активизировать электронику.

Пока мы перекуривали и приходили в себя, Хе-Хе и Камачо совместно колдовали над электронным планшетом, уточняя дальнейший маршрут.

- Через Собачью деревню? – спросил у меня Хе-Хе, сверившись с картой на ПДА.

- Через Собачью деревню, – согласился я. – Только по краешку, сильно не углубляясь. Покурили? Вперед!

Миша Пустельга тихонечко застонал, но с земли поднялся. Ничего, не помрет, а вот от первой линии обороны нам лучше уйти побыстрее. Полноценный привал устроим чуть погодя.

Внутренности мои к этому времени пришли в норму. Значит, отпустила, поганка. Поприветствовала и отпустила. Ну, здравствуй, сволочь ненаглядная.

Я построил свою команду и повел ее в гущу Свалки по зачумленной земле Зоны.

Глава 6. Собачья деревня

На Свалке нам с дичью не слишком повезло. Создавалось такое впечатление, что вся дичь здесь повымерла. Вообще-то ближе к Периметру твари обычно попадают реже: их регулярно уничтожают и первая линия обороны, и промышляющие здесь сталкеры, и мародеры. Проклятый закон подлости – в другой день я был бы счастлив не встречаться с мутировавшими тварями как можно дольше, но сегодня мы именно за ними и пришли.

Пару раз я замечал вдалеке одиноких сталкеров-новичков, бродящих по давно уже обобраным местам в поисках какого-нибудь мелкого артефакта, которым побрезговали ветераны. Нет, они нам в качестве дичи не годились. Да они и сами были не слишком рады встрече с большим отрядом бродяг и, не зная, чего от нас можно ждать, моментально исчезали, едва мы попадали в их поле зрения.

Один раз мне показалось, что в кустах у кромки леса шевелится псевдоплоть, однако тварь ускользнула так быстро, что я не успел даже приглядеться как следует.

Первые шаги в Зоне – как первые шаги по Луне. Здесь все по-другому. Здесь смерть разлита в воздухе. Когда торчишь тут сутками, к постоянной опасности привыкаешь, однако всякий раз, когда попадаешь сюда после большого перерыва, некоторое время чувствуешь себя очень неуютно.

Метров через сто я показал туристам «стекловату» – самый распространенный и дешевый артефакт, который попадает в Зоне на каждом шагу. Некоторые опустившиеся сталкеры, живущие в Зоне, занимаются исключительно тем, что пасутся по краю Периметра, собирая коричневатые, искрящиеся на свету, невесомые волокна. Впрочем, это похоже скорее на попытку заработать сбором хлопка – чтобы получить от торговца хотя бы на стакан прозрачного, придется сдать ему целый мешок утрамбованной «стекловаты». Говорят, эта штука абсолютно не проводит тепло, поэтому ее кладут между слоями специальной ткани в огнеупорные костюмы. В общем, что собирать «стекловату», что пустые бутылки – один черт: дело, конечно, достаточно безопасное, но хлопотное и абсолютно неприбыльное. В аккурат хватит денег не умереть с голоду, да и то не факт, учитывая черномыльские цены, которые в несколько раз выше киевских.

Туристы все же взяли по пучку волокон в свои контейнеры – сувениры типа. Я хмыкнул про себя, но ничего не сказал. Даст Черный Сталкер, раздобудем мы с ними сувениры посолиднее.

Однако раз появились артефакты, жди аномалий. Очень скоро мы наткнулись на первую – совсем рядом с брошенным полуразрушенным дотом, который когда-то входил в первую линию обороны. Это была дрейфующая мясорубка – раньше на тропе в этом месте ничего не было. Я поднял руку и с удовлетворением отметил, как одновременно и четко замерли туристы. Ну, будет толк.

Мясорубка оказалась средних размеров. На экранчике детектора аномалий она отображалась в виде неровного желтого пятна. Неопытный человек ни за что бы не распознал ее невооруженным глазом – мясорубка была абсолютно невидима, и лишь едва уловимое покалывание в кончиках пальцев свидетельствовало, что совсем рядом притаился мощный аккумулятор природного электричества. Кроме того, если долго вглядываться в пространство над тропой, можно было заметить, как в воздухе над одним из ее участков прямо перед нами время от времени проскакивает прозрачная, едва уловимая глазом нитевидная молния, похожая на тонкого извивающегося червя. На ярком солнечном свете ее вообще было бы не разглядеть.

Вынув из нагрудного кармана небольшой металлический болт, я подбросил его на ладони. Дедовский метод определять аномалии, однако как до сих пор нет оружия надежнее «калашников», так же нет детектора аномалий надежнее старого доброго болта. Да и для демонстрации туристам возможностей мясорубки штука самая подходящая.

Я без замаха бросил болт в самый центр аномалии. Мясорубке это не понравилось. Пространство вокруг нее треснуло, пробитое огромной сиреневой молнией, поразившей болт в

самую серединку. Крепко пахло озоном, волосы на руках и загривке встали дыбом, отшатнулись от неожиданности туристы. Страшно по первому разу, оно и понятно. Когда стоишь рядом с работающей мясорубкой, такое ощущение, что тебя вот-вот пробьет насквозь разрядом в несколько тысяч вольт. Не шевелясь, я хладнокровно наблюдал, как затухающие статические разряды очерчивают над землей прозрачную полусферу метров трех с половиной в диаметре; изгибающиеся молнии плясали между грунтом и куполом, по поверхности полусферы лениво скользили сгустки ионизированного газа. Понемногу аномалия успокоилась и вновь растворилась в окружающем пространстве, став совершенно невидимой.

Галлахер подобрал искореженный болт, отлетевший к его ногам, дернулся и с проклятиями начал перебрасывать его из ладони в ладонь: болт оказался страшно горячим.

- Это и есть та самая мясорубка? - поинтересовался Камачо, не отрываясь от камеры. Он зафиксировал весь процесс от начала до конца.

- Точно, - отозвался я. - Если влезть в нее - верная смерть. Хотя и очень легкая. Практически мгновенная. Но все равно не рекомендую.

Обозначив границы мясорубки, я нашел на обочине большой камень и как следует вдавил его во влажную глину тропинки метрах в трех от аномалии. Сталкеры, которые пойдут следом за мной по этой тропе, будут кидать болты с этого репера, чтобы определить опасное место.

Галлахер сунул мой болт в кармашек бронезилета. Ладно, пусть у него будет еще один сувенир. У меня-то болтов полный карман. Если закончатся, я всегда успею раскулачить любителя сувениров.

Сделав несколько широких зигзагов и миновав пару брошенных полуразвалившихся дотов, которые некогда входили в состав первой линии обороны, но были поглощены разросшейся Зоной, мы вышли к железнодорожной насыпи. Родные места! Вон там, метрах в шестистах, я на той неделе лежал, прячась от собственных отмычек. Вон в тех развалинах к северо-востоку, в подвале, мы скрывались от выброса. Вот котлован, устланный мусором... Хм. Что-то не так, чего-то не хватает в окружающем пейзаже, и это очень неприятно. Всегда, когда в Зоне что-то непонятно или вызывает тревогу... а, ну да, огромного экскаватора, годами висевшего на краю ямы. Понятно. На дне котлована, возможно, еще сохранились кости Кислого, Китайца и кровососа - сами трупы наверняка уже стали добычей слепых собак. Нет, через котлован с изнанкой мы не пойдём, не самый удачный теперь маршрут.

Мы осторожно двинулись по некогда накатанной проселочной дороге, ныне заросшей высоким сохлым бурьяном, к линии электропередачи с оборванными проводами. Благополучно миновав Периметр и пережив вертолетный обстрел, охотники слегка расслабились, решив, что самое страшное уже позади. Легкость, с какой я обнаруживал аномалии, убаюкивала их. Я показал им несколько слепых собак, трусливо сопровождавших нас на почтительном расстоянии, и это, как и почти полное отсутствие на провешенной сталкерами тропе смертоносных ловушек, лишь еще больше расслабило охотников. Монстры Зоны, как и одиночные бродяги, явно боялись приближаться к большому отряду. Галлахер пальнул в их сторону одиночным, и твари бросились врассыпную, словно крысы.

Стеценко и Пустельга о чем-то трепались в полный голос, Камачо задавал мне какие-то дурацкие вопросы про Зону, Мартин Донахью, с любопытством крутивший головой по сторонам, то и дело вылезал за пределы установленной мной трассы. Пока мои туристы не наблюдали в Зоне ничего опаснее двуногих существ в военной форме. В общем, я их понимал:

мне тоже первое время трудно было осознать, что унылый среднеевропейский пейзаж вокруг смертельно опасен. Туристы все еще не верили, что они уже внутри, они все еще ждали, когда же мы пересечем невидимую границу и попадем наконец в настоящую Зону, в которой кипит непрерывная битва между сталкерами и порождениями тьмы.

Однако подобная беспечность здесь строго наказуема. Свалка, конечно, так себе полоса препятствий, на троечку, а вот ближе к Агропрому идти прогулочным шагом уже не получится. А уж на Милитари, к примеру, вообще гляди в оба и только успевай уворачиваться и менять магазины в автомате.

Ну, ладно, господа. Самое время кое-что вам продемонстрировать. Обычно всякого новичка в Зоне слегка учат, чтобы не расслаблялся и не совался туда, куда слепая собака хрен не сунет. Это очень полезно: обостряется инстинкт самосохранения и улучшается цвет лица.

Я уже показал им несколько простейших ловушек, и осмелевшие туристы теперь сами уверенно находили очевидные аномалии, которые легко было определить по характерным признакам – вмятой в почву траве, потрескиванию статических разрядов, цветным пятнам на почве и на экранах сталкерских детекторов. Дождавшись, когда впереди замаячит дерево с пожелтевшей листвой, я слегка отпустил ведомых вперед, сделав предупреждающий жест Хе-Хе. Для науки. И, едва ярко-желтая листва зашевелилась, словно в кроне дерева заработал мощный вентилятор, страшно зарычал:

- Стоять!!!

Стеценко и Пустельга мгновенно замерли как вкопанные; Камачо остановился на полушаге; Донахью по инерции шагнул вперед да еще и недоуменно полуобернулся ко мне.

Разумеется, жарка выбрала именно его.

Что касается Сэма, то он повел себя самоотверженно: едва на уровне груди Донахью вспыхнуло вынырнувшее из кроны дерева клубящееся ослепительно-красное облако, Галлахер рванулся вперед и в прыжке сбил Мартина на землю. Они покатались по траве, а жарка, сделав задумчивую петлю в воздухе, направилась следом за ними.

А черт! По моим расчетам, все должно было закончиться опаленными ресницами и легкими ожогами. Жарка никогда не выходит самостоятельно за пределы своего обычного маршрута, она гигантским маятником взад-вперед движется по поляне, пока не успокаивается на некоторое время и не зависает неподвижно невысоко над землей. Однако стоит ее потревожить интенсивными колебаниями воздуха, и она снова начинает перемещаться, выжигая под собой траву. Ее невозможно зафиксировать никаким детектором, кроме теплового, зато длинные полосы пожелтевшей травы и кустов, отмечающие ее маршрут, видны издалека. Так вот, я специально подвел охотников к самому краю желтой полосы, чтобы все закончилось опаленными ресницами и легкими ожогами. Но теперь Мартин и Сэм оказались точно на пути следования жарки, и клубящееся огненное облако, потревоженное колебаниями воздуха и взмывшее метра на полтора вверх, падало прямо им на головы.

У меня над ухом загрохотала автоматная очередь: Камачо попытался расстрелять жарку. Без особого успеха – пули пронзали сгусток раскаленного ионизированного газа, даже не оставляя следов.

Я рванул с пояса герметичный контейнер для хабара, но Хе-Хе успел быстрее. Брошенный им контейнер столкнулся с жаркой и исчез в ослепительно белой вспышке. На траву брызнул дождь расплавленных металлических капель, а огненное облако, сбитое с пути, изменило

траекторию.

- Отползайте! - страшным шепотом прохрипел я. Орать сейчас было нельзя - сбита с маршрута блуждающая жарка очень чутко реагирует на малейшие колебания воздуха. - Только потихоньку, не делайте резких движений!

Миша произнес то же самое по-английски. Донахью и Галлахер с застывшими физиономиями по-пластунски, на одних локтях поползли в нашу сторону. Чудное, должно быть, ощущение - когда лежишь мордой в землю, а над тобой парит, потрескивая, смертоносная аномалия, испускающая нестерпимый жар. Хвала Черному Сталкеру - не довелось ни разу попробовать.

Я замер со своим контейнером в руке, внимательно следя за тем, как поведет себя огненное облако. Если жарка снова свалится с новой траектории вслед уползающим охотникам, надо будет угостить ее еще одним контейнером. Годится, в принципе, любой предмет, желательно металлический и потяжелее, чтобы вернее сбить аномалию с направления. Главное - бросок должен быть короткий, резкий и точный.

Нет, кажется, все обошлось. Жарка прочно легла на новую траекторию. Она проскользнула над головами вжавшихся в мокрую землю Мартина и Сэма, направилась в нашу сторону, но прошла мимо и устремилась к краю поляны, понемногу замедляясь. Замерев в конце параболы, словно маятник, достигший крайнего положения, она тем же путем двинулась назад, вновь набирая скорость. Камачо, Стеценко и Пустельга с тревогой наблюдали, как она приближается к нам, и трава под ней шипит от страшного жара. Однако теперь жарка, выбитая контейнером Хе-Хе на новую стабильную параболу, была уже безопасна.

Когда мистер Донахью с телохранителем отползли метров на десять от уже начавшей проступать на траве новой желтой полосы, я позволил им встать на ноги.

- Когда я говорю «стоп», останавливаться надо тут же, а не через полчаса, - флегматично пояснил я. - В следующий раз вас поджарит, как цыплят гриль. Все ясно?

- Ясно. - Донахью был мрачнее тучи, на него жалко было смотреть. Так опозориться в глазах крутого проводника!

Ладно, это все детские игрушки. Азимут на северо-запад - и скоро будет вам действительно достойное развлечение. Только в штаны не наложите.

Я был не особо расположен разговоры разговаривать, а Хе-Хе у нас вообще молчун, поэтому некоторое время мы продвигались в гробовом молчании, пока мои туристы немного не оттаяли от пережитого.

- Погиб сталкер Семяцкий, - произнес Стеценко, разглядывая свой ПДА. Научившись пользоваться портативным сталкерским компьютером, он теперь с детским любопытством изучал все новые сообщения, приходящие от Че. - Свалка, убит черновобильским псом. Это где-то в нашем районе, Хемуль!

- Не обращай внимания, - посоветовал я, поглядывая на аномальный детектор. - Это Вечный Сталкер. Местный Летучий Голландец. Достопримечательность такая.

- Как это?

- Есть у сталкеров легенда про Монолит, - нехотя принялся объяснять я. Не хотелось мне

дурацкие разговоры разговаривать. – Типа во время второго взрыва на четвертом энергоблоке все, что было внутри бетонного саркофага, которым обложили энергоблок после первой катастрофы, сплавилось в один огромный Монолит, который почему-то начал исполнять желания тех сталкеров, которые к нему приходили...

– Говорят еще, что Монолит – это огромный черный кристалл, который вывалился из дыры в пространстве, сделанной взрывом, – встрял Хе-Хе. – И на самом деле никто не знает, где его искать. Хе-хе! Многие пытались...

– Разные версии есть, – согласился я. – Еще кто-то мне рассказывал, будто «Монолит» – секретная военная разработка, которую двадцать лет вели здесь после первого взрыва. И что вроде бы именно он, выйдя из-под контроля военных, и устроил на ядерной станции второй взрыв, который был в сотни раз мощнее первого и породил современную Зону. Слышал я также, что Монолит разумен. Члены сталкерского клана с одноименным названием поклоняются ему как богу. Идиоты...

Я остановился, разглядывая странную кочку слева по курсу. Неприятная была кочка. С одной стороны словно аккуратно срезанная ножом. Возможно, постарался гравиконцентрат, а может быть, Дядя Миша прошел. Или еще какая-нибудь дрянь, пока неизвестная науке. Ага, вон еще один такой же неприятный бугорок. Контактная пара. Ясненько. Если сунуться между ними, запросто можно превратиться в киевскую котлету на кости. Впрочем, с равным успехом можно и не превратиться, если пара разряжена. Но на кой черт пробовать?

– Многие сталкеры пытались добраться до Монолита, но мало у кого получилось, – продолжал я, когда мы, закончив огибать опасное место, вернулись на тропу. – Бывшая атомная электростанция – самое гиблое место, даже соваться не стоит. Вокруг нее мощное пси-поле неизвестной природы, поэтому всякий, кто туда забредает, превращается в зомби. Дорогу к Монолиту преграждают непроходимые ловушки и аномалии, окрестности ЧАЭС кишмя кишат мутантами, а вертолеты туда не долетают из-за особых гравиконцентратных плешей, которые бьют не на пару метров вверх, как обычные, а сразу на несколько километров. Так вот, рассказывают, что Семяцкий был одним из немногих счастливых, кому удалось в здравом уме и твердой памяти достичь Монолита. И он пожелал себе бессмертия...

Я замолчал, обводя датчиком огромный пень-выворотень, расположившийся у нас на пути. Под такими пнями обожает днеть всякая мутировавшая дрянь.

– И что? – осторожно спросил Стеценко.

– И ничего, – произнес я, закончив обследование. Мы двинулись в обход пня. – Больше его никто никогда не видел. На обратном пути он, судя по всему, случайно и нелепо погиб, и сталкерам пришлось на ПДА сообщить о его смерти. А на следующий день – еще одно. И на следующий день тоже. И так пятнадцать лет подряд. Че до сих пор не может определить, каким образом эти сообщения поступают в общую сеть, поскольку Семяцкий в ней уже давно не зарегистрирован – с момента своей первой смерти. Судя по всему, он умирает и воскресает ежедневно. Похоже, он стал одним из духов Зоны, как другие бродяги, обнаружившие Монолит, – Черный Сталкер, Оборотень, Звериный Доктор, Сталкер-Призрак. Все они были людьми, но в какой-то момент решили поиграть с Зоной в армрестлинг...

– Да, говорят, что желания тех, кто пришел к Монолиту, действительно исполняются, но счастья им это не приносит, – негромко произнес Хе-Хе, настороженно оглядывая окрестности. – Они исполняются, но всегда с какой-нибудь закавыкой. Как желания людей, продавших душу дьяволу, хе-хе.

- Монолит, мистер Хемуль, - проговорил Камачо, наводя на меня видеокамеру. - Насколько рассказы о нем могут соответствовать реальности?

- Камеру убери, - невежливо потребовал я. Ни к чему мне светиться. Потом они продадут эти съемки «Нэшнл джиогрэфик» или «Би-би-си», те сделают из них серию для документального сериала «Горячие точки мира», сериал этот купят наши и станут крутить по воскресеньям. Я думаю, военные будут счастливы увидеть меня по телевизору в роли сталкера-проводника.

- Прошу прощения. - Альваро послушно выключил камеру. - И все-таки: может ли в Зоне существовать такой феномен, который исполняет желания? Ведь это уже получается воздействие не на физическом, а на ментальном уровне.

- Почему бы и нет. - Я безразлично пожал плечами. - Существует ведь, например, дьявол-хранитель. А это тоже воздействие какого-то феномена Зоны непосредственно на человеческую судьбу, а не на тело.

- Дьявол-хранитель? - заинтересовался Донахью. - Как это?

- Это крайне редкий феномен, - сказал я. - На моей памяти случался раза два или три, да старики еще рассказывали несколько случаев. Человек вляпывается в какую-то черную липкую гадость вроде паутины и думает: ну все, как-то. Однако выбирается без особых последствий, отмывается тоже. После этого ему начинает удивительно везти: он приобретает способность проходить такими непроходимыми тропами, на которых даже чувствительная псевдоплоть попадает в ловушки. Его не трогают мутанты, он не попадает под вертолетные обстрелы, его не замечают спрятавшиеся возле Периметра мародеры. Вот только люди, с которыми общается везунчик, начинают гибнуть на ровном месте. Опытные сталкеры, идущие с ним в паре, попадают в аномалии там, где раньше молодняк гулял толпами, купившие у него хабар торговцы умирают, случайно поперхнувшись водкой или упав с лестницы, вооруженного до зубов ветерана, перекинувшегося с ним парой слов в баре, загрызает одинокая слепая собака. Дьявол-хранитель каким-то образом отбирает у них у всех положенный запас везения и перенаправляет на своего хозяина. С человеком, за плечами которого сидит дьявол-хранитель, стараются не общаться, хотя и на жизнь его не покушаются: бывало, что у засевшего в засаде киллера разрывалась в руках винтовка или ему в глаз прилетала за два километра с холмов шальная пуля из случайной перестрелки... Поэтому никакой пользы такой человек из своего особого положения извлечь не может. Он способен добыть любой артефакт из самого недоступного места, но сбыть потом этот хабар не в состоянии - тот становится опаснее горячей частицы, поскольку всякий его обладатель быстро погибает. В конце концов носители дьявола-хранителя сходят с ума и исчезают в Зоне. Или становятся одинокими духами Зоны, как Сталкер-Призрак, который первым подцепил такую дрянь.

Впереди на тропе я обнаружил большой камень, вдавленный в глину. Кто-то прошел здесь до меня и предупредил коллег о том, что на тропу выползла аномалия. Рядом с тропой даже образовалась уже петля примятой травы - мы были не первыми, кто огибал опасное место. Я подбросил на ладони болт. Если аномалия уже исчезла, камень следовало вынуть, дабы попусту не превращать сталкерскую тропу в трассу слалома.

- Удивительно, - произнес Альваро. - Но возвращаясь к Монолиту. Ты провел в Зоне столько лет, как ты оцениваешь - насколько правдивы эти легенды?

- Если ты собрался искать Монолит, сразу выкинь из головы эти глупости, - посоветовал я, несколькими бросками обозначив гравиконцентратную плешь. Два болта, поочередно

брошенные мной в ту сторону, на середине траектории вдруг резко срывались вниз и вонзались в землю с такой силой, словно были выпущены из «калаша». Третий болт, брошенный чуть дальше, отшвырнуло так, что он глубоко воткнулся в дерево. Гравиконцентрат чудовищно искажает вектор и силу гравитации в пределах нескольких метров вокруг себя. Туристы с уважением наблюдали за моими манипуляциями – случай с жаркой их определенно впечатлил. – Очень многие сдохли в Зоне, впустую разыскивая огромный кристалл, который сделает их богатыми и счастливыми, вместо того чтобы делом заниматься. Это занятие для кретинов. А из тех, кто все-таки нашел Монолит, ни один не остался человеком. Теперь они – наполовину порождения Зоны.

- Ага! – обрадовался Камачо. – Значит, ты все-таки уверен, что Монолит существует!

- На самом деле я бы охотно списал его на болезненную фантазию сталкеров, – отозвался я, направив свою группу в обход аномалии. – Люди постоянно подвергаются смертельной опасности, они все время находятся в напряжении, живут на пределе возможностей, зарабатывая гроши, – и вполне естественно, что им хочется, чтобы это что-то значило, чтобы это имело какой-то высший смысл, чтобы у каждого оставался шанс однажды отправиться в опостылевшую Зону и найти там свою мечту. Без этого жизнь возле Периметра невозможна. Я охотно списал бы рассказы о Монолите на это дело, если бы не люди, которые все же до него добирались. – Я покосился на попискивающий ПДА, предупреждавший меня о появлении в непосредственной близости мутагенных форм. – Ящер, Болотный Доктор, Оборотень – я лично встречался с ними уже после того, как Монолит исполнил их желания. И многие другие сталкеры видели их тоже. Кое-кому даже удалось с ними поговорить...

- Значит, их можно уговорить или заставить выдать маршрут к Монолиту? – не унимался любознательный Камачо.

- Если бы все было так просто, добравшихся до него было бы не полдюжины, а несколько тысяч, – снисходительно пояснил я. – Никто не сможет уговорить или заставить духов Зоны открыть дорогу к Монолиту. Расслабься, брат, Монолит не приносит счастья тем, чьи желания исполняет. Человек – слишком сложно устроенное животное, чтобы исполнение заветного желания приносило ему счастье. Это всегда вызывает только досаду и разочарование...

- А если, к примеру, это не шкурное желание? – спросил Стеценко. – Допустим, мир во всем мире? Или, скажем, счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным?

- Что бы ты ни сказал Монолиту, он все равно выполнит не то, чего ты просишь, а то, что ты прячешь в сердце, чаще всего даже от себя самого. Самое заветное. А если даже это заветное совпадает с идеей осчастливить человечество... Говорят, один ученый, пламенный пацифист, пришел к Монолиту именно с этим – со страстным желанием осчастливить всякую живую тварь. Теперь он Звериный Доктор на Болоте...

- Хемуль, – внезапно подал голос Донахью, – собаки!

- Вижу, вижу... – пробормотал я, поглядывая на ПДА.

Слепые собаки снова плотно сели нам на хвост, только теперь они вели себя гораздо наглее. Четыре собакообезьяны уверенно трусили за нами, понемногу сокращая дистанцию. Их тупые морды с невидящими, словно зажмуренными глазами были направлены на нас, как локаторы. Впереди, среди деревьев и кустов, в траве изредка проскальзывали облезлые коричневые тела их сородичей. Нас брали в кольцо по всем правилам загонной охоты.

- Перевести оружие в боевое положение, – распорядился я. – Снимите с предохранителя,

дошлите патрон в патронник и будьте наготове. Не забывайте: собаки очень живучи, поэтому бить лучше всего в голову. Сейчас будет небольшое развлечение.

Болтливость американцев как рукой сняло. Они вцепились в оружие и начали зорко постреливать глазами по сторонам. Ну кино, честное слово.

Укрывшийся в высокой траве, откуда-то за нами сейчас наверняка внимательно наблюдал чернобыльский пес, и хорошо, если один. Крысы без крысиного волка представляют собой лишь бессмысленную стаю грызунов, слепые собаки ведут загонную охоту только под руководством чернобыльского пса. По-другому не бывает. Станный, мать его, симбиоз. И если крысиный волк – просто выросшая до невероятных размеров крыса, то слепые и чернобыльские псы – определенно создания разных видов, каким-то образом научившиеся жить и охотиться вместе.

Они похожи друг на друга только облезлыми боками. Чернобыльский пес вдвое больше самой крупной слепой собаки. У него уродливая, лобастая лысая голова с острыми кривыми зубами, торчащими далеко вперед из нижней челюсти, черный окрас с подпалинами, длинная развевающаяся шерсть в отличие от короткошерстных слепцов и огромный уродливый нарост из плоти на груди и шее, который увенчан пучком жестких черных волос и похож издали на львиную гриву. Американцы называют их chernobyl lions. Чернобыльские псы страшные индивидуалисты и никогда не ходят стаями, в самом крайнем случае – парами. Однако, наткнувшись на стаю слепых собак, чернобыльский пес охотно примыкает к ней и организует ее в довольно серьезное боевое подразделение. Причем не по принципу контролера – эта тварь не подчиняет себе сознание собак стаи, они покоряются ей из-за каких-то животных инстинктов. Они сразу и безоговорочно признают за чернобыльским псом право на первенство как за вожаком и исправно выполняют все его команды, которые он скорее всего отдает мысленно – уж больно четко и слаженно у них все получается. Пес при помощи своего развитого интеллекта делает из них бригаду загонщиков, и из трусливых падальщиков, охотников за крысами они становятся опасными охотниками, способными совместными усилиями загнать припять-кабана.

Я отметил, что туристы стараются держаться поближе к нам с Хе-Хе. Ага, проняло.

Метрах в пятидесяти перед нами вынырнула из рожи крупная слепая собака. Постояла несколько мгновений, плавно раскачивая безглазой мордой, потом с треском исчезла в кустарнике на другой стороне дороги. С обеих сторон от нас, в сплошной стене деревьев справа и слева происходило бодрое шевеление: собаки азартно перегруппировывали силы. Хе-Хе понемногу переместился в арьергард и, держа автомат на изготовку, стал прикрывать наш отряд с тыла.

– Что-то они не в меру активные сегодня, – пробормотал помощник, надвигая на глаз целеуловитель.

Я не стал спорить.

– Как только начнут бросаться – сразу бейте очередями, – вполголоса предупредил я. – Эти станут брать массой.

Повадками слепые собаки напоминают гиен или шакалов. Они будут долго преследовать крупную добычу на почтительном расстоянии, не решаясь подойти ближе, а потом, измотав жертву, понемногу обнаглеют и рано или поздно сожмут кольцо.

Наконец роща кончилась, и мы вышли на луг, так и не дождавшись нападения. Вот и ладушки: на открытом месте охотиться сподручнее. Странно только, что нас начали пасти еще на самых дальних подступах к логову. Или твари-телепаты еще издали учуяли, что мы идем их бить?..

- Собачья деревня! - выдохнул Хе-Хе.

Неподалеку виднелись полуразрушенные, почерневшие от времени хаты. Деревенька резко обрывалась в глубокий овраг - во время самого первого выброса здесь пошел разлом в земной коре, и несколько домов оказались погребены под многометровым завалом. Половина одного из домов так и осталась стоять на краю обрыва - словно рассеченная гигантской бритвой. По дну заваленного мусором оврага протекал мутный ручей, далеко за домами торчала покосившая опора ЛЭП. Неплохой ориентир. А прямо перед нами, метрах в ста, сидели полукругом слепые собаки. Полтора десятка. И еще не менее двух дюжин вертелись в траве, выглядывали из перекошенных сараев, шуршали в кустах на опушке.

Белить твой потолок!

- Это, - произнес Хе-Хе моментально осипшим голосом. - Нам не до фига ли будет?..

Я одарил его мрачным взглядом. Не хватало еще посеять панику среди туристов. Вот тогда нам точно труба. Молчи, бродяга, работаем по резервному варианту.

- Огонь одновременно, - распорядился я. - По моей команде.

Миша Пустельга первым почувствовал неладное. Возможно, другие тоже ощутили некоторый дискомфорт, однако благоразумно оставили свои соображения при себе. Все-таки я немного сумел внушить им насчет царя и бога в моем лице. Зато простодушный Миша выступил за всех:

- Хемуль, почему их так много? А если они атакуют нас все разом?..

Разумеется, они атакуют нас все разом, как только скомандует чернобыльский пес. И будь я проклят, если знаю, почему их тут так много. Тут не меньше трех стай.

Собаки облюбовали эту деревню давно. Здесь всегда обитала большая триба этих мутантов, за что деревню и прозвали Собачьей. Во-первых, отсюда не так уж далеко до первой линии обороны, возле которой по ночам всегда можно полакомиться свежей падалью. Можно, конечно, вместо мяса получить разрывную пулю или минометный осколок, но совсем без риска в Зоне никак. По крайней мере, это не более рискованно, чем охотиться, к примеру, на псевдоплоть. Во-вторых, на Свалке всегда найдется что пожрать и без Периметра: крупных хищников немного, изредка забредают с других уровней, а смертность среди сталкеров большая - необстрелянные желторотики в одиночку лезут в Зону через Свалку и здесь нарабатывают необходимые навыки по обнаружению смертельно опасных аномалий, в основном ценой собственной головы. В-третьих, здесь собакам было очень удобно прятаться - множество полуразрушенных строений с подвалами и подземными лазами, покосившиеся заборы с удобными подкопами, бесчисленные норы в земле превращали деревню в специализированную собачью крепость. «Должники» дважды и один раз мы пытались уничтожить население Собачьей деревни, но так и не сумели до конца обезопасить эту местность. Наверное, собак можно было выгнать из этих мест, только залив остатки деревни напалмом; однако не уверен, честное слово, не уверен.

Обычно в деревне одновременно обитало пять-шесть собачьих стай от шести до десяти особей в каждой, все со своими собственными чернобыльскими псами или вовсе без них. Стаи обычно жили обособленно, каждая в своем секторе деревни, конкурентов особо не жаловали и сообща

против общего врага никогда не выступали. Поэтому сегодня, ведя свою команду в сторону Собачьей деревни, я полагал, что мы без особых помех расстреляем самую отморозенную стаю, которой вздумается нас загнать, туристы получают дозу адреналина, а я поставлю две галочки в списке добытых животных и, не растрачивая впустую драгоценное время, уведу свою команду в Темную долину за бюрерами. Однако сдается мне, что свою дозу адреналина сегодня получу именно я.

Хе-Хе помахал рукой, привлекая мое внимание, и быстро сделал жест из безмолвного языка сталкеров: попробуем отойти, не вступая в бой? Ну, слава Черному Сталкеру, хватило ума не произносить вслух. Я молча постучал пальцем по экрану своего ПДА. Хе-Хе с тоской посмотрел на свой. Роща, из которой мы только что вышли, уже кишмя кишела мутагенной фауной. Собаки все прибывали.

Значит, драться. Ну, назвался сталкером – полезай в Зону, как говорят в баре «Шти». В принципе, выпутывались мы и из более сложных ситуаций, как тот страус.

- Не останавливаться, – вполголоса предупредил я.

Мы приблизились к слепым собакам, сидевшим у нас на пути. Они нехотя уступали нам дорогу, разбегались в стороны, чтобы тут же замкнуть кольцо за нашими спинами. Стоит только остановиться, и они примут это за проявление неуверенности и малодушия. Тогда они нападут сразу же.

- В круг, – негромко скомандовал я. – Дистанция три шага.

После некоторой заминки мы образовали нечто вроде неправильного овала со мной и Хе-Хе в крайних точках. Ладно, кривовато, конечно, но так хоть не перебедем друг друга и не будем друг другу мешать, когда начнется потеха. Наше с помощником напряжение передалось охотникам, они то и дело озабоченно поглядывали на нас. Но главным образом глазели они, конечно, на собак, нахально вьющихся вокруг. На людей с менее крепкими нервами этот уродливый зоопарк вполне мог произвести самое угнетающее впечатление. У некоторых животных ноги были разной длины, и они передвигались враскачку, ковыляли, высоко подбрасывая лоснящиеся от гноя, покрытые пакостными язвами зады. Из глазниц некоторых выпирали рудименты глаз – огромные, тусклые, налитые черной кровью, бессмысленно таращащиеся в пространство, покрытые вздувшимися и лопнувшими капиллярами. Одна из собак имела две головы – они расходились у основания шеи и мешали друг другу, поэтому обе смотрели в разные стороны. Смердело это стадо радиоактивного мяса немногим меньше, чем кладбище мутантов возле Периметра.

Я надвинул на глаз целеуказатель и внимательно оглядывал окрестности. В сложившейся ситуации эта штука вряд ли понадобится, бить придется по увертливым целям с близкого расстояния, но через нее было видно, как через хороший бинокль, и в случае необходимости я мог зумить изображение, визуальное приближая выбранный предмет. Мне необходимо было найти вожака этой необычайно большой стаи.

А вот он, голубчик.

Чернобыльский пес неподвижно стоял на пригорке неподалеку от оврага и, злобно скалясь, смотрел прямо на нас. Это была матерая тварь с почерневшими, обвисшими сосками на брюхе. Баба, значит. Она была больше обычного пса и явно побывала уже не в одной схватке. На боку у нее виднелся уродливый серпообразный шрам, омерзительное фиолетовое месиво из плоти – на мутантах вообще всякая рана заживает ужасными рубцами, струпьями, язвами, это

неизбежная плата природе за невероятную скорость регенерации. Голова твари была словно выщерблена сверху – когда-то, видимо, поймала гранатный осколок, и потом рана как попало стянулась, собрав в единый тугой узел кожу, мясо, осколки кости и вылезшие наружу мозги...

И я даже знал, осколок чего поймала головой чернобыльская сука.

Во имя Черного Сталкера!.. У меня встала перед глазами картина недавней карательной акции нашего клана в Собачьей деревне. Я запускаю руку в нору и за шкуру по очереди достаю оттуда четырех щенят. Щенята совсем маленькие и мало похожи на своего огромного свирепого родителя, но уже сплошь покрыты гнойными радиационными язвами. Если их пощадить, через полтора года в Зоне будет на четыре стаи слепых гиен больше. Я передаю щенят Патогенычу, он швыряет их на землю и простреливает каждому лобастую башку из «хай пауэра». А на поваленном сарае неподалеку стоит, подавшись к нам и вздрагивая от выстрелов, огромная черная тварь с уродливой лысой головой, торчащими наружу зубами и отвратительным наростом на груди и спине, похожим на львиную гриву. Тварь внимательно наблюдает за происходящим. На голове у нее внушительная кровоточащая рана, на боку широкий черный разрез в виде полумесяца – зацепило осколками, когда Муха с Монахом бомбардировали затаившихся в сарае собак гранатами. Сыпь и Мельник издали стреляют по твари из автоматов, но она яростно воеет, ее вой невыносимо выбрирует в барабанных перепонках, и прицел у сталкеров сбивается, руки начинают дрожать, стволы автоматов ходят ходуном. Она даже не сходит с места, совершенно уверенная, что пули пройдут мимо. Тварь неотрывно смотрит на нас с Патогенычем. Я начинаю ощущать неприятный иррациональный холодок в груди и тоже вздергиваю «калаш». На сей раз тварь понимает, что пора исчезнуть. До контролера ей далековато, пси-способностей для того, чтобы одновременно сбивать прицел троим, ей явно не хватит. Однако прежде чем скатиться в овраг, она на мгновение приостанавливается, чтобы бросить на меня последний свирепый взгляд, словно сфотографировать на память, – и моя первая пуля срубает ей кончик хвоста, точно циркулярной пилой, остальные уходят к горизонту.

- Чернобылец возле оврага, – негромко произнес Хе-Хе.

- Вижу, вижу... – пробормотал я, увеличивая изображение. Так и есть – хвост, которым нервно хлещет себя по бокам вожак стаи, на треть короче обычного. – Ищи остальных. Не может одна скотина держать столько слепцов.

Еще двоих мы вскоре разглядели среди полуразрушенных строений деревни. Они то высывались из-за углов, то снова прятались. Это были совсем молодые псы, двухлетки, которые еще не были вполне готовы к самостоятельной жизни и поэтому пока подчинялись доминирующей особи. Но уже на следующий год они разбредутся по Зоне, уводя за собой часть непомерно разросшейся стаи, чтобы на знакомом для кого-то маршруте появился новый неприятный сюрприз.

Вернее, разбрелись бы. Теперь это им вряд ли светит. Первая пуля всегда вожаку, дальше – по обстоятельствам.

Когда мы приблизились к границе деревни, собаки перестали уступать нам дорогу. Сидя в густой траве, они гнусно скалились, вывалив наружу розово-серые языки. Куцехвостая тварь явно узнала меня и хотела поприветствовать.

Нам пришлось замедлить продвижение и остановиться метров за десять до них. Быстро приложив приклад автомата к плечу и наведя прицел на неподвижную фигуру чернобыльского пса на пригорке, я скомандовал:

- Огонь, бродяги!

«Хопфулы» разразились дружным треском. Если бы мы были вооружены «калашниковыми», в ушах у меня зазвенело бы от невыносимого грохота, однако чудо современной оружейной мысли шумело значительно меньше. Бросившиеся на нас скопом собаки, видимо, тоже оказались обмануты отсутствием привычной оглушительной канонады, которой они уже приучились бояться, как огня; впрочем, возможно, в самоубийственную атаку их гнал мысленный приказ вожака, пылающего жаждой мести.

Первый ряд атакующих мы скосили, словно огромной косой. Слепые собаки тяжело шлепались на землю, отброшенные попавшими в упор пулями, с бешеным визгом кувыркались через голову, шарахались в стороны, поджимая под коричневое брюхо раздробленные конечности. В суку мне попасть не удалось – за мгновение до начала стрельбы все три чернобыльских пса разом затаили свою зловещую тоскливую песню, и моя длинная очередь ушла в молоко. Зато Хе-Хе метким выстрелом удалось отстрелить кончик уха одному из малолетних помощников вожака: рыча от боли, пес завертелся на одном месте, и некоторые слепые твари неуверенно приостановились, начали рыскать по сторонам и нерешительно пятиться.

Тем не менее стая продолжала яростно атаковать нас. После того как первые собаки пали смертью храбрых под нашими очередями, попасть в остальных стало гораздо труднее: они начали невероятно искусно уворачиваться от пуль. Проникая своим примитивным сознанием в мозги охотников и считывая информацию из кратковременной памяти, они за долю секунды, когда пуля еще только покидала канал ствола, уходили с того места, куда она, по мнению стрелявшего, должна была попасть. Несмотря на внешнюю неуклюжесть и неповоротливость, при желании слепые собаки умели скользить с проворством теней. Теперь выжившие твари лисами вились вокруг нас, неумолимо сокращая диаметр кольца, внутри которого находился наш отряд.

Я вновь обстрелял чернобыльскую суку на пригорке, надеясь если не попасть в нее, то хотя бы спугнуть с командного пункта, чтобы она на какое-то время потеряла контроль над ситуацией, но моя очередь вновь прошла стороной. Хе-Хе выстрелил в нее из подствольного гранатомета, и между почерневшими домами поднялся столб дыма: недолет.

Охотники продолжали палить во все стороны, однако промахивались значительно чаще, чем попадали. Создавалось такое ощущение, что вместо каждой подбитой собаки из кустов, из лесополосы и из-за заборов появляются две новые. Я отметил, что привычная к переделкам американская тройка бьет экономно, короткими очередями по три патрона; Миша же Пустельга лупит без передышки и уже успел опустошить пару магазинов. Стеценко находился у меня за спиной, и оттуда вроде тоже доносилось привычное и разумное «двадцать два», «двадцать два».

Собаки подобрались к нам уже на такое расстояние, что сквозь пороховую гарь можно было без труда уловить вонь их гниющей заживо плоти. Припадая к земле, они прыгали прямо к нашим ногам, торопливо отскакивая назад, когда сырую глину перед их мордами разрывали автоматные очереди. От мельтешения перед глазами лоснящихся коричневых тел кружилась голова, незаметно мутилось сознание: было в их движениях что-то гипнотическое, завораживающее, лишаящее воли. Камачо вдруг с воплем шарахнулся в сторону, и на то место, где он только что стоял, приземлилась одна из собакогиен; резко развернувшись всем корпусом, Сэм хладнокровно разнес ей голову одиночным выстрелом. Одна из собак бросилась прямо в ноги Хе-Хе и, когда сталкер встретил ее тяжелой подошвой в челюсть, впила ему зубами в ботинок и не разжимала хватки до тех пор, пока после выстрела Донахью мозги не

брызнули у нее из ушей. Чернобыльская тварь с расплосованным боком, изуродованным черепом и купированным хвостом яростно вертелась и приплясывала на своем пригорке, не спуская с нас пылающего ненавистью взгляда. Ее подмастерья с опаской выглядывали из-за домов.

Я вдруг отметил про себя, что Мартин лупит по собакам, надвинув на глаз целеуказатель. Свой я убрал на затылок еще перед началом боя: он здорово сужал поле зрения, да и вообще было непривычно как-то без старой доброй прицельной планки. Всякий снайпер, которому приходилось бить через оптику по близкой и быстро движущейся цели, легко меня поймет. Между тем гора мертвых тел перед Донахью быстро росла, и в кольце собак напротив него даже наметился небольшой разрыв.

Лечить твою язву! А ведь верно!

Быстрым движением я сдвинул кронштейн целеуказателя и поднял голову, высматривая левым глазом чернобыльского пса. Через мгновение противник оказался внутри разомкнутой окружности, образованной зелеными треугольничками, обращенными вершинами внутрь. Треугольнички поползли к невидимому центру окружности и замкнули силуэт собаки в кольцо: цель была захвачена. Щелкнув большим пальцем переключатель огня, я от души полил чернобыльца свинцом.

Чернобыльская сука на пригорке судорожно взывала, и ее силуэт, раздвоившись, заплясал у меня перед глазами. Тем не менее целеуловитель уже поймал цель, и ствол моего автомата, повинаясь едва ощутимым толчкам сервомеханизма, движения которого корректировались компьютером и должны были компенсировать дрожь в руках, не потерял верную линию огня.

Почуввав неладное, собака прыгнула с пригорка, но автомат, повинаясь сервомеханизму, двинул стволом вслед за ней. Первая пуля, оказавшаяся зажигательной, догнала ее в прыжке. Извернувшись в воздухе, собака взывала от нестерпимой боли в спине, куда попала докрасна раскаленная капля металла, и рухнула за пригорок, исчезнув из виду. Остальные пули с глухими шлепками вонзились в землю по траектории ее падения.

В ту же секунду меня сбила с ног и повалила в траву одна из слепых собак - искусственно сузив свое поле зрения, чтобы расстрелять находившегося вдали вожака, я поневоле упустил из виду противника, который возник прямо передо мной. Тяжелое жилистое тело придавило меня к земле. Я попытался ударить мутанта кулаком по носу, но из неудобного положения не сумел сделать это достаточно сильно - зверь только мотнул головой. Хе-Хе сразу развернул в его сторону автомат, но медлил с выстрелом, опасаясь попасть в меня. Надо отдать должное Мартину и Сэму - они быстро шагнули в нашу сторону и взяли на себя еще и наш с Хе-Хе сектор обстрела.

Внезапно слепая собака замерла на долю секунды, а затем прыгнула с меня и опрометью бросилась в сторону Собачьей деревни. Хе-Хе выстрелил ей вслед и перебил животному хребет.

С потерей вожака собаки утратили половину атакующего пыла, многие тоже рванули в укрытия, а затем, когда мы выкосили еще с полдюжину тварей, бросились врассыпную все остальные. Одна из собак впопыхах влетела прямо в центр птичьей карусели, притаившейся под березовым плетнем, - ее вздернуло в воздух, стремительно раскрутило и разметало в клочья прежде, чем она успела хотя бы вякнуть. Треснувший посередине плетень охватило бледно-голубое пламя. Ну что ж, отлично, будет еще один ориентир.

Поднявшись на ноги и поискав глазами помощников вожака, я обнаружил, что один из них

неподвижно лежит, до половины высунувшись из-за угла бревенчатого дома, за которым прятался во время сражения. Из вскрытого прямым попаданием брюха вывалились осклизлые сизые внутренности. Второго пса нигде видно не было – видимо, он ускользнул на другой конец деревни через какой-нибудь собачий лаз. Поймавшие азарт охотники продолжали палить вслед разбегающимся животным, однако уже без прежнего остервенения. Враг был разбит и позорно отступал.

Когда стрельба прекратилась, уцелевшие слепые собаки, отбежавшие к тому времени метров на сто, вновь уселись в траве, уставив на нас равнодушные безглазые морды. Я опустил автомат и посмотрел на Хе-Хе. Тот сжимал в побелевших пальцах «хопфул», из ствола которого вился легкий пороховой дымок.

– Черт! Классно! – Стеценко утер пот со лба, глаза у него горели, как у первоклассника, которому впервые позволили стрельнуть из настоящего пистолета. – Вот это адреналин!

Мартин одобрительно хекнул. Пустельга и Камачо, страшно довольные, сдвинув автоматы на бок, принялись деловито снимать портативными видеокамерами разбросанные вокруг нас мертвые тела: поскольку забрать какие-либо трофеи ввиду их высокой радиоактивности, а также омерзительного запаха и внешнего вида не представлялось возможным, ребята стремились хотя бы запечатлеть свои деяния для истории.

И только Сэм, по-моему, догадался, чего мне стоила эта бойня. А может, и нет. Он серьезно посмотрел на меня, а потом сложил колечко из пальцев: о'кей, сталкер. Я поднял обе руки, высунул язык и потряс головой, пародируя его самого часом раньше.

Переведя предохранитель автомата на короткие очереди и бросив свою команду на Хе-Хе, я двинулся к пригорку, с которого тварь с пробитой головой руководила сражением. Ее необходимо было добить, чтобы избежать новой атаки. Однако, обогнув по дуге полыхающий плетень с каруселью и добравшись до пригорка, я не обнаружил за ним ничего, кроме примятой травы – тварь нашла в себе силы улизнуть. Даже крови на земле было мало: зажигательная пуля, попав в тело черныбыльской собаки, сразу прижгла рану.

Ну, допустим, господа, как говорит в таких случаях один страус.

Возвращаясь к своим подопечным, я внезапно услышал справа от себя, совсем близко, подозрительные звуки, напоминавшие невнятное бормотание псевдоплоти. Я быстро развернулся, вздергивая «хопфул», но это оказался Миша Пустельга, который судорожно плевал в кустах. Аппетитный вид и запах мертвых слепых собак все-таки доконали его.

Глава 7. Агропром

Миновав Собачью деревню, мы направились на северо-запад. Два десятка собак преследовали нас на почтительном расстоянии, но нападать больше не решались и отстали километра через полтора. На коротком привале я заставил всех тщательно вычистить автоматы: всякое оружие, как женщина, любит ласку, чистоту и смазку, особенно перед неизбежной следующей схваткой. Пока туристы колупались, я быстро разделался со своим оружием и пролистал сетевые новости. Информация о гибели армейского патруля и двух вертолетов уже попала в сталкерскую сеть, однако ни о третьем вертолете, ни о том, кто вообще мог это сделать, не было ни слова. О повышенной активности военных в Зоне тоже ничего не сообщалось. По-видимому, никто нас не преследовал.

Откуда же это непрерывное дурацкое чувство, что кто-то вот-вот наступит нам на хвост?..

Зато я обнаружил целых пять сообщений о гибели сталкеров в разных местах Зоны. Урожайное утро. К счастью, наших среди них не оказалось. Кроме того, Мельник и Крот по дороге на Милитари нарвались на матерую химеру и еле унесли ноги, в Темной долине две группы сталкеров подверглись нападениям бюреров, и еще одна группа бесследно исчезла в районе Агропрома. Монах, ушедший с утра на Агропром, так до него и не добрался, сообщив, что с юго-востока тот отсечен плотным аномальным полем, вероятно, возникшим в результате последнего выброса. Плюс необъяснимая активность слепых псов в Собачьей деревне, предупреждение о которой я вывесил в общий доступ, заодно приписав от себя несколько ехидных замечаний в адрес своих туристов. Утро сегодня выдалось бурным.

- Легкая прогулка, а? - спросил я Хе-Хе, ткнув его в бок - несильно, но достаточно ощутимо.

- Да пошел ты, - мрачно огрызнулся Хе-Хе.

- Ладно, - сказал я. - Что у нас там дальше согласно маршрута?

- Темная долина, - сообщил помощник, сверившись со своим ПДА.

Долина, да. Господа туристы желают бить бюрера. Хе-Хе еще в баре «Шти», когда мы обсуждали возможный маршрут, убедил меня после Собачьей деревни сразу свернуть в Темную долину и как следует потаскать клиентов по пропитанным едким туманом низинам, чтобы максимально вымотать их и, возможно, тем самым заставить отказаться от дальнейшей охоты на контролера. До тошноты не хотелось нам с Хе-Хе охотиться на контролера.

Еще через пару километров мы столкнулись с отрядом из четырех человек. На всех были синие банданы, поэтому я жестом приказал своим охотникам на всякий случай рассредоточиться и спрятаться за деревьями.

Старший команды сталкеров из клана «Чистое небо» выбрался на тропу и продемонстрировал, что в руках у него нет оружия. Я вышел к нему, забрасывая автомат за спину.

- Поздорову, бродяга, - сказал я.

- Поздорову, брат, - сдержанно отозвался сталкер.

Это был Гэндальф, матерый волк, с которым мы в свое время оприходовали на двоих не одну бутылку «Черного Сталкера» и как-то раз даже отстреливались вместе от военных. Вскоре после легендарного разгрома группировки «Грех» отношения между нашими кланами стали до предела натянутыми, однако я не видел причины устраивать с Гэндальфом разборки по этому поводу. Кроме того, официально войны так и не было объявлено; в последнее время мы с «небесными» расходились на узкой дорожке с трудом, но до стрельбы дело пока не доходило. В крайнем случае - до ножей, и то без особой крови.

Я угостил его сигаретой, и мы солидно, по-взрослому закурили.

- Слышал, в последний раз ты просадил в Зоне всех своих отмычек, причем троих за пять минут? - вежливо поинтересовался коллега.

- Ага, - не стал отрицать я. - Славно повеселились. Они, вообще-то, собирались прикопать меня на Свалке, так что трое за пять минут - это хорошее время. Не рекорд, но какой-никакой результат, как говорит один страус.

- Вон даже чего.

Гэндальф невольно покосился на своих отмычек, залегших за кустами, с явной тоской во взгляде. Бьюсь об заклад, что он охотно прикопал бы их всех под ближайшим кустом, будь его воля.

Мы стояли на тропе и молча курили. Накрапывал мелкий дождик. Высоко в небе над нами переливалась полускрытая ветвями широкая полоса северного сияния. Где-то далеко в лесу протяжно прокричала умирающая псевдоплоть, попавшая на зуб какому-то крупному хищнику.

- Не ходи через Собачью деревню, - сказал я. - Слепцы с ума посходили. Мы еле прорвались.

- Я уже в курсе, читал твой аларм, - кивнул он. - Спасибо. Говорят, еще на Воротах проблемы?

- Какие-то отморозки расстреляли армейский патруль и сбили два вертолета по ту сторону Периметра. Сейчас на Воротах должно быть полно военных. Я бы на вашем месте принял вправо и вышел на Роднике.

- Ясно... - Гэндальф озадаченно потер щетину на подбородке. - Два вертолета! Итить-колотить... Не твоя работа, надеюсь?

- Да брось ты! Я что, похож на Штыря? Нападавших, сдается мне, положили, но теперь военные неделю будут на ушах стоять.

- Ладно, разберемся. Не в первый раз.

Правильно. Ни к чему сталкеру из недружественного клана, даже если это Хемуль, знать, где он, Гэндальф, собирается выходить из Зоны. Тем более самому подсказывать маршрут. Тем более когда ребята явно возвращаются с хабаром. Мало ли что.

- На маршруте есть сюрпризы? - поинтересовался я.

- К Агропрому не пройти, если ты об этом, - поведал Гэндальф. - Обложен намертво. И такая дрянь появилась, что никак не зафиксируешь, не обозначишь размеры. Двое из «Свободы» влетели вообще непонятно во что - долбануло на совершенно чистом месте. Пусть им хорошо лежится. Нужно быть Вечным Сталкером, чтобы решить сунуться к Лаборатории. Обойти можно только по краю, попытаться выбраться на Янтарное. На самом Агропроме происходит что-то непонятное. Огни и светящиеся нити в небе. Со многими из тех, кто вчера ушел на Агропром, нет связи. Говорят, бесследно исчезли военные сталкеры из лагеря возле развалин Лаборатории, а это, я извиняюсь, два взвода. Паскудный был последний выброс, зла не хватает. - Он помолчал. - Да, вот еще что! Вон там, где-то через километр, прямо на тропе сидит глотатель. Метров, наверное, семь в диаметре. Я чуть не потерял отмычку. Глотатель забился под мох, его очень трудно заметить. Молодняк не пускай вперед.

- Спасибо, брат, - сказал я. - Буду осторожен. У меня не молодняк, кстати. Туристы. Я скорее помощника вперед погоню пинками.

Я собирался свернуть к Темной долине задолго до глотателя, но сталкеру из недружественного клана совершенно ни к чему знать мой дальнейший маршрут. Даже если это Гэндальф.

- Это те самые, что вашим навешали в баре? - осведомился коллега.

- Те самые, - сказал я.

- Вся сеть про них судачит. Не боишься, что вас мародеры попытаются пощекотать? - поинтересовался Гэндальф. - На предмет буржуйского снаряжения, допустим?

- Ты же сам только что сказал, что мои туристы навешали крутым сталкерам в баре. Кого нам с ними бояться?

- Понятно. Дай-ка мне еще сигаретку про запас, брат, - попросил Гэндальф. - Я отплачу хабаром.

- Возьми парочку.

Сигарет для коллеги мне было не жалко. Сам знаю, каково это - возвращаться из трехдневной вылазки, не имея в кармане даже крошки табаку. Предельно паскудно это, если кто еще не понял.

- Ребята говорят, к нам тут на днях забредал один тип, - произнес коллега, пряча сигареты за ухо. - Тот самый, которого вы недавно вышвырнули из своего бара. Искал ведущего для группы новичков из пяти человек.

- Нашел? - безразлично спросил я.

- Нет, конечно. Во-первых, напрямую, мимо торговца, ищут ведущего только полные лохи. Кто же из бродяг вот так в лоб признается незнакомому человеку, что шастает в Зону, если за это приличный срок светит? Ну, и во-вторых, уж больно у него специфические требования оказались.

- Специфические? - я продемонстрировал вежливый интерес. Гэндальф явно рассказывал мне это не для того, чтобы просто поддержать беседу.

- Ото ж. Ему нужен был хороший следопыт.

- О как, - произнес я. - Кого же это он в Зоне выслеживать вздумал?

- А это уже сам соображай и прикидывай, - произнес Гэндальф. - Кого у нас тут можно выслеживать, по-твоему? Покойного Диму Шухова?..

- Понятно. Ладно, спасибо за информацию.

Я не стал ему сообщать, что тип, которого мы вышвырнули из бара и который зачем-то собирался выслеживать моих туристов, скорее всего, благополучно разорван ракетой в холмах неподалеку от Периметра, а если нет - то с парой сломанных ребер дает чистосердечные показания в комендатуре миротворческих сил. Для чего Гэндальфу мои домыслы?

Мы молча докурили, пожали друг другу руки на прощание и знаками приказали своим командам выходить на тропу. Вообще-то за полезную информацию принято платить на месте, и платить как следует. Но какие, к чертовой бабушке, между мной и Гэндальфом могут быть счета? Спишем на бартер.

Вот интересно: если наш клан и «Чистое небо» все-таки объявят друг другу войну, станем ли мы с ним стрелять друг в друга?..

Станем, конечно. Чего уж там вертеть.

Отмычки, которых вел Гэндальф, все были совсем зелеными парнями, сплошь перемазанными землей и ржавчиной, – видимо, пришлось изрядно поползть на брюхе. У одного рукав в районе предплечья был прожжен насквозь – пацан вляпался где-то в ржавые волосы. Интересно, где это Гэндальф пашет?.. Рюкзаки у всех тощенькие, но герметичные контейнеры на поясах набиты под завязку, вон как отвисают. Ладно, не мое дело. Может, на Милитари? Там полно всяких покореженных металлоконструкций и валяющихся труб большого диаметра, опять же кладбище брошенной техники, есть где поползть вволю. Интересно. Не мое дело, но интересно. Юг Милитари обобран дочи́ста. В принципе, после очередного выброса могло появиться что-то новое на старых местах, но темные бродяги из бара «Сталкер» наверняка прочесали там все в первые же часы. Да и не нужны отмычки, чтобы добраться до Милитари, только лишняя головная боль. А вот ближе к северо-востоку уровня попадаются сектора с повышенной аномальной активностью, в которых наверняка есть чем поживиться, потому что мало кто рискует туда соваться. Таскает, таскает оттуда что-то потихоньку Гэндальф, что-то хорошее, вкусное, иначе не лазил бы туда с отмычками несколько раз за последний месяц. Ладно, не мое дело. Но надо это взять на заметку, как говорит один страус...

Мы с командой Гэндальфа уже давно разошлись и направились каждый своим маршрутом, а я все еще размышлял, где у него может быть пастбище. Интереснейшая логическая задача – по косвенным признакам вычислить, откуда дровишки, и хапнуть что-нибудь ценное раньше конкурента. Развивает воображение.

Из раздумий меня вывела стрельба, внезапно донесшаяся с той стороны, откуда мы пришли.

Автоматные очереди. Короткие и длинные. В районе Собачьей деревни. Через растревоженное нами осиное гнездо перся кто-то еще. Несколько «АКМК», один из которых чуть захлебывался при стрельбе. Через пару мгновений вступила в дело «М-16» и затарахтела без умолку, что твой трактор.

Пришибить твою бабушку.

- Всем выключить ПДА, – распорядился я. – Быстро! Альваро, гаси свою планшетную хреновину!

- Но...

- Быстро, я сказал!

Охотники послушно повключали свою аппаратуру и уставились на меня, ожидая разъяснений.

- За мной, след в след, дистанция три шага. Хе-Хе – замыкающий. – Перебьются пока без разъяснений. Заодно выясним, насколько хорошо я их вымуштровал. – Каждый шаг в сторону может стать для вас последним. Не растягиваться, темп держать!

Я свернул с магистральной сталкерской тропы и без дороги повел свою команду через подлесок в сторону Агропрома. Здесь риск нарваться на аномалию увеличивался многократно, однако сходящий с тропы сталкер с выключенным ПДА фактически растворялся в Зоне, и разыскать его становилось довольно трудной задачей.

Поворот, на котором я хотел свернуть к Темной долине, вскоре остался далеко позади. Надеюсь, замаскировавшийся на тропе глотатель, про которого рассказал Гэндальф, станет для преследователей приятным сюрпризом.

Может быть, у меня мания преследования. Может быть, мне надо пить меньше прозрачного. А может быть, странный отряд мародеров, расстрелявший военный патруль возле Периметра и пытавшийся нанять опытного бродягу-следопыта в баре «Чистое небо», снова упал нам на хвост. Четыре или пять «АКМК» и «М-16». Упорные ребята. Владелец «Грозы», видимо, все же успел поймать свою ракету класса «воздух – земля», прежде чем вертолеты прекратили обстрел и занялись друг другом. В другое время я непременно устроил бы засаду прямо на тропе и, положив основную часть преследователей на месте, одного или двоих взял бы живьем, чтобы развязать противнику язык по методу нашего бывшего старшины и выяснить причину их навязчивого интереса к моей экспедиции. А точнее, к моим клиентам, поскольку мы с Хе-Хе вряд ли вызовем у кого-нибудь такой назойливый интерес, нечего из-под нас взять. Однако, во-первых, не уверен – не обгоняй. А я вовсе не был уверен, что прав. Кто только не топчет Зону, и вооружение у всех бродяг в основном стандартное – «калаши» да «эмки». Обидно было бы из-за собственной паранойи положить команду ни в чем не повинных сталкеров из союзной группировки и тем самым начать никому не нужную войну между кланами. Ну а во-вторых, очень не понравилась мне сегодняшняя история с вертолетами. Я, конечно, был далек от мысли, что среди преследователей находится контролер, эти твари не способны передвигаться достаточно быстро, чтобы поспевать за нашей группой, и уж тем более они не способны так плотно сотрудничать с людьми, однако в любом случае история вышла не вполне понятная, а где непонятное, там всегда неприятности. Ну а от неприятностей лучше держаться подальше, целее будешь.

- Хемуль, – подал из-за спины голос Хе-Хе, – мы идем на Агропром.

- Точно, – согласился я. – Глазастый.

- А что с Долиной?

- На месте твоя Долина.

- Мы же собирались бить бюрера?..

- Никуда не денется твой бюрер. Войдем в Долину со стороны Милитари.

- Хе-хе! Это ж какой крюк!

- Всё, заткнись.

Хе-Хе благоразумно заткнулся. Он и так возражал больше, чем позволяет ведомому в Зоне, да еще и при клиентах. Помощник понимал, конечно, что просто так, каприза ради, я ничего не делаю, поэтому покорно принял к сведению новый маршрут. Раз я внезапно изменил ранее оговоренное, значит, что-то почуял. Если бы мы, ветераны, все время действовали так, как было оговорено заранее, а не по ситуации, вряд ли нам удавалось бы по стольку лет топтать Зону живыми.

Шедший перед Хе-Хе Стеценко спросил что-то вполголоса, и помощник поспешно заверил его, что, дескать, хе-хе, все под контролем. Вот и ладушки.

Несмотря на то что я спиной чувствовал погоню, ломиться наугад я совершенно не собирался, внимательно отслеживая бродячие аномалии по детектору и известным только опытным сталкерам признакам. Ближе к Янтарному озеру аномальная активность значительно повышалась, поэтому спешить здесь категорически не следовало. Спешка при ловле блох только хороша. Об этом я и напомнил охотникам, чтобы были начеку. Дабы

продемонстрировать реальность опасности, я осторожно сунул отломанную ветку дерева в попавшуюся на дороге совершенно невидимую птичью карусель – ветку вырвало у меня из рук, раскрутило и, расщепив по волокнам, яростно расшвыряло в разные стороны, осыпав охотников древесной трухой.

Мы миновали еще одну заброшенную деревеньку. На покореженном и наполовину сожранном ржавчиной дорожном указателе можно было прочитать только последние буквы: «...ичі». До первой катастрофы места вокруг Чернобыльской АЭС были густонаселенные, и деревеньки попадались на каждом шагу. Теперь все они были мертвы, лишь мародеры иногда останавливались в них на ночь.

Старенький трехколесный велосипед с красным сиденьем, брошенный посреди улицы, мы с командой обогнули метров за тридцать, описав красивую дугу. Для этого нам пришлось дважды перелезть через низкий почерневший забор, отгородивший от улицы полуразвалившийся деревянный дом и яблоневый сад, разросшийся за эти годы в уродливую непроходимую чащу. Туристы, думаю, слегка удивились, но не стали ничего спрашивать, видимо, решив, что я пытаюсь продемонстрировать им легендарное сталкерское чутье. А между тем от Шкилета, который однажды зачем-то просто так пнул этот детский велосипед, не осталось даже трупы – только несколько капель крови в дорожной пыли. А еще через неделю проходивший мимо друг Шкилета по кличке Бисмарк в сердцах с двадцати шагов саданул из автомата по этому самому велосипеду, отобравшему у него напарника. От Бисмарка, что любопытно, кое-что осталось – его коллегам по клану удалось доверху наполнить пластиковый пакет средних размеров для дальнейших похорон. С тех пор сталкеры десятой дорогой обходили этот странный артефакт, один из самых причудливых и опасных во всей Зоне.

- Эй, братан! – внезапно донеслось из глубины сада. – Сталкер! Помоги...

Туристы приостановились, недоуменно глядя на меня. Прищурившись, я обвел подозрительным взглядом покосившийся штакетник и яблоневые джунгли за ним. В глубине сада чуть шевельнулись кусты жимолости.

- Сталкер! – снова послышался из кустов жалобный голос. – Умираю! Помоги, брат!..

- Там бродяга, он ранен, – вполголоса произнес Камачо. – Наверное, ему нужно помочь.

- Безусловно, – согласился я, передергивая затвор. – Предоставьте это мне. Помощь умирающим бродягам – мое хобби.

Я поднял автомат и не целясь выпустил длинную очередь по почерневшим деревьям. Полетели во все стороны сырые ошметки коры, раздался негодующий визг, и я успел заметить в переплетении ветвей мелькнувшую коричневую спину со всех ног улетающей псевдоплоти. Догонять ее по превратившемуся в непроходимые джунгли саду или стрелять вслеп было бессмысленно.

- Как ты узнал, что там не человек? – уважительно поинтересовался Мартин.

- Сталкерская интуиция, – криво усмехнулся я.

Вообще-то голос псевдоплоти не спутаешь ни с чем – старческий, дребезжащий, с вибрирующим и перекатывающимся «р». По сравнению с большинством обитателей Зоны псевдоплоть довольно глупое создание, но в то же время она страшно коварна. Преследуя в основном обессилевших раненых сталкеров, она как попугай зазубривает за ними отдельные фразы. И однажды, когда вот эта вспугнутая мной дрянь сидела в засаде и бормотала сама с

собой, какой-то новичок, видимо, решил проверить, кому это там в кустах так плохо. Получив дармовой обед, тварь, судя по всему, смекнула, что данная последовательность звуков служит неплохим манком.

В хорошем темпе мы отмахали пару километров и приблизились к уровню Агропрома. Он назывался так потому, что в этом секторе Зоны располагался бывший научно-исследовательский институт «Агропром». Вокруг него постоянно крутились военные сталкеры, так что вольные бродяги вполне справедливо полагали, что когда-то этой вывеской прикрывалась одна из многочисленных секретных военных лабораторий, которые вели работу на территории Зоны между двумя ядерными катастрофами. Развалины института мы так и называли между собой: Лаборатория.

Агропром действительно оказался плотно перекрыт сплошными аномальными зонами. Мы сумели пройти по самому его краю, совсем рядом с длинной полосой мясорубок, практически слившихся в одну огромную аномалию. Пространство здесь было пронизано электричеством, воздух наполнен озоном. Между невидимыми куполами аномалий непрерывно проскальзывали сиреневые молнии, которые сталкивались и разветвлялись, некоторые уходили в землю. Я ощутил, как волоски у меня на руках встали дыбом от статического электричества. Страшно было даже представить суммарную мощность того заряда, который сейчас накапливал в себе этот гигантский конденсатор, и судьбу того несчастного, который спровоцирует разряд. Хотелось надеяться, что это будет мутировавшая тварь или мародер, а не вольный бродяга или военный сталкер.

В Зоне вообще чудовищно много электричества. Спустя двадцать лет после того, как был заглушен последний энергоблок на ЧАЭС, вся электротехника здесь продолжает работать – та, что еще не рассыпалась в прах и не проржавела насквозь. Заводятся брошенные машины без аккумуляторов. Освещение и конвейерные линии в цехах полуразрушенных заводов, защитные контуры, сигнализация и оборудование секретных лабораторий, сошедшие с рельсов и перевернувшиеся электровозы, даже фонари в Мертвом городе – все это, давным-давно обесточенное и отрубленное от источников питания, продолжает исправно функционировать. Рассказывают, что в одном из глухих углов Милитари уже двадцать лет непрерывно газует на месте военный грузовик. Покрышки его давно истерлись в пыль, обода пробиты в земле глубокие колеи, из-за чего грузовик врос брюхом в землю, через кабину проросла молодая березка – однако двигатель исправно работает до сих пор, хотя в бензобаке наверняка уже давно сухо, как в пустыне Гоби. Вот беда-то!

Ядерная реакция в реакторе Чернобыльской станции по непонятной причине продолжается до сих пор, и гигантское количество энергии, ранее расплывшееся по Украине и Белоруссии через провода ЛЭП, теперь остается в Зоне. Наличие энергии в пространстве здесь порой ощущается без всяких приборов – вдруг встают дыбом волосы на загривке, вдруг ощущаешь болезненный укол под лопаткой, вдруг улавливаешь, как покалывает в кончиках пальцев. Энергия щедро растворена в этом безумном пространстве. И мутировавшие твари – аккумуляторы этой болезненной, странной энергии. Организм опытного сталкера сразу реагирует на их присутствие, словно при приближении к огромной конденсаторной катушке.

Впрочем, бывает и наоборот – в блуждающих мертвых зонах диаметром от нескольких метров до километра перестает работать любая техника. Вырубаются ПДА, останавливаются автомобили, лишь счетчики Гейгера продолжают стрекотать, фиксируя повышенный уровень радиации. У Зоны много разных масок.

Хе-Хе без разговоров пошел впереди, следуя моим распоряжениям, – он уже давно перерос

статус отмычки, но других отмычек у меня под рукой не было. Разумеется, он вполне мог отказаться, и я бы даже ничего ему на это не сказал, но он понимал, что если что-нибудь случится с ведущим, выбраться одному из Зоны с туристами на шее ему будет ой как непросто.

Он же первым и наткнулся на странный артефакт.

- Хемуль, - негромко проговорил он, остановившись и подняв руку.

Я осторожно выдвинулся из-за его плеча и уставился на радужную сферу размером с яблоко, которая медленно вращалась метрах в полтора над землей, словно подвешенная на невидимой леске. В разом установившейся тишине стало слышно, что вращающаяся сфера издает тонкий, на грани слышимости писк.

Хе-Хе посмотрел на меня:

- Берем?

Я озадаченно потер подбородок. Всякий новый, неизвестный науке артефакт - слишком большой риск. Невозможно предугадать, как он воздействует на организм, какие может причинить неприятности. И в то же время это огромный соблазн. Вполне возможно, дальнейшие исследования покажут, что эта штука не стоит ничего, что красная цена ей - горсть «стекловаты», что после очередного выброса все верхние уровни покрыты такими шарами, словно болото ряской. Но пока данный артефакт еще не исследован, пока остается реальная вероятность, что он невероятно ценен для науки, а еще лучше - для военных или мафии, за него отвалят весьма солидные деньги где угодно - от «Штей» до научного лагеря на Янтарном.

Кстати, надо проверить, артефакт ли это вообще. Новые виды аномалий появляются крайне редко, но это вполне возможно. Помню, сколько паники наделали в свое время внезапно возникшие птичьи карусели.

Я проверил радужную сферу датчиком аномалий, потом счетчиком Гейгера, потом обкидал болтами по всем правилам. Потом длинной палкой, которую нашел для меня Хе-Хе, поводит в воздухе рядом со сферой и под ней, готовый в любую секунду выпустить палку из рук, если почувствую малейший рывок, покалывание, жар или хотя бы просто необъяснимое неудобство. Нет, все было в порядке: разумеется, ни на какой леске артефакт не висел и палку у меня из рук вырывать не собирался. Но то, что вокруг него не обнаружилось никаких искажающих и гравитационных полей, было в высшей степени странно.

Туристы стояли позади меня и разинув рты наблюдали за моими манипуляциями. Такого они еще не видели. Я тоже не видел, но ни к чему им об этом знать.

Хе-Хе потерял герметичный контейнер в схватке с жаркой, поэтому я снял с пояса свой, отвинтил крышку, очень аккуратно подвел контейнер под артефакт и медленно поднял, чтобы радужное «яблоко» оказалось в ловушке, не коснувшись стенок. Когда это мне удалось, я закупорил герметичную металлическую тару - загадочная сфера тут же ударилась изнутри о крышку - и повесил ее на пояс. Контейнер слегка приподнялся в креплениях, стремясь взмыть в воздух. Ну, оно и неплохо - легче будет тащить.

Когда мы миновали уровень НИИ «Агропром» и двинулись к Янтарному озеру, я немного перевел дух. Возле внушительной гравитационной аномалии, в которую по невнимательности едва не влетел Стеценко, я подобрал несколько неплохих артефактов - «волчьи слезы», твердые черные капли антрацитового цвета, моментально согревающиеся в ладони, на ощупь

похожие на речную гальку. Эти загадочные образования, напоминающие небольшие камни, обладают ценным свойством: предметы, рядом с которыми лежат такие артефакты, значительно теряют в весе. Одну из антрацитовых капель я сунул в кармашек своего рюкзака, другие раздал охотникам, посоветовав поступить так же: теперь мой рюкзак весил в несколько раз меньше. Хе-Хе «волчьей слезы» не досталось, и он уныло вздохнул.

Вскоре лес кончился, и мы выбрались на бывшую пашню, теперь сплошь заросшую пижмой и молодыми деревцами. Вдали, за островками кустов, виднелась обширная водная гладь. К ней мы и направились.

Глава 8. Янтарное озеро

Мы поднялись на холм, и перед нами внезапно открылось Янтарное озеро – огромное зеркало небесно-голубой воды, над которым медленно, но заметно для глаза раскручивался гигантский облачный жгут. В самом озере, почти касаясь поверхности воды крышами кабин, были выстроены рядами множество старых автомобилей – от военных джипов советского образца и грузовиков прошлого века до пассажирских автобусов и санитарных машин. Ровные ряды проржавевшей насквозь техники уходили в глубь озера и терялись в густой туманной дымке зеленоватого цвета, окутавшей середину озера. Зрелище было потрясающее и всегда производило очень сильное впечатление на каждого, кто видел его в первый раз.

Разумеется, охотники раскрыли рты. Альваро поспешно включил камеру.

- Хемуль! – произнес Донахью. – Почему машины в воде?

- Это бывшее автомобильное кладбище, – пояснил я. – Радиационный могильник. После первого взрыва на ЧАЭС в прошлом веке всю технику, которую использовали при ликвидации аварии и которую уже невозможно было дезактивировать, собрали в одно место и бросили. Сотни грузовиков, десятки русских джипов и пожарных машин, автобусы и автокраны, БТРы и «неотложки». Потом, после второго взрыва, почва здесь просела, в низине начала скапливаться вода из подземных источников, и могильник стал подводным.

- Вери бьютифл, – произнес Галлахер, приложив ладонь козырьком ко лбу и заинтересованно озирая окрестности.

- Красиво, – подтвердил я. – Красивый надгробный памятник. Привал, господа! Пикник с видом на озеро.

Самое время было перекусить. Неподалеку от нас лежало поваленное последним выбросом старое дерево, на котором мы и пристроились.

На обед у нас были мясные консервы Мартина в саморазогревающихся банках Альваро. Консервы в самом деле оказались хороши, врать не буду. На крышках было специальное кольцо, как на банках с «пепси-колой», за которое полагалось тянуть. Подавалось кольцо с трудом, но если как следует рвануть, раздавалось противное громкое шипение, крышка сворачивалась в сторону, а сама банка секунд за сорок нагревалась до такой степени, что ее невозможно было удержать в руке. Внутри банки, как снова пустился в объяснения переводчик Миша, между двойными стенками, в техническом вакууме находится тонкий слой смеси железного порошка, активированного угля, двуокиси марганца, поваренной соли и специальных элементов, которая, вступая в реакцию с атмосферным кислородом при открытии банки, образует... после чего я ткнул пальцем в его банку и заметил, что привал будет

недолгим, потому неплохо бы сначала пожрать, а потом разговоры разговаривать.

Впрочем, гнать своих туристов по-спецназовски, марш-бросок на двадцать пять километров при полной боевой выкладке, я не собирался, поэтому все успели выскрести свои банки до дна, перекурить и сходить по-маленькому. Сэм попытался еще спуститься к воде и сполоснуть руки, но Хе-Хе через Мишу пояснил ему, что этого делать ни в коем случае не следует: радиация. Сэм проверил прибрежную воду встроенным в ПДА дозиметром и, несмотря на то, что фон оказался в пределах нормы, все же не стал рисковать и вытер испачканные жиром руки носовым платком.

Велев закопать банки и спрятав свою ложку в рюкзак, я в очередной раз поднялся на гребень холма и оглядел окрестности. Похоже, наш неожиданный рывок с выключенными ПДА через минные поля аномалий все-таки сбил преследователей со следа – по нашу душу так никто и не явился. А может быть, никто нас с самого начала и не преследовал. Ладно, береженого Хозяева Зоны берегут.

– Хемуль! – Донахью вдруг привстал с поваленного дерева, тыча пальцем в сторону озера. – Человек! Что он делает?

Метрах в ста от берега к центру озера медленно, спотыкаясь, черпая армейскими ботинками воду, брел по крышам автобусов сутулый бродяга в камуфляже и желтой бандане. С такого расстояния затопленных машин у него под ногами видно уже не было, и казалось, что он идет по воде, словно Иисус.

– Не человек это, – проворчал Хе-Хе. – Оболочка одна...

Словно подтверждая слова моего напарника, зомби вдруг ступил мимо крыши и с головой провалился под воду.

– Это из тех несчастных, кого зомбирова́л контролер? – поинтересовался Сэм.

– Нет, – произнес я. – Контролеры не любят Янтарное озеро, здесь негде прятаться. Тех сталкеров, которые пытаются прорваться в сектора повышенной аномальной активности на другом берегу озера, берет под контроль что-то неизвестное. Какое-то существо или мощная аномалия, может быть, до сих пор работающая установка пси-контроля, которую здесь вроде бы когда-то испытывали. Люди уходят к центру озера, и больше о них ничего не известно. Возможно, они просто тонут. Ходят слухи, что там, в середине озера, пространственная дыра, и зомби попадают в другой мир, где неведомые существа используют их как рабочую силу в каменоломнях, чтобы добывать мрамор для своих храмов. Недостатка в рабочей силе нет, потому что всегда находится множество желающих пощупать тот берег – там настоящие россыпи редких и ценных артефактов. Однако возвращается оттуда один из десяти, а с хабаром так и вовсе только половина вернувшихся. На том берегу существуют места, где напряженность пси-поля такова, что мозги у людей закипают в черепных коробках. Поступали оттуда через ПДА совершенно дикие некрологи. Большинство же ребят просто бесследно исчезло.

– Спутник не видит эту зону, – проговорил Альваро, разглядывая свой электронный планшет. – Очень плотный туман, сквозь который не проникают ни тепловые лучи, ни радиосигналы.

– Именно, – сказал я.

Галлахер не отрывал взгляда от барахтающегося между затопленных автобусов зомби. Наконец камуфлированному удалось снова встать на ноги, и он опять зашагал к центру озера –

размеренно, неторопливо, механически. Сэм подтащил к себе за ремень «хопфул», который стоял, прислоненный к поваленному дереву у ног хозяина, снял его с предохранителя и старательно прицелился.

Я довольно невежливо отпихнул его ствол ладонью в сторону.

- На зомби мы охотиться не будем, - холодно процедил я. - Переведи, Миша.

- Это почему? - удивился Галлахер, и я понял его даже без перевода. На это моего английского хватало.

- Потому что! Лицензия закончилась, - отрезал я. - Все, хватит прохлаждаться, господа туристы! И так потеряли массу времени.

Мы направились вдоль береговой линии к научному лагерю, который располагался километрах в двух к востоку. В принципе, он нам был сегодня ни к чему, с экипировкой у нас пока все обстояло нормально, но мне нужно было как можно скорее избавиться от странного артефакта, который я взял на Агропроме. Что-то мне подсказывало, что с Нестандарта можно будет неплохо за него слупить, а двое суток таскать по Зоне незнакомую штуку, пусть даже и в герметичном контейнере, - удовольствие маленькое. Только Черный Сталкер знает, что она излучает. Заодно узнаю, как сегодня обстоят дела с псевдогигантами. Активность этих тварей имела какие-то периодические колебания, от них на Янтарном озере то неделями не было прордыху, а то их неделями не было ни слышно ни видно.

В этот раз с дичью на маршруте вообще оказалось плохо. Обычно я добирался до Янтарного озера, израсходовав пару рожков патронов. Сегодня же на сталкерской тропе было мертво, на глаза попадались лишь вездесущие собаки, не решавшиеся нападать на большой отряд двуногих, да мелькала время от времени в отдалении осторожная псевдоплоть, ни одну из которых мы так и не сумели выследить. Создавалось ощущение, что последний выброс, который я переждал в подвале с ныне уже покойными отмычками Кислым, Обоймой и Китайцем, угнетающе подействовал на зверье Зоны. Так происходило всегда, однако обычно уже через сутки после выброса твари словно обретали второе дыхание; пик их агрессивности приходился на третьи-четвертые сутки. Однако теперь пауза что-то затянулась. Мутанты отсиживались по своим норам и лежбищам, не желая выходить на охоту в радиационные джунгли.

Впрочем, нет. Я вспомнил Собачью деревню. Не все зверье подавленно отсиживалось по норам. Я задумчиво покусал нижнюю губу. Беспокойство и гиперактивность одних животных, депрессия и стремление забиться поглубже других - все это напоминало поведение зверей перед каким-нибудь масштабным катаклизмом вроде землетрясения или цунами. И чем больше я думал об этом, тем меньше мне это нравилось.

Хотя поведение мутантов Зоны невозможно оценивать обычными мерками. То, что для обычных животных - долина смерти, для мутантов - самая подходящая среда обитания. Наверное, мне не следовало давать волю своему разыгравшемуся воображению.

Однако ощущение, что над нами занесена гигантская мухобойка, никак не желало исчезать. А инстинктам своим я привык верить. Если бы уровень Агропрома не был закрыт наглухо, я бы немедленно развернул через него свою группу обратно к Периметру, и плевать на то, что в этом случае я потеряю большую часть заработка. Голова на плечах дороже денег, потому что с головой денег я раздобуду в любом случае, а вот вторую голову, если потеряю первую, куплю вряд ли. Однако я лично убедился, что Агропром сегодня непроходим, а возвращаться назад по

своим собственным следам меня не заставил бы даже Черный Сталкер.

Впрочем, ничто не мешает мне после научного лагеря описать дугу на востоке и выйти в Темную долину, а оттуда до Свалки уже рукой подать. Пожалуй, так и надо сделать.

Если только в Темной долине не дожидается где-нибудь в засаде потерявший нас отряд преследователей.

Сталкерская тропа, по которой мы двигались, была проложена по достаточно безопасным местам, она старательно огибала постоянные скопления аномалий, однако в любой момент на нее могла вылезти какая-нибудь свежая дрянь. Приходилось держать ухо востро.

Вскоре мы выбрались к научному лагерю. Он представлял собой два десятка металлических кунгов, ангаров, передвижных лабораторий и разборных домиков, в беспорядке разбросанных на лугу, огороженном плотным забором из колючей проволоки. Ученые расположились тут давно и капитально. Несмотря на пару шумных происшествий, когда псевдогиганты едва не сравнивали их лагерь с землей, они по-прежнему располагались в этом не самом безопасном месте на границе с закрытыми секторами, в полевых условиях исследуя феномены, артефакты и проявления Зоны. Большую часть материалов они переправляли на вертолетах за Периметр, в расположенный под Запорожьем Институт Исследования Аномальной Чернобыльской Зоны, для более углубленного изучения, однако некоторые анализы и исследования приходилось проводить на месте, поскольку часть артефактов за пределами аномального поля Зоны утрачивали свои свойства, а многие мутировавшие организмы умирали и разлагались до полужидкого состояния в течение нескольких часов.

Ломиться всей толпой в хорошо охраняемый лагерь не стоило. Ученые и находящиеся при них военные сталкеры, конечно, неплохо ладят с вольными бродягами, но лучше их не провоцировать без причины. Вряд ли за ворота без помех впустят семерых вооруженных до зубов подозрительных типов. Я собирался войти в лагерь один, сдать обнаруженный на Агропроме артефакт Нестандарту, быстренько получить причитающиеся деньги – за мной, кстати, еще висел с прошлого раза небольшой должок за приобретенный общевоисковой защитный комплект, – и вернуться к ведомым, уложившись в четверть часа. Я уже открыл рот, чтобы скомандовать своей группе привал в ближайшей лощине, однако Хе-Хе, не отрываясь от бинокля, в который он рассматривал лагерь ученых, настороженно произнес:

– Что-то не так.

Я отобрал у него бинокль и быстро изучил территорию лагеря, которую едва было видно через плотный слой колючей проволоки. Действительно, обычно там день и ночь кипела работа: из помещения в помещение шмыгали с различными поручениями лаборанты, подсобные рабочие собирали на хоздворе всякие механизмы и оборудование, необходимое для проведения исследований, военные сталкеры патрулировали территорию. Теперь же лагерь будто вымер. И кроме того, стена одного из кунгов была разворочена и разорвана, хотя никаких признаков взрыва я не заметил.

– Псевдогиганты вломились? – вполголоса поинтересовался Хе-Хе.

– Не похоже... – проговорил я.

Не было в периметре лагеря никаких повреждений. Никто к ним не вламывался. И тем не менее в лагере царила мертвая тишина. Не было слышно рева дизелей, не трещали рации у военных сталкеров, не слышно было визга хирургических фрез, применяемых при аутопсии.

Создавалось впечатление, что весь персонал научного лагеря спешно эвакуировался незадолго до нашего прибытия.

Нет, тишина не была мертвой. Доносился с той стороны на грани слышимости мерный, монотонный, регулярно повторяющийся звук – зуммер тревоги.

- Не нравится мне это, – произнес Хе-Хе.

- Ага, – сказал я. – К черту Нестандарта. Понесем-ка артефакт в бар «Сталкер». Обчистят, конечно, сволочи, но что-то мне подсказывает, что сейчас лучше не жадничать.

- Проблемы? – спросил Мартин.

- Абсолютно никаких, – заверил я. – Просто обойдем стороной это подозрительное место. Не нравится оно мне сегодня. А раз оно мне не нравится...

И тут ПДА у меня на запястье назойливо завибрировал.

- А вот теперь проблемы, – сообщил я, посмотрев, что он пытается мне сказать.

Кто-то в лагере ученых активизировал аларм-маячок. Такой штукой снабжают работающих в Зоне военных сталкеров. Если ее включить, она начинает непрерывно посылать в эфир на аварийной частоте сигнал SOS. Торговцы покупали аларм-маячки у военных и за огромные бабки перепродавали их вольным бродягам. Не отозваться на призыв о помощи было хуже, чем грабить сталкеров с хабаром возле Периметра. Такое могли позволить себе только полные отморозки из «Греха» или «Монолита». Черный Сталкер Дима Шухов всегда жестоко наказывал бродяг за подобное поведение.

- Что думаешь? – осторожно спросил Хе-Хе.

- А чего тут думать? – отозвался я. – Трясти надо. Господа туристы, мы вынуждены провести небольшую спасательную операцию. Вон там, за колючей проволокой, кому-то срочно требуется помощь. Скорее всего, это излишний риск, поэтому я не настаиваю, чтобы вы шли с нами. Однако мне было бы спокойнее, имея в распоряжении семь стволов.

- Черт! – в голосе Стеценко мелькнула досада. – Хемуль, а никак нельзя вызвать этому человеку спасательную команду какую-нибудь, а?

- Кто еще остается? – сухо проронил я.

- Я с вами, Хэм, – заявил Мартин Донахью. – В конце концов, мы сюда за адреналином приехали или на экскурсию?

- Мартин, – ледяным тоном проговорил Стеценко.

- Андрей?.. – приподнял бровь тот.

- Излишнего риска не бывает, – поддержал шефа Камачо. – Что там может быть такого опасного, за колючей проволокой?

- Все что угодно, – отрезал я.

Сэм Галлахер через Мишу передал, что он последует за Мартином хоть в преисподнюю. Сам же Миша ухмыльнулся и пожал плечами.

- Да не, чего. Круто на самом деле.

Избиение слепых собак явно настроило его на воинственный лад.

В результате на вылазку мы двинулись полным составом. Я настоял, чтобы все надели защитные шлемы, которые до сих пор несли пристегнутыми к рюкзакам. Осторожно проникнув в лагерь через незапертые ворота, мы рассредоточились по территории. На близком расстоянии звук тревожного зуммера, доносившийся из распахнутых дверей одной из лабораторий, стал громче и резче, действуя на нервы.

- Хемуль, тут труп! - подал голос Пустельга от одного из кунгов.

- А ты что хотел найти? - раздраженно буркнул я. - Плюшевого мишку?

Я приблизился к нему. Обезглавленный труп лежал на пороге кунга. Это был ученый в противорадиационном комбинезоне. Из-под его неподвижного тела растеклась внушительная лужа крови; кровь была совсем свежей. Дверной косяк и притолока над трупом были щедро окроплены ярко-алым - кто-то наотмашь, одним ударом снес ученому голову, когда он выскочил на улицу по сигналу тревоги.

- Здесь поработал мутант, - проговорил Хе-Хе. Присев на корточки, он внимательно рассматривал рваный срез, венчавший шею трупа. - А вот и следы.

На влажной от постоянных дождей земле отчетливо виднелись узкие и глубокие вмятины, словно кто-то втыкал в землю кайло или лом. Кем бы ни был один из наших приятелей, наделавший шороху в научном лагере, он передвигался по-крабьи, как псевдоплоть, и на ногах у него были острые костяные наросты, как у псевдоплоти, только раза в три побольше. Осталось только узнать, откуда он вылез и куда делся потом - в проволочном защитном периметре лагеря не было никаких повреждений. Впрочем, если бы они были, сейчас на весь лагерь ревела бы сирена.

- Псевдоплоть порезвилась? - вполголоса спросил я.

- Ага, - отозвался мой напарник. - Только уж больно большая. Не бывает таких. Хе-хе! Ни черта не понимаю.

Если сталкер ни черта не понимает - жди конкретных неприятностей, это закон природы. Прищурившись, я осмотрел сборные домики лабораторий. В одном из них по-прежнему дребезжал сигнал тревоги, в другом работал аларм-маячок. Добро пожаловать, мультяшный страус.

- Вперед, - скомандовал я. - Потихоньку. И в оба глядеть!

Мы обогнули кунг, и перед нами открылся пейзаж после битвы.

В основном здесь были военные сталкеры. Видимо, они подтянулись сюда по сигналу тревоги и не успели даже пустить в ход оружие. Или успели, но это помогло им мало - по крайней мере, ни одного убитого мутанта я на утоптанном плацу лагеря не обнаружил, если только их трупы не сожрали свои же. А вот твари времени зря не теряли. То, во что они превратили людей, вполне можно было назвать мясным фаршем. Порой невозможно было понять, принадлежат изрубленные и изуродованные куски одному человеку или нескольким. Двор был усеян фрагментами тел, поврежденным оружием и клочьями обмундирования. Стены двух домиков из какого-то легкого сплава были исполосованы и погнуты, словно по ним лупили кувалдой.

На сей раз блевал не только Миша Пустельга, но и Альваро с Мартином. Даже у меня в желудке беспокойно заворочалась саморазогревающаяся тушенка Донахью. Доводилось мне уже видеть подобные зрелища, но более омерзительные – никогда. К такому вряд ли можно привыкнуть.

– Смотрите внимательно под ноги, – распорядился я сквозь зубы. – Ищите норы. Если найдете – вперед не лезть! Сразу сообщайте мне.

То, что целое подразделение обученных военных сталкеров не сумело сдержать противника и погибло в считанные минуты, говорило только об одном: мутанты появились совершенно неожиданно и с самого неожиданного направления – из глубины лагеря. Правильно организовав оборону, военные могли превратить научный лагерь в неприступную крепость и часами отбивать атаки стада псевдогигантов, пока не подоспеют вертолеты. Однако вряд ли кто-то рассчитывал на то, что обороняться придется от врага, атакующего изнутри периметра. Неповрежденный забор из колючей проволоки тоже свидетельствовал об этом, и поскольку других летучих тварей, кроме ворон и вертолетов, я в Зоне ни разу не видел, объяснение было одно: что-то выползло из подземных нор. Возможно, это были бюреры, хотя каким образом они нанесли военным сталкерам такие страшные повреждения, все равно оставалось непонятным.

Мы быстро обследовали ближайшие лаборатории, просто заглядывая в сорванные с петель двери. Везде было одно и то же: расколоченное вдребезги, разбросанное как попало оборудование, брызги крови на стенах и растерзанные человеческие останки. Мутанты застали ученых в самый разгар исследовательских работ. Двигались твари, судя по всему, с умопомрачительной скоростью: никто не успел укрыться, никто не сумел дать отпор. Местных обитателей просто вырезали, быстро и поголовно. В одном из домиков кто-то все-таки заперся, но тонкая металлическая стена была вскрыта, словно консервная банка, и отогнута в сторону, через проделанный проем виднелся разгромленный автоклав с полуоторванной дверцей и лужа крови на полу.

Меня смущали следы. Люди в панике метались по лагерю, но, судя по следам, преследователь у них был всего один. Он методично перемещался от строения к строению, уничтожал хозяев и двигался дальше. Рассудок отказывался верить в то, что эту бойню учинила всего одна мутировавшая тварь.

Мы подобралась к внушительному ангару, из распахнутых дверей которого монотонно верещал зуммер. И сразу же детекторы радиации, встроенные в наши ПДА, подали голос – сначала щелчки были редкими, затем, когда мы приблизились к дверям, стали напоминать треск кастаньет.

– Похоже, горячее пятно всплыло прямо посреди лагеря, – вполголоса произнес Хе-Хе. – Что же это за тварь принесло вместе с ним?

– Я такой штуки еще не встречал, – признался я.

Пожалуй, следовало линять из лагеря, пока не поздно. С блуждающими горячими пятнами шутить не стоит. Я помню, как однажды такое пятно прошло по траве, на которой сидел Папахен. Его счетчик Гейгера на несколько мгновений сошел с ума, а потом сдох. Сам Папахен получил облучение такой силы, что мы даже не смогли подойти к нему близко, чтобы похоронить как следует.

Но меня уже разобрало. Надо было выяснить, что здесь произошло, хотя бы для того, чтобы не столкнуться через десять минут на сталкерской тропе с рыскающим по окрестностям

огромным кровожадным мутантом.

Я осторожно поднялся по ступенькам и заглянул внутрь ангара через распахнутую дверь. Фоново внутри знатно. Рядом с дверями стоял компьютерный стол, на котором лежал опрокинутый и треснувший монитор; еще один монитор валялся на полу, придавленный поваленным креслом и бездыханным телом в зеленом халате, рассеченным от плеча до пояса. По экрану продолжали бежать вертикальные столбцы символов. Какое-то электронное научное оборудование было расставлено вдоль стен. По потолку змеились толстые провода в разноцветной изоляции, мерцали приглушенно светодиоды. Половина ангара была отгорожена толстой стальной решеткой. Внутри стояло что-то вроде огромного металлического корыта, в котором я разглядел окровавленные собачьи ноги и головы. В углу была оборудована поилка с мутной водой. Над клеткой располагались кран с лебедкой, который перемещался по приваренным к потолку направляющим, несколько видеокамер, какие-то измерительные приборы, провода от которых расходились по всей лаборатории, и странного вида аппарат, напоминавший соленоидную катушку в могучей свинцовой броне. Я уже достаточно топтал Зону, чтобы понять: такой мини-саркофаг мог скрывать только радиоактивные материалы. Создавалось впечатление, что в середине этой катушки раньше вращался радиоактивный брусок, но теперь свинцовая броня была варварски раскурочена и кто-то выломал брусок из агрегата. Металлические прутья на передней стороне клетки тоже были изуродованы, вырваны из гнезд, отогнуты в стороны. Кому-то очень большому не терпелось выбраться на свободу.

За несколько мгновений оценив обстановку, я поспешно спрыгнул с крыльца – годовая норма облучения не резиновая, ни к чему набирать ее за пару минут. На всякий случай вынул из нагрудного кармана пузырек со специальными таблетками, показывающими суммарную дозу полученной радиации, встряхнул его, посмотрел на свет – нет, все в порядке, только чуть голубоватые по ободкам. Когда они станут синими, как июльское небо над родным Харьковом, о Зоне можно на полгода забыть.

- То же самое? – спросил Донахью.

- Не совсем, – отозвался я, досылая гранату в подствольный гранатомет. – Это не пятно. Похоже, ученые проводили тут какие-то эксперименты с тварями. Подвергали их направленному радиационному облучению или ставили еще какие-то опыты. И сдается мне, один пациент вырвался на свободу. Рекомендую не терять бдительности, господа.

Хе-Хе и охотники тут же последовали моему примеру.

Сигнал аларм-маячка внезапно пискнул и умолк. Стеценко посмотрел на меня.

- Этот человек умер! Наша помощь уже ни к чему. Не пора ли рвать когти?

Пришибить твою муху! Давно пора, но теперь я из принципа все сделаю наоборот.

- Маячок мог испортиться, – пояснил я. – Надо все-таки посмотреть, что с раненым.

Стеценко пожал плечами.

- Как скажешь, босс. Только охота становится слишком опасной.

- Это вы еще не видели действительно опасной охоты.

В одном из домиков послышалось слабое шевеление, и я вскинул руку: тишина!

- Бе... Березин! - донесся оттуда прерывистый голос. - Бе...

Несмотря на то что раненый говорил с трудом и захлебывался кровью, я сразу его узнал: это был Нестандарт, начальник лагеря. Кличку свою он получил за любимое словцо, которое часто употреблял, рассматривая артефакты, предлагаемые сталкерами для покупки. Березин, его научный и административный помощник, тоже был мне хорошо знаком. Его труп я обнаружил в одном из сборных домиков.

- Бере... - голос Нестандарта пресекся. - Бе... Березин! Уве... увеличить мощность! Березин!..

Снова заработал маячок, пульсируя на карте моего ПДА кроваво-красной каплей. Нестандарт явно был в бреду и в забытьи то включал, то выключал аларм.

- Надо оказать ему помощь, - сказал я. - Он истечет кровью, пока придут спасатели.

Несмотря на свою прижимистость и дурной характер, Нестандарт несколько раз здорово выручал меня, и я чувствовал себя обязанным. Да и вообще паскудно это: находиться в нескольких метрах от раненого и не оказать ему помощи. Дима Шухов такого не одобрит.

Мы полукругом приблизились к дверям домика. Снова затрещал детектор радиации, и я с неудовольствием подумал, что Нестандарт мог у себя в лаборатории хватануть солидную дозу облучения. Встав у стены рядом с дверью, я осторожно высунул ствол автомата в дверной проем. Никто внутри на это не отреагировал.

- Эй, Нестандарт! - негромко позвал я.

- Бе... Березин! - невнятно донеслось изнутри.

Сигнал маячка пропал снова.

Я шагнул вперед с мерзким ощущением, что ловушка уже давно захлопнулась, и одним взглядом охватил обстановку помещения.

По-видимому, это был пищеблок. Несколько рядов пластиковых столов, за каждым из которых могло разместиться четыре человека. Длинный металлический прилавок раздачи, окошечко для приема грязной посуды в противоположной стене, над ним - большие электронные часы. Коричневые двадцатикилограммовые сетки с картошкой и свеклой, грудой сваленные прямо в углу. На стене какая-то документация. Три неподвижных тела на полу. Кровь повсюду.

Нестандарт сидел за столом напротив входа, глядя прямо на меня. Изо рта у него вывалился кровавый сгусток. Мертвенная бледность покрывала лицо ученого. Судя по огромной треугольной ране у него в груди, кто-то знатно пришил его к стулу чем-то огромным и острым. Под стулом Нестандарта растекалась внушительная багровая лужа.

- Березин! - невнятно донеслось из угла.

Куча картошки в углу пошевелилась, и я внезапно осознал, что это живое существо.

Псевдоплоть, пожалуй, самая кошмарная тварь Зоны. Она напоминает жуткую помесь медведя с пауком и крабом. Четыре членистые, острые на концах крабьи ноги несут тяжелую коричневую тушу и втянутую в плечи уродливую голову, которую словно изготовили по небрежно набросанному сумасшедшим художником эскизу человеческого черепа и обтянули

отходами кожевенного производства. Влажная треугольная дыра вместо носа, кривые глазницы разного размера, вылезающие из орбит глаза, двигающиеся независимо друг от друга, шишковатый неровный лоб, сморщенный старушечий ротик, непрерывно шевелящийся, бормочущий что-то бессвязное и роняющий на землю клочья отвратительной пены.

Псевдоплоть более всех остальных мутантов походит на выбравшееся из преисподней адское животное, однако с ней, в отличие от многих других обитателей Зоны, довольно просто справиться. Она слаба, труслива и плохо переносит боль: шарахается от выстрелов, а получив пару пуль в мясистый загривок, что для нее почти безвредно, в панике бросается наутек. В основном псевдоплоть довольствуется падалью или ослабевшими от ран людьми и мутантами. Однако и у нее имеются чрезвычайно опасные повадки. Например, она обожает затаиваться в кустах и нападать со спины, вонзая свои острые костяные ноги человеку в почки; для сталкеров-одиночек эта тварь, умеющая по-хамелеоны менять цвет своей шкуры в соответствии с окружающим фоном, представляет значительную угрозу. Кроме того, она чрезвычайно упорна и, сев на хвост раненому сталкеру, может преследовать его несколько километров, нападая, когда человек теряет сознание или лишается последних сил.

До сих пор ученые спорят, мутацией какого животного является псевдоплоть – свиньи или овцы. Некоторые полагают, что это совершенно новый зоологический вид, пришедший к нам через дыру в пространствах с той стороны. Впрочем, поскольку дыра между мирами существует пока на уровне легенды, третью версию обычно всерьез не воспринимают.

- Бе... Березин! – проблекотала псевдоплоть, ворочаясь в своем углу. – Мурлинап! Вторая камера!

Уродливый гипертрофированный левый глаз повернулся в орбите и уставился на меня.

Псевдоплоть такого размера я еще никогда прежде не видел. Она раза в два с половиной превышала габаритами самых крупных особей своего племени. Тварь лежала, подогнув под себя ноги и обхватив ими цилиндр из черного материала. По тревожному стрекотанию ПДА я понял, что это и есть тот самый радиоактивный брусок, пропавший из клетки. Оттопырив бесформенную верхнюю губу, чудовище пожевывало мелкими кривыми зубками, похожими на человечьи, помятый аларм-маячок. Пискнув, тот вновь включился.

Я медленно попятился, не сводя взгляда с огромной псевдоплоти. Хе-Хе попытался что-то спросить, но я оборвал его, знаком приказав немедленно отступать. Если погром в лагере учинила именно эта странная тварь, которая обнимает в пищеблоке урановый цилиндр, – а в этом нет никакого сомнения, – столкновения с ней лучше избежать.

- Харабут! – донеслось из распахнутой двери пищеблока. – Березин! Кирилл Александрувч!

Длинные слова псевдоплоть произносила с трудом: она просто-напросто забывала правильную последовательность звуков. Для нее это было слишком сложно. Зато она, в отличие от своих диких сородичей, прекрасно имитировала голос Нестандарта. Это и ввело меня в заблуждение.

За стеной раздался грохот, что-то звонко покатило, заскребли по металлическому полу сдвигаемые столы. Неровная морда чудовища показалась в дверном проеме.

- Беоскыр! – рывкнула псевдоплоть, сфокусировав взгляд на Галлахере. – Смиф! Глырбеглиау! Березин!

Охотники потеряли дар речи. Они неловко отшагнули назад, с благоговейным ужасом глядя на мутанта. Действительно, первая встреча с псевдоплотью всегда производит неизгладимое впечатление. Тем более с такой громадиной.

Огромная коричневая туша начала протискиваться в дверной проем, который для нее был явно узок. Тем не менее тварь, ободрав о металлические косяки облезлые бока, быстро выкарабкалась на свободу – мы успели отступить лишь на десяток шагов. Теперь было отчетливо видно, что ее заостренные хитиновые копыта сплошь покрыты засохшей кровью. Военные сталкеры все же сумели нанести мутировавшей псевдоплоти солидный ущерб – левая задняя нога у нее была перебита из ручного пулемета, судя по размеру сквозных дыр, и безвольно волочилась по земле, правый глаз вытек, загривок был исполосован осколками, на боках виднелись полузатянувшиеся отверстия от пулевых ранений. Вероятно, только это спасло нас от судьбы обитателей лагеря: часть энергии твари уходила на регенерацию, и псевдоплоть стала не такой резвой, как раньше.

- Йомалаут! – заорала псевдоплоть, делая огромный скачок вперед.

Даже с поврежденной лапой она двигалась с такой скоростью, что мозг едва успевал схватывать ее перемещения. Судя по всему, когда эта псевдоплоть была здоровой, она вообще перемещалась так быстро, что просто размазывалась в воздухе. Естественно, что целое подразделение военных сталкеров ничего не смогло с ней поделать: она все время опережала их на долю секунды, и ни численный перевес, ни огневая мощь уже не могли их спасти.

Тварь в несколько прыжков оказалась перед нами и, вздернув передние лапы, словно гигантский взбесившийся богомол, наотмашь полоснула Хе-Хе поперек груди. Тыльная сторона ее напоминавшей огромную косу конечности была усеяна множеством мелких хитиновых зубцов, словно нога камчатского краба; именно этими чудовищными пилами псевдоплоть нашинковала защитников лагеря. Поперхнувшись собственной кровью, Хе-Хе переломился в поясе и рухнул во влажную грязь.

Галлахеру повезло больше: второй лапой существо било из неудобного положения, к тому же в момент удара Сэм успел чуть уйти в сторону, поэтому ему досталось локтевым суставным сочленением в голову. Я отчетливо расслышал, как что-то громко хрустнуло – то ли суставное сочленение, то ли шлем, то ли челюсть американца. Сэм отлетел метра на три, в другую сторону полетел Стеценко, уходя от монстра перекатом и потеряв на лету автомат. Мгновенно развернувшись на месте, огромная паукосвинья атаковала застывшего прямо перед ней Камачо – и судорожно проглотила свой боевой вопль, потому что я шархнул по ней из подствольника.

Граната разорвалась под правой передней ногой твари, отшвырнув псевдоплоть в сторону. Сбитый с ног ударной волной, Альваро кувырком покатился по сырой траве.

- Бир-р-резин! – прострекотала тварь, озадаченно мотая контуженной башкой.

Периферийным зрением я отметил, что Мартин Донахью, упав на одно колено, лупит по псевдоплоти из автомата, и пули со звоном отскакивают от ее уродливой головы. Я хотел всадить в тварь еще одну гранату, но побоялся зацепить осколками без памяти валявшегося между ее ног Галлахера, поэтому поддержал охотника из автомата.

Псевдоплоть из лаборатории определенно отличалась от своих диких собратьев. Звуча автоматных очередей она не боялась – хотя наши «хопфулы» грохотали гораздо слабее «калашниковых», на вооружении защитников лагеря состояли «АКМК», что отнюдь не спасло их от разделки на составные части. Боль эту тварь также не останавливала – псевдоплоть уже была серьезно ранена, однако настойчиво перла вперед, словно впавший в боевое безумие кровосос. Пока нас спасало только то, что попадавшие в животное пули непрерывно

отбрасывали его назад, не позволяя ему приблизиться к нам на расстояние удара длинными передними конечностями с хитиновыми пилами. Несколько раз переступив с ноги на ногу, тварь едва не проткнула Сэму живот своими острыми копытами.

Было бы неплохо, если бы нас поддержал огнем переводчик Миша, но его автомат молчал. Мне некогда было прерывать огонь, чтобы уточнить, что с ним случилось. Мы удерживали гигантскую псевдоплоть лишь до тех пор, пока у нас в руках грохотали «хопфулы».

Однако ученые поработали на славу. Они создали практически идеальную боевую машину. Всякого другого мутанта такое количество свинца уже давно превратило бы в лохмотья: меньше чем за полминуты мы с Донахью высадили по два рожка патронов. Однако атаковавшая нас тварь, закрываясь от выстрелов ороговевшими ногами, которые не брали пули, только яростно топталась на месте, выкрикивая невнятные уродливые слова:

- Щегроимлда! Артулмакмате! Хардилисурап!

Наконец она сместилась в сторону, и Донахью сумел угостить ее еще несколькими выстрелами из подствольника без опасения задеть Галлахера. Одна из гранат влетела в окно соседнего ангара и взорвалась внутри, обрушив крышу и вынеся наружу противоположную стену. Одна разорвалась возле самой морды паукозвиньи, и череп чудовища треснул. Из трещины под давлением выплеснулась темно-желтая густая жидкость.

- Мурлинап! - взвыло омерзительное существо.

Мартин с остервенением пихал в «хопфул» новую обойму с гранатами, которую, разумеется, переклинило. Каким бы совершенным ни было оружие, в нем остается достаточно механики, способной заклинить затвор, перекосить патрон в стволе или дать осечку. Да и вообще эти гранатометные магазины, насколько я уже понял после случая с Сэмом и вертолетом, не самая надежная вещь. По старинке закидывать выстрелы прямо в дуло подствольника, как в «калаше», выходит немногим медленнее, зато вернее.

Пока Мартин возился с гранатометом, раненая псевдоплоть, воспользовавшись тем, что автоматный огонь ослаб вдвое, в бешенстве метнулась вперед и дважды молниеносно атаковала американца своими крабьими лапами, но оба раза тому удалось уклониться, разминувшись со страшными зазубренными конечностями всего в нескольких сантиметрах. Однако реакция у парня что надо. Промазав, псевдоплоть вспорола своими костяными копытами металлическую стену ангара за спиной Донахью, оставив в стене огромные безобразные отверстия с рваными краями.

Эвона! Что же такое сделали с тварью эти яйцеголовые ученые, если ее конечности стали тверже железа, а сила удара стала сравнима с силой удара механического кузнечного молота?..

Я замешкался с гранатометным выстрелом и теперь опасался пускать в ход подствольник, чтобы не превратить Мартина в нашпигованный осколками фарш. Однако на автоматные пули тварь, дорвавшись до американца, больше не обращала внимания; они с пронзительным визгом рикошетили от ее железобетонного черепа и супертвердых хитиновых конечностей. Патроны в моем автомате стремительно заканчивались, и мне необходимо было время на перезарядку. Похоже, Мартину пришел конец.

Тем временем неожиданно и очень кстати ожил Камачо. То ли его оглушило всего на несколько мгновений, то ли он просто прикинулся мертвым (что в столкновении с псевдоплотью является большой ошибкой, так как после победы над противником она обычно

рассекает труп передними лапами-пилами на мелкие куски, чтобы удобнее было запихивать их в крошечный ротик) – так или иначе, Альваро внезапно приподнялся на локте, подтянул к себе за ремень автомат и выпустил в свинокраба длинную очередь, поразив тварь в незащищенное хитиновой броней брюхо и заставив ее оглушительно заверещать от боли. Если бы не его вмешательство, я бы не дал за жизнь Мартина дохлой крысы. Реакция реакцией, но сражаться в таком бешеном темпе врукопашную с существом, для которого это вполне средний темп, а панцирь выдерживает прямое попадание из автомата, можно не дольше нескольких мгновений, после чего неизменно обнаруживаешь себя наколотым на острые хитиновые копыта.

Псевдоплоть развернулась всем корпусом и скакнула в сторону Альваро. В этот момент Донахью наконец удалось высвободить обойму и вщелкнуть ее как следует. В следующее мгновение мы втроем обрушили на живучую тварь гранатный залп.

Все-таки пятачок свободного пространства перед ангаром не очень подходил для гранатной атаки. Видимо, погибшие военные сталкеры так и не решились пустить в ход гранатометы. Псевдоплоть находилась от нас слишком близко, и нас всех троих разметало по двору ударной волной. Меня крепко впечатало спиной в соседний сборный домик; пожалуй, если бы не шлем, мне бы точно размозжило затылок о металлическую стену. Над моей головой по стене наискосок хлестнули гранатные осколки.

Тварь все же пострадала больше нас. Взрывом ей разворотило у основания одну из устрашающих боевых конечностей, рассекло грудь и снесло часть черепа. На утоптанную землю хлестнула черная кровь чудовища. Угрожающе бормоча и болезненно постанывая, припадая на поврежденные ноги, контуженная и ошарашенная нашим напором псевдоплоть начала пятиться. Она отступала до тех пор, пока не наткнулась бесформенным массивным задом на стену пищеблока. Тогда она повернулась, кинулась в двери и быстро протиснулась внутрь.

Я мутным взором обвел поле битвы. Неподалеку от меня, бессмысленно раскачивая головой, распластался по стене ангара Мартин Донахью, через прозрачное забрало шлема было видно, что из носа у него обильно струится густая темная кровь. Наверное, я выглядел не лучше. Чуть дальше стоял на четвереньках Альваро Камачо, в нескольких метрах от него валялся без чувств Сэм Галлахер, рядом с ним, чертыхаясь, поднимался с земли Андрей Стеценко, а ближе к пищеблоку лежал в траве труп Хе-Хе.

Кой черт занес меня на эти галеры?..

Мартин оклемался первым. Он опустился на колени перед телохранителем и, стащив с его головы шлем, ногтем большого пальца начал надавливать ему ногтем на активную точку ниже носа – прекрасное средство привести в себя потерявшего сознание человека по методу цигун. Надо только точно знать расположение точки.

Пошатываясь, ощущая шум в голове и боль во всех мышцах, словно наутро после слишком интенсивной тренировки, я прошел мимо них, хлопнул по спине Камачо, который уже начал было подниматься на ноги – Альваро снова опустился на четвереньки и хрипло послал меня по-испански, рефлекс нормальный, – и склонился над распростертым на земле Хе-Хе. К моему удивлению, этот оболтус был жив: его спас бронежилет. Правда, супертвердая лапа гигантской псевдоплоти, увенчанная страшными зубуринами, все же пропорола защитный костюм и оставила на груди моего помощника, наискосок через солнечное сплетение, глубокую рваную рану. Однако если бы не костюм, Хе-Хе сейчас мало чем отличался бы от того супового набора, в который превратились охранявшие лагерь военные сталкеры.

Я быстро вколол напарнику прямо в рану пару шприцов антидота и стимулятор. Хе-Хе застонал, не открывая глаз. Затем я вынул из рюкзака баллончик с гермоспреем и, пару раз энергично встряхнув его, обильно полил рану мгновенно твердеющей на воздухе пеной. Мне очень не понравились посиневшие края раны. В принципе, псевдоплоть не ядовита, но от этой гигантской образины я уже ожидал чего угодно. Кроме того, на ее зазубренных конечностях вполне мог находиться трупный яд, оставшийся от разделки падали, которую я видел у нее в кормушке.

Подсунув помощнику под голову рюкзак, чтобы он не подавился запавшим языком, я продолжил изучать наши потери. Исчезнувший во время боя переводчик Миша Пустельга обнаружился довольно скоро. Он сидел на корточках, забившись в угол, образованный сетчатым ограждением, вцепившись мертвой хваткой в автомат, и время от времени вздрагивал, спрятав лицо в коленях. Его перепачканный рвотой шлем валялся рядом.

Ах ты, слепая собака.

Поглядывая на двери ангара, в котором исчезла гигантская псевдоплоть, я приблизился к Мише. Он с ужасом поднял голову, уставив на меня выпученные глаза с расширившимися зрачками. Я присел перед ним на корточки, положил руку на цевье Мишиного «хопфула» и с трудом выдрал его из скрюченных пальцев хозяина, после чего наотмашь хлестнул Мишу ладонью по лицу – крест-накрест. Пустельга поперхнулся и вскинул на меня уже вполне осмысленный взгляд – виноватый и обиженный одновременно.

- Это... сталкер... - пробормотал он.

- К воротам! - злобно скомандовал я.

Так, тут вроде бы тоже навели относительный порядок. Забросив трофейное оружие за спину, я торопливо направился к Донахью. Тот как раз завершал реанимационные мероприятия. Галлахер был успешно приведен в чувство и усажен возле стены ангара. Я тоже присел перед ним на корточки, но бить не стал – в данном случае эта терапия была неэффективна.

- Хау а ю? - поинтересовался я. - Хау мэни пальцев видишь, мистер?

Сэм, кажется, отправил меня по-английски в пешее путешествие к истокам Саскуиханы или что-то вроде того. Ну, вроде бы в данном случае обошлось без многочисленных летальных исходов, как говорит один страус. По крайней мере, перелома шейных позвонков и сотрясения мозга, похоже, не наблюдалось, а с остальным настоящим техасский рейнджер в Зоне вполне способен примириться.

- Ходить можешь? Ю кэн гоу?

- Айм файн, - хрипло заверил меня Галлахер.

- Тогда к воротам! Андрей, помоги-ка...

Мы со Стеценко ухватили все еще не пришедшего в сознание Хе-Хе и потащили к выходу с территории научного лагеря. Донахью и Камачо замыкали отступление, они пятились за нами, не сводя стволов автоматов с дверей столовой.

Только когда мы удалились от лагеря метров на сто, я позволил Андрею опустить Хе-Хе на землю. Мой помощник был совсем плох.

- Автомат верни... - донеслось из-за спины обиженное.

Подняв бровь, я отвернулся от Хе-Хе и с интересом уставился на сосредоточенно сопящего Пустельгу, который стоял надо мной, олицетворяя всем своим видом поруганную невинность.

- Успокоился? - участливо спросил я.

- Ага, - отозвался Миша. - Я это... Не будет такого больше. Все, я в порядке. Верни автомат, командир.

- Держи.

Я миролюбиво сунул ему оружие, и, когда этот баклан, наклонившись, протянул руку, зарядил ему такой апперкот в челюсть, что у него искры из глаз посыпались. Не так, конечно, чтобы треснула кость, это лишнее, но крайне обидно и весьма поучительно. По крайней мере, Миша остался на ногах, и совершенно зря, потому что я тут же добавил с левой и почти одновременно - снова с правой. Жалобно хрюкнув, Пустельга с треском улетел в кусты, но я выволок его оттуда за шкирку, хоть он и пытался сопротивляться. Определенно, махать руками его учили, причем учили всерьез, однако учеником он был не блестящим, поэтому устоять против разъяренного сталкера долго не смог. Калечить переводчика я, конечно, не собирался - так, слегка объяснить кое-что на пальцах. Пару оплеух он определенно заслужил. Прочие охотники молча наблюдали за экзекуцией, однако не вмешивались в воспитательный процесс, что было крайне правильно с их стороны.

- Живой? - сочувственно поинтересовался я, глядя на распростершегося у моих ног бедолагу переводчика.

- Живой, - потерянно проскрипел Миша, размазывая ладонью кровь по лицу.

- Вопросы, предложения? - спросил я. - Пояснять не нужно?

- Не нужно, - торопливо замотал головой Пустельга. - Никак нет. Все ясно.

Однако как быстро и здраво начинает рассуждать человек, если разбить ему морду. Не впервые убеждаюсь. Миша явно был здорово ошеломлен. Похоже, никто и никогда еще не бил его по-взрослому. Добро пожаловать в реальный мир, сынку.

- И куда мы теперь? - подозрительно спросил Стеценко, глядя, как я хлопочу над неподвижным телом помощника.

- К Болотному Доктору, - сказал я. - Заодно посмотрите на живую легенду Зоны. Интервью возьмете. Он лечил еще и не такие штуки. Это рядом и не отнимет у вас много времени. Потом сообразим, как двигаться дальше.

- Послушай, Хемуль, - произнес Стеценко, - мы все-таки достаточно слышали о Болоте, чтобы туда соваться. Это уже совсем ничем не оправданный риск. Ты уверен, что нет другого выхода? Вот если мы, например, оставим Хе-Хе возле лагеря и его заберут спасатели?..

- В самом деле, - с надеждой произнес Донахью. - Ведь сюда наверняка направят спасателей?

- Значит, так, - заявил я. - Без меня вы бы еще имели какие-то надежды выбраться, но без обоих проводников ваши шансы выжить здесь не то что равны нулю - они измеряются

отрицательными величинами. Сдается мне, вам самим лучше дождаться спасателей. Поскольку вы телезнаменитости и граждане супердержавы, вам скорее всего не дадут больших сроков и вскоре депортируют за примерное поведение под нажимом посла США в Украине. Братьям-славянам тоже практически ничего не грозит – у нас страшная коррупция в правоохранительных органах, мать ее ети. Завидую вам, ребята. Счастливо оставаться.

Я бросил автомат Миши в траву, приподнял болезненно застонавшего Хе-Хе с земли, захлестнул его руку себе за шею и поволок напарника к лесу. Беда, вдвоем с рюкзаком я их не дотащу – слишком тяжело, а без рюкзака очень не хотелось бы. Вещи помощника и так пришлось бросить, так что если какой форс-мажор – у нас один комплект защитного снаряжения на двоих. Ладно, будем часто перекуривать. Главное, чтобы хватило сигарет и чтобы Хе-Хе не загнулся раньше времени прямо у меня на руках.

Через десяток метров меня догнал Донахью. Он нырнул под вторую руку Хе-Хе и принял на себя часть его веса.

– Спасибо, брат, – произнес я.

Еще через несколько шагов Камачо положил мне руку на плечо.

– Дай лучше я. – Он поддержал бесчувственного Хе-Хе с моей стороны. – Веди нас, не отвлекайся, а то влетим все вместе в какую-нибудь ловушку.

Я не стал возражать.

Туристы часто сменяли друг друга. Двое тащили Хе-Хе, один шел впереди, двое замыкали группу, волоча рюкзак моего помощника. Я двигался в нескольких шагах следом за отмычкой, тщательно изучая окрестности. Перемещались мы медленно, останавливаясь чуть ли не на каждом шагу – берег Янтарного озера, ведущий к Болоту, был битком набит аномалиями. На наших глазах пролетающая мимо ворона оказалась в зоне действия птичьей карусели. Отчаянно каркая, она судорожно работала крыльями в попытке вырваться, в то время как неумолимая центробежная сила все быстрее и быстрее раскручивала ее в воздухе. Полетели в разные стороны вырванные воздушным потоком перья, раздался отвратительный треск, и наконец разорванные куски птичьей тушки брызнули на землю, окропив окрестности в радиусе нескольких метров. Собственно, здесь уже не требовалось ни датчиков, ни сталкерского чутья – мы обошли аномалию далеко стороной.

Рюкзак понемногу тяжелел – «волчьи слезы», оторванные от родного гравиконцентрата, постепенно теряли свои аномальные свойства, превращаясь просто в куски неизвестной науке горной породы, за пределами Зоны имеющие практически нулевую ценность. Ну, на какое-то время их воздействия хватило, и то неплохо. А у туристов останутся сувениры на память.

На суку каркнула еще одна ворона, которая до этого внимательно наблюдала за гибелью подруги. Ворона, между прочим, съедобная птица – достаточно сбить ее из пистолета и запечь в углях. Их мясо практически не аккумулирует радиации, так что вороны и крысы – единственное мясо в Зоне, которое можно употреблять без особого риска. Я где-то слышал, что в случае мировой ядерной катастрофы сумеют выжить и безболезненно приспособиться к новым условиям только вороны, крысы, тараканы и одуванчики – существа и растения с трехсотпроцентным запасом живучести, с неистребимой жизненной силой, с неистовой волей к жизни и размножению – любыми средствами, в любых условиях и в любой форме.

Несколько раз мне приходилось сидеть некоторое время на воронье-крысиной диете, когда я надолго застревал в каком-нибудь глухом углу Зоны и у меня заканчивалось продовольствие.

Так что я имел в этом достаточный опыт и вполне мог, подстрелив эту ворону, приготовить ее так, что американцы языки бы проглотили от удивления. Но только кто же станет есть ворону, когда в рюкзаках достаточно тушенки от мистера Донахью?

Прямо посреди поляны, на которую мы выбрались вскоре, были как попало разбросаны человеческие кости. Возможно, этого бедолагу просто пристрелили здесь мародеры или запарол кабан, а кости потом растащили собаки из деревни, однако рисковать не стоило. Существуют очень коварные ловушки, местонахождение которых можно определить, только попав прямо в них. Я решил исходить из того, что незнакомец сделал это за нас, и, несмотря на то, что не обнаружил никаких признаков присутствия аномалии, повел группу краем поляны, через кусты.

Со стороны научного лагеря внезапно донеслось приглушенное остервенелое тарактенье автоматных очередей и протестующие вопли крабообразной свиньи. По одному автоматы умолкли, а через некоторое время, когда мы снова углубились в лес, раздался оглушительный треск, словно над лагерем разорвали гигантскую влажную тряпку, а затем глухой раскатистый удар, точно по огромному медному листу ударили исполинской кувалдой, обернутой в вату. Это сработал ГВБ – глубоковакуумный боеприпас, страшное оружие, в пятнадцатом году поступившее на вооружение военных сталкеров. Не знаю, как работает эта хреновина; Нестандарт, пусть ему хорошо ложится, говорил однажды, что она каким-то образом разрушает узловые точки структурной решетки пространства. Только не спрашивайте меня, как это, все равно не сумею пояснить – сам не очень понял. Знаю только одно: разработали эту хрень после тщательного изучения гравитационных аномалий Зоны. Короче говоря, в результате применения ГВБ в определенном месте пространства возникает дыра диаметром от полуметра до нескольких десятков метров, в зависимости от мощности заряда, полное и абсолютное отсутствие какой-либо материи, идеальное ничто, так называемый глубокий вакуум. Природа, которая, как известно, не терпит пустоты, стремится немедленно заполнить эту дыру-ничто, и окружающее пространство стремительно схлопывается, кореза окружающие предметы и причиняя живым организмам, попавшим в зону поражения глубоковакуумного боеприпаса, страшные повреждения, несовместимые с жизнью.

Я искренне надеюсь, что огромная псевдоплоть предварительно не изрубил военный сталкер в гуляш, что они просто обнаружили противника и благоразумно отступили в десантный вертолет, поскольку только Хозяева Зоны знают, чего можно ожидать от противника, шутя вырезавшего целый научный лагерь. Военные, конечно, причинили мне в свое время немало неприятностей, но желать им такой смерти способен только полный отморозок-мародер. Однако нам, пожалуй, следовало шевелиться: военные сталкеры – это не то соседство, которое уместно в Зоне. Особенно если они сейчас еще возьмутся прочесывать окрестности с вертолетов. Наверняка канонада, которую мы тут устроили, была слышна за несколько километров, и хорошо, если ее спишут на счет защитников лагеря.

Меня, кстати, уже несколько раз звали в военные сталкеры, угрожая в противном случае, поймав в Зоне, уши отрезать. Однако не пойман – не вор, так что я продолжал успешно лазить за Периметр, и уши все еще были при мне, оба.

- Сколько у нас осталось патронов? – хрипло поинтересовался Стеценко в пространство.

- Половина от того, что было вначале, – отозвался Камачо. Они с Андреем замыкали группу. – Чуть меньше. Еще пара таких форс-мажоров, и привет, приплыли.

- Непокойно нынче в Зоне, – безмятежно проговорил я. Елки зеленые, сейчас Стеценко

возьмет и скажет: «Он положит нас всех». Дежа вю! – После Болота свернем к бару «Сталкер» и купим патронов.

Стеценко промолчал.

Не нравилось мне, как он молчит. Был бы он отмычкой – избавился бы я от него при первой же возможности. А так без толку жаловаться. Как говорится, назвался сталкером – полезай в Зону.

Глава 9. Болото

Вскоре земля под ногами начала пружинить и влажно хлюпать, берег озера стал топким. Мы приближались к Болоту.

Болото – довольно сложный уровень. Территория, залитая мутной водой вперемешку с жидкой слякотью, с попадающимися там и сям островками твердой земли, поросшими чахлым лесом. До Второго Взрыва здесь рос сплошной лес и проходила железнодорожная ветка. Остатки рельсового полотна, рассекающие Болото пополам, и обрушившийся от подземных толчков железнодорожный мост еще можно наблюдать, если достаточно углубиться в топь. Однако доберется до них не каждый. Законы Зоны здесь не действуют, обычные мутанты практически не водятся. Зато в глубине трясины обитают какие-то причудливые земноводные монстры, которых мало кто видел, а если и видел, то мало кому рассказал, потому что встречу с ними переживают лишь единицы... Массу неприятного болтают о Болоте, или даже Болотах, как порой называют это место, – никак не соглашается человеческое подсознание именовать этот гигантский массив топей в единственном числе. Зеркальные пятна, блуждающие огни, илистые големы, мертвые русалки, мозг-колба... Мало кто забредает на Болота – артефактов тут практически нет, а сгинуть проще, чем стакан водки выпить. Ну его к монахам. Один только Болотный Доктор разгуливает по Болоту, словно по собственному огороду. Впрочем, что ему сделается, он же призрак Зоны.

Лес все больше редел, все чаще попадались мертвые деревья с голыми ветвями и осклизлыми от сырости стволами, стоящие посреди обширных луж. Болото убивало не только людей и животных, оно охотно убивало и растения. Когда лужи впереди начали превращаться в небольшие водоемы, еще некоторое время нам удавалось двигаться от одного островка к другому, проваливаясь лишь по колено. Я вырубил штык-ножом длинную слегу и пошел впереди, промеряя глубину. На Болоте отмычки без толку, только мешаются.

Я показал охотникам местные гравиконцентраты. Здесь они выглядят довольно причудливо и видны издали: спрессованная вода внутри окружности с диаметром в полтора-два метра абсолютно неподвижна, ее уровень расположен на полметра ниже уровня Болота. Похоже на то, как если бы в мутную воду опустили донышко огромного невидимого стакана. Поганая штука на самом деле, гораздо хуже наземной – бьет на несколько километров вверх, причем на высоте десятка метров гравитационный столб начинает деформироваться, изгибаться, расщепляться на множественные рукава, которые закручиваются в спирали и вращаются против часовой стрелки, рыская по небу в поисках низко летящих целей. Ученые все мозги себе до крови расчесали, пытаюсь понять, как такое может быть и чем оно обусловлено. Пока не поняли. На взгляд дилетанта это все выглядит так, будто кто-то специально постарался максимально затруднить полеты вертолетов в этом районе. Если же добавить к этому, что Болото практически круглые сутки недоступно для наблюдения с воздуха и из космоса из-за постоянной густой облачности, то неудивительно, что осторожный Доктор устроил тут себе штаб-квартиру. Нежелательные гости редко добивались до его уединенного жилища. Впрочем,

те, кто позарез нуждался в его помощи, тоже не всегда.

Холодная вода не просачивалась сквозь плотную шнуровку армейских ботинок, но вскоре начала заливать в берцы через верх. Вот паскудство-то. Мы упорно хлюпали по колону в грязи, держа курс на дом Доктора по азимуту, который я взял на краю Болота, сверившись с ПДА. Снова начался муторный холодный дождь, что отлично дополнило картину. Тем, кто тащил Хе-Хе, приходилось особенно тяжело. Замыкающим я велел смотреть во все глаза и моментально докладывать, если к нам начнет приближаться что-нибудь неопознанное.

Тем не менее аномальную дрянь первым заметил я сам. Эта штука дрейфовала неподалеку от пары торчащих из воды покосившихся, полусгнивших телеграфных столбов, сплошь увешанных рыжими космами покачивающихся на ветру жгучих волос. В мутную воду Болота словно капнули ртутью, и эта ртутная капля не пошла на дно, а расплзлась серебристой окружностью диаметром метра в два. В центре этого круга неглубоко под поверхностью воды лицом вверх лежал человек. Серебристая пленка, покрывавшаяся рябью от порывов ветра, колыхалась в нескольких сантиметрах над его лицом.

Я остановился на месте, взмахом руки приказав спутникам сделать то же самое. Ох, паршивая штука. В зеркальном пятне был Алан из «Долга» – я узнал его сразу. Он бесследно исчез в Зоне десять месяцев назад. Вот, значит, куда его занесла нелегкая. Пролежав в Болоте почти год, он прекрасно сохранился. Его камуфляж и оружие были как новенькие, длинные волосы слегка покачивались на воде, а широко раскрытые глаза не были тронуты гниением. Он походил на человека, заснувшего с открытыми глазами. Даже нет. Скорее на манекен или восковую куклу.

Внезапно глаза Алана повернулись и уставились прямо на меня. Его искаженное лицо дернулось, по поверхности воды пошла легкая рябь: он меня увидел.

Разумеется, мне уже приходилось сталкиваться с этими штуками, которые глотают сталкеров на болотах. При этом человек остается в живых, но неспособен пошевелиться. Никто не знает, что это такое – живые существа или аномалии. Никто не знает, как это работает. Зеркальные пятна – так мы называем эти страшные штуки, от которых на Болоте нет спасения. Если они почуяли тебя, то будут упорно преследовать километр, и два, и три, пока наконец не догонят и не проглотят. К счастью, забрав одного человека, пятно успокаивается и перестает обращать внимания на остальных. Серебристые пузыри с заключенными в них людьми периодически всплывают то здесь, то там, чтобы исчезнуть через несколько часов. Некоторых пропавших без вести видели в таких пятнах спустя годы, причем все они еще были живы.

В немом крике Алан чуть приоткрыл рот, в который тут же торжествующе хлынула болотная жижа. Его тело содрогалось в конвульсиях, однако он по-прежнему не в силах был шевельнуть ни рукой, ни ногой.

«Какая страшная смерть», – некстати всплыла в голове чья-то известная фраза, тоже как-то связанная с болотами. И еще оттуда же: «Если вам дороги жизнь и рассудок, не гуляйте по торфяным болотам после наступления темноты, когда силы зла властвуют безраздельно».

- Его надо вытащить, – произнес у меня за спиной Камачо.

- Это невозможно, – прохрипел я.

- Тогда добить!

- Ни в коем случае! – рявкнул я. – Тогда в зеркальном пятне окажется один из нас. Все, хватит

стоять! Двинули!

И мы двинули – перпендикулярно предыдущему маршруту. Ртутное пятно не обратило на нас никакого внимания.

Вскоре мы перевалили через полуразрушенное железнодорожное полотно, и перед нами открылось довольно обширное водное пространство без малейших признаков суши. Очертания противоположного берега едва угадывались в тумане. Я шагнул с возвышавшейся над мутной болотной жижей насыпи и сразу провалился по пояс.

- Туда? – грустно осведомился Донахью.

- Туда, – подтвердил я. – Осталось немного.

- А если там глубоко? – поинтересовался Пустельга.

- Значит, поплывем, – утешил я его. – Ладно, не напрягайтесь. Это брод. Глубже, чем по горло, не будет.

- О черт, – вздохнул Стеценко. – Кажется, я опять спрошу глупость, но все-таки: почему бы не добраться по железнодорожной насыпи до берега, а потом просто не обойти эту трясины посуху?

- Это единственный путь, которым можно попасть к Доктору, – сказал я. – Тот берег закрыт наглухо. Насыпь тоже. Там, где мы через нее перебрались, – практически единственное чистое место. Если взять на тридцать метров влево или вправо отсюда – сплошные ловушки. Давайте, господа. В Зоне далеко не всегда наиболее очевидный и короткий путь – самый лучший.

Мы побрели по пояс в воде. Уровень мутной болотной жижи понемногу повышался, и вскоре она начала доходить нам до груди. Галлахеру и Камачо, тащившим в данный момент Хе-Хе, приходилось из кожи вон лезть, чтобы удерживать его голову над водой. Миша Пустельга, споткнувшись, ухитрился окунуться с головой и теперь брел, яростно отплевываясь.

Пару раз только сталкерское чутье спасало меня от крупных неприятностей. Подозрительные места я предпочитал обходить по широкой дуге. Хуже всего было то, что парные холмики здесь скрывались под мутной водой на дне, и влететь между контактной парой можно было запросто. А учитывая, что в воде электрический разряд распространяется дальше, чем в воздухе, одним ударом накрыло бы всю нашу команду. Но пока вроде бы Черный Сталкер нас миловал. Кроме того, нам всем на ПДА упало сообщение, что на Агропроме в мясорубке погиб Семяцкий, и это немного подняло нам настроение.

Один раз ловушку указал мне вовремя налетевший порыв ветра. На чуть подернувшейся рябью поверхности болота впереди нас на несколько мгновений обрисовался идеальный круг совершенно спокойной воды. Я не стал выяснять, какая дрянь его образовала, и увел свою группу в сторону.

Недалеко от берега я вдруг снова почувствовал неладное. Что-то было не так. Какая-то едва уловимая вибрация пространства, словно поблизости от работающей птичьей карусели. Нет, абсурд: птичьей карусели в воде не за что зацепиться, их здесь не бывает. И тем не менее я ощущал какую-то странную дрожь – словно вибрировал ил под ногами.

- Назад! – негромко скомандовал я, и охотники, уже привыкшие к тому, что мое чутье редко подводит, тут же начали понемногу отступать, хотя голову даю на отсечение, что они не

почувствовали ничего. Да они и не знали толком, что именно должны чувствовать, чего именно опасаться.

Вибрация нарастала, теперь уже и ведомые почувствовали ее. По воде пошла мелкая рябь. Внезапно из густой колышущейся жижи рядом с нами с шумом вынырнуло что-то огромное, коричнево-зеленое, покрытое скользкой болотной слизью. С протяжным вздохом чудовище высвободило из ила омерзительную продолговатую голову и подслеповато уставилось на нас.

Больше всего оно напоминало человекообразную помесь гигантской жабы и бегемота. Ростом вдвое выше меня, сгорбленное, лоснящееся, со сморщенной бородавчатой кожей цвета хаки. Нижние конечности мускулистые и мощные, верхние – маленькие и хрупкие на вид, неестественно для человеческой физиологии вывернутые, прижатые к груди, с перепонками между тонкими бледными пальцами. Внушительный, покрытый илом и водорослями кожистый хвост. Покатый лоб, узкие щелки глаз по бокам головы, широкие, непрерывно шевелящиеся ноздри, усеянная солидными зубами лягушачья пасть и ни малейшего намека на уши. Наверное, именно такие твари обитали в здешних болотах сотни миллионов лет назад.

Я жестом приказал никому не двигаться с места и сохранять тишину. От болотных тварей не имеет смысла бежать или отстреливаться. Но они все плохо видят и неважно слышат. Я подумал, что если сейчас переводчик Миша опять закатит истерику, напугавшись чудовища, то туда ему и дорога – выдергивать его за ноги из перемазанной черным илом огромной пасти я не стану. Достал, сволочь. Однако Пустельга, стоявший совсем рядом со мной, благоразумно изображал гипсовую садовую скульптуру и лишь с изумлением пожирал глазами массивную тварь, которая с шумом раздувала ноздри в двух десятках шагов перед ним.

Недовольно фыркнув, тварь повернула голову и посмотрела на меня. У нее был леденящий взгляд. Казалось, что она злобно ухмыляется, глядя мне прямо в глаза. Этот взгляд приковывал к месту, пронзал насквозь, словно раскаленное шило. Еще мгновение – и я, пожалуй, не выдержал бы, бросился прочь или высадил между этими безумными красными глазами целую обойму из автомата, что наверняка закончилось бы для меня одинаково погано – чудовище разорвало бы меня на куски или просто проглотило целиком. Однако болотного монстра внезапно что-то отвлекло. Он мотнул башкой, задрал ее кверху, распахнул широкую пасть и издал тоскливый утробный звук, свирепо раскатившийся по окрестностям, словно взревел мощный водоворот, засасывающий крупную жертву. И почти тут же из тумана ему ответили – до нас донеслось рокошующее, басовое клокотанье гигантской рептилии. Бегемотожаба подождала еще пару мгновений – не появятся ли снова исчезнувшие вкусные сталкеры, которые шли прямо к ней в лапы, – а потом с разочарованным вздохом с головой погрузилась в болотную жижу. Гирлянды воздушных пузырьков, отмечавших траекторию ее движения, потянулись по диагонали поперек нашего маршрута – туда, где какой-то неведомый противник осмелился вторгнуться на ее охотничью территорию.

- Вперед, быстро! – скомандовал я, когда пузыри растворились в тумане.

Мы преодолели уже метров двести, когда из тумана донеслись дикий рев, плеск и приглушенный шум схватки. Болотные чудовища выясняли отношения, им сейчас было не до нас. А прямо перед нами в сизой дымке постепенно проступали темные очертания твердой земли. Уровень топи быстро понижался.

- Все, почти добрались, – утомленно бросил я, желая подбодрить обессиленных и встревоженных охотников. – Молодцы. Сейчас поднимемся на берег, и никакие твари нам больше не...

Господи, ну кто тебя за язык тянул, сталкер? Расслабился?! Тысячу раз ведь говорено-переговорено между ребятами: в Зоне язык не распускай, старайся не сглазить! Никогда не прощайся перед уходом в Зону – дурная примета. Никогда не говори внутри Периметра «Будь я проклят», «Чтоб мне пусто было», «Чтоб мне лопнуть», «Провалиться мне на этом месте» – непременно исполнится, причем с такой изобретательностью, что сам успеешь удивиться, прежде чем сдохнешь. У Хозяев Зоны дивное чувство юмора, правда, черноватое. Не хвастайся своим везением – оно закончится в тот же вечер. Не хвастайся богатым хабаром – больше ни черта не найдешь, кроме стекловаты и волчьих слез, хоть доберись до самого четвертого энергоблока. Не хвастайся своим мастерством проскальзывать через Периметр – на обратном пути непременно нарвешься на пулю армейского патруля. Пока не доберешься куда-нибудь, не говори, что уже практически добрался, – Хозяева Зоны сделают все, чтобы опровергнуть твои слова.

Из глубины густой мутной воды прямо перед нами, отсекая нам дорогу к берегу, медленно всплыл огромный пузырь, похожий на выделившийся из донного ила болотный газ. Вынырнув на поверхность, он развернулся, словно туго скрученная рыболовная сеть или космическая антенна, и на воде заплесало большое зеркальное пятно.

Ну вот и все, ребята. Сдается мне, один из нас труп, как говорит в таких случаях знакомый нам страус.

Да. Это еще хорошо, если труп. На самом деле одному из нас предстоит еще несколько лет нечеловеческих мук.

Зеркальное пятно неторопливо поплыло к Донахью и Камачо, державшим под руки Хе-Хе. Я метнул быстрый взгляд на берег, на оторопевших туристов, снова на пятно. Нет, не успеют. Я-то, предположим, сумею добежать. Сэм – наверняка, если снова не полезет спасать шефа. Стеценко – ну, тут без вопросов: эта сволочь опасность за версту чует и сделает все что угодно, чтобы спасти свою шкуру. Миша – тормоз, но он ближе всех к берегу. А вот Донахью с креолом придется плохо. Впрочем, и они запросто спасутся, если бросят Хе-Хе. И что-то мне подсказывает, что именно так они сейчас и сделают.

Интенсивно расплескивая жижу ногами, стараясь произвести как можно больше шума и вибрации, я по пояс в воде побрел назад, к мертвому дереву, которое торчало из болота метрах в тридцати от берега. Ртутное пятно на мгновение замерло, словно прикидывая, какая добыча интереснее, но я барахтался слишком сильно, поэтому оно уверенно направилось за мной. Живое существо наверняка выбрало бы жертву менее активную, а вот зеркальные пятна, как и жарки, атакуют тех, кто интенсивнее двигается. Чем-то это похоже на поведение шаровой молнии.

- Хемуль! – заорал Донахью.

- К берегу, – хрипло бросил я. – Быстро на берег, все! Ногами старайтесь не бултыхать!

Конечно, я мог бы послать к дереву одного из ведомых. Но тогда пришлось бы тратить драгоценные секунды на объяснения, и именно их одному из нас могло не хватить.

На ходу я бросил взгляд за спину. Пятно ускорило и скользило за мной по поверхности воды, стремительно сокращая расстояние. Черт, так мы не договаривались! Я тоже попытался прибавить, но ноги вязли в глубоком донном иле, густая болотная жижа с плавающим на поверхности плотным покровом ряски яростно сопротивлялась моему продвижению. Это было как в кошмарном сне – когда пытаешься убежать от чудовища, но ноги вязнут, мышцы не

слушаются, все тело словно набито ватой. Проклятие, я не хочу годами лежать в болоте между жизнью и смертью! Лучше бы уж меня сожрал в котловане кровосос!..

Сухое дерево с полуосыпавшейся мертвой корой торчало из воды в тысяче километров от меня. То есть на самом деле до него было рукой подать, но с тем же успехом оно могло быть за тысячу километров. Мне казалось, что я перебираю ногами на одном месте. Дерево приближалось так медленно, что я сразу понял: издевается. А вот для ртутного пятна, в отличие от меня, трясина препятствием не была. Я снова оглянулся – оно легко скользило по воде, догоняя меня с хорошей крейсерской скоростью.

Я удвоил усилия, хотя и так уже двигался практически на пределе своих возможностей. Больше я не оглядывался: бесполезно. От того, что я увижу, сколько еще сантиметров выиграло у меня зеркальное пятно, моя скорость не увеличится. Пот ручьями струился по моему телу под курткой, мне казалось, что от меня валит пар. Еще немного... так, хорошо, теперь левую... Каждую секунду я ждал, что вот сейчас меня коснется нечто упругое, обжигающе холодное. Потом раздастся характерный хлопок, словно откупорили огромную банку с маринованными огурцами... И всё. Получу бесценный жизненный опыт – узнаю, каково годами умирать заживо в прозрачном серебристом гробу. Интересно, что скажет на это моя клаустрофобия?

С чего я взял, что эта штука упруга и холодна, как лед, – убей бог, не знаю. А как она хлопает, когда добирается до жертвы, я помню прекрасно.

Спасительное дерево приближалось медленно, рывками. За спиной слышался отчетливый плеск, и я подумал, что выйдет отличная шутка, если пятно схватит меня в тот самый момент, когда я наконец ухватюсь за низко торчащий сук.

Я ухватился за низко торчащий сук высохшего дерева и, подтянувшись на нем, быстро поджал ноги. В серебристое пятно, скользнувшее прямо под ними, упало несколько капель с моих насквозь промокших армейских ботинок.

Как ни странно, сук подо мной не сломался, что было бы очень логично по закону подлости, и после некоторого пыhtения мне удалось его оседлать. Пытаясь устроиться поудобнее, я взялся за ствол, и у меня в ладони остался внушительный кусок сухой коры, отслоившийся от сухого дерева, словно кожа с тела прокаженного. Потеряв равновесие, несколько бесконечных мгновений я отчаянно балансировал обеими руками в воздухе, сидя над бездной на узенькой жердочке. Если бы автомат, сразу показавшийся безумно тяжелым, соскользнул с плеча и своим весом чуть сместил центр тяжести, мне пришла бы моментальная хана. Однако мне все же удалось уцепиться за другой сук, торчавший у меня над головой, и я обнял покрытый коростой ствол с такой страстью, с какой не обнимал Динку в наши самые горячие ночи. У меня над головой шевелились свисавшие с верхних ветвей ржавые волосы, они почти касались моей макушки, но сейчас мне было на это категорически накласть. Что такое пара легких ожогов по сравнению с вечным заточением в зеркальном пятне?

- Сталкер, ты как? – прокричал с берега Камачо.

- Никак, – ответил я голосом мультяшного страуса, пытаюсь отдышаться.

Я слегка повернулся на своем неудобном насесте, чтобы бросить взгляд на берег. Все мои туристы были в безопасности. Зеркальное пятно не умеет ходить по берегу, но они на всякий случай не приближались к воде, хотя смотрели в мою сторону, и морды у них были вытянутые. Хе-Хе лежал на пригорке чуть дальше. Тьфу, уроды! Там же контактная пара в двух шагах, что-

то вроде муравейника со срезанной верхушкой и кочка с совершенно желтой травой! Долбанет так, что костей не соберут!.. Впрочем, ладно. Хорошо хоть не бросили моего второго номера, не отдали зеркальному пятну. А в пару я им сунуться не дам, дайте только добраться до берега...

Кстати, насчет добраться до берега. Я посмотрел вниз. Пятно задумчиво нарезало круги сантиметрах в сорока от моих ног. С меня все еще капало, и вибрация воды возбуждала его, не давала лечь в дрейф или снова погрузиться на дно. Черт, плохо дело. Это надолго. Сколько я смогу просидеть на этом шестке? Ситуация, мать его ети.

- Стойте где стоите! - крикнул я. - У вас ловушка на берегу!

- Как тебя оттуда снимать? - заорал Стеценко.

- Разберемся, - проворчал я. - Не топчитесь там! Не подходите к Хе-Хе! Сейчас придумаю что-нибудь.

Впрочем, что я мог придумать? Придется сидеть на дереве, пока зеркальное пятно не смиритсЯ с потерей жертвы. В принципе, пару часов я мог бы скоротать здесь без особых проблем, если бы не тяжелый рюкзак. Наверное, придется его все-таки бросить пятну. Главное, чтобы туристы не наделали глупостей.

Я уже совсем было собрался избавиться от рюкзака, когда почувствовал нехорошее. Похоже, подгнившее основание дерева в конце концов не выдержало моего недетского веса, и теперь сухой ствол медленно, очень медленно кренился в сторону зеркального пятна, которое настороженно заметалось подо мной из стороны в сторону, словно учуявшая след гончая.

А вот теперь я серьезно обеспокоен, как говорит в таких случаях один страус.

- Хемуль!.. - жалобно выкрикнул Альваро.

Хемуль, Хемуль. Всё, хана настала Хемулю. По крайней мере, надо постараться упасть как можно дальше от пятна, а потом попытаться обогнать его на спринтерской дистанции... А, ерунда это, все равно не успеть. Пробовали в горах убежать от лавины? Почему-то меня неприятно кольнуло, что моим туристам такая же верная хана, как и мне. Вроде бы, что мне до них, а вот поди ж ты! Ощущения того, что я гибну к чертовой матери, не было совершенно, была только тупая сосредоточенность, а вот сожаление по поводу туристов успело шевельнуться в душе за те мгновения, что я падал. Наверное, таким образом мой мозг защищался, чтобы не свихнуться от отчаяния. Хотя туристы и стоят на безопасном берегу, однако без проводника они далеко не уйдут, отстраненно подумал я. В Зоне - как в настоящей зоне: шаг влево, шаг вправо - расстрел. Только вместо расстрела - широкий ассортимент кошмарных казней на любой вкус. Желаете оказаться разорванным на куски в птичьей карусели? Не хотите ли пробиться насквозь разрядом в ближайшей контактной паре? Любите вы свои почки хорошо прожаренными или пропущенными через мясорубку?..

Или предпочитаете свежее карпачо из еще живого Хемуля?

Я услышал плеск воды за спиной. Вот еще гигантской лягушки мне не хватало в такой ответственный момент!.. Однако выяснилось, что это Сэм сошел с берега и теперь решительно движется в мою сторону. Черт! У меня даже кончики ушей зачесались от прихлынувшей к лицу крови. Верный друг и телохранитель мистера Донахью моментально все просчитал, сообразил, что если эта дрянь сейчас меня проглотит, их шансы выбраться с Болота равны нулю, и не задумываясь пожертвовал собой, чтобы спасти всех. Хотя, наверное, все-таки не всех, а главным образом Мартина Донахью. Может быть, он просто не осознавал всей опасности

ртутного пятна, которое, потеряв свою предыдущую жертву, мгновенно зафиксировало новую движущуюся цель и немедленно двинулось за ней.

Наконец мое дерево накренилось настолько, что центр тяжести сместился и подгнившие корни больше не могли удерживать ствол. С сырым треском дерево обрушилось, и я полетел в воду. По-кошачьи выставив вперед все четыре лапы, я ухитрился не окунуться с головой. Рывком поднявшись с четверенек, я посмотрел вслед Галлахеру: он уходил все дальше и дальше в глубь обширного водного пространства, к неразличимой среди густого тумана железнодорожной насыпи. Бросившееся ему наперерез серебристое пятно стремительно догоняло его.

- Сэм, назад! - яростно крикнул я.

Нет, это я исключительно от отчаяния. Сэма уже не могло спасти ничто. Лишь чудо, поскольку больше торчащих из воды деревьев на его пути не было, только несколько полусгнивших кустов. Либо еще одна жертва - если бы кто-нибудь из моих охотников изо всех сил бросился следом за Галлахером и отвлек на себя скользкую за ним дрянь. Сэм, видимо, тоже это понимал, потому и уходил к горизонту - чтобы его труднее было догнать, если даже у кого и возникнет такая мысль.

Вдруг Галлахер, не успев издать ни звука, мгновенно провалился сквозь поверхность воды, словно его снизу дернули за ноги. Скорее всего, он угодил в невидимую под водой яму, хотя могло случиться и так, что его схватило спрятавшееся в иле чудовище.

С шумом расплескивая воду, я поспешно кинулся к берегу. Если серебристая пакость сейчас снова набросится на меня, выйдет, что Сэм зря пожертвовал собой. А это уже будет совсем неправильно, сталкер.

Я одной ногой шагнул на берег, и Андрей с Марином выдернули меня из хляби за предплечья. Мы молча смотрели, как вокруг того места, где утонул Сэм Галлахер, озадаченно кружит серебристое пятно. Затем оно замерло и начало медленно дрейфовать к горизонту.

- Эшиз ту эшиз, - негромко проговорил Донахью. - Даст ту даст.

Покосившись на ПДА, я положил бормочущему молитву Мартину руку на плечо. Мне не хотелось быть бесчувственной свиньей, я прекрасно понимал, что он сейчас чувствует, но нам надо было двигаться. Зеркальные пятна не умеют ходить по берегу, а вот болотные твари - запросто. Мне не хотелось, чтобы одна из бегемотолягушек вздумала вылезти на берег, чтобы познакомиться. А к нам, судя по показаниям датчиков, из глубины болота с разных сторон быстро приближались два довольно крупных объекта - возможно, те самые гигантские лягушки, которые совсем недавно выясняли отношения на болотных просторах.

- Мартин, надо двигаться, - тихо, но твердо проговорил я. - Мутанты близко.

Охотники явно были ошарашены. Похоже, до сих пор никому из них всерьез не приходило в голову, что они запросто могут погибнуть в Зоне. Риск - да, но раньше риск всегда заканчивался для них порцией адреналина в крови и триумфальным возвращением домой с трофеями. Гибель Галлахера подействовала на них угнетающе.

- Здесь не пойдем, - я указал на пригорок, рядом с которым они положили Хе-Хе. - Странная кочка, видите? И вон еще одна. Это контактная пара. Альваро, смотри внимательно: кидаю твой болт. Фиксируй, где упадет...

У меня за спиной, на просторах болотной трясины, раздался могучий всплеск. Резко развернувшись всем корпусом, я обнаружил голову и плечи Галлахера над тем местом, где американец ушел под воду минуту назад – сплошной ковер зеленой ряски еще не успел затянуть пробитую его телом полынью. Сэм показался на поверхности всего на несколько мгновений, глотнул воздуха, после чего снова стремительно погрузился в болотную жижу. Затем ряска заколыхалась, и Галлахер опять явился нашим взглядам.

Мартин Донахью не произнес ни слова, не издал ни звука. Он просто сбросил с плеч лямки рюкзака, уронил на землю автомат и кинулся в воду. Следом за ним метнулся Камачо, а за ними, матерясь в голос – я.

- Дерево! – истошно заорал я. – Дерево!

Хвала Черному Сталкеру, Донахью сразу меня понял. Он свернул чуть в сторону – к вывернутому мной бревну, на котором я только что спасался от зеркального пятна и которое теперь безмятежно плавало на поверхности болота, почти целиком погрузившись в воду. Без такого бревна или хорошей следи мы вряд ли смогли бы чем-нибудь помочь Сэму – разве что утопиться рядом с ним. Если он провалился в наполненную густым илом яму, выковырнуть его оттуда голыми руками было бы не так просто.

Добравшись до поваленного дерева, Донахью и Камачо ухватились за торчащие сучья и принялись остервенело пихать его в направлении то появлявшейся на поверхности, то снова исчезающей под водой головы Галлахера. Я едва поспевал за ними, наперерез нам весело мчалось зеркальное пятно, зафиксировавшее новую цель, много новых целей, а следом за ним наперегонки тянулись по воде цепочки воздушных пузырей, отмечавшие траекторию движения двух живых подводных крейсеров.

За моей спиной раскатились автоматные очереди – оставшиеся на берегу Стеценко и Пустельга обстреляли пятно. Я увидел, как вокруг и внутри него вскипают фонтанчики пулевых попаданий. Спасибо, конечно, мужики, но это все равно, что пытаться расстрелять тень на стене. К моему удивлению, зеркальное пятно на несколько мгновений приостановилось и даже провернулось вокруг своей оси, видимо, озадаченное новыми источниками множественных вибраций, что позволило нам выиграть еще несколько метров. Однако оно тут же во всем разобралось и снова двинулось к нам, больше не обращая внимания на такие пустяки, как плотный автоматный огонь.

Мы добрались до полыни в ряске, однако Сэм больше на поверхности не показывался. Прошло одно, два, три бесконечных мгновения. Удерживая за сучья идиотское бревно, мы стояли по грудь в болотной жиже и с ужасом наблюдали, как к нам неудержимо приближается зеркальное пятно.

Похоже, спасательная операция с треском провалилась.

Я уже готов был заорать, что Сэма уже не спасти и надо попытаться уберечь хотя бы свои шкуры, когда из глубины прямо возле того места, где мы стояли, начало медленно подниматься что-то большое и темное. Я не был до конца уверен, Галлахер это или вырвавшееся вперед болотное чудовище, пока рука телохранителя мистера Донахью, показавшись на поверхности, не ухватилась мертвой хваткой за тот самый сук, на котором я недавно сидел.

Мы с Донахью и Камачо тут же уперлись в ствол и, увязая в зыбком дне, начали с натугой буксировать его назад, к берегу. Трясина выпустила свою жертву с большой неохотой. Из

коварной ямы, наполненной вязким илом, всплыли огромные пузыри едкого болотного газа. Измученный и полузахлебнувшийся Галлахер уже был не в силах перебирать ногами, поэтому просто плыл, вцепившись в спасительный ствол и едва удерживая голову над мутной водой. На этот раз фора перед зеркальным пятном у нас оказалась побольше, однако теперь мы были с неудобным грузом. Кроме того, я не исключал, что один из мутантов может оказаться шустрее пятна.

Выбравшись на мелководе, американцы разом бросили дерево, ухватили Сэма под руки и бегом потащили его на берег. Первые несколько шагов он просто обессиленно висел у них на руках, но потом стал пытаться двигаться самостоятельно. Я замыкал отступление.

Пятно облизало брошенное нами дерево, скользнуло вдоль него, чуть замедлив продвижение, затем устремилось за нами. Однако и на этот раз мы оказались быстрее. Бросившиеся в воду Стеценко и Пустельга помогли американцам вытащить на твердую почву уже приходящего в себя Сэма. Пятно попыталось ухватить меня за ботинок, но я в последний момент, развернувшись на ходу, упал спиной на глинистый берег и резко выдернул обе ноги из воды, задрав их в небо. Пятно ткнулось в прибрежные заросли и замерло, словно раздумывая, куда опять делся этот чертов сталкер.

Берег был невысокий, но довольно крутой и мокрый от многодневного непрерывного дождя. Я в полной мере ощутил это на своей шкуре, когда начал понемногу сползать к воде по влажной глине. М-м-мать-перемать! Поза у меня была дурацкая и весьма неустойчивая, ухватиться мне было не за что, кувырок назад или перекат в сторону я не мог сделать из опасения поскользнуться в грязи и уже с гарантией сверзиться в болото, где меня с нетерпением поджидало зеркальное пятно. Вот черт, после всего пережитого так глупо влететь!

- Люди! - прохрипел я. После долгого бултыханья в холодной воде и солидной порции адреналина, поступившей в кровь, горло отказывалось мне повиноваться. - Народ!..

Впрочем, охотники уже заметили, что со мной что-то неладно. Чьи-то цепкие клешни ухватили меня за шиворот и оттащили от воды вверх по берегу. Сумев наконец перекатиться, я поднял голову - это был Камачо. Донахью чуть в стороне поддерживал Галлахера, который в конвульсиях изрыгал из желудка болотную воду, Миша с Андреем стояли возле Хе-Хе и, хмуро поглядывая на свои ПДА, держали береговую линию под прицелом «хопфулов».

- Быстро наверх! - рявкнул я, подхватывая свой рюкзак. - Подальше от воды!

Привал устраивать было некогда. ПДА панически сигнализировал, что крупные живые объекты уже у самого берега. Подхватив Хе-Хе, который по-прежнему бредил, не приходя в сознание, мы двинулись в глубь островка в обход контактной пары. Не могу сказать «бросились», потому что здесь следовало перемещаться очень осторожно. Полузахлебнувшегося Галлахера пришлось приводить в себя прямо на ходу.

За моей спиной раздался могучий всплеск, следом еще один. Я не стал оглядываться - мне необходимо было следить за прохождением Камачо по трассе брошенного болта, чтобы сразу остановить его, если что-то будет не так. Впрочем, шлепающие звуки и утробные булькающие вздохи и без того свидетельствовали, что два земноводных монстра, позабыв взаимные обиды, теперь бок о бок карабкаются на берег следом за нами в расчете на шикарный обед.

Камачо внезапно замер на месте, и я, проследив направление его взгляда, разглядел притаившегося за густыми кустами псевдогиганта. Молодец, глазастый. Двухметровый мутант, похожий на уродливого гигантского цыпленка с головой, неприятно похожей на человеческую,

внезапно выпрямился перед нами во весь свой устрашающий рост. Нервно дергая передними конечностями, напоминавшими ощищенные обрубки крыльев, он по-птичьи наклонил голову, глядя на нас выпученным глазом, и хрипло заревел. Толстые ноги топчущегося на месте псевдогиганта напоминали мускулистые, перетянутые тугими шпагатами набухших вен человеческие руки.

Пустельга шарахнулся в сторону и ударил по противнику из автомата. С обеих сторон от меня оглушительно раскатились длинные автоматные очереди – охотники поддержали его огнем. Мутант оглушительно взревел, но из кустов так и не вылез.

- Не стрелять! – рявкнул я. – Команды не было, уроды!

Охотники стрельбу прекратили, однако продолжали настороженно сжимать автоматы. Хорошо, молодцы. Я пристально смотрел на псевдогиганта, который словно прирос к месту. Не может эта тварь оказаться в самом сердце Болота. Тем более две. Массивный кабан, грязно-серый монстр полутора метров в холке, с четырьмя ушами разного размера и торчащими из кривой пасти клыками бритвенной остроты, недружелюбно рычал на нас из-за деревьев. А вон еще два, и несколько слепых собак, и мелькает среди деревьев спина псевдоплоти. Нечего всем этим сухопутным созданиям здесь делать, тем более в таком трогательном интернационале. Разве что их привел сюда контролер, но только трусливый контролер ни за что не полезет в Болото. Впрочем, сегодня я уже ничему не удивлюсь. Даже если выяснится, что контролер сунулся в Болото специально, чтобы устроить на нас засаду.

Мутанты явно были настроены враждебно, но нападать не собирались. Обычно псевдогиганту только дай увидеть что-нибудь живое – будет преследовать и атаковать до тех пор, пока добыча от него не убежит или не сдастся на милость хищника, выбившись из сил. Что касается припять-кабанов, то это вообще отмороженные звери. Тем не менее они пока обходились тем, что демонстрировали нам свое неудовольствие. Подстреленный псевдогигант яростно бил в землю лапой, словно бык на корриде, однако бросаться на нас пока не торопился. Если бы они сейчас атаковали все сразу, нам пришлось бы туго. Да, определенно, их держит контролер, держит на пси-поводке, не торопясь нападать на солидный отряд двуногих, просто наглядно демонстрируя нам, что с ним лучше не связываться. И именно поэтому нам, зажатым с двух сторон в смертельные тиски, сейчас никак нельзя было с ним воевать.

- Большой! – закричал я. – Мы не хотим тебе зла! Давай поговорим!

Натужно kloкоча, два плотоядных бегемота после нескольких неудачных попыток все-таки вскарабкались на высокий берег и теперь резво ковыляли к нам по перемазанной глиной траве, раскачивая рыхлыми задами. Донахью, Стеценко, Пустельга и пришедший в себя Галлахер держали их под прицелом, но стрелять без моего приказа не решались, хотя еще несколько мгновений – и у кого-нибудь непременно должны были сдать нервы. Камачо же направил свой автомат на псевдогиганта, закономерно ожидая от такого кошмарного чудовища любой пакости.

- Большой! – безнадежно прокричал я.

Нет, контролер на контакт не идет, придется прорываться с боем. Вот тут-то мы наверняка кого-нибудь оставим, хорошо если не всю группу. Осталось только выбрать, куда прорываться – вперед или назад. Впрочем, о чем я, выбора нет: возвращаться по своим следам так и так нельзя, а кроме того, лезть обратно в болото, где у самого берега до сих пор крутится зеркальное пятно, а в трясине беззвучно перемещаются привлеченные суматохой гигантские земноводные твари, равносильно самоубийству.

Бегемотлягушек пятно подчеркнуто игнорировало – то ли они были для него слишком велики, то ли в них не было чего-то, позарез необходимого аномалии. Какой-то человеческой жизненной силы, что ли. Псевдогигант внезапно пришел в движение; казалось, он ринулся прямо на нас. Камачо поспешно вздернул автомат, но я успел заорать:

- Стой!!!

Все-таки хороши нервы у креола: выдержал, не выстрелил. Не знаю, сумел бы я так слепо довериться инструктору, когда на меня прет разъяренный локомотив из нескольких центнеров жилистого радиоактивного мяса. Но я хорошо знал повадки псевдогигантов и помнил, что они всегда атакуют в лоб. Так что этот мутант бросился не по нашу душу: мы стояли в стороне от его атакующей траектории.

Действительно, огромная тварь промчалась мимо нас, едва не зацепив могучей лапой, и на полном ходу врезалась грудью в одного из болотных обитателей. Массивные чудовища сшиблись с мощным шлепком, словно элитные борцы сумо. На мгновение мне показалось, что силы равны, но псевдогиганту все же удалось дожать соперника и опрокинуть его на спину. По скользкому склону блестящий от слизи лягушкобегемот поехал к воде и с шумом бултыхнулся, перекувырнувшись через голову.

Однако на этом эффект неожиданности был исчерпан. Вторая болотная тварь резко и сильно ударила псевдогиганта головой в ногу, и у того подломилось колено. Ни за что не подумал бы, что это с виду неповоротливое земноводное чудовище способно двигаться с такой скоростью. Гигантский уродливый цыпленок с оглушительным ревом рухнул на землю, колотя по ней крыльями-обрубками. Скакнув к нему, земноводное разинуло страшную пасть, впилось в его изъязвленную плоть и вырвало весьма солидный кусок, заставив псевдогиганта завизжать толстым вибрирующим басом.

Тем временем подросла легкая кавалерия в лице двух припять-кабанов, которые отвлекли на себя внимание противника. Они разом с двух сторон вонзили в него длинные клыки, заставив грузную земноводную тварь издать тяжкий стон и резко развернуться на месте. Один из кабанов тут же получил могучую оплеуху плоским хвостом и покатился по берегу, а на второго болотный обитатель навалился всем весом, стараясь прижать к земле и задавить. Однако псевдогигант получил драгоценное время на то, чтобы подняться и нанести противнику тяжелый удар в бок. Честное слово, перед тем, как ударить, он стиснул пальцы правой ноги в огромный, совершенно человеческий кулак. Болотная тварь хрюкнула, из ее ноздрей выскочили комки слизи – похоже, удар пришелся в какую-то болевую точку. Воспользовавшись замешательством бегемотлягушки, кабаны начали деловито подпихивать ее к берегу и в конце концов тоже опрокинули в воду. Ее напарник к этому времени уже почти вскарабкался на берег, но псевдогигант мощным ударом гигантского кулака вернул его в родную стихию.

Еще дважды бегемотлягушки пытались высадиться на вражеском берегу. Сухопутные мутанты металась по берегу и сбрасывали атакующих вниз. После очередного падения одно из водных чудовищ зацепило хвостом своего собрата, тот впился обидчику в загривок, и две исполинские рептилии с внезапной свирепостью сцепились между собой, разбрызгивая во все стороны мутную воду с ряской. В пылу борьбы они окунулись с головой и ушли на глубину, не прекращая яростной потасовки.

Теперь мои охотники держали под прицелом замерших у береговой линии кабанов и псевдогиганта, ожидая команды открыть огонь. Я задумчиво посмотрел на мутантов, которые только что самоотверженно отбили нас у довольно серьезного противника.

- Не стрелять! - решительно распорядился я. - Это Доктор. Всем опустить оружие! Доктор, это вы?

Глава 10. Звериный Доктор

- И мало того, господа, - донесся до нас из ближайших зарослей хрипловатый голос. - Вы не только опустите оружие, но и сложите его у своих ног. После чего сделаете по пять шагов вперед.

- А если мы, допустим, не подчинимся? - крикнул Стеценко, наводя автомат на заросли.

- Я тебе щас не подчинюсь по ушам! - злобно прошипел я. - Опустит автомат, придурок!

- Господа, господа, - укоризненно произнес Доктор. - Я не желаю вам зла. Но это не я с непонятными целями вторгся на вашу территорию, а вы на мою. Я вынужден обезопасить себя от всяких неожиданностей. Когда вы сдадите оружие, я соглашусь беспрепятственно пропустить вас через свои владения. В противном случае я даю зверушкам сигнал к атаке, и вам крышка. Реальная демократическая альтернатива, так сказать. Зверушек тут гораздо больше, чем вам кажется, я могу еще подтянуть резервы.

- Бросьте оружие, - скомандовал я своим спутникам, снял с плеча автомат и первым опустил его на землю. - Я сказал, бросить оружие! - рявкнул я.

- Брось оружие, Андрей, - нехотя сказал Донахью, стаскивая ремень автомата с плеча.

- И штык-ножи, - распорядился Доктор, когда наши автоматы оказались на земле. - И гранаты из разгрузок я попросил бы.

Когда мы избавились от оружия и сделали по пять шагов вперед, псевдогигант, заметно прихрамывая, приблизился к нам и встал за нашими спинами, прямо над автоматами. Несло от него кошмарно - тухлой селедкой, плесенью, сырыми грибами. Все мое естество протестовало против столь близкого присутствия чудовища, организм съеживался, словно ощутив мощный источник ультразвука. Я привык встречать любого мутанта на таком расстоянии очередью из автомата, и пальцы непроизвольно сжимались, охватывая воображаемые рукоятку и цевье. Однако мне быстро удалось справиться с собой.

- Вот и чудненько.

Доктор выбрался из кустов с треском, словно псевдогигант, и остановился, разглядывая нас. Он был в сталкерской куртке с накинутым на голову капюшоном, штанах из «чертовой кожи» и армейских берцах. Оружия при нем не было.

- Я Хемуль, - произнес я.

- Прекрасно помню тебя, бродяга, - откликнулся Доктор. - Мы уже встречались пару лет назад. Ты приносил Енота. Бедро разорвано чернобыльским псом, яд попал в кровь. Верно?

- Так точно, Доктор, - подтвердил я.

- А это, надо полагать, мистер Донахью и его спутники?

- Они самые, - сказал я. - Новостями вас не удивишь, и память у вас исключительная. Рад

встрече, Доктор. Мы уже было решили, что нас атаковал контролер.

- Страшно, правда? - Доктор самодовольно оттопырил нижнюю губу. - Теперь я тоже контролер. Наконец я нащупал последовательность ментальных сигналов, которая позволяет полностью контролировать большинство мутантов Зоны.

- Поздравляю, Доктор, - произнес я.

- Все мои научные изыскания обычно заканчиваются положительно, - небрежно отозвался он. - Дело только во времени. - Он нахмурился. - Однако из-за вас серьезно пострадал великолепный экземпляр *Pseudogigantus vastus*, - сокрушенно покачал головой он, разглядывая развороченное пулями псевдокрыло и сломанную ногу своего подопечного. - А они попадают в наших местах вовсе не так часто, как это кажется обделавшимся от страха военным патрулям на границах Зоны.

- Возможно, мы могли бы возместить ущерб? - осторожно сказал Донахью. - Назовите вашу цену.

- Ради всего святого! - всплеснул руками Доктор. - Что я стану делать с резаной бумагой? Или хуже того - с резаной бумагой, переведенной в магнитные метки на карточке? У меня все есть. Кроме хорошего экземпляра *Pseudogigantus vastus*, без которого моя армия будет напоминать мотострелковое подразделение без поддержки тяжелой бронетехники. - Он вздохнул. - Ладно, починим. Не в первый раз. А что это с вашим другом? - Он наконец сообразовал обратиться внимание на Хе-Хе, которого поддерживали под руки Пустельга и Донахью.

- Органическое поражение, - сказал я. - Гигантская псевдоплоть ударила лапой.

- Это которую Нестандарт выращивал в научном лагере? - снова поразил меня осведомленностью Доктор. - Крайне неосмотрительно, я бы сказал! В итоге мертвы и Нестандарт, и ученые, и несчастная псевдоплоть, что весьма, весьма печально. А ведь я неоднократно говорил ему... - Доктор оттянул Хе-Хе нижнее веко, внимательно исследовал радужную оболочку глаза, пощупал пульс на шее, задумчиво поковырял сиреневую корку гермоспрея на груди у моего помощника. - И ранен ваш друг. Что ж, случай весьма любопытный. Крайне любопытный, молодые люди. Давайте так: я вылечу вашего друга и прощу вам за это поврежденного псевдогиганта. По рукам?

- По рукам, - согласился я.

- Отлично! - обрадовался Доктор. - Ну что ж, берите этого господина и следуйте за мной!

Он нагрузил наше оружие на псевдогиганта и бодро зашагал впереди всех вверх по тропинке.

- Он что, ненормальный? - вполголоса поинтересовался у меня Стеценко, когда Донахью и Пустельга поволокли Хе-Хе следом за Доктором.

- Да, - ответил я. - По крайней мере, так говорят. - Мы двинулись следом за ними. Кабаны мирно конвоировали нас, бредя по обе стороны тропинки. - Вообще-то он помешан на экстремальной медицине. Каждый случай какого-либо загадочного отравления или заражения в Зоне для него - праздник. Он поставил на ноги многих сталкеров, подцепивших в Зоне какую-нибудь заразу, которых считали безнадежными. Однако делает он это не из человеколюбия, а исключительно в своих интересах - в познавательных целях, во имя чистой науки. Если бы он продал военным, к примеру, свой метод контролирования тварей Зоны, то смог бы жить остаток дней на собственном острове в Средиземном море. А подобных разработок у него, по

слухам, достаточно. Но он предпочитает жить здесь, в отравленных местах, среди уродливых животных. Здесь никто и ничто не мешает ему заниматься исследованиями. Жаль только, что результаты всех его исследований умрут вместе с ним... – Я помолчал. – Если только он вообще умрет когда-нибудь. А что это у тебя глаза разгорелись, Андрюша?

– Если все обстоит так, как ты рассказываешь, – осторожно проговорил Стеценко, – этот человек мог бы значительно укрепить обороноспособность Украины.

– Не советую предлагать ему это. Он препарирует тебя, не успеешь ты предложить ему первый миллион. Слава богу, этот гений чокнутый, в связи с чем абсолютно равнодушен к деньгам. Для него они резаная бумага и магнитные штрихи на карточке. Равным образом для него являются пустыми словами со смутно улавливаемым смыслом понятия «родина», «патриотизм», «долг» и прочее в том же роде. Кстати, если в настоящий момент ты прикидываешь возможность спецоперации по захвату Доктора, учти невозможность высадки с вертолета из-за многочисленных гравитационных аномалий, бьющих на много километров вверх, непроходимые болота, населенные свирепыми тварями, а также то, что большая военная экспедиция несколько лет назад уже исчезла бесследно где-то неподалеку от этих мест. А Доктор – выжил и, судя по всему, процветает. И если мы сегодня добрались сюда, то только потому, что он не имел ничего против. Если он не захочет, сюда не доберется никто.

– Ему можно доверять? – поинтересовался Стеценко. – Кстати, насколько он опытен в качестве проводника? Смотри, как уверенно шагает. Он нас не заведет в какую-нибудь аномалию?

– Болото не каждый пройдет из конца в конец, а он тут живет, – напомнил я. – Хотел бы я иметь такой нюх на аномалии, как у Доктора.

Шагавший налегке Болотный Доктор замедлил шаги, поравнялся с нами и завел по-английски оживленную беседу с Камачо. Они сыпали какими-то мудреными терминами, так что я даже приблизительно не понимал, о чем они говорят.

Вскоре из-за поворота показался дом Доктора. Скромный такой домишко, похожий на загородную дачу небогатого университетского декана. Только малость побольше – у него же там и операционная, и лаборатория, и больничные боксы. Но никаких украшательств, никаких излишеств: все очень строго и функционально. Никакого забора, утоптанная площадка перед домом вместо двора. Большой бак с водой, работающий дизельный электрогенератор под деревянным навесом, рядом какое-то странное сооружение из переплетенных медных трубок и проводов, напоминающее антенну.

– Господи, ну и воняет же от вас, – соблаговолил наконец недовольно заметить хозяин, снимая с псевдогиганта навьюченное на него оружие. – Заносите раненого, только сначала снимите куртки и наденьте бахилы. И постарайтесь ничего не касаться в операционной, у меня там все должно быть стерильно.

Донахью и Камачо послушно сбросили пропитанные болотной жижей камуфляжи, натянули на ноги полиэтиленовые бахилы, которые протянул им хозяин, и потащили Хе-Хе вслед за Доктором в глубь дома. Вскоре они втроем снова появились снаружи – уже без раненого.

– Я готов вас покормить, – заявил Доктор, – но сначала вам придется привести себя в порядок. Летний душ вон там. Кухня от дверей налево, извольте сами приготовить еду. Брать можно все, что найдете на кухне. Но если я обнаружу, что вы притащили туда грязь, расправа будет короткой и жестокой. Я буду часа через полтора. – С этими словами он исчез в операционной.

Припять-кабаны, безмолвно сопровождавшие нас до дома Доктора, теперь разбрелись кто куда, потеряв к нам всякий интерес. Псевдогигант встал над грудой нашего оружия и предостерегающе зарычал, когда Стеценко попытался приблизиться к нему.

Я двинулся к летнему душу. Промокнуть еще больше я уже не мог, поэтому залез в деревянную кабинку прямо в одежде: она тоже нуждалась в стирке. Вода уже была холодная, но терпеть было можно. Мы все по очереди приняли душ и, отжав одежду, переместились на кухню. Обследовав обширный холодильник Доктора, я поразился обилию продуктов и полуфабрикатов, которые наполняли его морозное нутро.

Ну что ж, отменно. Вполне можно приготовить правильный стейк. Следует заметить, что некоторые мерзавцы называют стейком отбивную котлету, и за это неплохо бы нещадно сечь на конюшне.

Все начинается с мяса. Кусок нужен заветренный, в идеале – лежащий второй день при температуре плюс два шмат мякоти. Надо проследить, чтобы было как можно меньше жил и пленок. Свежесрезанные с туши ломти мяса никуда не годятся, для приготовления правильного стейка придется держать их в холодильнике пару дней, пока из них не вытечет кровь. Мясо берут из филейной части, рассчитывая на размер стейка – срез поперек волокон, около двух сантиметров толщиной. Если получается толще – тоже не беда, можно нарезать потом. Мясо для стейка должно быть телячье, ни в коем случае не свиное. На самый крайний случай – говядина.

Мясо первым делом необходимо помыть. Очень хорошо помыть, минут пять, со щеточкой. Потому что мясо рубят там же, где снимают шкуры. Видели стадо коров? Вот-вот. Тем более мало ли что с ним происходило в Зоне и как его сюда несли.

Помыв мясо, следует снять с него рукой воду и положить сушиться минут на десять, можно в дуршлаг, можно просто на тряпочку. У Доктора оказался прекрасный огромный дуршлаг.

Однако продукты ему доставляют что надо. Вполне свежие и качественные. В «Штях» такое не каждый день подадут. А уж когда иной раз неделями приходится сидеть на крысиной диете, так и вовсе предел мечтаний.

Звериный Доктор – самый общительный призрак Зоны. Он охотно лечит попавших в беду сталкеров, причем не берет за это ни копейки денег. Зато и отказывать ему в просьбах не принято. За тяжелейшую шестичасовую операцию он может попросить у пациента принести ему новую зубную щетку, а за зашитый порез на руке – какой-нибудь сложный медицинский агрегат стоимостью в несколько тысяч зеленых. Может вообще ничего не попросить, отпустив пациента с миром, а через несколько дней сообщить, что ему что-то нужно, случайным сталкерам, оказавшимся на краю Болота. По-моему, у него вообще в голове нет такой логической связки «медицинская помощь – плата». Он помогает проходящим к нему существам совершенно бескорыстно, поэтому ему кажется вполне естественным, что ему тоже чем-нибудь помогают, когда он оказывается в затруднительном положении: оборудованием для операционной и лаборатории, свежими продуктами, каких в Зоне хрен достанешь, бытовой техникой, медикаментами, инструментом, книгами. И честные бродяги всегда стараются выполнить его просьбу: Доктор – это общее достояние, обидеть Доктора – это хуже, чем запустить лапу в общак клана. Темные, по-моему, вообще постоянно ему что-то носят, вне зависимости от просьб и распоряжений – артефакты, еду, местные растения, радиоактивные металлы. Впрочем, на то они и слуги Хозяев Зоны. А Доктор у Хозяев явно на привилегированном положении. Думаю, если бы рассеянный Доктор был предоставлен сам себе, он месяцами питался бы галетами и тушенкой из банок, даже не вспоминая о

деликатесах.

Итак, пока мясо сохнет, берем большую сковороду и наливаем в нее полстакана растительного масла. Ставим сковороду на огонь. Берем мясо, делим на куски для стейка и решительно срезаем с него всю пленку (она обычно идет вокруг куска этаким пояском). Именно – срезаем на хрен. Да, жалко. Да, мясо в Зоне – большая редкость. Но мы ведь собираемся есть стейк, верно? А не перемалывать жилы. В принципе, из обрезков получается нормальное мясо для гуляша или харчо, поэтому выкидывать мы ничего не собираемся. Пусть полежат в этой мисочке в холодильнике.

Масло должно быть раскаленным, огонь – больше среднего. Поначалу не соля и не перча, выкладываем на сковороду получившиеся куски мяса размером с мужскую ладонь. Шипит, шкворчит – ужас! Мы же потихоньку готовим специи. Тут уже на любителя. Лично я предпочитаю два варианта – мясо только перчим черным перцем, а после приготовления засыпаем мелко нарубленной зеленью, и попроще – заправляем стейк приправой из смеси перцев и едим с гарниром. Поскольку я сейчас главный, выбор за мной. Пусть будет второй вариант.

- У него операционная по последнему слову техники, – задумчиво произнес Камачо, которого я вместе с Донахью отрядил чистить картошку. – Такое оборудование не во всякой клинике Нью-Йорка встретишь. Как это ему удастся?..

- Хорошая частная практика у Доктора, – хмыкнул я. – Богатые пациенты.

- Я предложил ассистировать ему, но он отказался, – сказал Альваро.

- Он привык работать один, – сказал я. – В Зоне трудно постоянно находить людей, способных ассистировать при медицинской операции. Вот отправить кого-нибудь на тот свет желающих хватает.

Аккуратненько приподнимаем мясо вилкой. Оно должно быть темно-коричневым с золотистым оттенком. Но не золотистым, если золотистое – значит, пусть пожарится еще пару минут. Посыпаем вторую сторону мяса приправой, сверху солью и переворачиваем. На минуту максимально добавляем огонь – чтобы прихватить корочкой вторую сторону, дабы корочка не дала вытечь мясному соку. Сразу же приправляем и солим первую сторону – шикарную, безумно вкусно пахнущую поджаристую корочку. Нужно успеть, пока она максимально горячая.

Все время внимательно следим за маслом. Если масло начинает пениться, значит, нужно срочно добавить огня, так как сок, выделяемый мясом, начинает кипеть. Это уже получается не жарка, а варка. Мясо должно жариться, а сок, выделяемый мясом, непременно должен оставаться внутри, за хрустящей корочкой. Лучше пусть огонь будет больше, чем меньше. В первом случае стейк получится чертовски кровавым, но вкусным, во втором же – сухим и нежевабельным.

Затем можно прикрутить огонь и идти откупоривать вино. Такой стейк нужно запивать красным сухим или полусухим вином. Опять же и для вывода радионуклидов из организма хорошо. Однако вина в кухне у Доктора я не нашел: если оно у него и было, то в баре, где-нибудь в глубине дома. Ладно, возвращаемся к плите, смотрим вторую сторону мяса. Она должна быть темно-коричневой, ни в коем случае не белой. Если белая – стейк испорчен. Можно попытаться спасти его, максимально увеличив огонь. Брызгаться будет нещадно, но мясо хотя бы можно будет есть. Если вторая сторона темно-коричневая, выключаем огонь и

выкладываем мясо на тарелки. Оставлять в сковороде нельзя – сок вытечет.

Я знаю, конечно, что мясо для совсем правильного стейка нужно выдерживать при температуре плюс два минимум неделю, а жарить на слое раскаленной крупной соли. Но в наших условиях, тем более что приходилось действовать на скорую руку, обеспечить все это было нереально.

- Неудобно как-то, – сказал Донахью. – Он ведь на нас не рассчитывал. Может быть, поделиться с ним тушенкой?..

- Еще чего, – сказал я. – Обидится смертельно, и правильно сделает. Не смейте сомневаться в гостеприимстве Доктора. И кроме того, человек он занятой и вряд ли часто балует себя столь изысканной кухней. Будем считать это нашим маленьким вкладом в общее дело.

Хозяин дома управился с операцией за час с четвертью. Он вышел из операционной в зеленом халате, забрызганным кровью и чем-то ярко-фиолетовым. Я не стал спрашивать, что это такое фиолетовое: меньше знаешь – позже могила, как говорит один мультяшный страус. Быстро помыв руки и переодевшись в предбаннике операционной, Доктор пришел к нам в кухню и уселся во главе стола, который уже был сервирован нами в соответствии с предвкушаемым стейком.

- Можно подавать, – разрешил хозяин, с интересом втягивая ноздрями аппетитный дух, исходящий от плиты.

Съеденная на Янтарном озере тушенка только раздражила аппетит, а после тяжелого марш-броска по пояс в холодной грязи ее все равно что и не было в желудках. Так что гостеприимство Доктора оказалось очень кстати. И только когда мы честно поделили сооруженный мной стейк, я осмелился задать вопрос, который плясал у меня на языке уже несколько минут:

- Ну, как он там?

Доктора всегда страшно раздражает, когда к нему пристают с дурацкими вопросами. Прямо как меня. Но сейчас он был в благодушном настроении.

- Все в порядке, – отмахнулся Доктор. – Почистил, зашил, будет жить. Только плохо и недолго, как и все остальные люди. – Он сурово сдвинул брови и сосредоточился на еде, так что я так и не сумел сообразить, следует ли как-нибудь отреагировать на его остроту, либо это никакая не острота и реагировать совсем не надо.

Некоторое время мы сосредоточенно жевали.

- Я наконец понял, почему вас называют сталкерами, – поведал Доктор после паузы.

- Почему же? – поинтересовался я.

- Потому что вы все время сталкиваетесь с неприятностями. А знаете, откуда вообще пошло слово «сталкер»?

- Нет.

- Был когда-то такой старый фильм режиссера Тарковского. По книге писателя Стругацкого.

- Поляки, что ли?

- Кажется, да. И вот там у них случилась аналогичная проблема. Взорвался реактор и образовалась Зона вроде нашей. И ребят, которые шастали по Зоне взад-вперед, называли сталкерами.

- А что это означает по-польски?

- Охотники, наверное. По-английски вроде так. В общем, кино имело такой бешеный успех, что ликвидаторов первого чернобыльского взрыва тоже стали называть сталкерами. А потом и тех, кто пришел им на смену.

- Занятно.

Нет, кино я особо не любил. Так, смотрел изредка по телевизору у Динки, когда больше нечем было заняться. Книги я читал охотнее – хотя с каждым годом все реже и реже. Писатель Стругацкий – явно из прошлого века, если не раньше, – как-то прошел мимо меня, хотя и вызвал странные смутные ассоциации – Солярис, неделя начинается в понедельник, круто быть богом... то ли трудно плыть боком, не припомню...

- Почему это мы всухомятку? – вдруг недовольно произнес Доктор.

Я тут же вскочил, чтобы вытащить из оставленного на крыльце рюкзака фляжку, но Доктор молча ткнул пальцем в направлении кухонного шкафчика. Сидевший рядом со шкафчиком Миша открыл его и извлек на свет непочатую литровую емкость с медицинским спиртом. После того как мы разбавили спирт, разлили его по стаканам и выпили за знакомство, обед пошел веселее. Сейчас Доктор менее всего напоминал призрака Зоны: пышущий здоровьем человек, воплощенное дружелюбие, он явно принадлежал к нашему миру – миру людей, рационального мышления и автоматического оружия. Какого черта, подумал я в конце обеда, глядя, как он без всякого труда и с явным интересом общается с охотниками по-английски. Вот он, сидит рядом, шумно прихлебывая чай с лимоном из жестяной кружки, балагурит, доброжелательно поглядывая на моих туристов. Бескорыстно прооперировал Хе-Хе. Свой в доску мужик, с виду – отличный товарищ, умница. У нас на передовой, когда я еще служил на передовой, были такие полевые хирурги – неунывающие, невероятно работоспособные, двужильные дядьки, способные и накатить разом двести грамм без закуски, и без передыху переть тебя, раненого, на горбу четыре километра до мобильного госпиталя.

И все-таки он не наш. Не человек. С тем же энтузиазмом и интересом, что и людей, он лечит омерзительных тварей Зоны. Я не удивлюсь, если узнаю, что до Хе-Хе на его операционном столе лежал какой-нибудь кровосос или слепая собака, которой я раздробил лапу из автомата в Собачьей деревне. Доктор совершенно не делает различия между своими и чужими, все живое для него – твари, причем не в качестве ругательства, а в библейском смысле – от слова «творение божье». И твари не трогают его, словно понимают, что без него им придется гораздо хуже; однако если люди еще способны дойти до этого логическим путем, то каким образом это постигают безмозглые мутанты, если только Доктор не является одним из них, совершенно непонятно. Впрочем, о чем еще говорить, если он преспокойно живет в одном из самых опасных мест Зоны – на Болоте, куда не всегда отваживаются соваться самые отможенные сталкеры. Ну и самое главное: за те двадцать лет, что он живет тут, он не состарился ни на год. По прикидкам Бубны, которому довелось лечиться у Болотного Доктора еще во времена легендарных первых сталкеров, ему сейчас должно быть под семьдесят. Ни черта; по-прежнему сорокалетний с хвостиком здоровяк. Нет, увы, он не человек, хотя так приятно было

бы думать, что хоть кто-то из наших способен неплохо устроиться в таких нечеловеческих условиях. Иногда, когда он на мгновение задумывается о чем-то или резко поднимает голову, меня вдруг насквозь пронзает первобытной жутью – тем самым чувством, которое возникает, если совсем рядом находится крупный мутант, кровосос или химера.

– Ваш пациент скоро встанет на ноги? – поинтересовался я, когда с обедом было покончено, Миша Пустельга был безжалостно откомандирован мной мыть посуду, а мы с Доктором и остальными охотниками вышли на крыльцо перекурить.

– Вы его не дождетесь, – отрезал Доктор. – Если ты об этом. На следующей неделе я доставлю его в целости и сохранности в бар «Сталкер». До тех пор – полный покой, бесчеловечные процедуры и интенсивная терапия.

– Конечно, Доктор. – Я покорно кивнул. – Плохо только, что он был у нас помощником ведущего. Наши американские гости, как вы сами понимаете, совершенно не умеют ходить по Зоне.

– Ничего не могу поделать, – пожал плечами Доктор. – Оставить вас у себя я не могу, у меня тут не гостинный двор, и в проводники я наниматься не стану. Из Болота я вас, пожалуй, выведу, но дальше – сами. Времени у меня, извините, в обрез. Впрочем, в баре «Сталкер» вы сможете нанять кого угодно, хоть помощника ведущего, хоть премьер-министра Великобритании. Лишь бы было чем заплатить.

– Найдется, – заверил я. – Вам ничего не нужно из-за Периметра, Доктор?

– Вроде бы у меня все есть, – задумался Доктор. – Ладно, если что-нибудь понадобится, передам с ним, – он кивнул в сторону операционной. – И Клещу скажи, что те грибы, которые он прислал мне позавчера, – дерьмо. Пусть соблаговолит передать мне правильных грибов, а если нет – прокляну.

– Непременно передам.

После обеда Доктор милостиво дал нам полчаса передохнуть во дворе, проведая Хе-Хе, после чего вышел на крыльцо уже в куртке с капюшоном и все тех же практичных кожаных штанах.

– Пора выдвигаться, молодые люди, – сообщил он нам. Разморенные сытным обедом охотники поднялись на ноги с тихим ворчанием. – Я нужен своим пациентам. – Не дожидаясь нашей реакции, Доктор неторопливо побрел через двор.

Мы поспешно надели чуть просохшие куртки, взвалили на спины рюкзаки, с опаской разобрали свое оружие – сторожевой псевдогигант даже не шелохнулся, безразлично глядя на нас мутными глазами, – и бросились догонять Доктора.

Он повел нас другим маршрутом – по сухому берегу, в топких местах – с кочки на кочку, ухитрившись ни разу не замочить ног.

– А вот Хемуль вел нас сюда по горло в воде, – прорвало наконец Стеценко.

– Молодец, – откликнулся Доктор. – Хороший у вас проводник. Если бы он сунулся на берег, вас всех стопроцентно убило бы еще на дальних подступах к моему дому. Впрочем, если вы так настаиваете, я могу провести вас и через Болото, но только в Зоне никак нельзя возвращаться тем же путем, каким пришел.

Казалось, что Доктор идет прямо по аномалиям и они расступаются перед ним. Он двигался не спеша, прогулочным шагом, почти не уклоняясь от направления. Однако опытным глазом было заметно, что Доктор все-таки чуть петляет, обходя стороной опасные места. Большинство ловушек я отмечал про себя раньше, чем наш проводник начинал огибать их стороной, но некоторые моменты вызвали недоумение даже у меня. Например, Доктор обошел по внушительной дуге совершенно чистый, на мой взгляд, пятачок опушки. Я не сомневался, что там действительно что-то есть, – вряд ли он просто пытался произвести на меня впечатление, – но я, если бы шел в одиночку, непременно вляпался бы здесь или потерял отмычку. Доктор же чувял даже такие вещи.

- Доктор! – вдруг сказал Стеценко. – А как у вас получается так свободно ходить по Болоту и не попадать на зуб всяким тварям?

- А вы хоть раз пробовали гулять по Зоне без оружия? – серьезно спросил Доктор.

Поскольку Стеценко не ответил, дальше мы шли в полном молчании.

Доктор довел нас до мест, где почва перестала влажно чавкать под ногами, и остановился.

- Держитесь опушки, – порекомендовал он на прощание. – В лесу появились огромные птичьи карусели. Если не затянет в вихор, то собьет с ног воздушной волной.

- Спасибо, Доктор, – сказал я. Помолчав, осторожно спросил: – Вы не знаете, что происходит? У меня такое ощущение, что в Зоне сегодня нехорошо.

Доктор пожал плечами.

- А что, в Зоне когда-нибудь было хорошо?.. Впрочем, нет, было, – тут же поправился он. – После самого первого взрыва на АЭС.

Он повернулся и молча, не оглядываясь побрел обратно.

- До свиданья, Доктор! – поспешно крикнул я.

Он не ответил.

- Доктор, постойте! – Решившийся наконец Стеценко вдруг сорвался с места и бросился за призраком, который неторопливо, но уверенно уходил от нас все дальше и дальше. – Доктор, у меня есть предложение!..

- Стой, твою мать! – взревел я, кидаясь следом. Через несколько шагов мне повезло ухватить Стеценко за шиворот и дернуть его на себя. – Нельзя по своим следам!..

Он начал нетерпеливо выворачиваться из моей хватки, порываясь догнать Доктора. Неожиданно даже для самого себя я с полуразворота послал его в нокаут. Немного ошеломленный падением на спину, Стеценко из лежачего положения прыжком вскочил на ноги и замер в оборонительной стойке.

- Расслабься, брат, – я хотел похлопать его по плечу, но он, уйдя чуть в сторону, отбил мою руку и тут же попытался сунуть мне в челюсть. Я уклонился. – В Зоне нельзя возвращаться, – пояснил я, держа его на расстоянии удара. Андрей понемногу смещался влево, явно пытаясь разглядеть брешь в моей обороне. – Верная смерть. Все, Доктор уже ушел. Раньше надо было с

предложениями.

Он провел в моем направлении два красивых хука, поразившие воздух, сделал подсечку, слегка зацепив меня за ногу, и пока я восстанавливал равновесие, снова кинулся за Доктором.

СТОЙ.

Это я сказал?! Кажется, да, хотя уже несколько минут спустя начал в этом сомневаться. Это прозвучало глухо, невнятно и тихо, но отдалось по всей поляне. И это было настолько убедительно, что неистовый Стеценко замер как вкопанный. Тут же воздух перед его лицом на мгновение подернулся серебристо-сиреневыми колючими искрами, превратившись в полупрозрачный занавес. До меня донесся пронзительный треск электрического разряда, и воздух снова стал прозрачным.

Копать мой огород! Еще один шаг, и в баре «Сталкер» можно было бы подавать новое блюдо – «Стеценко-гриль». Каким образом я почувствовал аномалию – сам не понимаю. Хотя, может быть, это все-таки был не я, а Болотный Доктор или Рэд Шухов?..

- Не двигаться, – едва слышно шевельнул губами я. – Так, хорошо. Полная неподвижность. Теперь медленно, очень медленно – правую ногу назад. Медленнее... Перенеси на нее вес тела... медленнее, твою мать!..

Осторожно отступая шаг за шагом, Стеценко выбрался из ловушки и оказался рядом со мной. На нем не было лица.

Я снова посмотрел вслед Доктору. Тот неторопливо удалялся к железнодорожной насыпи, словно за его спиной ничего и не происходило.

Я перевел взгляд на Стеценко.

- Пошли, – угрюмо бросил я.

Глава 11. Бар «Сталкер»

Обогнув Янтарное озеро по противоположному берегу, мы направились на северо-восток, и вскоре между деревьев вдаль замелькали старые панельные пятиэтажки. Мы приближались к Мертвому городу. Паршивое место, немногим лучше Болота. Когда рвануло в первый раз, здесь в основном жили работники атомной станции. Их эвакуировали в страшной спешке, не давая даже одеться, заставляя бросать квартиры и имущество. Двадцать лет после этого опустевший город-призрак, в который так и не вернулись люди, стоял здесь, постепенно ветшая и разрушаясь, щерясь выбитыми стеклами окон. Однако после второго взрыва в Чернобыле он вновь оказался заселен. Зомби, отбившиеся от контролеров или потерявшие разум на Янтарном озере, выбравшиеся из района Саркофага или попавшие под мощнейший пси-удар мозга-колбы на Болоте, стекались сюда со всех концов Зоны и начинали жить тут какой-то нелепой, причудливой, дурацкой пародией на нормальную жизнь. Они обитали в городе, словно ничего не произошло, деловито сновали по улицам, имитируя сознательную деятельность, «спали» в пустующих квартирах, толкались в бывших магазинах и кафе, сидели на скамейках – одним словом, создавали странную и немного пугающую видимость того, что они все еще нормальные люди. Для чего им это было нужно, что приводило их сюда, почему Мертвый город так на них воздействовал, ведь за его пределами они вновь становились тупыми, бесцельно шатающимися по окрестностям овощами, никто сказать не мог. Впрочем, в

Зоне много всяких странностей, и эта не более удивительна, чем годами висящий на краю котлована экскаватор или, скажем, дьявол-хранитель.

Миновав защитную полосу лесонасаждений, за долгие годы разросшуюся без присмотра человека в уродливые густые заросли, мы оказались на окраине города. Это странное место всегда вызывало у меня подавленность и смутное беспокойство. Совершенно безлюдные кварталы, в которых все осталось, как было полвека назад: старомодные дома, палисадники, тротуары. Только пятиэтажки обветшали и местами начали разрушаться, палисадники одичали и разрослись в непроходимые заросли бурьяна, асфальт потрескался и местами просел.

Над крышами пятиэтажек виднелось колесо обозрения: когда-то там был луна-парк. Колесо до сих пор крутилось – медленнее, чем обычно, почти незаметно для глаза, но оно крутилось. Туристы не обратили на него внимания, а может быть, не придали значения. И слава богу. Не люблю я это колесо. Его кабинки битком набиты трупами в разной степени сохранности. Бесконечно крутится колесо, и десятки покойников, взмывая вверх, оглядывают окрестности с высоты провалившимися глазницами. Вначале трупов было немного, потом понемногу стало прибавляться. Нечто, поселившееся в колесе обозрения, каким-то образом заманивало проходивших мимо людей и убивало их. Заманивало и убивало до тех пор, пока были места в кабинках. Темные потеряли немало людей, прежде чем сообразили, что к чему.

За колесом обозрения виднелись характерные, затянутые металлическим такелажем полосатые трубы Чернобыльской атомной электростанции, а еще дальше поблескивало на солнце озеро Глубокое, из которого когда-то брали воду для охлаждения реакторов. Такелаж был покрыт, словно снегом, плотным слоем жгучего пуха. Есть теория, что пух каким-то образом нарастает именно на этих трубах и уже оттуда разносится ветром по всей Зоне. С этого места станция кажется обманчиво близкой – если идти по прямой, дойдешь минут за сорок. Но идти по прямой нельзя. Отсюда до станции не доберешься ни пешком, ни на машине, ни по воздуху. Никому еще не удавалось.

Только здесь, в брошенном городе, начинаешь понимать масштабы трагедии, произошедшей в восьмидесятые годы прошлого века и не прекращающейся до сих пор. Во время первого выброса, случившегося два десятилетия спустя, вектор основного удара пришелся именно в этом направлении. Брошенные дома потекли, словно горячий пластилин, а тысячи людей, занимавшихся работами на еще не заглушенных к тому времени энергоблоках, вернувшихся в свои оставленные деревни, изучавших Зону и охранявших ее, в одно мгновение погибли или превратились в зомби. Некоторые дома растрескались так, что сквозь трещины было видно небо с противоположной стороны, но до сих пор стояли, словно памятники чудовищному катаклизму. Некоторые потекли, наклонились над дворами, да так и застыли подобно затвердевшей вулканической лаве...

После чернобыльской аварии восемьдесят шестого года военные ни на день не прекращали исследований и разработок нового секретного оружия, которые начали вести здесь еще в конце семидесятых. Некоторые особо горячие головы утверждают, что эта авария была устроена специально, чтобы организовать вокруг военных лабораторий закрытую зону, в которой проще было бы соблюдать строгую секретность. Слишком уж много совпало условий, необходимых для взрыва, слишком уж легко был уничтожен тройной контур защитной блокировки, чтобы считать катастрофу случайной. Да и начавшие поступать в начале двадцать первого века сообщения о том, что к этому времени радиоактивный фон в Зоне стал ниже, чем в Киеве, наводили на размышления: а не были ли данные о катастрофических радиоактивных осадках значительно завышены с самого начала и не была ли паника с эвакуацией и отселением сотен тысяч людей спровоцирована искусственно?..

Нет, это, конечно, бред все, для обеспечения секретности можно было обойтись гораздо меньшей кровью, нежели грандиозная катастрофа, вбуханные в ее ликвидацию огромные средства, насмерть подорванный престиж власти и возмущение народа. Авария на Чернобыльской АЭС, говорят, стала одной из причин крушения могущественной Советской империи, в которой мне так и не довелось пожить даже в младенческом возрасте, – не главной, но весьма важной. Но вот то, что возникновением Зоны мы обязаны военным, – это без вопросов. Вырвалась на свободу какая-то их научная разработка или они случайно прокололи дыру в параллельное пространство, откуда к нам и хлынула вся эта мерзость, все равно это случилось в результате их исследований.

Ни зомби, ни мутантов в городских кварталах, по которым мы брели, не было: темные сталкеры очень ревниво оберегали свою территорию, активно отстреливая конкурентов, поэтому твари приучились не соваться в район вокруг бара «Сталкер». Собственно, до нас и сейчас доносились приглушенные хлопки со стороны соседних многоэтажек: засевшие на верхних этажах снайперы азартно соревновались, кто больше попадет. Имевшие доступ к брошенным военным складам на Милитари темные не привыкли экономить боеприпасы.

Миновав пару кварталов, мы оказались на небольшой площади. На девятиэтажном здании напротив виднелась огромная надпись: «СЛАВА ТРУДУ». Я не знаю, кем у них тут был этот Слава – румын или молдаванин, судя по фамилии, – но явно большой шишкой: наверное, мэром или, может быть, известным эстрадным певцом. Свернув направо, мы побрели прямо по газонам, не разбирая дороги, проламываясь через заросли высокого бурьяна. Удобнее, конечно, было бы идти по асфальту. Но идти по асфальту рискованно: не видно, что под ним. Достаточно малейшей трещины, чтобы тебя через нее долбануло так, что мало не покажется. Да и аномалии, образующиеся на самом асфальте, тяжелее обнаружить визуально. Лишь в некоторых местах старый асфальт проседает под действием гравиконцентра, образуя правильную окружность, отпугивающую всякого опытного сталкера. Любая правильная окружность в Зоне смертельно опасна. Да иногда птичью карусель можно определить по едва заметной пылевой спирали на мостовой...

Мы оказались возле одноэтажного бетонного строения, над полураскрытыми дверями которого все еще висели покосившиеся и пожелтевшие от времени огромные пластиковые буквы: «ХЛЕБ». Сдается мне, в прежние, мирные времена буквы эти светились по вечерам. Теперь-то уже и не проверишь. Когда-то на улицу выходили огромные витрины, однако они давно были расколоты пулями и теперь устилали бетонные плиты перед магазином тускло поблескивавшей стеклянной крошкой. Через пустые оконные проемы в помещение забирался ветер, который уныло гонял по растрескавшемуся полу скомканный бумажный мусор и опавшие листья. Все, что можно было отсюда вынести, давным-давно утащили мародеры.

- Пришли, – сообщил я.

Разгромленное помещение магазина меня не интересовало. Обойдя его, мы остановились перед глухими металлическими дверями служебного входа, явно навешенными в гораздо более поздние времена.

Я постучал в железную дверь условным стуком. С грохотом распахнулось окошко в двери, и на меня уставилось дуло автомата.

- Это Хемуль, брат, – проговорил я. – Дуру убери, да?

- Вас не до хрена, радиоактивное мясо? – хрипло поинтересовалось окошко голосом Варвара.

- В самый раз, - ответил я. - Это туристы, они много не выпьют.

- А, те самые пиндосы, - буркнул темный вышибала, словно это многое ему объяснило, и надолго затих за дверью.

- Те самые. Ну, пустишь? - поинтересовался я, когда мне надоело ждать. - Давай, шевели конечностями, организм. Мне надо перетереть с Клещом кое-что. Дома Клещ?

- Дома...

Что-то недовольно бормоча себе под нос, Варвар наконец загрохотал железными засовами.

- Тварей не привели, радиоактивное мясо? - ворчливо спросил он, чуть приоткрывая дверь - ровно настолько, чтобы в щель с трудом пролез один человек с рюкзаком.

- Чисто, - заверил я его, пробираясь вперед.

Я очутился в полумраке тамбура. Кроме Варвара здесь находились еще два темных охранника - Махмуд и Ковригин. Варвар придирчиво осмотрел меня со всех сторон, будто недостаточно налюбовался мной через зарешеченное окошечко.

- Автомат давай, - потребовал он, протянув лапу.

Елки, опять нас разоружают. Впрочем, таков закон. Ни с Доктором, ни с темными сталкерами насчет оружия не забалуешь. Раз явился на чужую территорию - будь любезен выполнять чужие правила. Либо устанавливай свои. Только за последние двадцать лет вся территория здесь уже поделена-переделена весьма крутыми ребятами, так что установить свои правила очень непросто.

Под дулами трех «калашей» я покорно отдал автомат, гранаты, штык-нож. Никто, кроме местной охраны, не входит в бар «Сталкер» с оружием, иначе здесь полы не просыхали бы от крови. Где еще в Зоне можно встретить за соседними столиками мирно выпивающих сталкеров из воюющих группировок? Да нигде. Это нейтральная территория с особым статусом, это островок человеческого в самом центре Зоны. Здесь можно перевести дух, заночевать, пополнить запас еды и патронов, нанять себе помощника или отмычек, раздобыть важную информацию, сбуть с рук горячий артефакт или разжиться внезапно понадобившимся специальным снаряжением. Несколько раз глава темных и по совместительству хозяин бара Клещ подгонял мне здесь неплохую работенку и хороших клиентов. В баре «Сталкер» я не был совсем чужим, хотя абсолютно своими здесь, конечно, были только темные, постоянно живущие в Зоне полумутанты, которые уже утратили способность существовать вне Периметра. Темным было гораздо проще в Зоне, чем обычным сталкерам, они чуяли аномалии за версту, порой даже умели ладить с тварями и обладали особым нюхом на артефакты, однако выйти из Зоны они не могли - их организмы были поражены мутациями на клеточном уровне, им необходима была постоянная подпитка местной энергией, растворенной в пространстве. За Периметром они умирали в течение нескольких часов.

Ковригин неопределенно хмыкнул, разглядывая мой «хопфул».

- Интересная машинка, - проговорил он. - Почем отдашь?

- Потом поторгуюсь, - отрезал я. - Все, обыскал? Пропускай давай.

- Ишь ты, шустрый. Рюкзак вон туда поставь.

Барвар на всякий случай еще раз охлопал меня по карманам, прикинул на ладони вес болтавшегося у меня на ремне герметичного контейнера с хабаром и, решив, что оружия в нем нет, распахнул вторую железную дверь, которая вела в подвал:

- Заходи, умник.

Я спустился на несколько ступеней и остановился в ожидании своих охотников. Их ожидала та же операция. Каждого поодиночке запускали в бронированный предбанник, разоружали, обыскивали и выталкивали на лестницу. Герметичные контейнеры с хабаром подвергались только взвешиванию на ладони – без нужды их старались не открывать, опасаясь заражения. Впрочем, если бы в наших было что-нибудь потяжелее стекловаты, разряженных волчьих слез и почти невесомой радужной сферы, осмотра контейнеров все равно избежать не удалось бы. Заряженные волчьи слезы темные сталкеры, кстати, чувствуют за несколько метров, поэтому искусственно пытаться облегчить вес контейнера со спрятанным внутри оружием можно даже не пытаться: пустой номер.

Шедший последним Камачо замешкался над рюкзаком. Я видел, что ему очень не хочется оставлять без присмотра свою дорогую игрушку – электронный компакт. Опасаясь, что его колебания сейчас поймут и темные, я поспешно протянул руку и забрал у него портативный компьютер. Еще не хватало сразу же при входе сцепиться с полумутантами, которые непременно полезут в бутылку, если поймут, что какой-то гражданский пиндос подозревает их в непорядочности.

- Клещу скажи, что Хемуль пришел, – бросил я через плечо Варвару и потряс в воздухе портативным компьютером. – Поговорить хочу насчет вот этого.

Спустившись по лестнице, мы оказались в сумрачном и тесном помещении с низким потолком и покрытыми плесенью бетонными стенами. В потолке тускло светили несколько забраных металлической решеткой плафонов. Вдоль стен были расставлены деревянные и металлические стеллажи, на которых лежало нечто угловатое, продолговатое, укутанное в брезент – то ли разобранные станковые пулеметы, то ли какое-то неизвестное мне оборудование. В стенах там и сям виднелись черные провалы дверей.

Помещение напоминало ободранное советское бомбоубежище. Вполне вероятно, это именно оно и было. Темные вообще мало внимания уделяют комфорту и внешней стороне вещей: селятся в полуразрушенных подвалах и полуразвалившихся деревянных домиках, не моются месяцами, одежду меняют от случая к случаю, жрут всякую пададь. Однако нет в Зоне более заносчивых и горделивых созданий, чем они. Ну, еще контролеры, может быть.

Посреди подвала на пятачке свободного пространства было расставлено несколько высоких обшарпанных столов, утащенных из какого-то кафетерия. У противоположной стены стоял длинный обеденный стол с лавкой, сбоку от него была сооружена пародия на барную стойку. Лавка предназначалась исключительно для темных, остальные сталкеры вынуждены были выпивать стоя. Сейчас за обеденным столом, на разных его концах, сидели двое: Мармелад и какой-то незнакомый мне парнишка. Мармелад искоса бросил на меня угрюмый взгляд – между нами все еще висела аж с прошлого года одна маленькая нерешенная обидка. Впрочем, в баре «Сталкер» он со мной разводить терки не станет, а снаружи у меня будет хорошо вооруженный отряд. Он это тоже прекрасно понимал, поэтому ограничился одним взглядом и снова уткнулся в свои макароны по-флотски. Ну и ладненько. О том, как с ним разбираться, я подумаю завтра, на свежую голову. Завтра будет новый день.

За высокими столами народу тоже было немного. Возле дверей расположились двое перемазанных глиной бродяг без опознавательных знаков принадлежности к какому-либо клану. В каком-либо из Чернобылей это непременно вызвало бы вопросы у охраны и завсегдаев бара, но только не здесь. Здесь всем плевать, пока клиент не забывает платить вперед и не начинает бузить. В углу сидели за пивом потерявшиеся на Милитари Крот с Мельником, я поднял руку, приветствуя их. Еще около десятка незнакомых и малознакомых бродяг из враждебных кланов по двое и по трое рассеялись по залу. В глубине зала расположились четверо доходяг из «Свободы». Одного из них я знал – это был Грек, весьма неприятный тип, имевший дурную репутацию наемник, готовый за горсть мелочи ввязаться в самую грязную историю. Пару раз он перебежал мне дорогу и конкретно рушил бизнес, и каждый раз я неизменно его наказывал – обидно и больно. В позапрошлом месяце он только чудом не схлопотал от меня пулю в лоб, и с тех пор во всех барах возле Периметра, нажравшись, изволил публично заявлять, что разделается со мной, как только у него образуются свободные выходные. Ну, предположим, в другое время я непременно подождал бы его на заднем дворе бара и предложил бы ему, как говорит в таких случаях один страус, сплясать знойное латиноамериканское танго – неважно, с ножами или с чем-нибудь огнестрельным. Однако сейчас я на работе, у меня на шее пять оболтусов, поэтому окончательный расчет с Греком откладывается на некоторое время. Пусть пока поскалится злорадно за своим столиком, все равно недолго ему осталось Зону топтать, падле.

В голове еще бродили остатки хмеля после обеда у Доктора, однако я на всякий случай купил нам еще по сто грамм «Черного Сталкера». На Болоте повышенный уровень радиации, и с этим необходимо бороться всеми доступными средствами. Кстати, выбор напитков в баре «Сталкер» небольшой – только водка и два сорта плохого бутылочного пива, все по бешеным ценам. Здесь не пьют, а лечатся, здесь не до импортного баловства. И никаких официантов – купил за стойкой и будь добр самостоятельно нести свою порцию за столик. Демократия в действии.

– Ну и какой будет дальнейший алгоритм? – поинтересовался Стеценко, закуривая. Его сигареты превратились в размокшую труху, когда мы форсировали трясины, поэтому ему пришлось купить за двадцать баксов пачку какого-то местного дерьма. – Мы же вроде собирались нанять помощника ведущего?

– В нашем деле главное – не суетиться, – отозвался я. Свои сигареты я нес в верхнем кармашке рюкзака, поэтому сумел сохранить их в целостности и сохранности, но у Стеценко, разумеется, была собственная гордость, поэтому просить у меня сигарету он не стал, а я даже не подумал предложить. – В баре «Сталкер» так не принято. Я уже попросил встречи с Клещом, это местный босс. Я изложу ему ситуацию, и он подберет нам кого-нибудь из своих ребят. Идти в паре с темным – это даже хорошо: у них особый нюх. Хотя и сволочи они порядочные. Потом мы купим патронов и будем выдвигаться. Клещ мне кое-чем обязан, так что проблем возникнуть не должно. Но пока я не перетер с Клещом, лучше категорически не рыпаться. Почувствуют, что нам очень нужен помощник, и цены взлетят до небес. Отдыхайте пока, лакайте пойло.

– Ты же сказал, что Клещ тебе чем-то обязан, – произнес Стеценко. – Отчего же тогда цены взлетят до небес?

– Чувство благодарности и стоимость услуг у темных никак не зависят друг от друга, – пояснил я. – И вообще здесь лучше держать ухо востро и лишнего не болтать.

Мы выпили и закусили ржавой селедкой на черном хлебе. Не удивлюсь, если темные до сих пор добывают консервированную сельдь времен второго взрыва из брошенных продовольственных складов на Милитари.

- Давно хочу спросить, - нарушил сосредоточенное молчание Камачо. - А почему тебя так смешно называли - Хемуль? Это имеет какое-то отношение к хэм - ветчине?

- Нет, к ветчине это отношения не имеет, - усмехнулся я. - А почему называли? Черт его знает. Любил в детстве Туве Янссон. Вообще-то Хемуль - это тот же самый Мумми-тролль, только уже взрослый, подросший, умеющий постоять за себя. То самое добро с кулаками, о котором некогда сказал классик. Понимаешь?

- Понятно. - Альваро кивнул и, помолчав, спросил: - А кто такой Мумми-тролль?

- Ладно, проехали. - Я прислушался к своим ощущениям: мочевой пузырь еще на подступах к Мертвому городу начал подавать осторожные сигналы, и теперь настало самое время его облегчить. - Значит, так, бродяги: я в туалет. Без меня скандалов и драк не устраивать, на лавку не присаживаться. Здесь это может кончиться плохо, это вам не «Шти».

Выбравшись из-за столика, я направился к выходу. Туалет в баре «Сталкер» расположен прямо под лестницей, рядом с ружейной комнатой, в которую запирают отобранное у посетителей оружие. Когда сталкеры покидают бар, оружие им выносят наверх и выдают уже за железной дверью бара - просовывают в щель. На всякий непредвиденный случай, как говорит один страус.

Ружейная комната была отделена от неширокого коридора крепкой металлической решеткой с узкими ячейками, в которые едва ли пролезла бы детская рука. За решеткой, сидя на табуретке и положив на колени заряженный «калаш», маялся от безделья темный охранник по кличке Сотовый, шкафчик под стать Гоблину. Может быть, даже чуть повыше. Этот зверь вызывал у меня почти физиологическое отвращение, поскольку, в отличие от большинства собратьев, не мог спрятать свое уродство под одеждой. У него было три глаза; третий глаз, мертвый, вечно прикрытый полупрозрачной белой пленкой и время от времени пульсирующий, словно ворочающийся в яйце птичий зародыш, был расположен точно в центре лба. Ходили слухи, что Сотовый умеет читать мысли; брехня, думается мне, этого даже контролеры не умеют. Проходя мимо, я с серьезным видом кивнул ему (он сделал вид, что слишком занят разглядыванием серийного номера своего автомата, чтобы обращать внимание на такую мелочь, как я) и бросил беглый взгляд за решетку, где слева от Сотового в оружейной пирамиде стояли наши с туристами «хопфулы». Как там моя лапушка, не обидел ли ее злой темный дядька?.. Нет, с моим автоматом, так же как и с автоматами охотников, все было в порядке, они спокойно сидели в деревянных гнездах наклонного ящика, дожидаясь, когда мы допьем водку и найдем приличного помощника. Но я все равно вдруг остановился перед решеткой как вкопанный.

- Послушай-ка, - обратился я к Сотовому, - это чье оружие?

Демонстративно не обращая на меня внимания, Сотовый с щелчком откинул приклад «калаша», потом снова сложил его. И только когда я повторил вопрос, изволил обратить на меня свое драгоценное внимание.

- Твое какое собачье дело, радиоактивное мясо? - недовольно пролаял он. Голос у него был слишком высокий и визгливый, никак не подходящий такому буйволу. - Ступай куда шел!

- Зубы-то не жмут, организм? - серьезно поинтересовался я и, сопровождаемый несущейся в спину грубой бранью, направился в туалет.

Четыре «калаша» и «М-16», размышлял я, приближаясь к железной двери туалета. Один

«калаш» с раздолбанной затворной рамой – края затворной щели отполированы до блеска, затвор гуляет с заметным люфтом. Рискованно с таким оружием идти в Зону, если ты не полный отморозок и идиот – скажем, не Грек.

Вот и встретились, ребята.

Значит, за столом с Греком четверо. Где же незнакомец, схлопотавший в морду от Патогеныча? А где же ему еще быть, родимому. Куда можно деться из этого бара?

Туалет в баре «Сталкер», как и все остальное, сумрачный и тесный. В нем уместаются только три фанерные кабинки с унитазами и два пожелтевших от времени писсуара с противоположной стороны. Дверь одной из кабинок, свободной, была приоткрыта. Вторую дверь мне пришлось дернуть – внутри нее тоже никого не оказалось. А вот третья кабинка была заперта.

Упершись ботинком в писсуар, я подтянулся на краю кабинки и заглянул внутрь. Внутри со спущенными штанами обнаружился какой-то малолетка из «Чистого неба».

- Эй, алё! – недовольно крикнул он. – В чем дело-то?!

Я спрыгнул на пол и задумчиво покусал нижнюю губу. Не было здесь товарища, схлопотавшего в морду от Патогеныча. Может быть, он действительно остался возле Периметра, разорванный на куски ракетой? Но отчего тогда эти ублюдки продолжают нас преследовать?..

Я приблизился к писсуару и, расстегнув ширинку, начал поливать его, продолжая размышлять. Как вообще такое получилось? На Агропроме они нас потеряли, совершенно точно. За каким чертом они поперлись после этого в бар «Сталкер»? Непонятно. Если бы не потеря Хе-Хе, мы бы сюда даже не заглянули. Нет, заглянули бы: мне нужно было сбыть артефакт. Вот он, в герметичном контейнере у бедра. В любом случае предвидеть все эти форс-мажоры никто не мог. Даже я не мог предвидеть, что уж говорить об этих гавриках. Они могли еще долго тут сидеть, ожидая нашего появления.

Потеряли надежду нас найти? Ага, и с горя поперлись пить пиво в бар «Сталкер». В принципе, здесь можно, конечно, получить кое-какую информацию, но все равно глупо. Сидеть здесь и надеяться, что какая-нибудь случайность приведет нас в бар к темным, – это чересчур даже для Грека. Грек, кстати, отличный следопыт. Забавное совпадение, правда?

В конце концов, может быть, мы действительно все время пересекаемся с ними совершенно случайно?.. Ага, щас. Не бывает в Зоне ничего случайного, случайно только кошки роятся. Значит, они точно знали, что мы идем сюда. Кто еще знал об этом? Охотники, само собой. Вроде бы они ни с кем не трепались через ПДА, но пес его знает. Надо бы спросить еще раз. Ну, Хе-Хе, само собой, потому что я при нем сказал, что собираюсь отнести артефакт сюда. И кто еще? Правильно – Доктор. Он нас сюда и направил. Черт, неужели Доктор?..

В кабинке зашуршала бумага, потекла вода. Когда я уже застегивался, раздался протяжный скрип двери, и выбравшийся из кабинки за моей спиной бродяга возмущенно подал голос:

- Ну, в чем дело, земляк, я не понял? Ты педик, что ли?..

Парнишка явно нарывался на скандал. Я лениво повернул голову, продемонстрировав ему свой профиль с перебитым носом, и сталкер, поперхнувшись собственным негодованием, умолк на полуслове. Узнал наконец.

- Прости, брат, обознался, - проронил я, продолжая стоять вполоборота к нему.

Это позволило молодому сталкеру отступить, не теряя лица. Он поспешно выкатился в коридор. В другое время я вбил бы ему его слова обратно в глотку, но сейчас мне было не до того. Я сосредоточенно размышлял, как мне поступить дальше. Наверное, самое лучшее - покинуть бар «Сталкер» и все-таки устроить неподалеку небольшую засаду. У меня перед глазами снова встала саркастическая ухмылка Грека, которой он одарил меня из-за своего стола. Снова это мерзостное ощущение, как в лагере ученых, - словно ловушка уже захлопнулась. Но ведь не атакуют же они нас голыми руками на нейтральной территории? Во-первых, это объявление войны, причем против них встанут все кланы плюс темные. Не знаю больше ни одной причины, которая заставила бы абсолютно все кланы выступить на одной стороне, и если «Свобода» не выдаст этих уродов, ей придется воевать со всей Зоной. Ну и во-вторых, пусть попробуют нас атаковать. Пусть рискнут. Охотничков своих я уже посмотрел в деле и за исход рукопашной был вполне спокоен.

Сполоснув руки под одиноким краном, из которого текла мутная техническая вода, я направился обратно в зал. Сотовый больше не сидел на табуретке - он стоял в дальнем конце оружейки, возле ружейной пирамиды, уперев приклад автомата под мышку и направив дуло в коридор. Интересно, это я его переполошил или тот сопляк, что выкатился отсюда полминуты назад с выпученными глазами?

Проходя мимо Сотового, я направил на него указательный палец и сказал:

- Бабах!

Охранник опалил меня злобным взглядом, но промолчал, злобно мотнув стволом автомата в сторону зала: проходи, дескать. Ладно, один - ноль.

В зал я вернулся как нельзя вовремя. Ситуация за время моего отсутствия разительно изменилась. Мои туристы стояли рядком возле дальней стены, положив на нее ладони и широко расставив ноги. Местный вышибала по кличке Космонавт, близнец Варвара, неторопливо хлопывал их по карманам, выгружая оттуда на стол всякую мелочь. С двух сторон туристов держали под прицелами «калашей» Махмуд и Ковригин. Вольные бродяги за столами перестали пить и с недоумением наблюдали за этой сценой. Только темные за обеденным столом, похоже, не слишком впечатлились увиденным и продолжали с энтузиазмом поедать свои порции.

Варить твою кашу! Я же велел ведомым не лезть в драку!

- Эй, народ, что здесь происходит? - Я двинулся к Бизону. - Ладно, организмы, поиграли и хватит! Я оплачу ущерб...

Дуло автомата Ковригина развернулось в мою сторону. Я поднял обе руки вверх:

- Саша, ну все, все. Давай остынем и спокойно разберемся...

- Иди за свой столик, Хемуль, - ледяным тоном произнес Ковригин.

Что-то здесь было не так. Не было тут никакой драки. Все бродяги находились на своих местах, столы не были сдвинуты, не валялось на полу осколков битой посуды. Да и шума потасовки я из коридора не слышал. Темные вышибалы просто вывели моих туристов под дулами автоматов из-за стола и аккуратно поставили к стенке.

Ни хрена себе день начинается, как говорит в таких случаях один страус.

А морда у Космонавта вытянутая, словно ему только что сообщили, что у него в Донецке мама умерла. Руки трясутся, палец на спусковом крючке побелел от напряжения, чуть рыпнись – полмагазина в тебя высадит. Да и Махмуд с Варваром явно не в своей тарелке. Что, черт возьми, происходит в этом баре?! Что сегодня за безумный день такой?

Стараясь не делать резких движений, я занял свое место. Обыск понемногу подходил к концу. Я скользнул растерянным взглядом по обеденному залу и внезапно уперся в знакомое лицо. Огромный черный синяк под левым глазом этого типа уже побледнел, но все еще не сошел до конца – Патогеныч весьма тяжел на руку. Незнакомец, преследовавший нас от самого Периметра, стоял за столиком бродяг из «Свободы», справа от Грека. Увидев, что я на него смотрю, он понимающе усмехнулся и пожал плечами: дескать, видал, как все обернулось?

Закончив обыск, темные вышибалы заставили моих туристов положить руки на голову и под конвоем повели во внутренние помещения бара. Миша Пустельга беспомощно оглянулся на меня, на лице у его было написано величайшее изумление. Махмуд пихнул его стволом автомата в почку, заставив двигаться живее.

- Клещ распорядился, – лаконично пояснил Ковригин, все это время державший меня на мушке. – Стой и не рыпайся, Хемуль, все будет хорошо. Когда захочешь, спокойно уйдешь.

- Их снаряжение принадлежит мне, – угрюмо сказал я.

- Мы тебе его вернем, – пообещал темный.

- Что же вы делаете, уроды? – с ожесточением произнес я. – А как же неприкосновенность всякого бродяги, который к вам приходит?

Я увидел, как мгновенно окаменело лицо Ковригина. Самое страшное ругательство, какое только может быть обращено к сталкеру-полумутанту, – «урод». Менее страшное, но тоже весьма серьезное – «радиоактивное мясо». Ради всего святого, никогда не обращайтесь к темным подобным образом, если только вы не взбешенный до предела Хемуль: лишь в этом случае у вас есть шанс выбраться из бара «Сталкер» без серьезных повреждений. Да и то не факт.

- Хемуль, – устало сказал Ковригин. – Мы возместим тебе убыток. Сколько скажешь, столько возместим. Плюс за моральный ущерб.

Вот тут я и заткнулся. Во-первых, потому, что назвать темного мутанта уродом и не схлопотать сразу в морду – уже само по себе достойно удивления. А во-вторых, услышать от патологически жадных темных сталкеров, что они готовы заплатить тебе любую сумму, какую сам назовешь, – еще более невероятно, чем назвать одного уродом и тут же не схлопотать в морду. Видимо, дело действительно очень серьезно.

- Форс-мажор, Хемуль. – Ковригин наконец справился с собой, сделав вид, что не расслышал оскорбления. – Кроме того, неприкосновенность бродяг священна, истинная правда. Ты бродяга, и ты можешь катиться ко всем чертям. Эти шпаки, – он кивнул на дверь, за которой скрылись мои клиенты, – нужны Клещу, и они временно погостят у нас. Точка.

- Ни хрена себе день начинается, – буркнул я. – Зарывааетесь, организмы. Seriously зарывааетесь. Своими руками себе могилу копаете. Наши этого так не оставят.

- Мы побеседуем об этом с Бубной, - хмыкнул Ковригин. Физиономию его перекосила кривая усмешка - левая половина лица полумутанта была неподвижна после контузии. - Отдыхай, Хемуль. - Он звонко щелкнул пальцами в направлении бара, если только пыльную полку с полдюжиной бутылок и советский прилавок перед ней можно назвать баром. Пальцев у темного тоже было шесть. - Митя, браток, налей-ка товарищу водки. Клещ велел.

Я не пошевелился за столом, поэтому бармену Мите, повинувшись жесту Ковригина, пришлось поднять задницу из-под прилавка и принести стакан лично. Думаю, в другое время он охотно выплеснул бы весь стакан мне в морду, но сейчас ему приходилось подчиняться старшему. Субординация у темных очень строгая, и те, кто подвергся мутациям позже, вынуждены слепо слушаться старожил. Впрочем, потом, когда старики погибают или умирают от лучевой болезни, бывшие новички с лихвой отыгрываются на молодежи. Давно ли сам Клещ стоял за стойкой бара «Сталкер»?.. Я, по крайней мере, еще помню такое.

- Это бесплатно, Хемуль, - пояснил Ковригин, хлопнув меня по плечу. - Мир?

Резким движением плеча я сбросил его руку.

- Я хочу поговорить с Клещом.

- Клещ занят, - терпеливо произнес Ковригин.

- Мне плевать.

- Сиди и не рыпайся, дорогой. - Ковригин явно начал терять терпение. - Клещ все тебе объяснит, но позже.

- Уроды вы с Клещом.

На лице темного не дрогнул ни один мускул.

- Отдыхай, Хемуль, - бесстрастно проговорил он, глядя вверх моей головы. - Утром ты сможешь поговорить с Клещом. Ночлег тоже за наш счет.

В дверях показались Махмуд и Космонавт. Ковригин молча обменялся с ними несколькими непонятными жестами, кивнул на меня, забросил автомат на плечо и скрылся в служебном коридоре. Космонавт привалился к стене возле двери, без интереса поглядывая в мою сторону. Махмуд переместился ближе к лестнице, ведущей наверх.

Я задумчиво посмотрел на халявный стакан с водкой, стоявший на моем столе. Однако не пропадать же добру. Я выцедил его маленькими глоточками, как научил меня один мичман, поставил на стол и зажевал бутербродом с селедкой, оставшимся от туристов. Окинув повлажневшим взглядом обеденный зал, я заметил, что ни Грека, ни его команды, ни типа с фингалом в помещении уже нет.

Ну, ладненько.

Выбравшись из-за стола, я подошел к дверям, ведущим в служебные помещения бара. Космонавт заступил мне дорогу.

- Нельзя сюда, Хемуль.

Я без предисловий от души двинул ему коленом под дых. Космонавт, ожидавший от меня чего

угодно, но только не такой откровенной подлости, не успел заблокировать удар и согнулся пополам, на время лишившись дыхания. Я попытался прорваться внутрь, но мне наперерез бросились Махмуд и скатившийся с лестницы Варвар. Воспользоваться автоматами они не могли, потому что я, ухватив за загривок Космонавта, потерявшего от ослепительной боли всякую способность соображать, превратил его в живой щит. Вышибалы попытались схватить меня за руки, но я так просто не дался. Махмуд пропустил пару крепких ударов и временно сбавил обороты. Я поднырнул под клешни Варвара и отступил вместе с заложником в дверной проем, оказавшись в длинном сумрачном коридоре, где воняло застарелой сырой говядиной и пролитым несколько недель назад кефиром.

В обеденном зале было сумрачно, но в коридоре, ведущем в служебные помещения бара, света было вдвое меньше. Волоча за собой хрипящего Космонавта, я пятился по коридору в глубь магазинных катакомб, пока наконец меня не прижали к стене на повороте. Я толкнул Космонавта прямо на преследователей, пытаюсь выиграть еще пару мгновений, но темные вышибалы знали свое дело туго. Через секунду я оказался на коленях и с заломленными за спину руками у ног Махмуда. Махмуд был бывшим тюремным охранником и очень любил демонстрировать на строптивых посетителях свой фирменный прием, который у них в колонии назывался «и на конвоирование»: ладонь сзади на лоб, два пальца в глаза и голову противника запрокинуть назад. Самый крутой амбал при этом теряет интерес к активному сопротивлению, особенно если одновременно заломить ему руку за спину. Если интерес к сопротивлению все еще не потерян, достаточно надавить на глаза посильнее, чтобы строптивец сделался шелковым. «И на конвоирование», – обычно с удовольствием приговаривал Махмуд, сопровождая скорченного, бессильно матерящегося посетителя к выходу.

Махмудом его, кстати, прозвали вовсе не потому, что он был азиатом или мусульманином. А вот почему – сам не знаю. Никогда не интересовался.

В дальнем конце коридора со скрипом приоткрылась обычная деревянная дверь, выкрашенная ядовито-зеленой масляной краской. Мимо такой двери пройдешь и даже не подумаешь, что за ней может находиться что-то еще, кроме хозяйственного инвентаря или туалета для работников бара.

– Хватит, отпустите его, – брезгливо сказал Клещ, выглянув в коридор. – Пусть заходит.

– Но босс!.. – страдальчески проскрипел Космонавт, который уже мог дышать, но еще не обрел в полной мере дара речи.

– Я неясно выразился? – очень удивился Клещ.

С заломленными руками меня протащили по коридору, несколько раз по пути мстительно чиркнув головой о стену, и с силой втолкнули в кабинет Клеща. Дверь за мной захлопнулась.

– Ну? – коротко поинтересовался Клещ, угрюмо разглядывая меня.

Я с достоинством отряхнул куртку, приблизился к столу, взял стул у стены, сел на него и закинул ногу на ногу. Темный терпеливо наблюдал за моими действиями.

«Кабинет Клеща» – это, конечно, громко сказано. Крошечная обшарпанная каморка с голыми и грязными бетонными стенами, в которой батя Клещ ворочает финансовыми потоками, сопоставимыми с теми, что проходят через Бубну. Древний полуразвалившийся стол, видимо, еще советских времен, утащенный темными из какой-то бывшей конторы. Два стула, оба протертые до дыр, того же происхождения, судя по всему. С потолка свисает мутная, засиженная мухами лампочка на электрическом шнуре. На стене какая-то дурацкая карта,

пожелтевшая, тоже старая-престарая. На другой стене большой календарь, грязный, весь выцветший: «С Новым 2013 годом!» Аскетизм как он есть.

- Баранки гну, - сказал я, устроившись на стуле и внимательно посмотрев на собеседника. - Какого черта, брат?

- Так надо, брат, - отозвался Клещ, глядя на меня из-под полуприкрытых век. Он стоял у стены, прислонившись к карте и сложив руки на груди. Если бы я захотел, я бы сломал ему шею в две секунды, и он не успел бы даже переменить позы. И он это знал. И еще он знал, что я этого никогда не сделаю, разве что он тронет Динку. И мне это было известно тоже.

- Это мои клиенты, - с тоской произнес я. - Очень жирные клиенты. Вы же мне весь бизнес на хрен рушите, уроды.

- Прости, Хемуль. - Клещ тоже проглотил «уродов», не пикнув. - Ничего не могу поделать. Получил приказ сверху. - Он картинно воздел глаза к потолку.

- От Черного Сталкера?.. - оторопело спросил я.

- От какого еще сталкера! От Хозяев.

Ох ты, елки... Вот это угораздило нас вляпаться.

Если, конечно, Клещ не врет. Слишком много чести, чтобы нашей командой озаботились Хозяева Зоны. Хотя зачем бы ему?..

- Ты помнишь, как я тебя пер на себе? - с тоской спросил я. - Помнишь, что ты не истек кровью только потому, что я вовремя вытащил тебя с Полых Холмов?..

- Помню, - твердо ответил темный, глядя мне в глаза. - Именно поэтому ты можешь валить на все четыре стороны, хотя приказ был четкий: уничтожить в вашей группе всех, включая проводников. Я здорово рискую, Хемуль, отпуская тебя, но я умею платить долги.

- Это война, Клещ, - произнес я. - Ты понимаешь, что это война? Моему клану вряд ли понравится такое обращение с его ветераном.

- Значит, война, Хемуль, - безразлично пожал плечами Клещ. - Мало мы воевали, что ли?..

Я поднял голову и с кривой ухмылкой посмотрел на него:

- А тогда Большое Испытание, Клещ.

Темный с интересом глянул на меня.

- Ах, даже так?

- Ага, вот так. - Я утер тыльной стороной ладони кровь из разбитой губы - Варвар в драке все же дотянулся до моей морды. Клещ молча вытащил из нагрудного кармана платок и протянул мне. Я не был уверен в чистоте платка темного сталкера, но в дипломатических целях взял. - Испытание. Большое, брат. И только попробуй отвертеться. Вся Зона узнает, что ты отказал достойным людям в последней попытке.

- Ты вроде никогда не был идиотом, Хемуль, - задумчиво проговорил Клещ. - Ты уверен, что

точно знаешь, сколько сталкеров выжило после Испытания?

- Приблизительно знаю, - сказал я. - Единицы.

- И ты все-таки настаиваешь на Испытании для этих американских педрил? Поверь, мы их не больно зарежем: чик - и они уже на небесах. А вот если Испытание... Это будет слишком жестокая смерть, тебе не кажется?

- Все-таки настаиваю, - вежливо сказал я.

- Это за что же ты их так невзлюбил? - изобразил изумление Клещ.

- Хочу дать им шанс. Хорошие мужики, жалко будет, если вы их просто не больно зарежете. И они - мои клиенты. И еще я пойду с ними.

- Не глупи, Хемуль! - взревел Клещ. - Кретин чертов! Пошел вон отсюда, пока я тебя действительно не отдал Стронглаву!

- Послушай, Клещ, - сказал я, - а ведь те грибы, которые ты прислал Доктору позавчера, дерьмо. Надо послать ему нормальных, а то он конкретно расстроится. Прокляну, говорит.

Я облокотился на стол и подмигнул, всем своим видом демонстрируя, что не собираюсь покидать его кабинет в ближайшие несколько недель.

Глава темных сталкеров сокрушенно покачал головой.

- Спасибо за информацию, брат, - с достоинством произнес он. Помолчав, добавил: - Ладно, будет тебе Испытание. Молись своему долбаному Диме Шухову, ты, упрямый ублюдок.

- Да уж помолюсь, не волнуйся. - Я встал. - Кстати, насчет приказа от Хозяев... Его случайно не тот тип с лисьей мордой принес, который сидел за одним столом с Греком?

- Какой еще тип? - изобразил изумление Клещ.

- Ладно. Давай веди, урод чертов.

Нет. Все равно ничего не понимаю. Неизвестно откуда взявшийся задохлик, не сталкер, не военный, походя избитый в баре «Шти», командует темными сталкерами от имени Хозяев Зоны, мифических могущественных чудовищ, которых никто, кроме темных, в глаза не видел? Придумайте что-нибудь пошумнее. Я скорее поверю, что это пан Семецкий наконец явил нам свой лик.

- Космонавт! - гаркнул Клещ. Да уж, здесь все по-простому, не как у Бубны: никаких переговорных устройств, никаких автоматически блокирующихся дверей, никаких мобильников. Дети природы.

Космонавт выглянул из-за двери, и Клещ распорядился:

- Отведи его к остальным. Потом отправьте их всех к Стронглаву.

Космонавт выпучил глаза, словно темный босс велел ему самому пойти к упомянутому Стронглаву и дружески пожать ему лапу.

- Но босс!.. - в очередной раз произнес он. - Ведь Хемуль... ведь он же почти один из наших!..

- Я в курсе, - прервал Клещ, отворачиваясь. - Ты еще здесь, отродье слепой собаки?

Космонавт перевел взгляд на меня. На него было жалко смотреть - казалось, он вот-вот расплачется.

- Хемуль, - с трудом произнес он. - Как же ты так...

- Пшел! - повысил голос Клещ.

Потрясенный до глубины души Космонавт поспешил вывести меня в коридор.

Глава 12. Завод «Росток»

В Зоне было жарко, зелено, привольно. Парило. Припекало солнце, скакавшее в мокрой листве тысячами солнечных зайчиков. Совершенно не верилось, что жизнерадостный пейзаж впереди смертельно опасен. Хотелось скинуть плотную куртку и перебросить ее через плечо, только сделать это мешали пластиковые наручники, туго затянутые у меня на запястьях.

- Дурак ты, Хемуль... - в сотый раз протянул Космонавт, шедший у меня за спиной.

- Веди давай, организм, - огрызнулся я. - Достал уже.

- Воистину дурак.

Космонавт тяжело вздохнул. Похоже, он один тут хоть немного сочувствовал мне, невзирая на мой подлый удар. Сотовый, возглавлявший колонну, угрюмо молчал. Ковригин, шедший в середине, время от времени сердито покрикивал на моих туристов, чтобы не сходили с тропы: это было смертельно опасно. Тюремщики в старину даже не мечтали о такой славной узкой тропинке, петляющей между аномалий: шаг влево, шаг вправо - и расстрела уже не понадобится...

Попетляв среди глинистых откосов и высоких мусорных завалов, из которых торчали ржавые обломки труб и покореженные остатки брошенного фабричного оборудования, мы выбрались наконец к воротам завода «Росток». Точнее, это был лишь один из бывших корпусов огромного промышленного предприятия, мертвого уже много лет. Всем телом прильнув к высоким, в два человеческих роста, металлическим воротам, Сотовый некоторое время напряженно вслушивался в происходящее на территории завода. Не услышав, видимо, ничего подозрительного, он раскрыл укрепленную на заборе насквозь проржавевшую пультовую коробку и нажал какую-то кнопку. Загремела где-то внизу цепная передача. Дрогнув, ворота со страшным скрипом поползли по направляющим. Когда проем стал достаточным, чтобы едва-едва протиснуться взрослому человеку, Ковригин с Сотовым остановили ворота, сняли с Сэма наручники и пропихнули его на ту сторону. Ту же операцию они проделали со всеми моими туристами, напоследок переправив через ограждение меня. Едва я оказался на территории завода, ворота снова заскрипели, отсекая нас от темных сталкеров.

- Я вернусь за своим снаряжением, - произнес я в сужающуюся щель ворот, старательно растирая затекшие запястья с глубокими багрово-фиолетовыми следами от полимерных наручников. - Не дай боже чего-нибудь недосчитаюсь.

- Твое снаряжение в оружейке, - сказал Ковригин. - Я лично пригляжу. Сможешь вернуться и получить все назад.

Я не сумел различить издевки в его голосе. То ли плохо вслушивался, то ли ее там не было.

- Береги хорошенько, урод, - проговорил я. - Спрошу за все.

Ковригин смачно плюнул на закрывшиеся за мной ворота.

- Стрельбу открываем через пять минут, - бесстрастно сказал он. - Рекомендую поспешать.

Заводской забор был высоким, но темные сталкеры, забравшись по прислоненным с той стороны металлическим трубам с приваренными поперек железными прутьями-ступеньками и положив стволы автомата на верхний срез забора, взяли нас на прицел.

Я пожал плечами.

- Успеем перекурить, - рассудительно заметил я, извлекая из нагрудного кармана пачку сигарет, которую машинально сунул туда, прежде чем идти разбираться с Клещом. Профессиональная сталкерская привычка: не оставлять ничего на точке, если не уверен на сто процентов, что вернешься.

Я роздал сигареты туристам. В отличие от охотников, меня не стали обыскивать и отбирать последнее, прежде чем надеть наручники: видимо, нестандартная ситуация, которую я создал, несколько ошеломила темных. В результате я сохранил почти полную пачку курева и зажигалку. Некурящий Пустельга отказался от своей сигареты, а Донахью только махнул рукой. Ему сейчас было не до того.

- Они будут стрелять? - осторожно спросил он, рыская глазами по сторонам. Во дворе завода валялось много всякого мусора, но все эти проржавелые металлические бидоны, засыпанные землей трубы и полусожжанные жгучими волосами остовы промышленных агрегатов непонятого назначения, разукомплектованных пару десятков лет назад, вряд ли могли служить хорошим укрытием от плотного автоматного огня.

- Будут, - сказал я, - если мы не войдем в заводской корпус.

- Там очень опасно, да? - сразу сообразил Камачо.

- Хуже не бывает, - устало подтвердил я. - Там у них живет кровосос. Вы же хотели поохотиться на кровососа? Ну, вот. Его зовут Стронглав.

Сэм с сомнением покосился на меня, услышав странное английское словосочетание. Потом снова перевел взгляд на нацеленные на нас стволы темных сталкеров, решив, что ослышался.

- Только голыми руками его не возьмешь, - пояснил я тем, кто владел русским языком. - Видали небось кровососов по телевизору? Двухметрового роста жгут из мышц и жил, стремительный, почти всегда голодный и умеющий становиться невидимым.

- Видали, - сосредоточенно подтвердил Мартин Донахью. Теперь он не отрываясь смотрел на гостеприимно распахнутую дверь в воротах промышленного корпуса, за которой царила густая тень, отсюда, с залитого ярким солнцем заводского двора, казавшаяся непроглядно черной. - Это что... - Он пощелкал пальцами в поисках подходящего русского слова, беспомощно посмотрел на Мишу, но тот непонимающе пожал плечами. - Казнь? - наконец вспомнил Донахью.

- Практически, - кивнул я. - На самом деле это называется Большое Испытание. Если

сталкеры, обреченные темными на смерть, требуют справедливости, особенно если темные сами не уверены в правильности того, что им приказывают Хозяева Зоны, обреченных на смерть привозят сюда и доверяют правосудие Стронглаву. Говорят, он жил тут всегда, с самого возникновения Зоны, и его уважают даже Хозяева. Чтобы выдержать Испытание, тем самым сняв все претензии темных, и выйти наружу, надо пройти этот корпус насквозь. В общем-то, для опытного сталкера ничего сложного, если бы не Стронглав.

- А попробуем, - криво усмехнулся Стеценко. - Мы вроде ребята ничего, крепкие. Отобьемся в крайнем случае. А, начальник?

- Только на это и рассчитываю, - невесело фыркнул я. - На самом деле без автоматов нам тут ловить нечего... Ладно, когда пойдем, держитесь рядом. Поменьше шумите. В сложных ситуациях делайте, как я. Если кровосос меня схватит, прорывайтесь вперед. Назад ни в коем случае - нет шансов.

Пустельга вполголоса переводил мои слова для Сэма.

- А если нам пойти всем по отдельности? - предложил Стеценко. - Растянуться цепью. Даже если монстр атакует кого-нибудь из нас, у остальных будет больше шансов уйти.

Донахью нахмурился.

- Это плохая идея, Андрей, - произнес он. - Мне она не нравится.

- Точно, - подтвердил я. - Тогда шансов не будет вообще. Плотной группой у нас есть возможность проскользнуть незамеченными. Может быть, кровосос сейчас спит. Если же пойдем широкой цепью, кто-нибудь непременно привлечет внимание Стронглава, и тогда труба всем. Даже если броситься врассыпную, кровосос успеет догнать всех по очереди. Он слишком быстро двигается. Кроме того, не забывайте про аномалии. В помещении они опаснее втрое: плечи никак не выделяются на бетонном полу, мясорубки не искрят в сухом воздухе. Вы не сумеете их распознать. Нет, будем прорываться все вместе. Ботинками не грюкать, пижоны, там наверняка железо кругом...

По ушам ударил грохот одиночного выстрела, отсекающий окончание фразы. Пуля расплескала грязную лужицу возле моих ног.

- Осталась минута, - прокомментировал с забора Ковригин, описав дымящимся стволом автомата короткую дугу в направлении резиденции Стронглава.

- Все, Саша! - заверил я, бычкуя свою сигарету о забор. - Уже выдвигаемся. Молись, сука, чтобы я не выжил. Я ведь вернусь в «Сталкер» и поговорю с тобой по-мужски. То есть я вернусь в любом случае, даже если не выживу, понимаешь, организм? По-любому.

- Шагай, радиоактивное мясо, - безразлично скомандовал Ковригин.

Туристы побросали окурки в жидкую грязь. Я окинул свою команду внимательным взглядом: нахохленные, встопорщенные, угрюмые. Специально не стал им ничего рассказывать про Испытание, пока нас вели сюда, - перегорели бы еще по дороге. Теперь же ребята шокированы и напуганы, однако адреналин начал поступать в кровь вовремя, а не за полчаса до драки. Один Стеценко деловит и собран, словно парашютист перед прыжком. А ведь приходилось тебе уже умирать, Андрюша, и не раз, не впервой тебе это. Наверняка ты у себя в Киеве не только мясом торгуешь, а ворочаешь делами поинтереснее. Славное приключение, верно?..

Я перевел взгляд на ворота заводского корпуса, дверь которых слегка раскачивалась на прохладном ветру. Вот уж не думал, что придется побывать там. Столько слышал об этом месте, и на тебе. Какого черта я вообще влез в эту историю? Меня же отпускали, лично Клещ отпускал, я мог валить на все четыре стороны. Для чего я пошел с обреченными на смерть туристами?

А сам не знаю. Вот такой я кретин.

Нет, без меня, конечно, шансов у них было бы ноль целых одна десятая процента. Со мной процент увеличивался, скажем, до десяти. Все равно мало. Пройти между контактной парой, чтобы не долбануло разрядом, и то больше шансов. Русская рулетка. Точнее, украинская.

На черта я пошел на верную смерть?

Ребята, спросите что-нибудь попроще.

Может быть, из сталкерской гордости. Это были мои клиенты, я обещал обеспечить им безопасность, и когда их на моих глазах увели, а я вынужден был стоять, сторбившись, за этим дурацким столом с брошенными стаканами и бутербродами и ничего не мог сделать... Во мне словно что-то замкнуло. Так было, когда я лежал в экскаваторном ковше, придавленном многотонной тушей «Бизона»: ощущение абсолютной беспомощности, позорное, едкое, совершенно невыносимое. Ненавижу это чувство. Мерзость. Лучше уж регулярно дергать смерть за усы, чем всю жизнь потом стыдиться своего отражения в зеркале.

- Пошли, - бросил я сердито. Сердился я, впрочем, не на туристов, а на свою непроходимую романтическую глупость.

Мы двинулись к заводскому корпусу. Огороженный бетонным забором двор по старой славянской традиции был завален мусором, железным профилем, трубами и деталями непонятного назначения, за прошедшие десятилетия проржавевшими до основания и теперь понемногу рассыпавшимися на ветру рыжей чешуйчатой пылью. Громоздились под открытым небом огромные деревянные катушки, обмотанные кабелем в прекрасно сохранившейся изоляции, почерневшие от времени и непогоды деревянные ящики, кучи огромных фаянсовых изоляторов. За все это хозяйство цеплялись там и сям птички карусели и мясорубки, легко различимые невооруженным глазом.

За разинутой пастью двери слепо колыхалась полумгла.

- Мартин, - сказал я, - заходи внутрь и сделай шаг влево, чтобы не светиться в дверном проеме. Старайся поменьше шуметь. Стой, пока глаза не привыкнут к полумраку. Когда снова сможешь видеть отчетливо, махнешь рукой в проем, вот так. Давай, пошел.

Думаю, Донахью понимал, что я использую его в качестве отмычки, но не сказал ни слова. Он осознавал еще кроме этого, что мы все находимся в равном положении - кроме меня, конечно, - и качать права сейчас не время. Я же с гораздо большим удовольствием отправил бы вперед Пустельгу или Стеценко, но теперь была очередь Донахью. Надо было соблюдать хоть какую-то видимость справедливости, чтобы не рассердить Черного Сталкера.

Мистер бизнесмен скользнул в приоткрытый дверной проем и сразу споткнулся обо что-то, приглушенно выругавшись по-английски. Я досадливо поморщился. Через некоторое время он помахал рукой, и я отправил внутрь Галлахера. Когда и тот благополучно адаптировался после яркого солнечного света снаружи, я еще немного выждал, но, не дождавшись шума борьбы и предсмертных криков, пошел за ворота сам, предупредив оставшихся, чтобы действовали так

же и не лезли внутрь скопом, а дожидались сигнала от ранее вошедшего.

Шагнув через ворота, я обнаружил, обо что споткнулся Донахью. Это был старый, полуразложившийся труп сталкера в черной бандане. Раскачивавшаяся на ветру железная дверь стучалась о каблук его сапога и не могла закрыться до конца.

Глаза быстро привыкли к полумраку. Я оглядел открывшееся перед нами помещение. Мы стояли на пороге просторного полуразрушенного цеха, захламленного непроходимыми нагромождениями металлического мусора и покореженного оборудования. Короче говоря, цех представлял собой одну сплошную свалку; кое-где слой хлама достигал полутора человеческих ростов, поэтому увидеть от наших ворот двери в противоположном конце цеха было невозможно. В одном месте я даже разглядел выглядывавший из кучи железного лома проржавевший корпус древней «Волги», попавший сюда совершенно необъяснимым образом. В принципе, через ворота цеха мог свободно пройти грузовик, вот только ворота эти были запорты с момента первого взрыва на АЭС и давным-давно росли в почву.

Бродяги в основной массе полагали, что завод оказывает загадочное магнитное воздействие на металлические предметы. Впрочем, никто ни разу не видел, как эти самые предметы сползаются к заводским корпусам: они просто оказывались внутри, и все тут. Я полагаю, что на самом деле их стаскивал Стронглав. Хотя как он пропихивал через узкие двери довольно габаритные предметы вроде того же автомобильного остова или огромной железной трубы, в которой я запросто мог поместиться, сидя на корточках, оставалось загадкой даже для меня.

Вдоль стен на уровне второго этажа шли решетчатые металлические пандусы, с которых свисали длинные перепутанные бороды ржавых волос, чуть покачивавшиеся на сквозняке. Окна под потолком были большей частью выбиты, плитка со стен за прошедшие десятилетия осыпалась и раскрошилась, лишь кое-где оставив на стенах небольшие островки грязно-голубого цвета. Плафоны на потолке не работали, и цех освещался только мутным рассеянным светом, проникавшим через окна, залепленные жгучим пухом.

Вскоре вся моя команда оказалась внутри. Вот теперь начиналась главная сложность. Между высокими грудями железного лома оставались неширокие проходы, ближе к центру цеха даже виднелись островки чистого пространства. Однако все вместе это напоминало сложный лабиринт. Я уже слышал об этом от тех уникумов, которых пощадил Стронглав, но увиденное мне не понравилось еще больше, чем рассказы. Лабиринт выглядел искусственным. Мы могли перемещаться только по проходам, и никак иначе. Вон там, казалось бы, можно было бы перелезть через невысокий бортик, образованный краем опрокинувшегося набор автопогрузчика, однако от одного края до другого он как бы невзначай увит невесть откуда взявшейся спиралью Бруно. Вот здесь, скажем, я взялся бы пробить изъеденную ржавыми волосами станину и перелезть на другую сторону, однако на ней балансирует, опасно накренившись, внушительный стальной шкаф: малейшее сотрясение, и он размажет меня по полу.

И еще одно. Чтобы не влететь в аномалию, мне необходимо активно использовать болты. Но среди металлических листов и оборудования они станут грохотать так, что поднимут на ноги даже мертвого, не говоря уже о спящем кровососе.

Ощущаю озадаченность, близкую к озабоченности, как говорит в таких случаях один страус.

Ладно. Как говорит он же, кто ничего не делает, тот заранее покойник. Повертев болт в пальцах, я послал его в один из ближайших проходов, между перевернутой на бок тележкой и

бетонным основанием какого-то неизвестного мне агрегата. Болт с треском заскакал по металлическим плитам пола. Чисто.

- Альваро, вперед, - скомандовал я. - Направление строго на болт. Шаг влево, шаг вправо - даже не думай. Дошел до болта - остановился. Миша, следующий. Дистанция четыре шага.

Глава 13. Стронглав

Камачо начал перебираться через тележку. Удобнее, конечно, было обойти ее справа, но тогда пришлось бы уйти с заданного направления. Выждав несколько секунд, Пустельга двинулся за ним. Я сосредоточенно смотрел им в спины. Сейчас мой мозг работал, словно компьютер, непрерывно анализируя доносящиеся со всех сторон шорохи, запахи, колебания воздуха. Мне нельзя было ошибиться при определении аномалий, нельзя было пропустить появления Стронглава - а в том, что он в конце концов появится, у меня не было ни малейших сомнений.

Упавший на пол болт вдруг качнулся, словно пол под ним дрогнул, затем медленно покатился в сторону. Камачо остановился и опасно обернулся на меня.

- Ничего страшного, - сказал я, - это жадинка. Маленькая. Главное - не оставаться там надолго, а то ботинки от пола не оторвешь. Но минут пятнадцать у нас еще есть.

Дождавшись, когда к Альваро подойдет Пустельга, я присоединился к ним и вынул из кармана следующий болт. Остальные туристы по одному подтягивались к нам, как я их научил.

Болт из-под моих ног шмыгнул под соседний агрегат. Жадинка сидела там. Я покрутил в пальцах новый маркер. Дурацкая привычка, но мне всегда перед броском надо как следует ощупать болт, покрутить его в руках, чтобы он пропитался мной. Когда с брошенным маркером начинает происходить что-то не то, мне легче уловить, в чем причина. Словно я передаю этому кусочку металла часть своей ауры, которая потом сигнализирует мне, что происходит.

Внезапно пронзительный вибрирующий вой разорвал тишину, до этого прерываемую только нашим тяжелым дыханием. Я замер с болтом в руках. Туристы задрали головы - вой доносился сверху. Судя по всему, Стронглав бодрствовал и, более того, был очень голоден.

Ладно. Пусть даже небо перевернулось, а выбираться как-то надо, как говорит в таких случаях один страус. Прежде чем бросить следующий болт, я довольно ощутимо пихнул локтем в бок Сэма, и он от неожиданности даже подскочил на месте.

- Этот болт твой, - заявил я. - Смотри внимательно, куда полетит. Потом Мартин, дистанция четыре шага.

- Это кровосос? - сипло поинтересовался Стеценко, поглядывая на потолок.

- Он самый.

Бросив болт, я хлопнул Галлахера по плечу, и тот беспрекословно побрел вперед.

Неожиданно одно из узких окон прямо над нами с оглушительным звоном разлетелось вдребезги. В пустом оконном проеме, ощерившемся острыми осколками стекла, появился человек в пятнистом камуфляже, но без банданы. Похоже, это был военный сталкер. На мгновение у меня мелькнула безумная надежда, которая тут же погасла. Человек перевесился

через край окна, обдирая бока о торчащие из рамы осколки, и полетел вниз с десятиметровой высоты.

- Дэмнд! - рявкнул Сэм. Военный сталкер падал прямо на него, и Галлахер, ухватившись за металлические поручни, одним движением взлетел на решетчатый помост, шедший вокруг генератора в защитном бетонном саркофаге.

- Сэм, нет! - заорал я. - Стой, не двигайся!..

В ту же секунду помост под ногами Сэма, изъеденный ржавыми волосами, со скрипом просел. Американец кувырком полетел на пол, приземлившись в шаге от рухнувшего с потолка незнакомца в камуфляже. Перед носом у него медленно начала закручиваться по спирали ржавая пыль, взметнувшаяся в воздух при падении помоста.

- Карусель! - рявкнул я.

Сэм уже сам все понял и начал бойко отползать на четвереньках от миниатюрного вихря, который потревоженная птичья карусель понемногу раскручивала рядом с ним. Когда он отполз метра на полтора, иссохший труп попал в зону воздействия аномалии; карусель мгновенно вздернула безжизненное тело в воздух и разметала его на сотни кусков, осыпав Галлахера дождем вяленого мяса. Не ощущая больше объекта для воздействия, аномалия понемногу успокоилась, оставив на полу едва заметную пылевую окружность.

- Стоп! - снова резко скомандовал я. - Стоять!

Галлахер послушно замер. Выкрашенная облупившейся желтой краской труба за его спиной была ощутимо выгнута посередине в сторону входа - на нее воздействовал находившийся где-то рядом стационарный гравиконцентрат. Еще пара шагов, и американец смог бы познакомиться с его воздействием лично.

Я рывком поднял голову. В проем разбитого окна свисал осьминог средних размеров, лениво шевеливший щупальцами, - Стронглав с крыши просунул голову в пустую раму и любовался произведенными разрушениями. Увидев, что я на него смотрю, кровосос торжествующе взвыл и исчез. Я услышал торопливые бухающие шаги мутанта по крыше, и вновь воцарилась тишина.

Жадинка попыталась подтащить к себе металлический поручень обрушившегося помоста, но сил у нее не хватило. Эта крошечная аномалия - всего лишь жалкая пародия на настоящий гравиконцентрат, возможно, зародыш будущей плеши. Раздавить человека она не в силах, однако приковать к месту способна, особенно если у нее будет на это достаточно времени. Обычно же она просто подтаскивает к себе мелкие предметы, до которых способна дотянуться.

- Он играет с нами, как кошка с мышью, - пояснил я ровным голосом. - Пугает. Уверен в собственных силах. - Я окинул оценивающим взглядом два рукава, на которые раздваивался наш проход, покрутил в пальцах болт, потом постарался полностью очистить сознание и бросить маркер по наитию, не размышляя. Болт полетел в правый коридор. Отлично. - Миша, давай. Руками не размахивай, без рук останешься. Андрей, приготовиться.

Следом за Пустельгой двинулся Стеценко. На ходу он выдернул из кучи железного лома метровый стальной прут и пару раз рассек им воздух перед собой, словно боккэном. Ну что ж, все лучше, чем ничего. Хотя по сравнению с автоматом - все равно что ничего.

Выход из корпуса маячил метрах в сорока перед нами - точно такие же огромные железные

ворота с небольшой дверью в них, что и на входе, высились над внушительным нагромождением длинных железных труб. Насколько я помнил из рассказов тех, кто прошел Испытание, они тоже заперты наглухо, открыта только дверь. Преодолеть сорок метров по наштигованному аномалиями заводу «Росток» – задача сложная, но вполне по силам опытному сталкеру. Однако я понимал, что кровосос непременно усложнит ее до предела.

Я не успел еще потратить и трех болтов, как Стронглав снова явил нам свой лик. Вначале я почувствовал нарастающую боль в затылке и окриком остановил шедшего впереди Стеценко. Тут же запищал ПДА, фиксируя близость мутагенных форм. А затем мне под лопатку словно вонзили раскаленную иглу, и Стронглав немедленно материализовался прямо посреди цеха, расставив узловатые руки и угрожающе вздернув щупальца на морде. Это был настоящий матерый кровосос, совсем не тот подросток, которого я раздавил экскаватором в котловане на Свалке. На две головы выше меня, торс – как полтора моих торса, ноги и руки напоминают огромные дубовые сучья. В глубоких глазных впадинах плещется холодное безумие. Жуть. Удостоверившись, что мы обратили на него внимание, он яростно взвыл и перешел в режим «стелс». Я напряженно вслушивался в наступившую тишину, непроизвольно приняв оборонительную рукопашную стойку, но приближающихся шагов не различил, лишь где-то в стороне едва слышно скребнула по полу случайно задетая железяка. Боль под лопаткой ослабла. Кровосос явно отступил на цыпочках.

Ему ничего не стоило передавить нас всех одного за другим, как цыплят, но он продолжал играть. Ему было скучно тут, на заводе, он жаждал увлекательной охоты.

Чувствуя, как ускоренно бухает в груди сердце, я бросил следующий болт.

Продолжив движение и нырнув под арку возле стены, мы наткнулись на баррикаду из железных ящиков и токарных станков, с корнем вывороченных из пола. Здесь мы обнаружили очередной труп, который, неестественно выпрямившись, сидел посреди баррикады, неловко подогнув под себя одну ногу. Меня еще удивило, отчего он сидит прямо и не падает.

На трупе не было никаких ран, и все же под ним натекла небольшая лужа полусохшей жидкости. Вначале я решил, что товарищ перед смертью описался, однако жидкость была слишком темной и густой. Мне понадобилось несколько долгих секунд, прежде чем я понял: человек насажен на какую-то торчащую из кучи металлическую конструкцию, как на кол, причем прямо через штаны.

О черт!

Определенно, не только контролеры любят развлекаться в Зоне. Честно говоря, я ни разу не слышал еще о кровососе, который был бы настолько умен, чтобы играть со своими жертвами. С другой стороны, Стронглав очень стар, он живет здесь, сколько я себя помню, и до меня жил и меня еще переживет. Этакая покрытая плесенью трехсотлетняя щука из реликтового озера. А с возрастом местные мутанты, по моим наблюдениям, становятся непропорционально коварными и сообразительными...

Человек на штыре с трудом приподнял почерневшие веки, и я понял, что он все еще жив.

О черт, часть вторая.

Он заскрипел, заперхал, глядя прямо на меня. Его тело начали сотрясать бесплодные рвотные позывы. Не веря собственным глазам, через приоткрытый рот умирающего, за его зубами я увидел конец штыря – почерневший, окровавленный, страшный. Острый прут пронзил тело

парнишки насквозь, пробив горло и язык.

Проклятая тварь этот Стронглав. Умнющая до невозможности. Зачем без толку убивать жертву, если твой желудок полон и ты уже не в силах ее высосать? Наступит трупное окоченение, питательные жидкости в теле застынут, не поможет никакая вакуумная присоска. Гораздо рациональнее насадить ее живьем на кол, и пусть медленно поддыхает в корчах сутки или двое. А потом ее, чуть живую, можно будет спокойно выпить. И с кола она никуда не денется, не соскользнет, не убежит с развороченными внутренностями. Ах, тварь Стронглав...

Я уже не ощущал к нашему кровососу ничего, кроме холодной ярости. Меня эта тварь на кол не посадит, будьте спокойны. И ни одного моего туриста. Обломается.

Парнишка на колу захрипел, изо рта и из носа у него непрерывно сочились струйки крови. Наверняка мародер – военные, ученые и их сталкеры всегда в форме или спецодежде, вольные бродяги тоже непременно со знаками принадлежности к клану. Находиться же в Зоне в пестрой одежде может только мародер. Ну, или стрингер. Но в любом случае такая смерть не для человека, будь он даже распоследний подонок. Если ты подонок – изволь: пуля в лоб или лезвием штык-ножа от уха до уха. Быстро, элегантно, почти безболезненно. Мучить человека можно только в двух случаях: если от него что-то позарез нужно – например, узнать, что за странная группа сталкеров преследует твоих туристов от самого Периметра, – либо если хочешь его спасти – когда, например, ему невыносимо больно, у него раздроблена левая нога, и разорван бок, и сломаны ребра с левой стороны, а обезболивающее закончилось, и каждый твой шаг для него мука невероятная, но ты упорно прешь его на себе и не знаешь, донесешь или нет, но все равно прешь, потому что если не донесешь, то никто больше ему не поможет и он сдохнет от потери крови и болевого шока, как собака, а это неправильно; зато если донесешь, будет у тебя еще один кровный брат, как Енот, как Патогеныч, как Муха... Как теперь будет мне братом хитрец Хе-Хе.

Нет, парнишке на колу уже нельзя было помочь. Не жилец он был, да и мы с охотниками, откровенно говоря, были под большим вопросом. И не попер бы я на себе из Зоны мародера ни при каких обстоятельствах, чего уж там. Поэтому я шагнул к нему и сделал то единственное, что мог сделать для него в сложившихся обстоятельствах: коротким движением руки перебил шейный позвонок, прекратив агонию.

Сделал я это зря. И понял это уже в момент удара. Похоже, баррикада строилась именно в расчете на такой случай: она едва держалась и от этого небольшого сотрясения вдруг просела, начала стремительно расползаться. Мы с Галлахером едва успели отпрыгнуть – тяжеленные станки обрушились на то место, где мы только что стояли, похоронив под собой тело незадачливого мародера. Я при этом едва не угодил в мясорубку, но в последний момент успел всем корпусом уйти в сторону. И когда стих грохот падения, я услышал откуда-то из-за мусорных завалов довольное покашливание Стронглава. Мы, несомненно, славно развлекли его.

Ах ты, тварь!

Рассыпавшаяся баррикада перекрыла нам дорогу. Вскрабкаться на образовавшийся завал нечего было и пытаться – он тоже мог рассыпаться с самыми непредсказуемыми последствиями. Надо было возвращаться к развилке и исследовать другой проход. Но у меня возникло нехорошее предчувствие, что и там нас ожидает эффектный сюрприз. Стронглав не зря потратил столько времени и сил на то, чтобы оборудовать себе полигон для игры. У него наверняка все рассчитано и продумано. Что нас ожидает в других проделанных им проходах – замаскированная под полом ванна с электролитом, невидимая изнанка посреди дороги,

сваленные в проходе горячие радиоактивные материалы, посаженный на цепь зомби с «калашом» в руках? Мы будем гибнуть там по одному, а выживших построенные Стронглавом пути приведут – правильно, туда, куда нужно Стронглаву. И вряд ли это место – выход.

Мне вспомнился один старый фильм, который я как-то раз от нечего делать смотрел у Динки. Названия я не знаю, потому что смотрел, разумеется, не с начала. Там один безумный дедушка организовал в подвале своего дома полосу препятствий со смертельно опасными ловушками, сделанными из простейших подручных средств: утюга, электродрели, бритвенных лезвий, ножиц, автомобильных аккумуляторов... И гонял по ней бедолаг, которые приезжали к нему, чтобы купить дом.

Какие-то перепутанные тросы и провода свешивались с потолка справа от меня. Задумчиво подняв голову, я с интересом изучил механическую конструкцию, которой они принадлежали.

Это был один из небольших кран-балок, которые в свое время бегали по укрепленным под потолком направляющим швеллерам. Сейчас его подъемный блок с крюком неподвижно лежал на вершине высокой покосившейся груды металлолома, преграждавшей нам дорогу к выходу, тросы провисли, металлические направляющие покрылись густым мочалом ржавых волос. Без всякой надежды я дотянулся до растрескавшейся пластиковой коробочки пульта, которая свисала с крана на длинном прорезиненном шнуре...

О Черный Сталкер! Кран ожил!

Впрочем, я уже упоминал, что в переполненной энергией Зоне работает все, любое оборудование, даже давно обесточенное и отрубленное от источников питания, полуразрушенное и изъеденное ржавчиной до прозрачности. Что ж, не все местной природе играть на стороне местных тварей. Иногда и вольному сталкеру должно повезти, а то просто не честно.

На пульте было всего три кнопки и джойстик. Немного поманипулировав ими, я разобрался, как управлять краном. В принципе, это было просто, сумел бы и семилетний ребенок. Я смотал трос на лебедку, аккуратно подвел крюк к станине какого-то станка непонятного назначения, громоздившегося сверху, зацепил ее и потащил в сторону. Мощности мотора кран-балки не хватало, чтобы поднять тяжелую станину, тут нужен был стационарный козловый кран помощнее, который ржавел в другом углу, однако ее было вполне достаточно, чтобы скovyрнуть железяку с кучи и волоком доставить ее пятью метрами правее.

Охотники молча наблюдали, как я орудую кран-балкой. С потолка сыпались труха и жгучие волокна ржавых волос. Пару раз мне казалось, что кран намертво заклинился в направляющих, но после некоторых усилий нехитрая машина успешно преодолевала все трудности. Завывания мотора, перекрываемые грохотом и скрежетом металлического лома, гулко разносились по цеху, и я не сомневался, что Стронглав прекрасно слышит, что тут происходит. И с минуты на минуту появится, чтобы навести порядок.

Вскоре я уже расчистил достаточно места, чтобы через груды мусора, преградившую нам дорогу, можно было перелезть. И как раз в тот момент, когда я собирался бросить через нее очередной болт, позади нас раздались страшный вой и грохот, и сразу же привычно заняла игла в затылке. Разъяренный Стронглав, которому мы нагло поломали игру, явился лично, чтобы вмешаться.

Отступать было некуда. Кругом высились кучи металлического лома, которые мы никак не могли форсировать достаточно быстро, а единственный свободный проход за нашими спинами

отрезало разъяренное кровожадное чудовище, которое стремительно приближалось.

В стене цеха справа от нас был дверной проем, через который виднелась захламленная лестница, ведущая наверх. Точно: там, в пристройке рядом с цехом, наверняка должна быть операторская, возможно, контора, раздевалка, столовая... Я резко втолкнул стоявшего рядом со мной Мартина в проем и сам бросился следом за ним, моля Черного Сталкера, чтобы на ступенях не притаился невидимый гравиконцентрат. Остальные туристы, к счастью, разом кинулись следом за нами: усвоили уже, что в сложных ситуациях, когда некогда объяснять, когда счет идет на мгновения, лучше придерживаться старого мудрого принципа: «делай, как ведущий». Взлетая по неогороженным лестничным пролетам, я то и дело кидал настороженные взгляды вниз, ожидая, когда появится монстр. Но он явно не торопился – выходит, был уверен в том, что никуда нам от него не деться.

Добравшись до следующего этажа, я мгновенно окинул взором открывшееся нам помещение. Теперь уже невозможно было сказать, что тут когда-то было – стены ободраны до торчащей из бетона арматуры, никакой мебели нет, пол захламлен рваными газетами и пустыми молочными пакетами. У окна валяется расплосованная окровавленная тельняшка. Дверь в проеме, как и внизу, отсутствует, хотя гнутые, наполовину вывороченные петли в дверном косяке имеются. Нет, здесь не забаррикадируешься и не спрячешься.

Туристы проскочили вверх по лестнице мимо меня. Бросившись за ними, я снова глянул в щель между лестничными пролетами и увидел, как полоску света внизу пересекла массивная фигура кровососа. Он совсем не торопился.

Миновав еще несколько пролетов, мы вылетели на крышу. Деваться нам отсюда действительно было некуда. Вцепившись в невысокое ограждение, я выглянул через край – до земли было метров пятнадцать, если не больше. В железных коробах прятались промышленные вентиляторы, огромные лопасти которых лениво, с надсадным скрипом проворачивались на осеннем ветру. На одной из стен когда-то висела аварийная лестница, но ржавые волосы давно подточили ее, и она рухнула вниз под собственным весом, разбившись на куски об асфальт и рассыпавшись кучками пыли. На крыше, как и всюду в помещениях верхних уровней Зоны, валялось множество всякого бытового мусора. И еще здесь были трупы, много трупов. Они были разбросаны по всей крыше, лежали тут и там – досуха высосанные оболочки в камуфляжах и защитных костюмах, в банданах клановых цветов и цвета хаки.

Аминь, ребята, как говорит в таких случаях один страус. Похоже, именно сюда Стронглав нас и гнал с самого начала. Вряд ли у него тут логово – все-таки сыровато, да и от выброса на подставленной всем ветрам крыше не укроешься, – но как минимум столовая.

Хриплый кашель донесся со стороны лестницы, ведущей вниз. Похоже, кроме нас на крыше был еще кто-то живой.

– Помогите, бродяги... – прохрипел, поднимая голову, раненый сталкер, лежавший между люком в полу и ограждением. Вот черт, а ведь я через него даже перешагнул, когда смотрел с крыши.

– Мы себе помочь не можем, Рыжий, – хмуро сказал я, глядя в люк, как неторопливо поднимается к нам Стронглав. Ступени бетонной лестницы были рассчитаны на человеческую ступню, а не на огромную лапу кровососа с торчащими во все стороны кривыми когтями, поэтому ему приходилось шагать очень осторожно, практически на цыпочках, чтобы не загреметь вниз.

- Хемуль? - удивился Рыжий и надсадно, болезненно закашлялся. Это был один из членов клана «Последний день», пропавших нынешним утром на «Агропроме»; я едва знал его, но однажды нам пришлось участвовать в одной совместной акции. - Черт... не вижу тебя...

Видеть ему было нечем. У Рыжего не было глаз: поперек его лица пролегла глубокая рваная борозда от одного виска до другого - видимо, кровосос наотмашь, безжалостно шваркнул когтями. И ног у бродяги тоже не было. То есть на самом деле ноги имелись, но их все равно что не было - переломанные, раздавленные, лежащие под неестественными углами к телу. Да, вот так старые умные кровососы и запасают себе пищу: ломают людям ноги, вырывают глаза и бросают в своем логове. Никуда пища не денется, никуда не уползет, зато запас свежего мяса всегда под рукой, пока человек не умрет от обезвоживания. Да даже если и уползет, не свалится с крыши, найдет лестницу и сумеет по ней скатиться, догнать ее будет проще простого. Посадив парнишку на штырь в цеху, Стронглав просто немного усовершенствовал обычную тактику.

- Лежи, Рыжий, - тихо приказал я, отчаянно дергая внушительную лопасть одного из вентиляторов. Нет, не оторвать. - Лежи, не дергайся. Скоро вертолет будет.

- Дай покурить, что ли, - произнес сталкер и снова раскашлялся.

- Лежи, говорю! - прошипел я. - Кровосос близко!..

Из люка в крыше высунулась коричневая лысая голова; вздернутые осьминожки щупальца слабо шевелились вокруг нее. Прекрасный момент для того, чтобы ударить по твари из автомата и закрыть этот вопрос... Ладно, не будем о грустном. Можно, конечно, попытаться сбить его вниз коваными ботинками, поскольку он сейчас довольно неустойчив на лестнице, но особого вреда это ему не причинит и он поднимется снова, теперь уже в режиме невидимости. И первым делом оторвет нам ноги - просто в назидание. Почувствовавшие ледяное дыхание смерти охотники рассеялись по всей крыше, почтительно пялись перед чудовищным ктулху до тех пор, пока не упирались копчиком в ограждение.

Кровосос поднялся над люком по пояс, в то время как мой разум, игнорируя застрявшую в основании черепа ледяную иглу, стремительно просчитывал варианты. Одна мелочь заинтересовала меня, и я на мгновение задержал ее в оперативной памяти, прежде чем опустить в предназначенный ей кластер. А ведь лабиринт Стронглава вполне мог быть построен не просто для развлечения, а с вполне утилитарной целью. Наверняка ему уже неоднократно скармливали разом большие группы сталкеров, и наверняка бывали случаи, когда обезумевшие люди, которым нечего больше было терять, пытались организовать сопротивление все вместе и доставляли ему серьезные неприятности. Стая собак может разорвать даже медведя... Возможно, именно для этого кровосос и соорудил лабиринт смерти, где в каждом тупике группа бродяг, по замыслу создателя, должна терять по человеку. Может быть, Стронглав именно поэтому до сих пор не приближался к нам, проводя психические атаки и дожидаясь, пока нас останется не слишком много?

Он и сейчас не торопился на нас бросаться. Неторопливо выбравшись на крышу, огромное чудовище замерло над распростертым на крыше Рыжим, обводя нас внимательным взглядом из-под внушительных надбровных дуг.

- Хемуль! - застонал вдруг Рыжий. - Хемуль, ты здесь еще? Я что-то чувствую...

Опустив голову, Стронглав пристально посмотрел на него. Отвратительные щупальца клубились и извивались у самого лица искалеченного сталкера, и тот, видимо, остро ощутив

присутствие в непосредственной близости от себя чуждого организма, вдруг судорожно заскреб скрюченными пальцами по крыше, стискивая в горстях рассыпающиеся от дряхлости газетные листы и комья жгучего пуха. Потом, словно приняв вдруг какое-то решение, монстр протянул широкую лапу и сгрел Рыжего за грудки, приподняв над крышей. Тот испуганно заскулил, но кровосос тут же вздернул его в воздух, и бродяга захлебнулся собственным криком, когда огромный хищник умело и ловко сломал ему спину. Подняв неестественно сложенное человеческое тело на вытянутых руках, Стронглав отсалютовал им в нашу сторону и приник ротовой присоской к свежей ране, из которой хлестала кровь. Эта тварь снова пыталась деморализовать нас.

Донахью ужом скользнул по краю крыши, пытаюсь миновать кровососа и добраться до спасительного проема в полу, от которого на нижние этажи вела бетонная лестница. Я не стал его останавливать: в конце концов, кому-то надо было попробовать. Помнится, я рассказывал своим туристам, что поглощенный пищей кровосос ничего вокруг себя не замечает. Впрочем, Мартин вполне мог знать это и сам, из телевизионных передач.

Американец оказался молодцом. Практически беззвучно, по-кошачьи мягко он прокрался мимо монстра, занятого едой. Ступив на первую ступеньку лестницы, он осторожно повернулся к нам и сложил пальцы в знак «о'кей»: все в порядке, ребята...

Дыдых! И тут же получил звонкую затрещину от длиннорукого Стронглава. Затрещина вышла столь могучей, что Мартин пролетел по воздуху метра три и рухнул на самом краю крыши, едва не перекатившись под нижней планкой ограждения и не сверзившись вниз. Стронглав же, мгновенно перешедший к активному действию из состояния абсолютной неподвижности, снова застыл на месте, продолжая демонстративно высасывать жизнь из судорожно подергивающегося Рыжего. Теперь мутант мог позволить себе съесть готовый вот-вот испустить дух запас пищи, потому что совсем скоро у него будет свежий.

К поверженному Донахью осторожно, приставными шагами подобрался Камачо. Склонился над застывшим приятелем, пощелкал пальцами перед его глазами, показал нам большой палец: порядок. Донахью самостоятельно сел, прислонившись спиной к низкому ограждению крыши, потряс головой, посмотрел на нас расфокусированным взором, поднял руку: нормально всё.

Я снова перевел взгляд на замершего у края крыши гиганта. Нет, мимо нам не проскочить, факт. Чем бы ни был так увлечен кровосос, выход он стережет чутко и вовсе не собирается упускать столько пищи. Оставалось только стоять и почтительно ждать, когда тварь закончит трапезу.

Я смерил взглядом расстояние, отделявшее Стронглава от края крыши, прикинул на глазок его массу... Может быть, рискнуть? Нет, бесполезно, бодался теленок с дубом... Я в него врежусь, как в гранитную скалу, разве что пошатну слегка, а на проведение подсечки уже не останется времени. Нет, в одиночку мне с ним не справиться.

Хотя зачем же в одиночку?

Я остановил взгляд на Галлахере. Сэм вжался в кожух промышленного вентилятора метрах в пяти от меня. Что ж, вполне подходящий амбал. Я покусал нижнюю губу, стремительно соображая. Разом навалившись втроем или вчетвером, мы опрокинули бы Стронглава наверняка, однако действия даже троих человек скоординировать сложновато, не говоря уже о большем количестве народу. С другой стороны, может быть, хватит нас с Сэмом?

Может быть. А может, и нет. Если нет, в рукопашной нам его точно не одолеть. И остальным тогда тоже хана.

Я повернул голову в другую сторону. Донахью с ошалелым видом сидел на крыше, Камачо стоял над ним. Нет, Мартина оставим в покое, он сейчас не боец, особенно если у него сотрясение мозга. Сейчас нам нужны четко согласованные действия, рассчитанные до десятых долей секунды. Я осторожно помахал ладонью в воздухе, привлекая внимание Альваро, и, когда он поднял на меня угрюмый взгляд, ткнул пальцем в Стронглава, а затем жестом из безмолвного языка сталкеров изобразил бюрера: развернув обе руки ладонями вперед, сделал вид, что отталкиваю от груди что-то невидимое. Камачо, разумеется, не знал сталкерской системы жестов, но сейчас это было и не нужно, потому что в данный момент мой жест означал совсем другое. Креол беспомощно пожал плечами; тогда я показал на себя, на него и на Галлахера, после чего снова сделал знак «бюрер»: нам втроем надо попытаться опрокинуть кровососа с крыши. Теперь он, кажется, понял и кивнул. Я сосредоточенно выбросил один палец, затем два, затем три, затем четыре, затем пять и потряс пятерней в воздухе: «по счету «пять». Камачо снова кивнул.

Так, славно. Никак не проверишь, конечно, понял или нет, но разве у меня есть выбор?

Тот же самый безмолвный разговор произошел у нас с Галлахером, только Сэму было предписано атаковать на счет «четыре»: мы с ним стояли дальше от мутанта, чем креол. Затем я объяснил план действий Стеценко; у него работа была посложнее, и нам пришлось обменяться парой десятков жестов, прежде чем я решил, что он как следует усвоил, что от него требуется. Идеально было бы, конечно, поручить отвлекать внимание мутанта Пустельге, потому что он все равно вряд ли мог принести сейчас другую пользу – легковат был по массе, а вот Андрей был бы очень кстати в роли четвертого толкача. Однако после нервного срыва Миши в лагере ученых на Янтарном озере я не рисковал поручать ему столь ответственное задание. Угробит нас всех. Застынет на месте, едва только Стронглав поднимет на него свой холодный пронзительный взгляд исподлобья. И тогда все – у мутанта наверняка появится свежий запас пищи с искалеченными ногами и вырванными глазами.

И кроме того, у Стеценко есть железный прут, который он вытащил из кучи лома в цеху, а у Пустельги нет.

Я оглядел участников операции. Все они смотрели на меня, все были сосредоточены и готовы к бою. Мысленно воззвав к Черному Сталкеру, я ткнул в Андрея пальцем и прочертил в воздухе полосу в направлении Стронглава: давай. Стеценко медленно двинулся к матерому кровососу, который, удовлетворенно урча, завершал пиршество. Мутант не смотрел на приближающегося человека, но наверняка слышал, как тот крадется по крыше, шурша перепрелым мусором.

Не дойдя до чудовища нескольких шагов, Стеценко остановился. Ближе я бы и сам не рискнул подойти. Чуть повернув голову, Андрей перевел взгляд на меня, удерживая фигуру противника краем глаза, и я, коротко вздохнув, начал на пальцах отсчет, подняв руку выше головы, чтобы всем было отчетливо видно. Дорогой Дима Шухов, сделай так, чтобы у нас все получилось, чтобы никто сейчас не лажанулся, не поскользнулся и не струсил. А я тебе потом принесу две бутылки «Черного Сталкера»...

На счет «два» Андрей коротко размахнулся и резко швырнул металлический прут в голову Стронглаву. Кровосос среагировал мгновенно, отбив прут левой рукой и развернувшись всем корпусом к Стеценко. Изломанная кукла, четверть часа назад бывшая Рыжим, рухнула в грудку мусора на краю крыши. Тем временем на счет «четыре» мы с Галлахером одновременно бросились вперед, так что Камачо команды действовать не получил; но я рассчитывал, что он

не полный идиот и сумеет произнести про себя «пять» самостоятельно. Так и вышло. Почувявший неладное кровосос уже начал снова разворачиваться в нашу сторону, когда мы с Сэмом со всего маху врезались в него, словно бизоны на брачном поединке. Подоспевший сбоку Камачо ударил мутанта плечом практически одновременно с нами – немного не в том векторе, в каком бы хотелось, но достаточно сильно. Не ожидавший от нас такого коварства кровосос пошатнулся и даже сделал шаг назад. Но я все же малость недооценил его массу: на ногах он устоял. Отставив левую ногу и упершись ею в бортик ограждения, чтобы не соскользнуть вниз, гигант взмахнул обеими руками, и Камачо с Галлахером разлетелись в разные стороны, словно кегли в боулинге.

В полном отчаянии я снова бросился на Стронглава, уже понимая, что игра окончена. Однако в ту же секунду что-то мелькнуло слева, и одновременно со мной в кровососа всем телом ударил Стеценко: поняв, что мы с Галлахером и Камачо свой шанс упустили, он бросился вперед в последней отчаянной попытке опрокинуть мутанта. Стронглав снова пошатнулся, однако он наверняка выдержал бы и второй удар, если бы не случилось маленькое чудо. Переводчик Миша Пустельга, жалкий трус и вообще ничтожный человек, сорвался со своего места одновременно с Андреем, метра за три до беснующегося мутанта упал на колени и, проехав на коленях по влажной листве и мусору, как заправский джигит, исполняющий национальный танец, вклинился между Стронглавом и ограждением крыши. Кровосос наткнулся на сжавшегося у него за спиной Пустельгу, Миша ударил его плечом под колени, и в результате нашего с Андреем толчка хватило, чтобы мутант, взмахнув широкими узловатыми ладонями и издав страшный вопль, опрокинулся через Пустельгу и исчез за краем крыши, напоследок полоснув переводчика по животу страшными когтями ноги. Несколько мгновений спустя снизу донесся смачный шлепок, и вой кровососа оборвался, превратившись в едва слышное поскуливание.

- Вниз! - заорал я. - Быстро вниз!

Донахью к этому моменту уже прочухался в достаточной степени, чтобы передвигаться самостоятельно. Я бросился к Мише, прикидывая на ходу, как транспортировать его по лестнице с выпущенными наружу кишками, однако тот уже сидел на корточках, с изумлением отстегивая нагрудную пластину защитного костюма, в которой оказались пробиты четыре такие глубокие борозды, что их было видно на просвет с обратной стороны. Дыхание из него Стронглав, конечно, вышиб капитально, и Пустельга до сих пор безуспешно пытался вдохнуть, однако на теле не было ни царапины.

Что ж, отлично. Я развернулся к Сэму. Крепкий деревенский парень Галлахер уже оказался на ногах и готов был немедленно кого-нибудь тащить вниз на себе. А вот Камачо пребывал в состоянии грогги. Чую я, что по окончании этой охоты господам туристам непременно придется обращаться за квалифицированной медицинской помощью.

Кое-как мы скатились по лестнице – Камачо мешком висел на плечах Галлахера и Донахью. Приводить его в чувство было некогда, и охотники понимали это даже без пояснений: едва ли Стронглав погиб, упав с небольшой для него высоты. Для такой мощной и живучей боевой машины это была просто некоторая неприятность. Так что ничего еще не закончилось.

Забравшись на полуразобранную кран-балкой стену лабиринта, я сумел взглянуть на лабиринт сверху. Некоторые места все равно оказались скрыты от взора, но общий план был ясен, и я сразу наметил маршрут, ведущий к выходу. Все же в этом Стронглав оказался честен: путь к дверям имелся. Думаю, ему крайне удобно было рассматривать свой лабиринт, свешиваясь с крыши и заглядывая в окошки под потолком. В лабиринте обнаружили и ловушки, которые я

ожидал. В одном месте я отчетливо различил натянутый поперек прохода тросик, в другом – нависший над проходом массивный куб огромного сейфа: достаточно было уронить на него что-нибудь из окошка, и сейф рухнул бы вниз. Самое смешное, что в одном из тупиков я даже обнаружил, как и предсказывал, тварь на цепи, только это оказался не зомби, а здоровенный чернобыльский пес.

Перебравшись через боковую стену, мы двинулись по лабиринту так же медленно, как и раньше. Срезав путь, мы его здорово сократили, однако меры предосторожности необходимо было соблюдать по-прежнему. Заезавшись, Миша Пустельга едва не наступил в плешь, и мне пришлось выдергивать его оттуда за локоть. Галлахер и Донахью наконец привели Камачо в чувство, но он все еще плохо ориентировался в пространстве и, натолкнувшись на одну из стен, обрушил еще несколько тяжелых железяк; никто не пострадал только чудом. Я отчаянно ругался, подгоняя своих туристов, потому что прекрасно знал, с какой скоростью протекает регенерация тканей у матерого кровососа.

Наконец мы добрались до противоположных ворот. Черт, это уже был успех. Я мог гордиться собой: без оружия провести через «Росток» большую группу новичков, да еще и никого не потерять при этом, – по-моему, случай в истории Зоны уникальный. Теперь осталось только преодолеть двадцать метров по заводскому двору, и мы на свободе...

Если только нам никто не помешает, на всякий случай напомнил я себе. Вслух, конечно, ничего сказано не было, но нельзя, никак нельзя считать, что ты в безопасности, пока ты еще на маршруте.

Да уж, не стоило забывать, что закон подлости не дремлет, как говорит в таких случаях один страус. Я толкнул дверь в железных воротах, она дернулась, но не открылась.

Спокойно, спокойно, без паники, привычно начал уговаривать себя я, обшаривая взглядом дверь и чувствуя, как сердце медленно начинает проваливаться в желудок. С внутренней стороны на двери не было никаких запоров, а это значило, что она заперта снаружи на всякий замок. Нет, чушь; через нее не раз и не два выходили сталкеры, выжившие в ходе Испытания. Значит, кровосос подпер ее с улицы чем-то тяжелым, каким-нибудь бетонным блоком или катушкой с кабелем. На мгновение мне почудилось, что на дверь с той стороны навалился сам Стронглав, уже очнувшийся после падения, однако я не ощущал рядом присутствия мутагенных форм. Нет, эта тварь просто малость изменила условия игры накануне нашего появления в цеху или прямо сейчас, придя в себя после падения с крыши, намертво перекрыв вход.

Либо дверь была заперта с самого начала, Испытания на самом деле не пережил никто, а слухи о чудесных спасениях из цеха завода «Росток» распускали жаждавшие популярности бродяги и темные сталкеры, которым это было на руку.

Я ударил в дверь всем телом, она громко лязгнула, но не поддалась. Туристы молча наблюдали за моими усилиями. Мочить твою ягоду! До чего же паскудно умирать вот так, в двух шагах от спасения и свободы! Теперь, пока мы ищем другой выход, Стронглав наверняка успеет прийти в себя. Возвращаться нельзя, возвращаться – это смерть, и кроме того, с той стороны дежурят темные с автоматами. Паскудство! Я снова ударил в дверь плечом, остервенело, яростно, все еще не веря в поражение, такое обидное и такое явственное. И снова ударил. И снова. Паскудство! Паскудство, твою мать, паскудство, па...

После очередного удара дверь внезапно поддалась, и я по инерции вывалился наружу. Она не была заперта или чем-нибудь придавлена – просто ржавые волосы, просочившись в зазор

между дверью и металлическим косяком, склеили их между собой, пронизали тесное пространство своими пушистыми волокнами. Одно из волокон упало мне на руку, и я зашипел от боли кислотного ожога.

Вскочив на ноги, я первым делом попытался определить местонахождение противника. И снова сердце у меня в груди екнуло. Бетонные плиты, которыми была выложена площадка напротив заводского корпуса, оказались щедро забрызганы черной кровью мутанта. Определенно, он рухнул именно сюда и разбился здорово... вот только теперь его здесь не было. И вообще не было нигде в окрестностях. Черные кровавые следы вели к забору и обрывались через пару метров. За то время, что мы копались в цеху, кровосос сумел регенерировать и спрятаться. Поэтому оставшееся расстояние по захламленному заводскому двору окажется для нас ничуть не легче, чем весь предыдущий маршрут по заводу «Росток». Огромная разъяренная тварь может выскочить из-за любой кучи, вышагнуть с расставленными руками из-за любого угла.

- Андрей, направление на болт, - едва слышно прошептал я, покручивая в пальцах маркер. Я ощущал, что монстр где-то рядом. Более того, я не мог избавиться от ощущения, что он внимательно наблюдает за нами. - Медленно, медленно...

Стеценко проследил траекторию брошенного болта и осторожно двинулся следом. Я внимательно следил за ним. Неожиданно Андрей замер на месте, не дойдя до отмеченной маркером точки. Его правая рука медленно поползла вверх, словно он хотел привлечь мое внимание, и тоже застыла на полдороге.

Я быстро положил руку на плечо Пустельге, который должен был идти вторым номером, и пошел вперед сам, глядя в оба и чутко прислушиваясь к собственным ощущениям. Вот плешь - вмятые в сырую землю сплюснутые окурки и ржавый магазин от «калаша». Далеко, метров пять. Не то. Едва уловимое покалывание в кончиках пальцев - мясорубка рядом, но тоже не критично. Не то. Во что же такое серьезное едва не вляпался Стеценко, что даже боится шевельнуться лишний раз?..

Ах, вон оно что!

Встав рядом со Стеценко, я встретился взглядом со Стронглавом. Искалеченный мутант заполз в пустотелый бетонный цилиндр, вросший в землю неподалеку от забора. Его морда вся была залита кровью, а грудную клетку прорвали сломанные от удара о бетон ребра. Между тем выглядел кровосос совсем не так плохо, как должно выглядеть живое существо, только что рухнувшее с крыши завода «Росток». Огромный шрам на голове, которого не было четверть часа назад, уже выглядел старым и давно зарубцевавшимся - регенерация в организме мутанта шла бешеная.

Грудь чудовища тяжело вздымалась от частого дыхания. Стронглав злобно смотрел на меня несколько мгновений, потом болезненно прикрыл глаза, издавая невнятные клокочущие звуки. Все-таки ему было пока слишком плохо. Не отрывая взгляда от содрогающегося в конвульсиях регенерации кровососа, я бросил к воротам следующий болт.

- Андрей, вперед. Тихонько, не делай резких движений.

Повинуясь моему жесту, к нам начали подтягиваться остальные туристы, а Стеценко, с трудом отведя взор от искалеченного Стронглава, направился к воротам.

Мы уже приблизились к забору, когда сзади до нас донесся тоскливый вой кровососа.

Стронглав не стал нас преследовать: то ли был еще слишком слаб, то ли по достоинству оценил наши воинские качества и стремление к победе и решил отпустить. Темные все равно не оставят его без пищи.

Ворота в заборе с этой стороны были распахнуты настежь. Для чего их запирают? Случайный сталкер сюда не забредет, а если и забредет, так милости просим. Стронглав тоже вряд ли надолго покинет обжитую охотничью территорию, на которой постоянно появляется новая добыча.

Добравшись до ворот, мы покинули территорию завода «Росток», оставив за спиной покалеченного Стронглава, клан безумных темных сталкеров и Грека с его командой.

Глава 14. Химера

Нет, по-прежнему ничего еще не закончилось. Завершен для нас был только первый этап Большого Испытания. Теперь нам предстояло нечто не менее сложное и опасное: добраться до ближайшего схрона нашего клана. Пожалуй, впервые я остался в Зоне без оружия и снаряжения, и это было настолько непривычное и дурацкое ощущение, словно я оказался голым на стриптизном подиуме бара «Шти». Специально для подобных экстренных случаев на территории Зоны за счет сталкерского общака нами устроено несколько зачехов со всем необходимым, о которых знают только ветераны: оружие, детекторы, патроны, средства связи, вода, немного сублимированной еды, банданы нашего клана. Но до ближайшей из них еще нужно было добраться, и наибольшей опасностью для нас являлись сейчас не аномалии, а мутировавшие твари. Сейчас мы представляли собой легкодоступный передвижной склад мяса. Даже слепые собаки или псевдоплоть могли сделать из нас фарш: голыми руками с мутантами Зоны справиться очень нелегко. Я уже не говорю о более сильных тварях – первый же встреченный контролер мигом добавит нас к своему стаду, первый встреченный кровосос передумает нас одной левой.

Можно было, конечно, вернуться круглым путем в бар «Сталкер» за снаряжением – темные не посмели бы даже пальцем тронуть людей, прошедших Испытание. Однако, во-первых, хотя до бара «Сталкер» гораздо ближе, до него тоже еще надо ухитриться добраться без оружия, а во-вторых, мне совершенно не улыбается встретиться во дворе бара с группой Грека. Выйдет очень смешно, как говорит в таких случаях один страус.

Дорога, уходившая от задних ворот завода «Росток», была пробита в глиняном откосе. Она описывала внушительную дугу, прежде чем выбраться на холм и устремиться к горизонту через лесопосадки, и на протяжении всей дуги была с двух сторон ограничена высокими обрывистыми склонами. Выйдя из ворот, мы оказались словно в широком и глубоком желобе. Не нравится мне эта дорога: почти полкилометра невозможно свернуть ни влево, ни вправо. Ни один сталкер в здравом уме не полезет туда, где у него не будет никакого выбора. Однако у нас не было другой дороги.

Прежде чем двигаться дальше, я скупно, по-мужски похвалил своих охотников, а Мише молча пожал руку. Похоже, они уже начали притираться друг к другу, худо-бедно научились работать в команде и принимать внезапные нестандартные решения. Там, на крыше цеха, они вполне похвально сработали во внезапно изменившихся условиях схватки, а Миша практически спас нас всех.

Затем я сказал:

- Камачо первый, Галлахер приготовиться. Дистанция пять шагов. В оба смотрите...

К счастью, местные собаки, время от времени шуршавшие в кустах над нашими головами, уже привыкли, что к двуногим в камуфляже приближаться опасно, – темные отстреливали их за милую душу, – а более крупные твари нам пока не попадались. И все же идти было еще далеко; на такой дистанции может случиться все что угодно.

Мы прошли уже половину пути по глиняному желобу, когда сверху посыпалась земля и прямо над нами показалась над краем дороги голова припять-кабана. Мутные глаза мутанта бессмысленно уставились на нас. Огромные клыки числом шесть задвигались в пасти, издавая омерзительный хруст.

Тварь фыркнула, затем ступила на склон, чтобы спуститься к нам. Опоры массивному копыту не нашлось. Кабан недовольно хрюкнул и затрусил вдоль обрыва туда, где дорога описывала петлю и вырывалась на оперативный простор.

- Отступаем? – одними губами проговорил Стеценко.

Ага. Было бы куда. Обрато к Стронглаву, который вот-вот придет в себя? Наверх нам по мокрому глинистому склону не вскарабкаться, хоть тресни.

Но другого выхода нет. У меня даже зубы занули от досады. Одногo «калаша» с рожком патронов было бы достаточно, чтобы отпугнуть эту тварь. Нет, ну надо же, какая это все-таки подлость – Большое Испытание.

Кабан наконец добрался до поворота и, оскальзываясь, начал спускаться на дорогу. Его дразнил запах свежего мяса.

И тут из кустов с противоположной стороны дороги к нему метнулась огромная грязная лапа и ухватила за загривок.

Вздернутый в воздух кабан яростно заверещал и задергал ногами, пытаясь вонзить клыки в схватившую его лапу. Неведомый противник рывком подтащил его к кустам, в которых скрывался.

Это был старый псевдогигант. Твари на этом уровне в основном водились матерые и солидные. Его мускулистые руколапы были покрыты затянувшимися боевыми шрамами, а неровную голову украшали многочисленные вмятины и кратеры – следы каких-то мутационных процессов. Псевдогигант швырнул кабана на землю, и тот мгновенно кинулся в сторону, заскользил судорожно копытами по мокрой прошлогодней листве. Однако огромный мутант в два скачка настиг его и вдавил ногой в землю. Послышался треск костей. Изловчившись, кабан скользящим ударом пропорол ему лапу страшными клыками, вскочил на ноги – и тут же получил могучий удар сверху другой мускулистой лапой, сжатой в кулак. Оглушенный зверь рухнул на колени, и псевдогигант, взмахивая для равновесия куцыми псевдокрыльями, начал деловито ломать ему кости то одной, то другой лапой, замешивая тушу кабана руколапами, словно тесто для квашни.

- Вперед, вперед! – скомандовал я, судорожно озираясь в поисках аномалий. Пока охотник занят жертвой, у нас есть все шансы прошмыгнуть мимо.

Когда мы поравнялись с псевдогигантом, тот выпрямился над бездыханной тушей кабана во весь рост, злобно оскалился несоразмерно маленьким по отношению к телу ротиком и глухо зарычал. Несколько мгновений мне казалось, что он вот-вот бросится на нас, однако мутант

вдруг ухватил мертвого кабана за ногу и потащил в чащу. Видимо, он просто припугнул нас, чтобы мы не претендовали на его добычу. Псевдогигант – не кровосос, он никогда не убивает больше, чем может съесть. А кабана ему на сегодня хватит с избытком.

У меня отлегло от сердца, но не прошли мы по дороге и ста шагов, как душа снова ушла в пятки. Псевдогигант снова рычал, но теперь в его рыке слышались трусливые, истерические нотки.

Вы спрашиваете, кого может бояться тупой и массивный, как бульдозер, псевдогигант в Зоне? Вот и я хотел бы это знать, ребята, как говорит в таких случаях один страус. Зверей тут, на верхних уровнях, море, и все они непрерывно убивают друг друга, пожирают трупы, крадут друг у друга добычу и бьются за нее насмерть. Тут только и гляди в оба да не забывай менять магазины в автомате. Однако псевдогигант – вершина пищевой цепочки, один на один с ним не выстоит никто, да и не всякая стая решится загнать этот живой танк.

Вскинув руку, чтобы туристы не хлюпали свежей грязью, я напряженно вслушивался в пространство. И почти сразу различил доносящиеся сверху тяжелые бухающие шаги – псевдогигант поспешно удалялся в сторону Янтарного озера, бросив тушу кабана. И вот это мне уже совсем не понравилось. Что может заставить псевдогиганта оставить недоеденную кучу мяса? Ребята, на свете не существует таких вещей.

Текли секунды. Больше ничто не нарушало тишину, кроме легкого шепота ветра и потрескивания высохшего древесного ствола на склоне у нас над головой, выгнутого в направлении невидимого отсюда гравиконцентра. Со стороны покинутого нами завода донеслись отголоски жалобного воя Стронглава – он уже забрался в цех, и теперь его пронзительный вопль метался по всему помещению, отражаясь от стен и потолка. Кровососа тоже что-то обеспокоило.

– Вперед, – наконец проронил я. От того, что мы стоим на месте, неведомая угроза никак не уменьшится, скорее даже наоборот. – Понемногу. Миша, приготовиться.

Мы успели преодолеть еще метров двадцать, когда я краем глаза уловил впереди скользящее движение в том месте, где дорога описывала петлю. Я немедленно остановил охотников и до боли в глазах принялся всматриваться в придорожные кусты, уже догадываясь, что сейчас увижу. И когда сгусток черноты, который я вначале принял за бесформенную тень от кустов, пришел в движение, а в его верхней части вспыхнули два пылающих холодной ненавистью угля глаз, моя догадка блестяще подтвердилась.

Химеры – наиболее опасные животные Зоны. Размером они лишь чуть больше черномыльских псов, но псы – младенцы по сравнению с этими непревзойденными убийцами-ниндзя Зоны. Химеры без разбору убивают все живое, что попадает им на глаза, хотя я ни разу не видел, чтобы они пожирали свою добычу. Никто не знает, чем они питаются. За химерой всегда следует большая стая слепых собак – на почтительном расстоянии, чтобы самим не попасть под удар, – и подбирает останки растерзанных ею жертв. Химеру очень сложно убить, и в один ствол на моей памяти это не удавалось практически никому. Это сгусток первобытного страха, черная клякса паники, бесшумно передвигающаяся на мягких кошачьих лапах. На нижних уровнях они не водятся, да и на Милитари и «Росток» приходят откуда-то из глубины Зоны, с четвертого энергоблока. Зачем приходят – никто не знает. Где неизвестность, там и слухи: поговаривают, что химеры – личные посланцы Хозяев Зоны, исполняющие их волю и приводящие в исполнение смертные приговоры.

В общем, я бы лучше сейчас схватился врукопашную с кабаном или псевдогигантом. Шансов было бы немного, но против химеры шансов у нас не было вовсе. И если бы кабан и псевдогигант ограничились одним-двумя трупами, то химера не успокоится, пока не уничтожит нас всех.

Охотнички мои озадаченно вертели головами, пытаюсь определить, что меня насторожило. Движений химеры они просто не воспринимали – двигается эта тварь молниеносно, порывисто, текуче, словно порхнула на другом конце поляны огромная черная бабочка, словно на мгновение упала на землю тень от набежавшего облака, словно скользнула по ресницам капля пота, а когда сморгнул – уже и нет ничего, как и не было. После каждого внезапного перемещения химера ненадолго замирает в полной неподвижности, растворяется в окружающем пейзаже, и пойдти пойми – то ли померещилось что, то ли ветер колыхнул кусты... Если не знать, что именно искать, что высматривать, рискуешь обнаружить химеру в тот момент, когда она, подобравшись к тебе на минимальное расстояние, припадет к земле для последнего прыжка.

Черная тварь рывком подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Вы когда-нибудь смотрели в глаза смерти – в самом буквальном смысле? А вот я смотрел, в который уже раз за эту безумную неделю. Глаза у смерти были ярко-красные, вытянутые, неподвижные, по-кошачьи удивленные. Смерть склонила голову набок и добродушно вывалила язык из пасти. Можно было бы решить, что она радостно мне улыбается – если не знать, что такой изгиб челюстей на самом деле позволяет ей намертво хватать добычу. А давление челюстей химеры, я извиняюсь, сопоставимо с давлением хорошего промышленного пресса...

А потом смерть беззвучно перетекла на несколько шагов в нашу сторону. И еще раз.

Теперь уже и туристы забеспокоились, почувяв неладное. В присутствии химеры человеческий организм захлестывает волна неуправляемого панического ужаса, и чем ближе подбирается к тебе это причудливое порождение преисподней, тем труднее держать себя в руках. Я начал разворачиваться, набирая в грудь воздуха для истошного вопля «Все назад!», хотя и понимал, что до ворот завода «Росток» добежать все равно не успеем, химера движется куда быстрее человека, да и на заводе нас наверняка ждет теплый прием... А в следующую долю секунды уже кувырком летел на землю, подавившись собственным криком.

Вас когда-нибудь с размаху били ломом в грудь? Меня тоже нет. Однако в мой бронежилет попадала пуля из «калаша», а ощущения от этого, сдается мне, весьма сходные. Корчась от нестерпимой боли в солнечном сплетении, я все же чуть приподнял морду из лужи и попытался определить на глазок, откуда стреляли. Если бы не защитный костюм, честное слово, меня пробило бы насквозь.

Пальба велась с правого откоса. Один из стрелков залег у корней огромной уродливой березы с разлапистыми ветвями, второй чуть правее. Возможно, был еще один или двое – огонь велся довольно плотный. Превозмогая боль, я рывком откатился ближе к глинистому склону, чтобы оказаться в мертвой зоне. Мои охотнички тоже попадали на землю и распластались на дороге, словно лягушки. Пули с визгом крошили асфальт прямо перед их носами. Стрелки из нападавших были хреновые – ни один из нас до сих пор не валялся на земле с раскрытым черепом в куче собственных мозгов. А может быть, для них стали сюрпризом наши легкие, но необычайно эффективные бронежилеты. Во всяком случае, меня пуля ударила по всем правилам: в левую сторону груди. Хорошо, что у этих ублюдков не было снайперской винтовки, иначе никакая защита не спасла бы.

Военные сталкеры? Нет, слишком неумело: эти сразу положили бы нас всех. Мародеры-недоумки? А кого они пытались подстеречь на задах завода «Росток»? Место далеко не самое оживленное, да и так глубоко в Зону они стараются не забираться: не хватает ни опыта, ни снаряжения.

Вся эта дурацкая ситуация ужасно напоминала тот момент, когда я лежал на пересекающем Свалку заброшенном рельсовом полотне, ко мне рысцой приближалась слепая собака, а Обойма палил по мне с холма, не давая шевельнуться. Определенно, Матрица зациклилась. Впрочем, было одно отличие: сегодняшние стрелки не могли видеть под склоном химеру. Я вжался в землю, уткнувшись лицом в перепревшую позапрошлогодную листву, благодаря небеса только за одно: что не увижу, как огромные страшные клыки, рассекающие плоть при малейшем прикосновении, вопьются мне в тело.

Прошла одна секунда вечности, две секунды вечности, три секунды вечности. Я осторожно приподнял голову и обнаружил, что химера исчезла. Видимо, стрельба испугнула мутанта: его нигде не было. Автоматы тоже смолкли. Я попытался подползти к правому склону, и сверху вновь донесся грохот автоматных очередей. Я снова вжался в сырую землю, но внезапно с удивлением ощутил, как что-то изменилось в окружающем пространстве. Ага, вот что: пули больше не шлепали вокруг меня и не выбивали из асфальта искры рикошетов. Да и звуки очередей стали другими: у них изменился вектор.

Раздался страшный, мученический крик, и один из автоматов умолк. Затем захлебнулся второй автомат и наступила оглушительная тишина.

Некоторое время мы стояли без движения, вслушиваясь в равномерный шорох листвы, которой играл осенний ветер.

- Подсади-ка, - велел я Стеценко.

В этом месте дорога уже понемногу выходила на оперативный простор, высота склона плавно снижалась, так что когда Стеценко меня посадил, я сумел дотянуться до края обрыва. Выбравшись наверх, я тут же, не поднимаясь, перекатился под росший рядом куст, уходя от возможного автоматного огня. Стрельбы, впрочем, не последовало. И снова меня настигло острейшее ощущение дежа вю: как и тогда, выбравшись из котлована на Свалке, я сейчас крался по краю обрыва, в любую секунду ожидая пули в спину от противника, который за прошедшее время уже вполне мог сменить огневую позицию. Впрочем, сейчас во мне все больше крепло чувство, что никакой пули не будет.

Я нашел стрелков довольно быстро - нет, они не успели сменить огневых позиций. Химера уничтожила их всех. Все они были в цветах клана «Свобода». Одному из них тварь своими страшными челюстями вырвала половину лица, и опознать его теперь не представлялось возможным. Однако двое других были мне вполне знакомы, хотя я и не знал их прозвищ. Именно их я видел с Греком в баре «Сталкер».

Химера убила стрелков и беззвучно растворилась в Зоне. Может быть, у нее имелись какие-то срочные и неотложные дела. А может быть, палач Хозяев просто мимоходом устранил решивших нечестно сыграть людей Грека - все-таки мы достойно выдержали Большое Испытание.

Ладно. Честно - нечестно, но по сторонам смотреть надо. Химера в радиусе километра - паршивое соседство в любом случае. И Грека с незнакомцем среди трупов не было. Если уж эти ребята дошли до того, что устроили засаду возле завода «Росток», чтобы мы со

сто процентной гарантией не выжили после Испытания, от их главарей можно ожидать вообще чего угодно. Не знаю – батальона военных сталкеров, скажем, парашютирующих с неба, или там обстрела глубоковакуумными ракетами с пролетающего мимо вертолета.

Зато мы стали счастливыми обладателями трех «калашей», в том числе того самого, легендарного, с раздолбанной затворной рамой, трех дрянных боевых ножей «Южный крест» и некоторого количества армейских гранат. Один автомат я взял себе, два других отдал Галлахеру и Стеценко – лучшим после меня стрелкам в команде. Вот это уже было кое-что. Отбиться от химеры или псевдогиганта все равно будет тяжело, а вот от кровососа, к примеру, – в самый раз. На мгновение в голове мелькнула мысль вернуться на «Росток» и принять в три ствола паскуду Стронглава, пока он еще не вполне окреп после травмы. Впрочем, эта идея погасла так же быстро, как и появилась. После такого святотатства с моей стороны война с темными, в настоящий момент относящимися к нашему клану миролюбиво-равнодушно, будет долгая и свирепая, на полное уничтожение. Нам оно на хрен не надо. Да и Дима Шухов может осерчать.

Вооружившись, мы двинулись дальше.

Глава 15. Темная долина

Местность между заводом и Темной долиной была мной исхожена вдоль и поперек. В последнее время я нередко пасся в этих местах, потому что расположенные здесь аномалии не так давно начали порождать новые, еще неизвестные науке и Бубне артефакты, за которые платили втрое. Аномалий здесь, соответственно, было полно: там, где их мало, пастись неинтересно, там уже давно все обобрано салагами. Здесь же рисковали ходить только темные или наиболее опытные сталкеры вроде меня. Совалась сюда и безбашенная молодежь, но смертность среди нее получалась в результате слишком высокой.

Досадно только было, что детекторы аномалий я оставил в рюкзаке. Сам же сложил их туда, идиот, перед баром «Сталкер», чтобы не слишком оттопыривали карманы. И вот на тебе. А у атаковавших нас стрелков никаких приборов не оказалось – их явно привел на огневую позицию ведущий, а именно Грек. Пока я довольно успешно обнаруживал аномалии по косвенным признакам, однако если нам навстречу попадет свежая птичья карусель, без специального датчика я ее определить не смогу. Остается надеяться только на свое легендарное чутье и на благосклонность Черного Сталкера. В конце концов, Дима Шухов вытащил нас сегодня из пасти Стронглава, а это дорогого стоит.

Понемногу смеркалось. Осенью вообще рано смеркается.

Широкий круг из черных перьев и засохших трупиков ворон впереди обозначал птичью карусель. Судя по количеству мертвых птиц, карусель была старая и наверняка давно уже переползла на другое место, однако береженого Хозяева Зоны берегут. Даже если бы датчики показали, что в черном кругу никакой аномалии нет, ничто не заставило бы меня туда сунуться.

Вскоре местность начала понижаться, под ногами снова захлюпало, словно мы опять приближались к Болоту. Навстречу начали попадаться рваные клочья ядовитого тумана. Сейчас нам очень не помешали бы специальные защитные костюмы и респираторы, но чего не было, того не было. Приходилось лавировать между ползущими низко над травой фиолетовыми полупрозрачными хлопьями, одновременно следя, нет ли поблизости аномалий, поэтому скорость продвижения, и без того невысокая, упала еще. Поскольку теперь мы возвращались к

Периметру, плотность ловушек на квадратный метр территории стала уменьшаться, однако увеличилось количество попадающегося едкого студня, который всегда сопутствовал фиолетовому туману: он был в каждой луже, он скапливался в низинах, он густыми тягучими каплями сочился с уродливых листьев, которые мутировали до такой степени, что я уже даже не брался угадать, какой породе деревьев они принадлежали изначально...

- Хоп! - негромко выкрикнул я, мгновенно отвлекшись от посторонних мыслей.

Сэм, недавно сменивший Андрея в качестве отмычки, замер как вкопанный. Я подошел к нему и встал рядом. Впереди не было ничего особенного. Подлесок и подлесок. Справа метрах в тридцати маленькая птичья карусель лениво шевелила прошлогоднюю листву. Ерунда, слишком далеко. Слева определенно притаился гравиконцентрат - вон как вершины деревьев подались друг к другу. Что-то неприятно трещит в глубине леса в направлении на десять часов. Слишком далеко трещит, ничего страшного. Какой-то большой зверь пробирается на тот берег Янтарного озера, и ладушки, лишь бы подальше от нас. Отчего же шевелится в районе желудка холодный комок, словно я проглотил огромного живого слизня? Отчего паника медленно, но верно затопляет разум, словно приливная волна, постепенно, метр за метром пожирающая прибрежный песок?..

- Назад! - яростно ору я, хватая Сэма за шкуру и оттаскивая его за собой. Мои охотники инстинктивно пятятся, но осторожно - никому не хочется, спасаясь от одной аномалии, влететь в другую, они уже знают, сколько здесь смертельно опасных ловушек.

Раздается оглушительный механический грохот, и в земле прямо перед нами один за другим возникают внушительные, метра полтора в длину, овальные вдавленные следы. Выглядит это так, будто гигантский и невидимый двуногий зверь, появившись ниоткуда, быстро пересек наш маршрут и снова исчез в никуда. Мы называем эту штуку «Дядя Миша». Столкнувшийся с ней первым Дрон сошел с ума, когда невидимый гигант перешагнул через него; когда его спросили, что произошло, он отвечал, дрожа крупной дрожью: «Дядя Миша прошел». Кого уж он увидел после того, как перегорели его мозги, огромного медведя или какого-то страшного человека, шагающего ему наперерез, неизвестно. Эту штуку так и стали называть - «Дядя Миша», хотя дело, скорее всего, было просто в последовательно возникающих из-за аномальных напряжений в определенном участке земной коры гравиконцентрах. В любом случае попадаться на пути Дяди Миши не стоило.

Выждав некоторое время - Дядя Миша вполне мог вернуться, - мы быстро пересекли его следы и продолжили движение к заветному схрону.

Уже на подходе к Темной долине я вновь разглядел на противоположном конце опушки сгусток мрака, и сердце у меня в груди в очередной раз подпрыгнуло, но на сей раз мутант не обратил на нас никакого внимания. Возможно, химера - та же самая или другая, не знаю, - даже не увидела нас. Она скрылась в лесу, а я поспешил увести свою группу в сторону, чтобы не переходить дорогу такому опасному противнику.

Несколько минут спустя совсем рядом с нами деловито прошел зомби без оружия и в гражданских лохмотьях. Он целеустремленно брел куда-то на север и не обратил на нас никакого внимания. Может быть, его вел зов Монолита, может быть - приказ Хозяев Зоны, а может быть, он только выглядел целеустремленным, на самом деле нарезая бесконечные бестолковые круги вокруг ближайшего горячего пятна.

А еще через несколько минут мы пересекли незримую границу Темной долины.

Когда-то эти места были почти непроходимыми. В низинах скапливался густой ядовитый туман, конденсировавшийся в целые болота студня. Разгуливать по Темной долине можно было только в хорошем защитном костюме. Впрочем, желающих всегда находилось достаточно – тут удавалось отыскать такие редкостные артефакты, за которые Бубна готов был набить тебе деньгами оба кармана и еще капюшон куртки. В последние годы массив тумана начал отступать, уползая к Саркофагу, и по краю Темной долины стало возможно ходить без специального снаряжения – правда, с оглядкой и осторожностью, поскольку клочья тумана продолжали патрулировать территорию. Соответственно, пропали и артефакты – во-первых, исчезла среда, их порождавшая, а во-вторых, когда Темная долина стала лишь немногим опаснее Свалки, охотников за ними стало слишком много.

Вскоре мы добрались до схрона. На деньги из общака клана наши ребята сделали закладки оружия и снаряжения в нескольких наиболее сложных точках Зоны, где у честного бродяги есть наибольший риск остаться без того и без другого. Знали о них, разумеется, только члены клана. Этот я оборудовал лично вместе с Патогенычем, поэтому уверенно вывел на него свою группу.

Схрон был сделан в стене трансформаторной подстанции разгромленного хуторка. Поля вокруг него, когда-то засеянные пшеницей и кукурузой, были дотла выжжены ядовитым туманом и едким студнем, на них теперь не росло ничего, кроме отвратительной плесени пепельного цвета и колоний полупрозрачных лиловых грибов с горьким запахом. Впереди, за теряющейся в голубоватой дымке неровной линии леса, уже виднелись окрестности Свалки, а далеко позади торчала из тумана косматая труба атомной электростанции.

Крыша подстанции давно обрушилась внутрь – то ли от ветхости, то ли от взрыва. Очень похоже, что когда-то, лет двадцать назад, этот хутор усиленно утюжили артиллерией и ракетами с вертолетов. Что-то здесь внезапно появилось очень нехорошее, что перло в сторону Чернобыля-4. Поскольку сейчас все было в порядке и даже в сталкерских легендах не осталось никаких следов данного происшествия, его последствия скорее всего очень быстро локализовали и зачистили. Из-за образовавшейся серьезной брешки в крыше помещения подстанции можно было не беспокоиться, что кто-нибудь из чужих бродяг заберется сюда, чтобы переждать выброс, и случайно наткнется на нашу заначку. Впрочем, если бы даже кто-нибудь и заинтересовался пустыми развалинами, то мы укрыли наше добро в стене качественно, с гарантией, по всем правилам диверсионного тайника.

Итак, теперь каждый из нас был счастливым обладателем новенького «калаша», штык-ножа к нему, пары рожков патронов и нескольких «РГД». Нам с Камачо еще досталось по пистолету. Рассовывая гранаты по карманам разгрузки, я наткнулся на компьютерный планшет Камачо, который, оказывается, все это время нес в кармане на боку: сунул его туда в баре «Сталкер», когда пошел бить морду Клещу. Компьютер я отдал хозяину, а трофейный автомат с раздолбанным затвором сунул в тайник: конечно, лучше бы от него вообще избавиться – еще заклинит в самый неподходящий момент, однако пока мы с бродягами пополним запасы этого схрона, на него вполне может выйти еще кто-нибудь из наших, у которого посреди долины отказало оружие. Если он найдет в тайнике пустоту, будет совсем не кошерно, как говорит в таких случаях один страус. По крайней мере, для стрельбы этот «калаш»-калека еще некоторое время сгодится.

Присев на корточки и подперев спинами стены трансформаторной подстанции, мы наконец позволили себе немного расслабиться и перекурить.

- Ну что, господа империалисты, – проговорил я, бычкуя свой окурок о стену рядом с собой. –

Достаточно острых ощущений? Сейчас пересечем Темную долину, пройдем по краю Свалки и выйдем к Периметру. Удалимся от Зоны километра на три-четыре и вызовем машины...

Охотники быстро переглянулись. Они были совершенно измучены, голодны и перепачканы грязью с ног до головы, но мое предложение явно привело их в легкое замешательство. Я краем глаза успел уловить, как Стеценко чуть кивнул Донахью и указал взглядом на меня: разберись-ка, коллега!

- Погоди-ка, Хемуль, - проговорил Мартин. - Это что получается - сафари закончено? Нет, так мы не договаривались. Мы ведь еще не добыли всех обещанных животных, верно? Слепые собаки, чернобылец, псевдоплоть... Хорошо - пусть даже кровосос. Но мы собирались еще охотиться на бюреров. Сафари ведь было рассчитано на двое суток, или я не прав?..

Я с любопытством посмотрел на него. Интересно, он действительно сумасшедший или просто издевается?

Дождавшись, пока Донахью выложит мне свои соображения и заткнется, сбитый с толку моим молчанием, я заговорил - спокойно и размеренно:

- Послушай-ка, мистер. Я сегодня потерял помощника, и теперь меня некому подстраховать в случае чего. Какие-то ублюдки ведут охоту на наш отряд. В Зоне вообще происходит что-то странное. Всем нам сегодня крепко досталось, и не по одному разу, так что сейчас самое лучшее - свернуть к черту это сафари и вернуться в Чернобыль-4. Если хотите, возвратимся сюда через пару недель, когда все успокоится.

Донахью молчал, глядя в пространство. Вместо него заговорил Стеценко:

- В таком случае, сталкер, ты не получишь вторую часть обещанных денег.

- С какой это стати?

- У нас был четкий уговор - каких животных бьем. Ты свою часть уговора до конца не выполнил.

- А и подавитесь, - безмятежно проговорил я, поднимаясь на ноги. - Своя шкура ближе к телу.

- Хемуль! - сказал Донахью, вскакивая. От волнения акцент в его речи усилился еще больше. - Ты не понимаешь! Мы не можем ждать еще две недели. У нас заканчиваются визы.

- Господи, ребята, - произнес я. - Неужели вам недостаточно приключений? Мы сегодня несколько раз были на волосок от гибели. На кой хрен вам сдались эти бюреры?

Донахью посмотрел на Стеценко, не зная, что сказать, и Андрей пришел ему на помощь:

- А зарубку сделать на прикладе. Понимаешь? Типа был в Зоне, застрелил кучу всяких опасных тварей, в том числе бюрера. Ладно, сталкер, хватит ломаться. Тебе очень хорошо заплачено. Без помощника спускаться в подземелья лишний риск; хорошо, пусть общая сумма будет больше в полтора раза.

Я молча, без всякого выражения смотрел на него. Долго смотрел.

- Это не лишний риск, - проронил я наконец. - Это катастрофический риск.

- Значит, вдвое, - отрезал Донахью. - Ну? Идем?

Наступила длинная пауза. Я смотрел на Мартина, туристы - на меня.

- Идем, - наконец произнес я.

С оружием передвигаться по Зоне - сплошное удовольствие. Неправ Доктор, без оружия обычному человеку тут верная смерть. Это только его твари не трогают и позволяют собой командовать. По пути к одному из входов в сеть подземных тоннелей и бункеров, в которых обитали бюреры, мы расстреляли небольшую стаю слепых собак, молодого кровососа и крысиного волка, который вздумал двинуть на нас из заброшенной хаты полчища своих острозубых рабов. Как только жоака разорвало пулями, его крысиное воинство бросилось врассыпную, прячась в щелях фундамента и ныряя в дыры в заборе.

В очередной раз выйдя из леса, мы увидели вдали высокий искусственный холм, с одной стороны словно срезанный ножом. Место среза было укреплено массивными бетонными блоками, в которых виднелись тяжелые железные ворота.

Это был один из известных мне входов в систему подземных военных лабиринтов. Никто не знал, для чего именно они были построены, для чего понадобилась такая гигантская и разветвленная сеть коммуникаций, - большую часть документации военные уничтожили при отступлении, а то, что чудом сохранилось, повредили потом мародеры и бюреры. Ясно было одно: в катакомбах проводились какие-то научные исследования, и бюреры, отвратительные карлики-телекинетики, были продуктом этих военных экспериментов. После того как армия покинула окрестности Чернобыля-1, маленькие твари расселились по всем тоннелям. В их пораженных направленными мутациями мозгах еще сохранялись остатки человеческого: они жили патриархальными общинами, носили одежду - судя по всему, лабораторные комбинезоны, затасканные до кошмарных лохмотьев, - и обладали зачатками религии. Во всем остальном они были грязными, коварными, злобными и агрессивными тварями, мало чем отличавшимися от других тварей Зоны.

Впрочем, нет: у них было еще одно отличие, и довольно значительное. Бюреры были телекинетиками. Некоторые в большей степени, некоторые в меньшей, но все они умели передвигать на расстоянии силой мысли такие огромные и тяжелые предметы, какие ни за что не сумели бы сдвинуть руками. И это делало их очень опасными созданиями.

Мы приблизились к холму. Когда-то территория перед ним охранялась, теперь же даже колючая проволока по периметру была полностью содрана, и от забора остались только покосившиеся и поваленные столбы. Мощные ворота были разворочены взрывом, одна створка ворот соскочила с петель и перекосилась, во второй виднелось большое рваное отверстие, в которое любой из нас пролез бы даже с рюкзаком. Через отверстие были видны отодвинутый вакуум-затвор, напоминавший огромную круглую дверь банковского хранилища, и бетонная лестница, уходившая вниз, в темноту.

- Бункер бюреров, - сообщил я. - Перекур.

Пока туристы, столпившись у ворот, с любопытством разглядывали через дыру внешние охранные приспособления военной лаборатории, я начал медленно пятиться. Разумеется, предварительно я проверил, нет ли за спиной какой-нибудь гадости. Отойдя на несколько шагов, я резко передернул затвор автомата. Этот звук никак не мог не привлечь внимания охотников.

- Значит, так, - сказал я, направив на них ствол. - Не двигаться, господа. Альваро, убери лапы с

«калаша». Разумеется, если вы откроете огонь все разом, я вряд ли успею положить всех, но двоих наверняка убью и, даст Черный Сталкер, еще двоих тяжело раню. Исходя из того, что я о вас знаю, первым покойником будет Сэм. Остальные места пока вакантны. Можете прикидывать ваши шансы и делать ставки.

Сэм выглядел так, словно и вправду в любую секунду был готов броситься на меня и растерзать голыми руками, но Мартин предостерег его слабым движением кисти. Я угрожающе дернул ствол автомата в его сторону.

- Ну и чего же ты хочешь, сталкер? - поинтересовался Донахью.

- Я хочу знать, что вам понадобилось в Зоне и какого черта весь этот маскарад, - проговорил я. - Хватит ломать комедию. Вы все - сотрудники спецслужб и чего-то ищете. Вам что-то нужно от бюреров. Закономерный вопрос: что именно? Из каких раскладов американская разведка объединилась с русской?

- Ах, даже так, - произнес Стеценко, прищурившись.

- Именно так, Андрюша, - подтвердил я. - Переигрываешь немного. Малость карикатурный хохол получается у тебя. Мы вовсе не напираем так на «шо» и «тю», это тебя кто-то обманул - полагаю, консультант, который готовил тебя к операции. Ты зачем драку в баре учинил, чучело? Я же видел, как ты пару раз за вечер уже пытался нарваться, и если бы не повезло с Енотом, пристал бы еще к кому-нибудь. Со мной бы подрался, в конце концов. Хотел, чтобы о тебе весь Чернобыль говорил? Для чего?

- А чтобы нас всерьез не воспринимали, - безмятежно проговорил Стеценко. - Пьяные американские туристы и столичные раздолбаи, которые с жиру бесятся, охотники за острыми ощущениями. Еще и довольно известные личности, ко всему прочему. Нам необходимо было убедить местных соглядатаев из сталкерской среды в своей безобидности. Мало ли таких идиотов приезжает постоянно в Чернобыль-4, желая пострелять по живым мишеням?..

- Полковник!.. - предостерегающе произнес Миша, но Стеценко не обратил на него никакого внимания, лишь досадливо поморщился.

Ах, даже так. Полковник. Молодой, значит, да ранний.

- Нечего было драться, - сказал я. - Придумали бы другой способ втереться в доверие к вольным бродягам. По технике я тебя мигом раскусил.

- Об этом я не подумал, - проговорил Стеценко. - Вообще-то хорошая драка в мужском коллективе - отличное средство, если хочешь, чтобы тебя держали за своего. И у меня, кстати, далеко не самый эффектный стиль.

- Ага. Людей, выросших на гонконгских боевиках, ты, может, и обвел бы вокруг пальца. Двигаешься ты некрасиво, даже грязно немного, но уж больно эффективно. Охотиться вы придумали тоже для отвода глаз?

- Ясное дело.

- Мудро. Если бы нам не попались по дороге нестандартная псевдоплоть и ненормальные темные сталкеры, это сафари было бы относительно безопасным. По крайней мере, не многим опаснее, чем просто шараться по Зоне в поисках того, что вам нужно, зато конспирация была бы полностью соблюдена... Но противник все равно гнал вас с самого начала, от самого

Периметра. А свои, выходит, подстраховывали, может быть, даже отслеживали со спутника. Вертолет номер ноль двадцать один, а? Фейерверк при входе в Зону явно был устроен в вашу честь.

- Да, мы догадались, - сдержанно заметил Андрей.

- Я тоже довольно быстро догадался. Не повезло вам с ведущим, ребята. Ладно, давайте колитесь, кто вы такие на самом деле и чего тут ловите. Без этого мы с места не сдвинемся.

Я на всякий случай посмотрел на Донахью, но Мартин упорно продолжал молчать, из чего я сделал вывод, что если даже он и связан с американской разведкой, то опосредованно и уж во всяком случае не он руководит операцией. Все переговоры он явно предоставил Стеценко.

- Вот хи сэд? - вполголоса произнес Сэм.

Миша Пустельга начал тихо переводить ему сказанное, но я движением автоматного ствола велел ему прекратить, чтобы не отвлекал мое внимание. Мне по-прежнему приходилось держать под прицелом пятерых, а это сложновато.

- Давайте я сам вам расскажу, что вы тут делаете, - произнес я. - Ищете вы, господа, какую-то дрянь, которую потом можно было бы использовать в качестве оружия массового поражения. Один умный человек как-то сказал, что чем бы ни занимались ученые, у них все равно выходит оружие. Точно так же что бы ни искали спецслужбы в Зоне, они все равно находят - правильно, оружие. А я не хочу, чтобы Зона расползлась. Враждебная человеку дрянь, которая находится здесь, не должна покидать Периметр. Достаточно того, что за пределы Зоны попадают артефакты, и никто не знает, чем это грозит, потому что их вред еще не изучен до конца. А теперь вот что, господа охотники. Вы лично не сделали мне ничего плохого, даже наоборот - показали себя с хорошей стороны и несколько раз серьезно помогли на маршруте. Я был бы доволен такими отмычками. Поэтому я все-таки проведу вас обратно в Чернобыль-4. Вот только теперь вам постоянно придется идти впереди, чтобы у вас не возникло каких-нибудь глупых мыслей на мой счет, так что для вас обратный путь будет несколько более рискованным, чем дорога сюда. Второй половины денег я не потребую, поскольку не выполнил договоренности - не предоставил для охоты всех мутантов, каких обещал. Аванс я, извините, оставлю себе - все-таки форс-мажорные обстоятельства. В городе вы вполне можете нанять себе нового проводника, только не обижайтесь, если к тому времени, как мы доберемся назад, все бродяги уже будут знать о том, кто вы есть. Удобная штука - сталкерская сеть. - Я покачал левым запястьем с браслетом ПДА. - А теперь выходите на тропу по одному. Дистанция три шага.

- Хемуль, стой, - произнес Стеценко. - Ты не понимаешь...

- Три шага. И оружие на плечо.

- Вертолет!

Едва слышно стрекоча, вдалеке над полем показался «Скай фокс». Повинуясь моему жесту, охотники быстро присели на корточки под склоном холма с воротами. Сам я быстро укрылся за низеньким деревом и стал пристально разглядывать приближающуюся винтокрылую машину.

- А вот и ваш приятель, - проговорил я, убедившись, что зрение меня не обманывает. Даже с такого расстояния в лучах проглянувшего солнца было легко разобрать нарисованную на кабине акулю пасть и бортовой номер 021. - Легко на помине. Опять летит вас спасать?..

- Подожди... Этого не должно быть! - Стеценко изменился в лице. - Все вниз, живо!

Он резко развернулся прямо на корточках и молниеносно исчез в дверях подземелья. Остальные охотники бросились за ним.

- Стоять! - рявкнул я, дав длинную очередь поверх голов.

Не отреагировал ни один. Обсыпанные бетонной крошкой туристы по одному протиснулись в двери, и лишь отступавший последним Камачо, коротко оглянувшись, гаркнул:

- В убежище, идиот!

Оторопело я несколько мгновений наблюдал за приближающимся вертолетом - до тех пор, пока от его плоскостей не отделились две черные точки, которые стремительно понеслись в нашу сторону. Тогда я тоже прыгнул в темный провал вслед за креолом, и когда скатился на пролет вниз по бетонным ступеням, пару раз едва не сломав себе шею, наверху раскатился тяжелый, оглушительный треск, похожий на звук, с которым рвется мокрая ткань, только усиленный в тысячу раз, - я так понимаю, ломалась в узловых точках структурная решетка пространства.

Уши заложило. Невыносимые вибрации воздуха, казалось, распарывают тело в клочья. Наверху, у входа, жалобно заскрипели камень и железо, которые невидимая рука комкала, корежила и скручивала, словно в центре гравиконцентратной плечи. Затем пространство вокруг меня ощутимо дрогнуло и вместе со мной подалось назад и вверх, стремясь заполнить образовавшуюся в его ткани дыру. К счастью, боеприпас был небольшой, а я скатился достаточно глубоко, чтобы не оказаться разорванным взрывом. Вот если бы мы остались наверху, из нас получился бы знатный холодец.

Однако Акуля Пасть не собирался останавливаться на достигнутом. Пережив первый удар, я ухватился непослушными пальцами за края ступеньки и опрокинул себя еще ниже, снова покотившись по лестнице, словно мешок с картошкой - и очень вовремя, потому что земля вновь качнулась. Треск и грохот сверху теперь доносились непрерывно. На ступени внезапно упал столб солнечного света - похоже, верхней части холма больше не существовало в природе. Потом что-то глухо ухнуло, и вниз просел огромный пласт грунта, обрушившись на лестницу и надежно закупорив ее сверху донизу. Я едва успел откатиться в сторону, чтобы не оказаться погребенным заживо.

И разом наступила оглушительная тишина. Я даже решил, что меня контузило, но звон в ушах понемногу сошел на нет - просто барабанные перепонки еще продолжали вибрировать после внезапно оборвавшихся оглушительных звуков. Пространство вокруг вновь оживило, слышались стоны продолжающего оседать земляного пласта и шорох сыплющегося песка, а потом сверху глухо, как через многометровый слой ваты, донесся очередной удар, и пол под ногами снова описал тошнотворную дугу.

Когда все успокоилось, я поднял глаза и наткнулся взглядом на ствол автомата, нацеленного мне точно между глаз. Автомат находился в руках у Стеценко. Нет, определенно сегодня день дежа вю. Не так часто мне доводилось попадать раньше в такую ситуацию, и уж тем более не два раза за одну неделю. И каждый раз удовольствие серьезно ниже среднего, как говорит в таких случаях один страус.

Мой «калаш» валялся в нескольких шагах от меня, у ног Стеценко, - я потерял его, когда кубарем катился по лестнице. Спасибо хоть шею не сломал. Нет, похоже, Черный Сталкер решил мне сегодня выдать по полной программе за все мои прежние грехи и подлости разом. А

потому что нечего водить в Зону всяких подозрительных типов. Если они теперь решат прикопать меня в этих катакомбах, никто ничего не узнает, и поделом.

Пару секунд Стеценко стоял неподвижно и смотрел на меня, потом опустил оружие.

- Подбери автомат, сталкер.

Я подобрал «калаш» и обвел взглядом свою команду. С ними все было в порядке - они спустились в подземелье раньше меня, и я, отделавшийся легкими ушибами, похоже, пострадал серьезнее всех. Охотники пристально смотрели на меня, держа руки на автоматах. Никто не пытался пристрелить меня на месте или хотя бы дать мне в морду. Понятное дело, кто же их тогда выведет в Чернобыль-4.

Я повернулся спиной к ним и внимательно изучил то, что осталось от входа и лестницы. Осталось, прямо скажем, немного. Ничего практически не осталось. Верхняя бетонная площадка провалилась внутрь, наглухо запечатав лестничный проем. На всякий случай я поковырял завал, пытаюсь выковырнуть из него обломок покрупнее, но лишь для того, чтобы убедиться, что завал спрессован как монолит. Больше по этой лестнице никто не поднимется.

Я снова повернулся к своей группе. Под потолком тихо покачивались тусклые лампы в металлических подстаканниках. Уходил в перспективу просторный тоннель со змеящимися по стенам кабелями. Охотники выжидающе смотрели на меня.

- Ну что ж, - проговорил я. Надо же, как порой меняется в Зоне ситуация в течение пяти минут. - Из катакомб я вас выведу. Я знаю еще несколько выходов на поверхность. Однако бюрера мы бить не будем, уж извините. Я не знаю, зачем вам бюреры, и не желаю знать. Но углубляться в лабиринт без помощников, с командой неопытных новичков - безумие. Знаете про заблудившегося сталкера? Говорят, до сих пор бродит по подземельям, не в силах выбраться наружу. И бюреры - они из числа самых опасных созданий Зоны. Если приблизиться к бюреру вплотную, его без особого труда можно убить ножом, на расстоянии же не всегда спасает автомат.

- Не беспокойся насчет лабиринтов, сталкер, - произнес Стеценко. - Альваро, покажи-ка ему.

Камачо раскрыл свой компакт-компьютер и продемонстрировал мне. Поводил пальцем по сенсорной панели, и выведенная на монитор светящаяся план-схема поползла влево, вправо, вниз, вверх.

Мать моя конная армия! Это был подробнейший план катакомб Темной долины со всеми потайными ответвлениями и внутренними помещениями. План явно был военный, составленный еще до первого выброса, видимо, позаимствованный из какого-то секретного досье, - некоторые отмеченные на нем коридоры уже давно были уничтожены взрывами и обвалами. Однако в паре мест были обозначены довольно просторные коммуникационные тоннели, мне неизвестные, и я, прикинув реальное расположение катакомб, мысленно согласился, что входы в них вполне могут быть замаскированы в стенах. Интересно, надо будет потом исследовать вентиляцию. Весь северо-западный участок был мне незнаком вовсе - это царство бюреров, откуда редко кто выходил живым. Любопытно также было прочитать названия некоторых помещений, которые я знал пустыми и замусоренными, полуразрушенными, без оборудования и мебели - лаборатория, лаборатория, виварий, аппаратная, холодильник, снова лаборатория... Ну, как и следовало ожидать.

- Вон что... - произнес я, поднимая взгляд на Стеценко.

- Ага, - безмятежно произнес он. - Ты верно все определил, но сделал неправильные выводы, сталкер. Не нужны нам бюреры. И оружие массового поражения нам не нужно. Нам нужен законсервированный командный пункт этого бункера. Хемуль, Зона разрастается, ты прекрасно это знаешь, и это уже становится опасным. И что хуже всего, по нашим данным, Хозяева разрабатывают планы по созданию новых Зон. Им тесно в границах Чернобыля, они собираются спровоцировать взрывы на других атомных электростанциях Европы и России. В последнее время активность среди их агентов бешеная. И мы должны нанести удар первыми. Вот и все, что я могу тебе сказать.

Стеценко замолчал. Я тоже молчал, хотя у меня внутри уже закипало понемногу знакомое радостное предвкушение большой битвы.

- Вы представляете, как должен охраняться командный пункт Хозяев? - спросил я наконец.

- Не должен он охраняться, - возразил Стеценко. - Сами Хозяева располагаются где-то в районе Четвертого энергоблока, а это - просто дублирующий командный пункт, законсервированный военными перед отступлением. Скорее всего, они вообще про него не знают. Только оттуда мы можем выйти во внутреннюю лабораторную сеть, связанную с машинами Хозяев, и атаковать их сервер. Они контролируют Зону при помощи своих мощнейших экстрасенсорных способностей, но даже они нуждаются в компьютерном контроле технологических процессов на АЭС. Мы можем вызвать серьезный сбой в системах, которые генерируют аномальное поле Зоны, и тогда Хозяева окажутся беспомощными.

- Бюреры и мародеры уже давно разгромили и разграбили ваш командный пункт.

- Есть серьезная надежда, что это не так.

- И если АЭС функционирует до сих пор, а в контролирующих системах выйдет сбой, может получиться очередной взрыв. Мы все погибнем.

- Не исключено.

- Заманчивая перспектива, - вздохнул я.

Они по-прежнему смотрели на меня. Все, не исключая и Миши Пустельги.

Сделав приличествующую случаю паузу, я нехотя проговорил:

- Хорошо. Утраиваем сумму для меня и Хе-Хе и двинули. Ткните пальцем в карту, где этот ваш командный пункт.

Глава 16. Катакомбы

Внимательно изучив карту, я пришел к выводу, что все не так плохо, как я предполагал, но и не так хорошо, как хотелось бы. Конечная точка нашего маршрута располагалась ближе к центру лабиринта катакомб, но не так уж глубоко на территории бюреров. Пожалуй, шансы у нас имелись, и неплохие.

Переведя дух после бомбардировки, мы углубились в коридоры.

Военные ученые обустривались здесь капитально, надолго и с размахом. Бродяги, мародеры и бюреры вынесли отсюда все, что представляло хоть малейшую ценность, однако то, что

вынести не сумели, впечатляло. Высокие своды, перекрытые массивными бетонными плитами, внушительные залы с остатками переломанного оборудования, массивные железные клетки с крепкими прутьями, огромное количество толстых переплетенных кабелей, бегущих по стенам и свешивавшихся с потолка, – в свое время лаборатория явно пожирала бешеное количество энергии. Сейчас, впрочем, дармовой энергии было хоть отбавляй, но катакомбы все равно были мертвы. Мерцало по стенам аварийное освещение, лениво сочилась вода из трещин в углах. Время от времени с сухим шорохом осыпалась отслоившаяся штукатурка. Несколько раз мы наткнулись на обрывки тряпья и разбросанные кости.

– Ни к чему не прикасайтесь, – предупредил я. – Гриб-невидимка любит подвалы. При таком освещении вы его хрен разглядите.

Здесь приходилось быть осторожным вдвойне. Гравиконцентратные плешки не просто прятались на бетонном полу, их еще скрывал полумрак. Пылевые спирали птичьих каруселей тоже таились в тени. Приходилось на полную мощность использовать собственное чутье и интуицию.

Мы продвинулись без особых приключений уже довольно далеко, когда я вскинул руку, останавливая отряд. Мои ребята мигом замерли на месте, сохраняя полнейшее молчание: в катакомбах главным чувством для ведущего был слух. И слух меня не подвел – из-за угла впереди действительно доносились отдаленные невнятные звуки, похожие на бормотание бюроера.

Не опуская руки, я жестом послал Мишу вперед и, когда он целый и невредимый добрался до угла, присоединился к нему. Отсюда уже было слышно, что бормотание складывается в членораздельную человеческую речь. Встав на одно колено, я осторожно высунул голову из-за угла на высоте пояса: так было меньше шансов, что меня обнаружат.

Метрах в двадцати вполоборота ко мне стоял военный сталкер в камуфляжной форме. Форма была ему велика и болталась на нем мешком, голова была повязана грязной, насквозь пропитанной потом старой банданой. В одной руке он сжимал американскую автоматическую винтовку, в другой – гарнитуру от пристегнутой к поясу армейской радиации, в которую что-то бубнил.

Я внимательно присмотрелся к темной груди, лежавшей у него под ногами. Это был труп бродяги в защитном комплекте. Я не смог определить принадлежности его к какому-либо клану – мне были видны только его ноги. Труп не был свежим, бюроеры уже успели над ним поработать: из его правой распоротой штанины торчала окруженная кровавым месивом голая кость.

Ощувив позади едва уловимое перемещение воздуха, я понял, что любопытный Миша с опаской выглядывает из-за моей спины. Сейчас я мог бы не глядя, одним движением локтя разбить ему нос – ничего, это не страшно, некоторым любознательным личностям их вообще отрывают. Однако он непременно заголосил бы, а это нам сейчас ни к чему. Да и сталкер стоял под лампой, а мы находились в тени, так что вряд ли он мог нас засечь. Так что Пустельга продолжал молча глазеть, даже не подозревая, какой опасности избежал.

– «Сокол», я «Кречет»! – плачущим голосом повторял военный сталкер в микрофон. – «Сокол», я «Кречет»! Нас атаковали! Поднимайте вертолеты!..

Зря он это делал. На такой глубине ПДА бесполезны – мощные бетонные перекрытия и внушительный слой грунта над головой надежно экранируют сигнал. Значит, и армейская радиация не могла ловить частоту. А кроме того, с гарнитуры, которую он подносил ко рту, свисал,

болтаясь в воздухе, закрученный шнур длиной сантиметров двадцать – ни к чему не присоединенный.

– Они пожирают нас заживо!.. – Человек сорвался на хриплый крик и простуженно закашлялся.

Это была одна из легенд Зоны, призрак заблудившегося сталкера. Он бродил по подземельям Темной долины с тех пор, как военные сталкеры попытались однажды углубиться в лабиринт подземных ходов и едва сумели выбраться на поверхность, оставив внизу три четверти личного состава. Кроме него из оставшихся внизу не уцелел никто. И он сам – непонятно, сумел ли выжить или лишь его мертвая оболочка продолжала бесцельно блуждать по этим каменным казематам, полагая, что ищет выход наверх. Его бессвязные выкрики и кашель, далеко разносившиеся по гулким тоннелям, нервировали спускавшихся в катакомбы сталкеров уже несколько лет. Заслышав людей, он либо начинал стрелять в них, либо без оглядки удирал в лабиринт. Непонятно, откуда он брал здесь патроны. Впрочем, вон он, ответ, лежит в середине коридора. Патроны сюда приносят сталкеры, после смерти которых боеприпасы остаются бесхозными. Да и бюреры стаскивают на свои походные алтари всякую дрянь, которую находят в Темной долине, в том числе патроны, которые воруют из схронов. Новую одежду взамен истлевшей он, предположим, тоже снимает с трупов. Но все равно непонятно, чем он тут питается столько времени? Не бюрерами же. Нет, заблудившийся сталкер – наверняка призрак.

Он наклонился над трупом, и меня вдруг осенило – за мгновение до того, как безумец опустился на колени и вытащил из-за голенища армейского ботинка нож.

Чем питаются все прочие обитатели Зоны, кроме людей?..

– Бюреры... – всхлипнул военный сталкер, аккуратно пластая ногу своего бывшего коллеги, привычными движениями срезая с нее тонкие, прозрачные ломти мяса, словно профессиональный японский повар, приготавливающий сашими. – Проклятые пожиратели падали... – всхлипнул он, засунув один из ломтиков в рот и принявшись тщательно его пережевывать.

Миша Пустельга издал короткий горловой звук. Безумный военный сталкер рывком вскинул голову, прислушиваясь, потом вскочил, переводя «М-16» в боевое положение.

– Бюреры! – выкрикнул он, выпустив в нашу сторону длинную очередь. – Выходите, твари!

Мы едва успели убрать головы – пули защелкали по торцевой стене коридора, отбивая от нее кусочки бетона. Заискрился перебитый кабель.

Выпустив по нам половину магазина, безумец затих. Я напряженно вслушивался в пространство, но в тоннеле за углом не было слышно ни звука. Не думаю, что человек мог бы бесшумно подкрасться к нам по залитому водой и покрытому мусором полу, но полное отсутствие звуков все равно действовало на нервы. Невольно закралось в душу подозрение, что это действительно призрак и сейчас он, беззвучно шагая по воздуху и вздернув свою винтовку, вывернет нам навстречу из стены тоннеля. Вот вроде бы плеснуло что-то вдаль, вот снова – еще дальше. Я уже готов был сам выкатиться из-за угла на разведку, когда услышал вдалеке раскатистый безумный вопль заблудившегося сталкера: бедолага решил отступить, на ходу оглашая тоннели боевым кличем.

Вообще-то встреча с заблудившимся сталкером, как и сообщение о смерти Семяцкого,

считается хорошей приметой. Почему-то там, где он бродит, никогда не бывает бюреров. То ли он их чем-то отпугивает, то ли еще что. Я даже готов поверить, что его безумие является священным в их религиозных взглядах, и потому они стараются с ним не встречаться. Черт его разберет. Легенды о том, что он непревзойденный стрелок и просто уничтожает всех телекинетиков на своем пути, на мой взгляд, смехотворны. Однако как-то же он выживал здесь все эти годы.

Миша все же получил свою плюху, даже целых две плюхи, и вынужден был признать, что получил за дело.

Остаток пути мы проделали без происшествий и вскоре достигли цели. Это была бетонная стена с вакуум-затвором посередине, не таким огромным, как на входе, но все-таки достаточно большим. Его, похоже, даже не пытались взрывать. Сенсорный пульт электронного замка, естественно, был выворочен с корнем и выпотрошен до основания, но охотники перенесли это стоически. Альваро при помощи своего компьютера тут же померил напряжение в торчащем из стены обрывке кабеля, деловито подключился к нему через какой-то хитрый разъем и начал колдовать над клавиатурой.

Вообще у меня сложилось впечатление, что как только мы добрались до точки назначения, я сразу отошел на второй план. Не то чтобы меня перестали замечать, но у каждого из моей команды тут же обнаружилось какое-нибудь важное дело, и лишь я стоял посреди всей этой кипучей деятельности дурак-дураком, ибо моя миссия пока была исчерпана.

Код к дверям подобрали почти сразу. Возможно, Альваро даже не подбирал его, а просто загрузил с компакт-компьютера – слишком быстро все произошло. Донахью с Галлахером разом навалились на металлический штурвал вакуум-затвора, крикнув, провернули его и деловито сдвинули в сторону протяжно заскрипевшую дверь. В лицо пахло затхлым. С открытием двери сработало какое-то реле, и внутри одна за другой начали загораться лампы дневного света. Стеценко тут же нырнул внутрь, опередив мой протестующий возглас, затем показался снаружи: все чисто.

Я сунулся за ним. Помещение оказалось не очень большим, размером примерно с две Динкины комнаты. У выхода был установлен обычный письменный стол, видимо, для секретаря-охранника. В центре помещения располагались сдвинутые вместе лабораторные столы, на которых громоздилось нечто бесформенное, массивное и угловатое, накрытое брезентом. На противоположной стене над большим экраном висели в ряд несколько циферблатов с непонятными обозначениями под каждым (если это были часы, в чем у меня почти не возникло сомнений, то все они давно стояли), под ними распласталась большая армейская эмблема, на которой сидел гриб-невидимка. Он настолько искусно изобразил на своей поверхности ту часть эмблемы, которую прикрыл собой, что мне даже пришлось напрячь зрение, чтобы убедиться, что я не ошибся. Вдоль стен выстроились высокие металлические шкафы с прозрачными дверями, за которыми виднелись перекрученные жгуты тонких кабелей и световодов, офисная оргтехника и какие-то картонные коробки, упакованные и готовые к отправке, – видимо, во время бегства военные просто бросили их тут, не успев забрать с собой. Я ковырнул ближайшую ко мне коробку, но Стеценко тут же коршуном метнулся ко мне и придавил ее сверху ладонью, не давая откинуть крышку: нельзя. Я равнодушно выпрямился: ну, нельзя так нельзя.

Через высокий порог шагнул Пустельга. На его обычно простодушном полудетском лице была нарисована такая озабоченная серьезность, что я даже не поверил своим глазам. Он устремился к столу, ухватил брезент за угол и рывком сдернул его на пол. Нашим глазам предстали четыре больших доисторических монитора, у которых торчали сзади огромные

электронные трубки, что выглядело крайне непривычно. На экранах блеснули тонкие поперечные полосы, после чего начала загружаться заставка «Windows» какой-то древней версии: Альваро снаружи продолжал манипулировать своим волшебным компактом.

Миша плюхнулся за ближайший компьютер, постучал по клавишам устаревшей кнопочной клавиатуры, остановив загрузку программной оболочки, и на экран вывалилось файловое дерево «Norton». Переводчик весь преобразился, стал сосредоточенным и деловым, все его движения стали скупыми и точными. Он явно попал в свою стихию. И если Стеценко действительно был полковником, то Пустельгу вполне можно было представить майором, начальником компьютерной службы этого командного поста.

Да нет, не может такого быть. Когда отсюда бежала армия, ему было не больше десяти лет. Впрочем, я бы уже ничему не удивился.

Мимо нас протиснулся Камачо, опустился за монитор напротив Миши, лицом к нам, что-то подключил к стационарному системному блоку под столом. Мне не было видно, что происходит у него на мониторе, но я не думаю, что картина отличалась от той, что была у Миши. Ребята готовились к атаке на сеть Хозяев Зоны.

Бесшумно подошли и встали за моей спиной Донахью и Галлахер. Я чуть повернул голову – затаив дыхание, они разглядывали происходящее на мониторе Пустельги. Не уверен, правда, что они что-нибудь в этом понимали, так же как и я: сверху вниз по нему стремительно бежали ряды цифр и непонятных символов.

– Сэм и Мартин, – проговорил я вполголоса, – организуйте боевое охранение. Если бюреры накроют нас тут, эта комната станет для нас склепом.

На всякий случай я пошел вместе с ними и лично поставил их в ключевых точках тоннеля: Донахью – метров через тридцать слева по коридору, где его пересекал другой тоннель, Галлахера – метрах в пятнадцати справа, где коридор сворачивал за угол. По дороге пояснил, что нужно отслеживать: любое перемещение мутагенных форм на датчике, любые звуки, похожие на детские голоса, смех или топот, любое движение предметов без видимых причин – стрелять вдоль коридора немедленно и не задумываясь.

Расставив посты, я вернулся на командный пункт. Здесь вроде бы ничего не изменилось: Камачо и Пустельга с сосредоточенным видом трудились над компьютерами, Стеценко стоял посреди комнаты и внимательно наблюдал за их действиями. Однако минуты через полторы Миша внезапно щелкнул пальцами левой руки, Альваро в ответ издал радостное «Йя-хха!».

– Взломали сетевую защиту, – не оборачиваясь, пояснил мне Стеценко. Камачо бросил на него короткий свирепый взгляд, и Андрей тут же заткнулся, чтобы не отвлекать хакеров. Теперь тишину командного пункта снова нарушали лишь гудение кулеров и непривычное щелканье пластмассовых клавиш.

Прошло еще полминуты, когда в помещении внезапно вырубился свет. Пронзительно запищали приборы батарейной защиты.

– Опа! – произнес Миша, не отрываясь от мерцающего в темноте монитора.

– Не нравится гадам, – пробурчал Камачо. – Бьют по площадям.

– Сколько эти штуки смогут поддерживать питание?

- Черт его знает. Военные должны были поставлять сюда все самое новое, но прошло столько лет, что это уже все равно седая древность. Больше чем на четверть часа я бы не рассчитывал.

- Понятно.

Тусклое красноватое освещение разорвало крошечную тьму. Пронзительный писк прекратился.

- Аварийный генератор, - произнес Стеценко.

- Живем, - отозвался Пустельга.

- Я потерял резервный канал, - сообщил Камачо.

- Фигня, - жизнерадостно сказал Миша. - Прорвемся! Будь готов перехватить управление системой внешнего контроля по моему сигналу.

Переводчик, оказавшийся видным специалистом по электронному взлому и явно главной фигурой в их связке с Камачо, оживал прямо на глазах. Перед ним стояла невероятно сложная и увлекательная задача, и это постепенно приводило его в наилучшее расположение духа. Часть задачи они с Альваро уже решили и теперь явно выходили на финишную прямую.

- Закурить бы, - вздохнул Пустельга.

Я шагнул к нему, доставая из кармана полупустую пачку сигарет, но он нетерпеливо мотнул белобрысой головой: не мешай!

Еще несколько минут прошли в напряженном ожидании. А потом через приоткрытый вакуумзатвор до нас донесся приглушенный треск автоматных выстрелов.

- Черт! - рявкнул Камачо. - Не успели!

- Работаем! - жестко распорядился Пустельга, не отрываясь от клавиатуры.

Ухватив Андрея за плечо, я выпихнул его наружу:

- И мы работаем!

Втроем, конечно, мы будем друг другу мешать, да и ни к чему там три ствола, если честно, но очень бы мне не хотелось, Андрюша, чтобы ты в критической ситуации заперся со своими драгоценными хакерами изнутри, дабы они непременно успели довести свое дело до конца, невзирая на прочие потери среди личного состава.

Отстреливался Донахью. Галлахер с вытянутым лицом смотрел в его сторону. Сэму явно хотелось броситься на поддержку шефу, но он понимал, что бросать свой пост не годится: тогда нам могут ударить в тыл.

Я сделал страшные глаза и ткнул в него пальцем: в коридор смотри, кретин! Галлахер тут же повернул башку в нужном направлении, а я следом за Стеценко рванул к Мартину.

Добравшись до перекрестка, который защищал Донахью, я бросился на пол и быстро перекатился к стрелку через открытое пространство. Что-то просвистело у меня над головой, и в дальнем конце перпендикулярного коридора с нашей стороны гулко ударило в стену нечто большое и тяжелое. Бюеры вели обстрел кирпичами или еще какой-то тяжелой хренью,

добытой в катакомбах. Андрей занял позицию с противоположной стороны проема, ближе к командному пункту.

Донахью, припав на одно колено, палил экономными очередями. «Двадцать два, – машинально произносил я, слушая грохот выстрелов, – двадцать два». Осторожно выглянув из-за угла, я быстро окинул взглядом поле боя. К моему удивлению, в коридоре валялось четыре или пять мертвых бюреров – отвратительных сморщенных карликов в бесформенных балахонах, расползающихся от ветхости. Увидеть столько трупов этих мерзких тварей за раз мне никогда не доводилось: они очень трусливы и осторожны, нападают всегда из-за угла, на расстоянии, и мигом прячутся, рассасываются по тоннелям, расползаются по трещинам и норам, едва только получают серьезный огневой отпор. Известны, конечно, случаи, когда ребятам удавалось накрыть и расстрелять целое гнездо карликов-телекинетиков, но чтобы бюреры атаковали вот так, в лоб, как псевдогиганты или русские солдаты в дурацких американских боевиках, – случай совершенно небывалый.

Пока я наблюдал, в коридор выскочили еще два бюрера и, угрожающе-комично размахивая руками, бросились в нашу сторону. Донахью и Стеценко сняли их короткими очередями примерно на полдороге. Из-за того же поворота внезапно вынырнула глыба спекшегося шлака размером с небольшой арбуз, развернулась и резко метнулась в нашу сторону, словно выпущенная из пращи. Я едва успел убрать голову – глыба просвистела мимо нас и с грохотом разбилась о противоположную стену, осыпав нас осколками и песком не хуже противопехотной гранаты.

– Что делают, черти! – восхищенно рявкнул Стеценко.

– Это они пока только разминаются, – проворчал я.

Внезапно легкий дробный топоток донесся из-за спины. Резко развернувшись, я увидел в противоположном конце тоннеля, рассеченного надвое нашим коридором, еще двоих бюреров. Я быстро вскинул автомат, но в последнее мгновение он дернулся у меня в руках, словно кто-то невидимый ударил снизу по стволу, и очередь ушла в потолок.

Стеценко тоже развернулся, как на шарнире, и одиночным выстрелом разнес голову ближайшему карлику, который уже собирался впиться мне зубами в ногу. Второго я все же положил длинной очередью, хотя у меня и возникло впечатление, что она легла необычно зигзагообразно: казалось, в последний момент кто-то ухватился за ствол, сбивая прицел.

– Аккуратнее! – выкрикнул я. – Они пытаются воздействовать на оружие!

Издали у них это получалось не ахти, но чем ближе подбирается к тебе бюрер, тем более возрастает его телекинетическая сила.

Донахью уже лупил не переставая длинными очередями: на его направлении становилось жарко. Стеценко поддержал его огнем, я остался сторожить тыл, отстреливая выскакивавших время от времени из-за угла гостей.

– Патронов нам не хватит надолго! – рявкнул Донахью.

Я уже сам чувствовал, что ситуация складывается не в нашу пользу. Бюреры засыпали своими телами весь конец коридора, и теперь атакующим сперва приходилось взбираться на окровавленный бруствер, сложенный из трупов собратьев. Росла грудa мертвых тел и с моей стороны. Встревоженные взломом компьютерной сети Хозяева Зоны отследили источник

опасности и теперь остервенело гнали в бой всех бюреров, каких только нашли поблизости.

Галлахер нетерпеливо приплясывал на месте, поглядывая на нас.

- Надо отходить! - крикнул Стеценко.

Я прицелился в очередную гротескную фигуру в сером капюшоне, выпрыгнувшую из-за угла на моем направлении. Спусковой крючок больно врезался в палец, но выстрелов не последовало - бюрер усилием мысли заклинил затвор моего «калаша».

- Андрей, прикрой! - заорал я.

Стеценко развернулся и двумя очередями превратил противника в фарш. Чертыхаясь, я тряс автомат, но спусковой крючок не подавался: его держал на расстоянии другой бюрер.

- Отходим понемногу! - распорядился я и бросился к командному пункту.

За несколько шагов до вакуум-затвора ментальная сила телекинетика, неспособного контролировать предмет на таком расстоянии, упала наконец почти до нуля, и я сумел всадить пулю в потолок. Стеценко и Донахью в конце коридора плечом к плечу медленно пятились в мою сторону, плотным огнем разнося в клочья бюреров, с пронзительным верещанием выпрыгивавших на оставленную нами позицию.

Я сунул голову в щель вакуум-затвора:

- Народ, что у вас?

- Пытаемся справиться... - сквозь зубы проговорил Пустельга.

- Все, некогда пытаться, надо уходить! Мы больше не можем их сдерживать! Через тридцать секунд вас здесь похоронят!

- Сейчас, сейчас... - пробормотал Миша, не отрываясь от монитора.

Я уже шагнул через порог, чтобы выволочь хакеров в коридор за шиворот, когда стрельба внезапно донеслась с противоположного направления. Я снова выпрыгнул в коридор. Стоя в проеме перпендикулярного тоннеля, Галлахер палил почти без перерыва. Каждая следующая его очередь была длиннее предыдущей.

А, черт. Похоже, нас взяли в клещи. Я бросился к нему. Прорываться вперед смысла не имеет, нас просто сомнут. Надо попытаться прорваться назад.

Выглянув в простреливаемый Сэмом коридор и поддержав американца огнем, я понял, что прорываться назад тоже бессмысленно.

Твари-телекинетики перли на нас неудержимо, как волна цунами. При стрельбе можно было не целиться - каждая пуля все равно находила себе жертву. Однако бюреров это не останавливало, они лезли вперед, поскользываясь на трупах собратьев, они захлестывали коридор, они неудержимо приближались, и единственное, на что хватало наших двух стволов, - это несколько задержать их неумолимое продвижение.

- Назад! - скомандовал я.

Мы отступили шагов на семь, когда орущая, скалящаяся, копошащаяся масса кровожадных

карликов выхлестнула из-за угла. Мы встретили ее дождем свинца, однако внезапно автомат Галлахера захлебнулся и умолк. Затворная рама моего «калаша» после очередного выстрела осталась в крайнем положении, словно вышла из строя пружина, а магазин вдруг выщелкнулся из цевья, и я едва успел его подхватить.

Никаких команд больше не требовалось: мы с Сэмом разом развернулись и бросились к командному пункту.

Стеценко уже был внутри, а Донахью стоял, одной ногой перешагнув через высокий металлический порожек помещения, и продолжал отстреливать нападающих с его конца коридора маленьких тварей.

- Сэм! - крикнул он.

Галлахер уже был возле командного пункта. Донахью исчез внутри, и в этот момент вакуум-затвор внезапно начал задвигаться.

- Стеценко, подожди! - яростно взревел я.

Сэм бросился в стремительно сужающуюся щель и тоже оказался внутри. Теперь этот трюк надо было проделать мне. Круглая форма дверного проема и высокий порог создавали дополнительные сложности: нужно было ухитриться скользнуть между стеной и наползающим вакуум-затвором так, чтобы ничего не задеть, потому что если я зацеплюсь чем-нибудь и замешкаюсь хоть на секунду, меня разрежет пополам тяжелым люком.

Я боком скользнул в щель, ставшую уже совсем смехотворной. Впрочем, у меня был шанс, у меня был отличный шанс проскользнуть внутрь прежде, чем массивная круглая дверь встанет на место. Однако в последний момент я ощутил, что едва могу двигаться вперед, словно пространство вокруг меня сгустилось до консистенции жвачки. Бюреры остановили меня при помощи ментального поля.

Яростно рванувшись, я отыграл еще пару сантиметров, но это было даже не смешно. В последние предсмертные мгновения сознание внезапно заработало с невероятной скоростью, вакуум-затвор словно замедлился и теперь наползал на меня со скоростью улитки, а я оторопело смотрел на него, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, и только медленно, страшно медленно продавливал себя внутрь, в помещение, стремясь уйти от нацеленного на меня ребра огромной металлической монеты, грозящей стереть меня в порошок, и понимал уже, что мне никак не успеть, что вот сейчас время снова рванется вперед и меня с чавканьем размажет о стену, что еще несколько мгновений жизни, которые подарили мне резервы сознания, - и все, наступит Вечная Тьма и кто его знает что еще... вряд ли я попаду в рай. Мне не было жалко своей дурацкой жизни, мне не было страшно умирать - но меня мутило при мысли о том, куда я могу попасть, умерев в Зоне.

- Хемуль! - донесся до меня вопль Стеценко, и я понял, что на самом деле время все еще течет нормально. Просто мы с вакуум-затвором застряли в пространстве, как мухи в меду.

Нет, прав был Стеценко, заранее начав закрывать шлюзы. Задраенный вакуум-затвор карлика едва ли удалось бы сдвинуть с места. А вот пока он еще двигался, пока оставалась еще малейшая щель, их сил вполне хватало на то, чтобы замедлить его движение.

Похоже, бюреры никак не могли решить, чего им больше хочется: выволочь меня наружу или открыть люк. Поэтому они продолжали распылять свои силы на два действия одновременно. В

коридоре слышались возня, толкотня и возбужденное бормотание десятков маленьких тварей. Однако в конце концов они пришли к выводу, что надо остановиться на чем-нибудь одном, иначе ничего не выйдет. Удерживавшие меня невидимые упругие сети внезапно распались, и я, потеряв опору, полетел внутрь помещения. Зато щель в дверном проеме немного расширилась. Дрогнув, вакуум-затвор начал понемногу сдвигаться в сторону. Стали видны блестящие, словно крысиные, глаза карликов, заглядывавших снаружи в комнату. Кто-то из них сунул в щель руку, словно пытаясь еще и физически отодвинуть нашу массивную дверь.

- Сталкер! - снова крикнул Стеценко. Я привстал с пола и перехватил в воздухе автомат, который он бросил мне с противоположного конца комнаты.

Сунув ствол «калаша» в щель, я поспешно выжал спусковой крючок. Надо было для порядку предварительно сказать что-нибудь красивое, как в американском боевике, например: «Сожрите это, сволочи!» или «Аста ла виста, бэби!» Но я решил этого не делать, чтобы у бюреров не осталось времени заклинить мое оружие.

Раздался оглушительный визг, перекрывший даже шум выстрелов, во все стороны полетели куски тел, заляпавших все стены коридора, и вакуум-затвор внезапно со страшным грохотом встал на место, срубив по дороге пальцы незадачливого бюрера, который любил совать руки, куда слепая собака хрен не сунет. Я едва успел выдернуть ствол автомата из щели - скорее всего, его тоже срезало бы к чертям, но тут уже ничего нельзя гарантировать. Он вполне мог заклинить люк.

Я без сил повалился на пол, а Стеценко с Донахью навалились на штурвал механического запорного устройства и начали поспешно вращать его на тот случай, если опять отключат электричество и автоматический замок перестанет работать.

Глава 17. Каземат

Ситуация сложилась патовая. Теперь бюреры добраться до нас не могли, но в нашем распоряжении находилось только это не очень большое помещение.

Миша с Альваро продолжали напряженно работать - судя по всему, взлом охранной системы еще не означал окончательной победы над противником. Они делали то, ради чего пришли сюда, ради чего рисковали своими жизнями. Подумать о том, что все мы обречены на смерть, они успеют чуть позже, когда крайне важная работа будет выполнена.

Камачо отреагировал на произошедшее только одной репликой:

- Компакт-компьютер остался снаружи.

- Можешь с ним попрощаться, - заверил я.

- Долго эти твари будут там сидеть? - мрачно осведомился Стеценко.

Я пожал плечами. Никто не знает, как долго могут осаждать нас бюреры. Они вполне способны встать табором в коридоре напротив нашего помещения и жить там пару месяцев. И уж тем более в сложившейся ситуации, когда им не терпится добраться до нас не из упрямства, а по приказу Хозяев.

Смешно, подумал я. Ситуация патовая, при этом у каждой стороны имеются свои плюсы,

которые, впрочем, не позволяют выиграть партию. Бюреры способны нас пересидеть и, следовательно, умертвить, рано или поздно, тем или иным способом – либо уничтожить при помощи телекинеза, если мы пойдем на прорыв, либо уморить голодом. Однако они не способны помешать нам продолжать разрушительную деятельность в сети Хозяев. Если только...

Я с сомнением посмотрел на системный блок Миши. А как они подключены к системе? Где проложены провода? Что, если Хозяева догадаются просто их перерезать? Что, если сейчас десятки бюреров уже долбят бетон, чтобы добраться до нужного кабеля?..

Я перевел взгляд на согнутую Мишину спину. Нет, если бы ребята потеряли канал, они бы занервничали. Будем надеяться на лучшее.

- Что у нас с ресурсами? – поинтересовался я вполголоса. – Надолго хватит?

- Генератор рассчитан суток на двое, – отозвался Стеценко. – И потом его еще можно заправлять, но у нас нечем.

- Воздуха нам на двое суток точно не хватит, – резонно заметил я.

- Эге. Верно.

Стеценко снова шагнул к небольшому пульта на секретарском столе и что-то переключил. Под потолком зашелестел невидимый воздухозаборник.

- Ну, уже легче, – констатировал я. – Вода, какая-нибудь еда?

- Да какая еще еда! Это же законсервированный объект!

- Ясно.

Я вдруг остро ощутил, что мы находимся внутри наглухо запечатанной бетонной коробки, выхода из которой нет, и меня передернуло. Клаустрофобия, мать его...

В коридоре стоял несмолкаемый гвалт бюреров, который едва-едва просачивался через стену. Внезапно штурвал запорного механизма дернулся. Донахью рывком поднял голову.

- Они не смогут открыть дверь? – поинтересовался он.

- Кишка тонка, – ответил я. – Ментальная сила бюрера чуть меньше физической силы обычного человека. Смогли бы, допустим, три десятка человек, навалившись разом, открыть вакуум-затвор?

- Вряд ли, – согласился Мартин. – Но три десятка человек не смогли бы ухватиться за него все вместе, они бы просто мешали друг другу. А бюреры способны воздействовать на дверь на расстоянии. Если они возьмутся за дело слаженно?

- У бюреров есть определенный радиус действия ментального поля, – пояснил я. – У кого-то больший, у кого-то меньший. С увеличением расстояния поле ослабевает и в конце концов сходит на нет. Так что все равно им придется расположиться в непосредственной близости от командного пункта. Ну, хорошо: пусть не три десятка бюреров смогут одновременно вцепиться в вакуум-затвор, пусть их будет даже семь десятков. Нет, не сумеют.

Тихо скрипнув, затворный штурвал начал медленно проворачиваться.

- Черт! - вскрикнул Донахью, вместе с Галлахером бросаясь к дверям.

- Расслабьтесь, ребята, - хладнокровно произнес Стеценко. - У штурвала есть холостой ход - полоборота в ту и в другую сторону. Дальше они его не повернут.

Действительно, штурвал двигался ровно полоборота, после чего заклинился намертво. Потом пополз в обратную сторону - и с тем же результатом.

На некоторое время нас оставили в покое - видимо, противник проводил импровизированный военный совет. Потом в дверь начали колотить с грохотом, словно огромным бревном - размеренно, тяжело, с оттяжкой: бам-м-м! бам-м-м! бам-м-м!.. Вряд ли в подземельях реально нашлось что-то столь большое и массивное, но бюеры вполне могли лупить в вакуум-затвор направленными коллективными телекинетическими ударами.

Прошло еще несколько минут. Мы с охотниками сидели возле столов с компьютерами на секретных картонных коробках, наблюдая за работой хакеров-диверсантов. Тяжелые размеренные удары в дверь не прекращались. С потолка сыпалась побелка, освещение то и дело начинало моргать.

- А ведь пробьют, - шепотом сказал Стеценко.

- Хрена, - отозвался я. - Разве что будут целенаправленно долбить сутки. Мы раньше с ума сойдем от грохота.

- Альваро, не там, - проговорил Миша, не отрываясь от монитора. - Выше по схеме.

Камачо хмыкнул. Они оба колотили по клавиатуре с такой скоростью, что в помещении стоял пулеметный треск.

- Альваро, нет! - резко произнес Пустельга.

На некоторое время опять воцарилось молчание. Клавиши дробно щелкали под пальцами хакеров.

- Миша, у меня нет времени тебя уговаривать, - внезапно произнес Камачо. - Дэмнд!

- Хватит, Альваро.

- Верни доступ.

- Прекрати. Не делай этого.

- Открой канал, говорю.

- Пошел к черту! Что с тобой?

- Ладно.

Звук одиночного выстрела сухо треснул в замкнутом пространстве, и Миша Пустельга молча нырнул лицом в клавиатуру. Я ошарашенно уставился на Камачо. В левой руке у него дымился пистолет, который теперь был направлен в нашу сторону, правая продолжала порхать по клавиатуре. Одним глазом Камачо смотрел в монитор, другим пытался косить на нас.

- Ватс хаппенд? - вскочив, сухо осведомился Донахью. Он не потерял самообладания, только

скулы его резко обозначились на вмиг ставшем напряженным и хищным лице. Господин миллионер умел сохранять хладнокровие в самых критических ситуациях.

Альваро заговорил по-английски – нервно, торопливо, сбивчиво. Донахью снова что-то спросил, но на этот раз Камачо промолчал – судя по всему, разговоры отвлекали его от работы. На мгновение он замер, уставившись на дисплей – видимо, оценивал проделанное или ожидал, когда сработает введенный программный код, – затем его пальцы снова замелькали над клавишами.

Что-то проговорил по-английски Стеценко, и Камачо злобно фыркнул. Похоже, я один тут не врубался, что происходит. Определенно, в качестве переводчика Миша Пустельга, пусть ему хорошо ложится, был в этой компании лишним. Однако надо же было как-то залегендировать юного компьютерного гения спецслужб.

Одно я понимал четко: это не работа контролера. Не лазают контролеры по катакомбам, берегут свое драгоценное здоровье, опасаются бюреров. Просто у нашего приятеля-латиноса окончательно сдали нервы... или на самом деле не такой уж он нам и приятель, как казалось вначале.

Камачо снова что-то произнес. В его работе наступила пауза, но он по-прежнему одним глазом смотрел в экран: по-видимому, происходила загрузка каких-то данных. Затем опять вступил Стеценко; он говорил мягко, вкрадчиво, доверительно, максимально искренне, делая особые ударения на ключевых словах, – точно так же, как со мной у входа в эти чертовы катакомбы. Наверняка их в спецслужбах обучают основам вербального гипноза. Нас вот в армейской разведке, к примеру, обучали по верхам. Камачо грубо прервал Андрея, посоветовав заткнуться; это было понятно и без перевода. Вполголоса рявкнул Сэм, но Донахью придержал его за предплечье. Я ощущал, что Галлахер готов броситься на предателя Камачо и разорвать его в клочья. Что угодно ставлю, что однажды неугомонному Сэму в подобной ситуации таки достанется первая пуля. Если, конечно, ему повезет выбраться живым из Зоны, где он уже не в первый раз оказывается на волосок от смерти. Удивительно, как он еще по земле ходит с таким уникальным умением попадать в смертельно опасные ситуации. Хотя, с другой стороны, и везет ему в них несказанно – практически как мне. Ведь жив до сих пор, хотя трижды уже положено было ему за сегодняшний безумный день стать кормом для мутантов.

Черт, если бы вместо Донахью рядом со мной стоял Патогеныч, вместо Стеценко – Муха, а вместо Галлахера рвался с привязи бешеный Енот, я бы рискнул отвлечь внимание Камачо, и мои коллеги мигом бы его скрутили. Возможно, кому-то из нас при этом досталась бы пуля – ну что ж, значит, карма. Самый большой шанс поймать пулю был бы у меня, но я бы, пожалуй, рискнул. Однако с американскими экстремальными туристами проворачивать такой трюк было чистым самоубийством. Не тот уровень взаимопонимания. Коллеги сразу смекнули бы, что я затеял, и мгновенно сообразили бы, как действовать, а вот от ошарашенных туристов я мог получить вместо поддержки только недоуменные взгляды, и Камачо успел бы сделать во мне дырку, пожалуй, что и не одну. Ну вас к черту, ребята, сами разбирайтесь в той куче дерьма, которую вы тут навалили.

Камачо хлопнул по кнопке «Enter» и вскочил из-за стола – загрузка была закончена. Снова что-то заговорил – быстро, напористо, пистолет нервно гулял в его руке. Я обратил внимание, что дуло пистолета теперь направлено точно на Стеценко, а Донахью с Галлахером машинально подались от него в обе стороны. Андрей попытался что-то возразить, но Камачо снова оборвал его. Заговорил Донахью, снова Камачо, снова Донахью. И снова Камачо.

Сэм и Мартин разошлись еще дальше, оставив Андрея одного на середине комнаты. С изумлением я увидел, как подался спусковой крючок пистолета под пальцем Альваро. Креол собирался пристрелить Стеценко, как слепую собаку!

В следующую секунду пространство вокруг нас тошнотворно содрогнулось. Это был выброс – именно так он ощущается, если застигнет тебя на открытом пространстве. В течение полуминуты необходимо найти какое-нибудь укрытие, желательно ниже уровня почвы, иначе кранты. После каждого выброса непременно пополняется число некрологов на моем ПДА. Однако на десятиметровой глубине, где мы находились сейчас, отголоски выброса чувствоваться не должны. Обычно достаточно простого подвала, чтобы обезопасить себя с гарантией. Даже глубоковакуумный боеприпас Акулей Пасты не смог пробить такую толщу грунта: как известно, в воздухе он захватывает гораздо больший радиус поражения, чем в твердых средах, плотная молекулярная решетка которых активно сопротивляется искажению. Тем не менее колебания выброса были налицо и хорошо ощутимы. Черный Сталкер, что же сейчас творится на поверхности, если мы ощущаем *это* на такой глубине?!

А потом земные недра сотряс тяжелый удар. Мы все полетели друг на друга. Камачо, так и не успевший спустить курок, с приглушенным проклятием оперся о стену рукой, чтобы не упасть, – и вдруг заорал от страшной боли, задергался, безуспешно пытаясь оторваться от армейской эмблемы под выстроившимися в ряд циферблатами.

Гриб-невидимка – крайне коварная дрянь. Скорее растение, чем животное, но растение весьма активное, как росянка. Идеально имитирует любую фактуру и рисунок поверхности, на которой сидит. Обнаружить его можно только по странным неестественным наростам и блямбам на поверхностях, которым по идее положено быть ровными.

Камачо захлебнулся воющим кровавым кашлем. Гриб быстро и деловито заглатывал его руку. Точнее, это только казалось: органика проваливающейся все глубже и глубже руки просто растворялась в толще невидимки под воздействием непрерывно выделяемого им едкого вещества, почти сразу превращаясь в грибную ткань. Прожорливость гриба удивительна – эта пакость размером с кошку может полностью поглотить взрослого человека, раздувшись при этом до размеров кухонного стола. Либо распластавшись тонким слоем на пяти-десяти квадратных метрах какой-нибудь поверхности – своде тоннеля, стене заброшенного здания или просто земле.

Донахью кинулся на помощь Камачо, но тот от страшной боли инстинктивно заклинил палец на спуске, и бетонная комната наполнилась грохотом выстрелов и визгом рикошетов. Я нырнул под стол, и пуля тут же с треском отколола от его угла кусок дерева. Остальные охотники тоже бросились на пол, уходя с линии огня. К тому моменту, как обойма опустела и механизм пистолета начал издавать лишь бессмысленные щелчки, рука креола уже была заглочена выше локтя. Альваро выл по-звериному, судорожно рвался в разные стороны, как попавшая в капкан лиса. Вскочив с пола, Донахью и Галлахер бросились ему на помощь.

– Не прикасайтесь к грибу! – заорал я. – Это как напалм: попадет на тело – не стряхнешь!

Камачо был обречен. Его можно было спасти, только отрубив руку по плечо. Отрубить руку было нечем, а даже если бы и было, вряд ли американцы правильно бы меня поняли. Они тянули приятеля изо всех сил, но гриб не собирался так легко отпустить свою добычу. Лицо Альваро стало совсем белым, глаза закатились. Кричать он перестал и только протяжно хрипел.

Наконец им удалось вырвать Камачо из пасти гриба. Разъеденный кислотой сустав плеча, до которого добралось к тому времени прожорливое полурастение, подался, кость вывернулась из сустава, и американцы попадали друг на друга. На измочаленные остатки правой руки креола было невозможно смотреть – в кошмарной ране пузырилась кислота, болтались обрывки сухожилий, торчала наружу суставная сумка. Кровь хлестала фонтаном. Донахью и Галлахер осторожно перевернули товарища на спину, уложили на пол, подсунули под голову свернутую куртку. На губах у него запеклась коричневая корка, бессмысленный взгляд был устремлен в потолок. Стеценко стоял у противоположного конца стола и сумрачно наблюдал за суетой вокруг человека, который только что едва не отправил его на тот свет. Сэм выволок откуда-то из ящика веревку и застыл, держа ее в руках: разумеется, наложить жгут было никак невозможно.

Донахью попытался укрыть переставшее вздрагивать тело Камачо своей курткой, потом приложил два пальца к сонной артерии, поднял взгляд на Галлахера и медленно потащил куртку выше, прикрывая лицо покойного. Болевой шок убил креола.

- Фак, – бессильно произнес Галлахер. – Фак майселф. Ш-ш-шит.

В дверь продолжали колотить – размеренно, размашисто, неторопливо.

- Черт! – Стеценко тяжело опустился на коробку. – Эта штука не сползет со стены?

- Нет, – проговорил я, не сводя глаз с американцев. – Она не умеет ползать.

Донахью сел на полу, привалился спиной к столу, глядя на накрытое курткой тело. Сказал:

- Не могу поверить. Просто не могу поверить. Хемуль, дай сигарету, а?

Я дал ему сигарету и зажигалку. Дождался, пока он затянется. Руки у Мартина ощутимо дрожали.

- Что он сказал? – поинтересовался я у него. Сейчас это было несколько жестоко, но необходимо было немедленно расставить все точки над «i». Краем глаза я наблюдал за Андреем, который неподвижно сидел за столом.

- Кто сказал?.. – Донахью поперхнулся дымом и закашлялся.

- Камачо. Чего он там вам объяснял? Я ни черта не понял.

Мартин подтянул колени к подбородку, исподлобья глянул в мою сторону. Еще раз затянулся, нехотя разлепил сухие губы:

- Сказал, что русские использовали нас втемную. Что на самом деле Пустельга нес коды, которые позволили бы Хозяевам Зоны получить доступ к дополнительным источникам энергии, давно заглушенным энергоблокам, и за счет этого резко расширить территорию. Русским с их империалистическими замашками выгоден хаос в сердце Украины, они вообще надеялись, что расширившаяся Зона накроет Киев и погибнет максимальное количество украинцев. К счастью, наше командование успело предупредить Альваро, и когда они с Мишей проникли в систему, он нейтрализовал нужные Хозяевам коды и запустил вредоносную программу. Возможно, Миша сам не знал, какие программы использует и к каким последствиям это приведет, но он заупрямился и перекрыл Альваро доступ к системе. И его пришлось убить, потому что была дорога каждая секунда и объясняться времени не было. Вот и все.

- Чушь, - осторожно сказал Стеценко. - Расширившаяся Зона в центре Украины - серьезная головная боль в первую очередь для России. Это Камачо использовали втемную, это он нес необходимые Хозяевам Зоны коды. И я очень сомневаюсь, что он сделал это по команде американцев. Кто-то в вашем Центре работает на Хозяев.

Вон оно что! Надо было Альваро говорить по-русски, может быть, остался бы жив. Может быть, тогда я предупредил бы его, что у него за спиной на стене сидит хищный гриб.

- Короче, опять патовая ситуация, - констатировал я. - Выяснить правду не представляется возможным. Каждый уверен в собственной правоте и подозревает другого в том, что он двойной агент.

- Но только это он убил моего напарника и хотел убить меня, а не я его, - поспешно вернул Стеценко, видимо, опасаясь, что американцы теперь непременно захотят, чтобы кто-нибудь ответил за смерть их приятеля.

- Мы понимаем, - тускло ответил Донахью. Да, он наверняка понимал, что в нашем нынешнем положении не время устраивать разборки. В случае конфликта я скорее всего встал бы на сторону Андрея. Да и, как ни крути, Камачо убил себя сам, Стеценко же не сделал для этого ничего.

Товарищ полковник привстал и приподнял голову Пустельги, до сих пор сидевшего за столом. Можно было этого и не делать - из затылка Миши был вырван изрядный кусок, и кровь залила всю клавиатуру. Входное пулевое отверстие во лбу выглядело поаккуратнее, но компьютерный гений все равно был мертвее мертвого. Мертвее Камачо.

- Альваро работал на Агентство национальной безопасности, - проговорил Мартин, глядя в стену остановившимся взглядом. - Давно, уже лет десять. Это был удачный симбиоз. Руководство закрывало глаза на его экстремальные вылазки, а мы время от времени выполняли некоторые поручения спецслужб в горячих регионах. А они позволяли нам избежать многих проблем со снаряжением и местной бюрократией. Идеальное прикрытие для спецслужб: всемирно известные путешественники! Кажется, Эдгар По говорил, что если хочешь надежно спрятать какую-нибудь вещь, положи ее на самое видное место. Кто мог предположить, что эти странные путешественники, бездельники и романтики связаны с Агентством безопасности Соединенных Штатов? Такие дела...

- Шпионы чертовы, - безнадежно произнес я, опускаясь за стол секретаря. - Кретины. Доигрались в свои игры? Боюсь, как бы нам вскоре не пришлось позавидовать этим ребятам, - я мотнул головой в направлении покойников. - Кстати, могли бы и больше денег предложить проводнику, раз уж связаны с разведкой и эта миссия была так вам важна.

- Слишком большая сумма вызвала бы ненужные подозрения, - пояснил Стеценко, присаживаясь за стол рядом с Мишей. Хорошо держится, отметил я. - Сам же сказал, что сафари было бы относительно безопасным. Нам необходимо было все сделать по-тихому. Среди сталкеров немало людей, работающих на Хозяев Зоны. Почти все они полагают, что сотрудничают со спецслужбами и разведками разных стран, с научными центрами и университетами, которые не желают афишировать свой интерес в Зоне. Однако на самом деле они работают по заданиям Хозяев, которые получают через посредников, порой через третьи или четвертые руки. Нас очень беспокоит возросшая на этой территории в последнее время активность. Аналитики опасаются, что коллективный разум Зоны рассматривает человеческую цивилизацию как угрозу своему существованию и готовится к крупномасштабной войне.

- И не без оснований рассматривает.
- Безусловно. Только первыми на нашу территорию проникли они, сделав Зону совершенно непригодной для жизни людей. Пойми, Хемуль, мы не нападаем, мы обороняемся.
- Ясно.
- Мы с тобой обороняемся, Хемуль. Именно мы с тобой. Не абстрактные мы, не лицемерный зажавшийся Запад и не имперская тоталитарная Россия. Мы с тобой, Хемуль. Человечество.
- Я сейчас зарыдаю.
- Кстати, что касается денег для проводника... Я думаю, исходя из случившихся форс-мажоров, плату вполне можно поднять еще. Допустим, удвоить последнюю цифру, а? Сафари получилось слишком опасным, и не по твоей вине, сталкер.
- Очень заманчиво. - Прищурившись, я посмотрел на него. Дурак ты, полковник. Пацан зеленый, хоть мы с тобой и одного возраста. Какое, к дьяволу, удвоить?! Нам бы до утра дожить, а ты все играешь в свои психологические игрушки, покупаешь мою лояльность. Дешево покупаешь. На тот свет я твои деньги не унесу.

Прошло полчаса. Бюреры осознали тщетность своих попыток продолбиться к нам через стену и бросили их, но гвалт из коридора по-прежнему просачивался в помещение. Мы сидели, заточенные в бетонном каземате - кто за столом, кто просто на полу, - и молчали, размышляя каждый о своем, готовые к длительной тоскливой осаде.

- Кто такие Хозяева Зоны? Это люди или инопланетяне какие-нибудь? - спросил я, когда молчать стало невмоготу.

- Когда-то они были людьми, - проговорил Стеценко. - Бывшие уголовники, смертники, которые вместо казни согласились участвовать в качестве материала в военных экспериментах по созданию коллективного разума... В общем, у нас очень мало информации. Несколько наших операций в Зоне были сорваны. Мы потеряли здесь восемь опытных агентов. Пока Хозяева переигрывают нас по всем статьям. Нам ни в коем случае нельзя было засветиться - слишком много игроков топчется на этом маленьком пяточке. Мы нашли общий язык с ЦРУ, поскольку наши интересы в принципе совпали, но не факт, что нашей экспедиции не ставит палки в колеса МОССАД, или террористический интернационал, или колумбийская мафия, или и те, и другие, и третьи, и еще четвертые, и пятые, и шестые. Слишком много интересов пересекается в этой точке пространства, слишком многих интересуют открывающиеся здесь возможности, а дыр в системе безопасности видимо-невидимо. Да и как им не быть, если Зона постоянно расползается и защитные линии приходится все время обновлять...

Я повернулся к Донахью, который устало прислонился к сейфу.

- Вы-то, ребята, какого черта ввязались в эти шпионские игры? - спросил я. - Камачо понятно, а вам зачем это понадобилось?

Донахью утомленно закрыл глаза.

- Мы решили, что это будет интересно и даже забавно.

- Ну и как оно - забавно? - ядовито осведомился я.

- Уже не очень. Но по-прежнему интересно.

- Хе-Хе – ваш агент? – снова обратился я к Андрею.

- Да, – ответил тот. – Это он настоятельно порекомендовал нам тебя.

Похоже, Стеценко решил, что честность в отношении меня – лучшая политика. Или, может быть, он не собирается оставлять меня в живых, если нам удастся выбраться из катакомб и дотянуть до Периметра?..

- Сука, – с сожалением произнес я. – Когда Доктор его вылечит, убью гниду.

Ну, правильно. Как Хе-Хе нежно, ненавязчиво подталкивал меня к Темной долине по заказу своих кураторов, старался сделать ее одним из первых мест, куда следует заглянуть. А я, дурак, полагал, что разрабатываю маршрут по собственному разумению, лишь изредка соглашаясь с его подсказками. Еще и злился, что он подсказывает вроде бы самоочевидные вещи. А ведь если бы не он, так бы я их и таскал по всей Зоне и в долину повел бы уже совсем под конец, как и вышло в конечном итоге. Им же это было не с руки: Зона – все-таки не парк для прогулок и даже не колумбийские джунгли, здесь может случиться что угодно. Оно и случилось – мы остались без Хе-Хе. Я уверен, что если бы мы добрались до Темной долины в полном составе, этот змей сумел бы затащить меня в подземные тоннели таким образом, что я так ни о чем бы и не догадался. Однако мой второй номер выбыл из игры, и осиротевшим охотникам пришлось неуклюже импровизировать на месте.

Вздыхнув, я поудобнее расположился за столом. Теперь нам оставалось только ждать.

Глава 18. Бюреры

Прошло уже несколько часов с тех пор, как погибли Пустельга и Камачо. Время тянулось тягостно и мучительно. Разговаривать больше не хотелось, к тому же американцы и Стеценко демонстративно старались не замечать друг друга.

- Тихо! – вдруг встрепнулся Андрей. – Слышите?

Да, я тоже обратил внимание: гвалт и возня за стеной вдруг усилились, затем начали удаляться, пока не смолкли совсем.

- Ушли или хитрят? – быстро поинтересовался Стеценко.

- Кто же их знает... – с сомнением проговорил я.

Я подошел к двери, приложил ухо к железному люку.

Ничего.

Бюреры – хреновые охотники, они не умеют таиться и выжидать, их всегда выдает негромкое бормотание, хихиканье и постоянная беготня. И если рядом ничего не слышно, то можно быть уверенным, что их рядом и нет. Впрочем, сегодня нельзя быть уверенным абсолютно ни в чем.

- Их мог прогнать выброс, – сказал я. – Видали, какой мощный был? Какие-нибудь излучения или инфразвук.

- И что? Попробуем выглянуть наружу?

Я окинул взглядом остатки своей команды. Американцы внимательно смотрели на меня. Стеценко смотрел на дверь.

- Здесь нам все равно верная смерть, - произнес я. - Прорываться надо по-любому. И лучше всего это делать, пока бюреров в окрестностях немного.

- Ясное дело, - отозвался Стеценко.

- Андрей, откручивай затвор, - распорядился я. - Нежно. Я выгляну наружу. По первому же знаку закрывай дверь ко всем чертям.

Стеценко уселся за пульт у дверей и отключил запирающую электронику. Вакуум-затвор дрогнул и слегка подался. Мы сделали небольшую паузу, но радостного верещания карликов снаружи так и не донеслось. Некоторое время я напряженно вслушивался в тишину, затем подал знак Галлахеру и Донахью откручивать затворный штурвал.

Вакуум-затвор дрогнул и пополз в сторону.

На всякий случай я сначала сунул в образовавшуюся щель ствол автомата. Никто не попытался вырвать его у меня из рук. Тогда я убрал автомат и высунул в коридор голову, быстро покрутил ею по сторонам. Похоже, карликов поблизости действительно не было. Противоположная стена была заляпана мутной кровью и брызгами мозгов. Трупов бюреров в коридоре не оказалось - собратья забрали их с собой либо сожрали на месте. Не в их привычках бросать столько дармового мяса.

Держа оружие наготове, я осторожно протиснулся в щель, прижался спиной к стене, стараясь периферическим зрением удерживать одновременно оба конца коридора. В коридоре было тихо, не угадывалось ни малейшего шевеления. И ладушки!

- Быстро! - зашипел я. - Скорее, пока они не вернулись!

Стеценко и Галлахер выскочили из бетонного sklepa как ошпаренные. Донахью высунул голову наружу и зашептал:

- Хемуль, я не могу оставить Альваро здесь! Его надо похоронить по-христиански!

- Слушай, сейчас нас тут всех похоронят! - вполголоса зарычал я. - Мартин, я все понимаю, но сейчас не время сопли размазывать!

Донахью сдался. Он, похоже, и сам понимал, что хватил лишнего, и выступил только для очистки собственной совести. Типа сделал все, что мог, но не сумел преодолеть обстоятельств. Для американцев такие психологические трюки почему-то очень важны.

Я повел остатки своей группы к другому выходу из катакомб - через тот, что засыпал Акуля Пасть, мы, разумеется, выйти уже не могли. Осторожно, перебежками, останавливаясь возле каждого дверного проема или перпендикулярного коридора, внимательно прислушиваясь, стараясь не выдать себя ни малейшим звуком, мы понемногу приближались к свободе. Бюреры словно разом провалились в преисподнюю. Я не мог поверить, я боялся поверить себе, что путь вверх открыт.

Правильно боялся. Луч моего фонаря внезапно уперся в наклонную стену из кусков бетона,

грунта и песка, намертво перегородившую тоннель. От последнего, особо мощного выброса просела почва, и в некоторых местах не выдержали даже мощные перекрытия бункера.

- Назад, - мрачно скомандовал я.

Мы вернулись к перекрестку и двинулись по перпендикулярному тоннелю. И через некоторое время снова уткнулись в свежую осыпь.

Знакомая волна удушья начала подниматься из глубины груди. Не имело значения, что лабиринт тоннелей был довольно обширным и просторным - похоже, мы оказались замурованы в нем заживо. Клаустрофобия снова стучалась в сознание.

Мотнув головой, я повел команду в обход. Тут столько коридоров, должен же быть хоть один выход на поверхность, засыпанный хотя бы наполовину... Я нервничал все сильнее и сильнее: мы все больше углублялись на незнакомую мне территорию, а карта катакомб осталась на компьютере Камачо, который утащили с собой карлики-клептоманы. Мы вполне могли заблудиться здесь и составить компанию безумному военному сталкеру.

Перед очередным тоннелем я помедлил. Нет, не туда. Черная пасть этого коридора слегка пугала меня, чего я не ощущал в других тоннелях. Значит, мы туда не пойдём. Все просто. Ощущение опасности в Зоне - чувство почти физическое и безошибочное - после нескольких ходок начинает работать как часы. Лучше ему доверять.

Я увел свою группу влево.

Однако через четверть часа поисков я убедился, что другого пути нет. Все прочие тоннели либо оказались завалены грунтом, либо обрывались тупиками и лабораторными помещениями. Несколько раз мы наткнулись на брошенные стоянки бюреров, большие комнаты, заваленные всяким мусором. Дышать в них не представлялось возможным - на полу по колено было засохшего дерьма. Наверное, именно поэтому общины карликов все время кочуют табором по катакомбам, периодически меняя места стоянок.

Снова остановившись перед пугающим коридором, я начал тщательно прислушиваться к тишине.

- Что, плохо? - поинтересовался Донахью.

- Тс-с-с! - оборвал я его.

Интересно, тот едва различимый шум впереди действительно похож на бормотание бюреров или это уже нервное?

Я снова перевел взгляд на Мартина:

- Плохо - это не то слово. Боюсь, там, впереди, - гнездо бюреров. Но у нас другой дороги нет. Запомните: первыми ни в коем случае не стрелять! Только при нападении. Если взрослых дома нет, у нас есть шанс проскочить без ущерба...

Мы медленно и осторожно двинулись вперед.

Мои опасения подтвердились самым блестящим образом. Бормотание усиливалось по мере того, как мы приближались к концу коридора. Помещение, которым заканчивался коридор,

было сквозным, это я помнил, приблизительно восстановив в голове карту. Но нам еще следовало как-то его миновать.

Я быстро окинул взглядом открывшийся перед нами зал. Это действительно было гнездо. Вдоль стен, в ворохах грязного тряпья и скомканной бумаги, сидели женщины-карлики с омерзительными голыми младенцами на руках, злобно сверкали на нас глазами, непрерывно что-то бормоча – то ли переговариваясь, то ли просто по привычке. Некоторые что-то жевали – похоже, трупы расстрелянных мной бюрерских мужиков пришили к стати. Детеныши постарше возились и кувыркались прямо среди мусора на полу. Воняло здесь, как в хлеву.

Посреди помещения у бюреров был установлен переносной алтарь, вокруг которого в завораживающем и живописном беспорядке были разложены различные предметы: старая крышка от колеса, пара проржавевших до основания автоматов, кислородный баллон, перевязанные шпагатом пачки бумаг, уже почти превратившиеся в труху, армейский ботинок, какой-то выпотрошенный до основания научный прибор. Эти и многие другие вещи были расположены по своим местам любовно и точно, словно расставленные рукой художника-авангардиста, их цепочки завивались спиралью вокруг алтаря и снова распадались на отдельные ручейки.

Похоже, все боеспособные бюреры внезапно покинули тоннели, срочно отправившись куда-то по приказу Хозяев. Нашлось, видимо, какое-то более важное задание, чем выколупывать нас из крепости. В гнезде остались только самки и детеныши, ментальная сила которых была сравнительно невелика.

И еще, что мне совсем не понравилось, – раненые.

Около десятка карликов, подстреленных нами в тоннелях, лежали в углу на полу. У некоторых были раздроблены конечности, одному пуля пробила голову. Завидев нас, они зашевелились, начали свирепо скалиться, бормоча что-то неразборчивое. Стеценко инстинктивно вздернул автомат.

- Нельзя стрелять, – одними губами произнес я.

- В чем дело? – поинтересовался Стеценко.

- Главный!

Огромный жирный бюрер сидел возле алтаря, привалившись к нему спиной. Он был на голову ниже меня, но соплеменникам должен был казаться гигантом. Его брюхо напоминало пивной бочонок, его мясистое лицо, видневшееся из-под нахлобученного капюшона, сплошь состояло из морщин и складок, словно печеное яблоко. Отвратительные вывернутые губы вяло шевелились, как два толстых бледных червя. Вожак этого клана бюреров был ранен – у него оказалось разворочено все плечо. И надо же: на правой руке не хватало трех пальцев, причем рана была совсем свежая. Вот кто сунул руку в вакуум-затвор, в безумной ярости пытаясь сдвинуть его. Вот кто вел в атаку ту визжащую, копошащуюся, отвратительно воняющую массу карликов, которую мы не сумели сдержать возле командного пункта.

Я поднял автомат, чуть задрал дуло вверх, демонстрируя, что в любой момент могу открыть огонь, но не собираюсь этого делать. Толстый карлик дышал тяжело, с присвистом, внимательно наблюдая за моими действиями злым взглядом. Он тоже не спешил атаковать, понимая, что силы равны и в случае столкновения не избежать серьезных потерь с обеих сторон.

Жестом велел ведомым соблюдать тишину, я осторожно, боком, не сводя глаз с главного

бюрера, двинулся через зал, перешагивая через ползающих детенышей и подозрительные ворохи тряпья, под которыми тоже могли спать твари. Следом за мной потянулась остальная команда. Ловушек можно было не опасаться: бюреры ни за что не встали бы здесь лагерем, если бы в помещении имелась хоть одна аномалия. Самки провожали нас настороженными взглядами, однако вожак сохранял хладнокровие, поэтому они тут же теряли к нам интерес, едва только мы проходили мимо.

В полном молчании мы медленно пересекли зал. Раненые мужики недовольно болботали в своем углу, но вожак не давал сигнала к атаке, и они были вынуждены подчиняться. Я уже собирался нырнуть в следующий тоннель, с облегчением оставив за спиной это крысиное гнездо, когда одна из мерзких сморщенных обезьянок, ползавших по полу, вдруг вцепилась ручонками в ботинок Донахью. Американец попытался аккуратно высвободиться, однако хватка у маленькой твари была, как у бульдога. Крошечный бюрер, еще более отвратительный от того, что его уродство не было скрыто под балахоном, висел на ноге Мартина и верещал что-то дурным голосом. Если бы дело происходило на одном из столичных вокзалов, не было бы сомнений, что он выпрашивает денег, а вот что ему понадобилось от Донахью здесь, так и осталось загадкой. Самки заволновались, начали приподниматься со своих мест. Оскалился вожак, быстро и яростно забормотал что-то. Сходство поведения общины бюреров с поведением обезьяньей стаи было поразительным.

Донахью начал паниковать. Он попытался стряхнуть детеныша с ноги, и наконец с грехом пополам ему это удалось. Крошечный карлик шлепнулся на жесткий пол и зашелся в крике. Общество возмущенно зашумело, несколько раненых воинов вскочили на ноги. Вожак внезапно издал хриплый вопль, вытянул вперед руку, и в голову Мартину полетел сорвавшийся с алтаря тяжелый армейский ящик из-под снарядов. Американец едва успел увернуться – ящик ударился углом о стену за его спиной и треснул сверху донизу.

Чуть согнув ноги в коленях, Галлахер полоснул по главному бюреру из автомата, и тут же зал словно взорвался бешеными воплями и мечущимися фигурами. Предметы с алтаря стеной ринулись на нас, точно их смахнула огромная невидимая рука. Донахью опрокинуло на пол потоком вещей; пока он пытался встать, ремень автомата сам собой соскочил с его шеи, и «калаш» шустро юркнул по полу в кучу мусора на противоположном конце зала. У Стеценко автомат просто вырвало из рук, не дав ему сделать ни одного выстрела. Меня обрушившаяся лавина предметов задела только краем, потому что я стоял почти у самого выхода, так что я остался на ногах, отделавшись несколькими синяками. Вскинув «калаш», я обстрелял лазарет бюреров, с удовлетворением наблюдая, как летят во все стороны кровавые ошметки тел. Мечущихся по залу самок, попадавших под выстрелы, отбрасывало далеко в стороны. Мелкие твари под ногами яростно верещали, я не глядя давил их черепа тяжелыми ботинками.

Долго воевать нам не дали. Первым умолк автомат Галлахера. Я видел, как яростно американец борется с невидимым противником за обладание оружием, не желая выпускать его из рук. Однако воля вожака бюреров была сильнее: Сэм зацепил его, но эта живучая тварь не желала умирать даже с пробитой в трех местах грудью. Хрустнула лучезапястная кость, зарычал от боли Галлахер, и его «калаш» вывалился на пол. Я перенес огонь на вожака, но мой автомат тут же захлебнулся и умолк. Ноги мои налились свинцом и словно приросли к полу; я дернулся пару раз и понял, что увяз крепко. Вожак бюреров – телекинетик высшего уровня, по силе он превосходит нескольких своих лучших воинов, вместе взятых. Стеценко и Донахью продолжали беспомощно барахтаться на полу, не в силах подняться на ноги, и я понял, что их тоже придавило.

Галлахер между тем продолжал извиваться и корчиться, вытянувшись во весь рост. Жилы на

его шее мучительно напряглись, на лице отразилось страдание. Казалось, что невидимый великан одновременно тянет его за голову и за ноги. Похоже, вожак решил наказать его за свои раны.

В бессильной ярости Донахью катался по полу, неспособный встать на ноги.

- Отпусти его, мразь! - заорал он.

Невидимая сила тянула Галлахера вверх, все выше и выше. Он уже касался пола только носками ботинок. Едва они оторвались от пола и Сэм оказался между небом и землей, его стало медленно и деловито выкручивать, словно мокрое белье.

Галлахер заорал. На пыльный пол упала его ковбойская шляпа, а на нее - первые капли крови. Ментальная сила бюрера продолжала беспощадно плющить и комкать его тело, словно пластилиновую куклу. Глаза американца неестественно вылезли из орбит, язык вывалился изо рта, крик превратился в хрип, когда его голова начала поворачиваться вокруг собственной оси под невозможным углом. Руки и ноги Сэма затрясло предсмертными судорогами.

Донахью в отчаянии молотил кулаками по полу. Потом быстро сунул руку в кармашек разгрузки и зажал в кулаке гранату.

- Мартин, нет! - заорал я. - Нет, твою мать!..

Донахью не слушал меня. Вырвав чеку, он широко размахнулся и навесом запустил гранатой в вожака - с тем расчетом, чтобы она упала позади него и взрыв зацепил лазарет бюреров. Разумеется, на середине пути граната замерла в воздухе, мгновение повисела словно в задумчивости, а потом метнулась в нашу сторону.

Я не мог упасть на пол, поэтому резко присел на корточки, прикрыв голову руками. К счастью, граната до нас не долетела - она была высталена на минимальное время и взорвалась в воздухе. По ушам ударило воздушной волной, и я покатился по полу - больше меня ничто не удерживало. Бездыханное тело Галлахера, изломанное и скрученное, рухнуло на пол, разбрызгивая кровь: похоже, вожака бюреров все-таки посеколо осколками. В клубах поднявшейся пыли невозможно было ничего разобрать.

Что-то сдетонировало в глубине помещения и рвануло еще раз с уханьем - возможно, это был кислородный баллон, а может быть, у бюреров где-то в районе алтаря лежал незамеченный мною боеприпас, утащенный с военного склада. От повторного сотрясения внезапно подался потолок, и вниз посыпался грунт вперемешку с кусками бетона. Донахью попытался подползти к Галлахеру, но прямо перед его носом рухнул массивный бетонный блок с торчащей во все стороны арматурой, размазав труп по полу. Нет, Сэма уже было не спасти.

Потом мы бежали по коридору не разбирая дороги, а за нами лениво катилось плотное облако бетонной пыли, выдавливая из тоннеля воздух. Позади нас с оглушительным грохотом обрушивались перекрытия, уже треснувшие после катастрофического последнего выброса, погребая под собой тела бюреров и Сэма. У нас теперь был один автомат на троих, мы снова несли неоправданные потери, и было совершенно непонятно, что ожидает нас в конце тоннеля.

Глава 19. Контролер

Нет, как ни странно, никто из нас не попал в мясорубку, нас не накрыло обрушивающимся

потолком и мы не остались бесконечно блуждать в лабиринтах катакомб военной лаборатории. Через четверть часа пути очередной коридор все-таки вывел нас к лестнице с раздолбанным вакуум-затвором наверху, через щель в котором мы и просочились – точнее, *высочились* – наружу.

На открытом пространстве было хорошо. Черт побери, вы даже не представляете, насколько хорошо было на открытом пространстве! Я только сейчас понял, что последние несколько часов дышал не в полную силу, как астматик, и только наверху сумел вдохнуть полной грудью.

Наверху было уже почти совсем темно, однако я сумел различить разбросанные вокруг трупы бюреров. Трупов было много, десятка полтора. А чуть поодаль лежали тела двоих людей в камуфляже. Один лежал на спине, раскинув руки крестом, и хотя голова его была разможена тяжелым булыжником, я сразу его узнал. Грека тяжело не узнать, слишком уж характерная внешность и огромный южный нос на пол-лица. Второго, который лежал ничком рядом с ним, мне пришлось перевернуть, хотя я уже и не сомневался, кого увижу. Я посветил ему в лицо фонариком. Синяк у него так и не сошел и теперь уже не сойдет никогда.

Неподалеку от входа обнаружился также компакт-компьютер Камачо – разбитый, изуродованный, с оторванной защитной крышкой. Я машинально поддел его ногой, и тут же из-под тела Грека донесся едва различимый электронный писк. Подойдя к трупу, я сдвинул его и вытащил из-под покойного точно такой же компакт. В общем-то, все уже было ясно, но я на всякий случай откинул крышку. На плоском мониторчике отображалась крупномасштабная карта местности, в которой мы сейчас находились. Я без труда обнаружил и вход в катакомбы, и мачту ЛЭП возле него. Взяв в руки компьютер Грека, я приблизился к компакт-Альваро и снова пнул его – и на мониторе у меня в руках вспыхнула красная точка, отметившая наше местоположение.

Захлопнув компакт, я без сил опустился на траву, не в состоянии больше сдерживать нервный смех. Остатки моей команды взирали на меня с мрачным недоумением.

– Они все время знали, где мы, – пояснил я, утирая выступившие от смеха слезы. – У Альваро был «жучок». И они знали, и Акулья Пасть. Вот почему во второй раз он так легко нашел нас в Зоне – возле самых катакомб.

– Я все равно не понимаю, почему он обстрелял нас, – глухо проговорил Стеценко. – Хотя, пожалуй, догадываюсь.

– Вот именно. Наверху узнали, что наша команда несет коды, необходимые Хозяевам, и нас решено было остановить любой ценой. А вредоносную программу потом принесла бы другая группа. – Я махнул рукой. – Мы, сталкеры, тоже постоянно используем новичков как пешек. А каково тебе, матерому зубру, в роли пешки? А, полковник?

– Значит, так было нужно, – мрачно произнес Стеценко. – Что, если бы меня пришил Камачо, было бы лучше?

– Не пришил ведь в итоге, – заметил я.

– Лучше бы пришил, – вздохнул Андрей. – А еще лучше, если бы нас всех разорвало глубоковакуумным зарядом у входа в катакомбы. Он все-таки успел слить коды для Хозяев в систему.

– Коды для Хозяев были у вас, – угрюмо проговорил Донахью. – Альваро разобрался в программировании.

- Миша тоже, - парировал Стеценко.

- Не знаю точно, что именно произошло после того, как Камачо загрузил программу, - проговорил я, - но в подземельях после этого определенно стало чище. А?

Стеценко промолчал.

Я бросил компакт на труп Грека. Эта же штука их и погубила. Когда мы спустились в катакомбы, сигнал наверняка пропал, а даже если и нет, они не решились сунуться за нами под землю. Они отправились к ближайшему выходу и устроили здесь засаду. А потом сигнал появился снова, но только компакт Камачо, с мясом вырванный из электронного замка у командного пункта, тащили уже бюреры. Когда Грек с незнакомцем поняли свою ошибку, было уже слишком поздно - силы оказались неравны. Теперь мы уже вряд ли узнаем, был ли незнакомец представителем конкурирующей фирмы. Скорее всего, отряд Грека он нанял для подстраховки нашей группы, а приказ на ее уничтожение получил уже в Зоне. Это вполне объясняет, почему они следовали за нами, стараясь не попадаться на глаза, и как в компьютере Камачо оказался «жучок»: его посадили туда свои же техники из АНБ, а потом выдали Альваро этот компакт в качестве спецоборудования.

Впрочем, была еще история с темными сталкерами. Вряд ли они поверили бы на слово шпаку, впервые появившемуся в Зоне. Значит, незнакомец с синяком имел какие-то реальные доказательства своей связи с Хозяевами. Но если он был агентом противника, тогда как он узнал про «жучок» Камачо, если не имел доступа к его оборудованию и данным по операции?.. Это была жутко запутанная история, и по всему выходило, что две противоборствующие группировки соседствовали под крышей одной и той же спецслужбы. В операции, впрочем, были задействованы службы безопасности двух не вполне дружественных государств, но вряд ли одна из них целиком представляла интересы Хозяев. В такое я поверить не мог никак, хоть убейте. Скорее всего предатели, тайно работавшие на интересы Зоны, имелись в обеих разведках. В результате и заварилась эта чудовищная каша, в которой исполнители раз за разом получали приказы, в корне противоречившие предыдущим. При этом полной информации о том, что конкретно происходит и кто именно несет необходимые каждой из сторон программы, не имел ни один из противников.

Судя по лицу Стеценко, у него в голове сейчас происходила похожая аналитическая работа, и ее результаты товарищу полковнику совсем не нравились.

Меня отвлек вызов ПДА. Вообще-то, браслет едва заметно вибрировал с того самого момента, как мы поднялись из катакомб, - видимо, накопились неотмеченные вызовы. Но у меня были более важные дела, чем разбираться с почтой.

Вызовов оказалось четыре, все от Хе-Хе, все одинакового содержания:

«Хемвль, вы где? Со мной все в порядке, двржусь к Пеоиметру. У меня джип Доктора. Отзвись!»

Хе-Хе сейчас должен был лежать под капельницей в реанимации у Доктора, а не разъезжать по Зоне на его джипе. В свете только что открывшихся обстоятельств логично было бы предположить, что это очередная подстава и нам готовят очередной удар с воздуха или обстрел из засады, посылая письма с ПДА моего напарника, чтобы уточнить наши координаты. Однако в послании был скрыт специальный код опознавания «свой-чужой». При написании писем мы с помощником специально допускали орфографические ошибки, которые можно

было принять за опечатки при поспешном наборе текста. Прочитанные по очереди, эти ошибки должны были складываться в какой-либо осмысленный пароль. С утра мы договорились, что сегодня таким паролем будет «ворон».

Итак, это был настоящий Хе-Хе. Но он тоже был агентом спецслужб. Мог он получить от руководства приказ ликвидировать нас? Да запросто.

Я еще некоторое время прикидывал все «за» и «против» и наконец решил ответить. Транспорт нам бы сейчас очень не помешал: возвращаться пешком в Чернобыль-4 – абсолютное самоубийство, в темноте даже я не распознаю свежие ловушки, возникшие после мощного выброса. Ночевать в Темной долине – самоубийство менее верное, но тоже достаточно эффективное. Ну, а если у Хе-Хе какие-то дополнительные планы насчет нас – что ж, сразимся. Мы все снова были вооружены: Стеценко достался «калаш» Грека, а Донахью – «М-16» незнакомца. Похоже, клептоманы-бюеры покидали подземелья в страшной спешке: они не утащили ни оружие, ни компакт-компьютеры.

Минут через десять из непрекращающегося шума листвы выделился отдаленный звук мотора. Незадачливые разведчики, сидевшие на камнях возле входа в катакомбы, подняли головы. В переплетении ветвей вдали замелькал свет фар, и вскоре из-за рожи вырuling армейский джип без опознавательных знаков.

- Здорово, бродяги! – рявкнул Хе-Хе, выглядывая из кабины.

Выглядел он достаточно бодро, однако нездорово бледное лицо и болезненно расширенные зрачки демонстрировали, что бодрость эта вызвана искусственными стимуляторами. Куртка в районе груди слегка оттопыривалась – на то место, куда его ударила гигантская псевдоплоть, была наложена тугая повязка.

- Виделись, – сдержанно произнес я. – Каким судьбами, Хе-Хе?

- Доктор выгнал! Привел в себя, вкатил лошадиную дозу стимулятора, а потом выгнал. Сказал, что происходит нечто серьезное и ему надо срочно переговорить по этому поводу с Черным Сталкером. Мне, дескать, опасно оставаться у него в доме в его отсутствие и вообще в Зоне, поэтому лучше срочно валить на все четыре стороны, а в течение двадцати четырех часов показаться нормальному врачу. Хе-хе! Он даже предоставил мне транспорт. Потом, говорит, сочтемся как-нибудь...

Пошвыряв окурки в траву, мы полезли в машину.

- А где остальные? – осведомился Хе-Хе.

- Никого больше не будет, – лаконично пояснил я, забираясь на переднее сиденье. – Пусть им хорошо лежится.

- Ясно. – Хе-Хе начал выкруливать на дорогу. Помолчал. – Хемуль, Доктор сказал, что вы меня перли к нему через все Болото. Я опять у тебя в долгу.

- Сочтемся. Отплатишь хабаром.

Мы медленно двигались по заросшей проселочной дороге, аккуратно огибая стоявшие по обочинам или прямо на середине проезжей части ветхие остовы БТРов. После первого выброса сюда с перепугу ввели войска, думали, Россия применила какое-то секретное оружие и под

шумок пытается аннексировать территорию. Этот мотострелковый батальон остался тут весь – здесь в то время было одно из самых горячих мест Зоны.

– Ты в курсе вообще, что происходит? – поинтересовался я. – Полез в новости, но сталкерскую сеть, похоже, отрубило.

– Хана полная! – отозвался Хе-Хе. Его энергия так и выплескивалась через край, стимулятор Доктор ему ввел лошадиный. – Несколько часов назад произошел грандиозный выброс. Зона внезапно расширилась на тридцать километров. Все Чернобыли накрыло разом. Погибла куча народу. Наши, кто уцелел, прорываются в «Шти», Бубна там держит круговую оборону с ребятами. Военные оцепили новый Периметр Зоны, выжигают тварей, прущих на Киев. Че после выброса потерял два сервера – потерялась вся информация, работает только почта. Цирк, короче!

Надо же. Бубна держит оборону. О как! Говорят, что многие темные сталкеры стали когда-то темными именно так. Зона раскрыла пасть и поглотила солидный кусок территории, на которой находились бары их кланов. Многим из сталкеров оказалось некуда идти, и они остались в Зоне, охраняя территории своих баров от мутантов и сами понемногу превращаясь в мутантов. А затем постепенно стеклись в бар «Сталкер».

– Как ты добрался сюда с Болота? – поинтересовался я. – Там же сплошные ловушки.

– Молча. Доктор пообещал, что до Периметра я доберусь без труда: все аномалии вдруг ушли к Чернобылям. Я подумал, что нет причин не доверять самому дружелюбному призраку Зоны, тем более что если бы он хотел меня прикончить, то мог бы сделать это гораздо проще и надежнее, не жертвуя для этого совсем еще новым джипом.

Мы действительно пока продвигались без приключений. Ни твари, ни аномалии нам на пути не попадались. Поначалу Хе-Хе еле полз, закономерно опасаясь влететь в какую-нибудь неприятность, но постепенно осмелел и начал набирать скорость. Лишь при въезде на Свалку у нас под днищем оглушительно шарахнуло – похоже, мы наскочили на невидимую в темноте мясорубку. Армейский защитный экран отлично справился с задачей, но Хе-Хе снова сбросил скорость: если нам под колеса подвернется гравиконцентратная плешь, то мы в лучшем случае останемся без транспорта.

Мы миновали мертвые заградительные доты с темными смотровыми щелями. Один из дотов слабо дымился в лунном свете. В проволочном заграждении было без счета дыр, проделанных стадом взбесившихся мутантов, некоторые такой ширины, что в них спокойно разъехались бы два военных грузовика. В одну из этих дыр мы и проскочили. Сегодня утром это было первой линией обороны. Теперь, похоже, живых здесь не осталось.

Вскоре на опушке леса я разглядел в полутьме слепую собаку, лежавшую на земле и вывалившую язык на передние лапы. Рядом с ней припять-кабан рвал какую-то падаль, а из кустов неподалеку фосфорически взблескивали в полумраке глаза псевдоплоти. Такое братство мутантов могло иметь место только в двух случаях: во дворе Болотного Доктора или если ими управлял контролер. Мне не пришлось долго объяснять Хе-Хе, в чем дело; я только ткнул пальцем в направлении тварей, и он тут же вывернул руль, ударив по газам. На всякий случай я высунулся из окошка и полил лес свинцом из автомата. Пусть лучше перепуганный стрельбой контролер атакует меня, чем Хе-Хе: остаться на скорости без водителя – удовольствие ниже среднего.

Мы подлетели к опушке, Хе-Хе сбил бросившуюся на джип собаку, и нас подбросило, когда мы

переехали ее обмякшее тело. Я ощутил противный звон в ушах: контролер пытался взять меня под ментальный контроль. Омерзительное чувство. Не экономя патронов, я обстрелял ближайшие кусты и подлесок – монстр не мог прятаться слишком далеко отсюда. Давящее ощущение в голове, словно на мозг натянули слишком узкую шапку, тут же пропало. В ладонь мне выпал пустой магазин. Черная человекообразная фигура с треском метнулась в глубину леса.

- Вот он! – рявкнул Хе-Хе.

- Вижу, вижу, – пробурчал я, с щелчком вставляя новый магазин в автомат.

Хе-Хе осадил джип на опушке. Со стороны водителя машину атаковал кабан, и мой второй номер, бросив руль, всадил ему в морду очередь из «хопфула». Я выкатился из джипа с другой стороны и, пугнув одиночным выстрелом зашевелившуюся в кустах псевдоплоть, бросился вслед за удирающим контролером.

Если визуальная пси-атака с ходу не удастся, контролер сразу скукоживается и пытается уйти от опасного противника. Они очень трусливы и нагледят, только когда ощущают свое могущество, то есть полный ментальный контроль над жертвой. Рассказывают, что Сармат когда-то натренировался смотреть на контролеров через зеркальце, которое носил с собой: контролер вроде бы способен подчинять человеческую психику, только когда видит глаза жертвы, а взгляд в зеркале не считается. У Сармата контролеры сожрали лучшего друга, поэтому он мстил им наотмашь, с размахом, и вроде бы убил полдюжины тварей, прежде чем погиб сам: пока он через зеркало выслеживал очередного контролера, к нему сзади подкралась псевдоплоть. Не знаю, я не был знаком с Сарматом, он состоял в клане «Чистое небо». Много легенд бродит по Зоне, одна причудливее другой.

Контролер – крайне опасная тварь, но передвигается очень медленно и неуклюже. Быстро догнав удирающего мутанта, я схватил его за шкуру и сунул ему в затылок дуло автомата, для наглядности предварительно передернув затвор. Патрон, выброшенный из патронника, полетел в прошлогоднюю листву.

- Если хоть одна твоя тварь рыпнется, – ласково сказал я контролеру в черное гнилое ухо, – тебе конец. Ясно?

Мутант жалобно посмотрел на меня через плечо – ни дать ни взять оскорбленная невинность. Атаковать он даже не пытался: на то, чтобы взять под контроль чужой разум, необходимо минимум секунды четыре, а за это время я двадцать раз успею нажать на курок.

Так и случилось. Над ухом контролера оглушительно бабахнул одиночный выстрел, и псевдоплоть, подобравшаяся ко мне почти вплотную, с обиженным визгом ломанулась назад прямо через кусты, волоча перебитую лапу.

- Не надо, понял... – потерянно проскрипел оглушенный контролер.

- Со мной не играй, – хладнокровно сказал я, вновь прижимая дымящийся ствол к его голове. – Играй вон со своими... солдатами!

- Не надо, понял, – безнадежно повторил контролер.

- Если ответишь на мои вопросы, я тебя не трону.

- Спрашивай, большой.

- Что происходит? - спросил я.

Контролер молча моргал, опасливо кося на меня поросычьим глазом. Черт, для него это слишком неконкретный вопрос. Контролеры, конечно, самые умные твари Зоны, их интеллект наиболее близок человеческому, да и выглядят они почти как люди, но не стоит забывать, что мозг контролера почти всегда поражен радиацией и спонтанными мутациями. Они не люди, нет. Будь они людьми, обладай они хотя бы половиной человеческого ума, жестокости, коварства и властолюбия, они уже давно подмяли бы под себя все живое в Зоне. Кроме тех тварей, которые им не подчиняются: кровососов, чернобыльских псов и болотных чудовищ...

Я досадливо поморщился.

- Почему повысилась активность... - Нет, сложное слово. - Почему твари Зоны проявляют повышенную агрессию... - Нет, тоже не то. - Почему людям в Зоне стало так опасно?

Контролер жалобно похлопал длинными ресницами, потом прохрипел:

- Хозяева...

- Хозяева? - подбодрил я его, когда пауза неприлично затянулась.

- Хозяева велели.

Так.

- Мутанты атаковали Чернобыль-4? - спросил я.

- Мутанты... да. Много. Все.

- А ты чего задержался?

- Я иду! - поспешно заверил меня контролер. - Я боялся, ходил кругами. В Чернобыле пулеметы и «град»... Я уже иду, большой!.. - снова испуганно повторил он, словно опасаясь, что Хозяева Зоны слушают наш разговор.

Я сосредоточенно размышлял. Это может означать что угодно. Либо Альваро действительно зарядил в компьютерную систему Хозяев какие-то программы, жизненно необходимые им для расширения Зоны, которые были разработаны в Большом мире по заказу их эмиссаров и агентов, либо произошедшая катастрофа случилась из-за того, что Альваро попытался уничтожить систему, и Хозяева в последней отчаянной попытке бросили все силы в контратаку. В любом случае хорошего мало.

- Я тебя отпускаю, - сказал я. - Ты должен быть благодарен.

- Я буду благодарен.

- Если ты попытаешься натравить на меня одну из своих тварей, я снова подойду к тебе вплотную и тогда уже не пожалею.

- Не надо вплотную.

- Бойся меня, тварь.

- Боюсь, большой.
- Иди своей дорогой. Я тебя не трону. Не трогай меня.
- Не трону, большой.

Я начал потихоньку отступать, держа контролера на мушке. По-хорошему, надо бы хлопнуть эту тварь на месте, но, во-первых, пообещав что-либо, сталкер должен это выполнять, даже если пообещал одной из тварей Зоны. Черный Сталкер не любит, когда мы нарушаем слово. Во-вторых, когда валишь контролера, его зомби начинают вести себя непредсказуемо. В большинстве случаев они разбегаются, но порой все вместе атакуют убийцу хозяина. Так что мочить контролера с большого расстояния еще куда ни шло, но оказаться в кольце разъяренных мутантов и вооруженных автоматами олигофренов – удовольствие так себе, на троечку.

Когда я выбрался из леса, контролер снова бросился в чащу, не разбирая дороги. Его ручные твари ринулись за ним.

Я забрался в машину, хлопнул дверцей.

- Погнали, шеф, – произнес я.

Недалеко от Периметра, в зоне отчуждения, мы обнаружили догорающие останки боевого вертолета. В мерцающем свете умирающего пламени были отчетливо различимы нарисованная на носу вертолета акуля пасть и бортовой номер: 021.

Хе-Хе покосился на обломки вертолета, но ничего не сказал.

Глава 20. Темный город

Мы влетели в Чернобыль-4 на полной скорости, миновав мертвый блокпост и распугав стаю слепых собак, рыскавших вокруг него. Рыскали собаки не зря: вокруг блокпоста в изобилии валялось мертвых тварей. Прежде чем погибнуть, военные неплохо повеселились. Шлагбаум при въезде кто-то уже снес, поэтому мы сумели проскочить, не сбавляя скорости.

Центральная улица Академика Александрова была перегорожена сгоревшим бронетранспортером, который уже даже не дымился, поэтому нам пришлось петлять между домами. В принципе, городишко у нас крошечный, но извилистый: чтобы добраться из одного конца в другой, нужно потратить немало времени. Строили его сначала как временный военный городок, а когда он начал разрастаться, выяснилось, что первоначальная планировка такому разрастанию способствует мало. Во дворах валялись трупы, мелькали в свете фар гибкие тела мутантов. Один раз наш джип атаковал псевдогигант, который внезапно вылетел из-за трансформаторной будки и с такой силой ударил машину всем телом в дверцу, что джип едва не встал на два колеса. Впрочем, бегуны из псевдогигантов плохие, поэтому мы тут же от него оторвались.

Попетляв еще некоторое время между брошенной прямо на улицах бронетехникой, мы наконец вырулили к бару «Шти». Хе-Хе остановил машину, оставив мотор работать на холостых оборотах. Окна в здании были темными, никто даже не подумал открыть нам ворота. Вдоль улицы – там, куда падал лунный свет, – виднелось большое количество дохлых мутантов, возле которых паслись их живые сородичи, в основном слепые собаки. Вокруг нашего джипа тут же

начала крутиться всякая живность, очень заинтересовавшаяся новой добычей. В свет фар мутанты старались не попадать, поэтому нам были видны только внезапные фосфорические взблески глаз и неясное движение в обступившем нас мраке.

Гибкое тело метнулось к нам из темноты справа, и тут же в здании грохнул выстрел. Огромный чернобыльский пес с разможенной левой лопаткой рухнул в грязь возле заднего колеса и в агонии заскреб лапами по земле.

- Забаррикадировались, - констатировал я. - Посигналь-ка им.

Хе-Хе оглушительно забибикал. Что ж, либо нам откроют ворота, либо мы эти самые ворота тараним с разгону и впускаем мутантов внутрь. Все просто.

Створки ворот начали медленно, со скрипом расходиться в разные стороны, и Хе-Хе тут же рванул с места, давя не успевших уступить дорогу мутантов. Высунувшись из окна, я короткой очередью снял слепую собаку, метнувшуюся в открывающийся проем, и еле успел втянуть голову обратно, чтобы мне не снесло ее воротами.

Хе-Хе на полной скорости влетел во внутренний двор бара, ободрав крылом краску с ворот. Как только мы оказались по эту сторону массивного бетонного забора, Храп и Гоблин, распахнувшие нам тяжелые створки, тут же навалились на них, спеша снова закрыть ворота, пока никто не прорвался с той стороны. Едва Гоблин наложил засов из широкого металлического профиля, снаружи послышался глухой удар, и ворота содрогнулись - кто-то тяжелый, не успев затормозить, вписался в них со всей дури.

Мы выбрались из машины. Двор патрулировали Сыпь и Енот, вооруженные американскими автоматическими винтовками. Я пожал им клешни.

- Рад вас видеть, бродяги! - оскалился Енот, поправляя сползающую на глаза бандану. - Я уже думал - все, положили вас твари. Труба дело, полно наших легло в Зоне во время прорыва. Мутантов слишком много! Нам не удержать бар.

- Ваша работа? - я кивнул на ворота, за которыми валялись кучи дохлых тварей.

- Ага! - радостно доложил Енот. - Выглядываем в щели. Наши еще со второго этажа и с крыши бьют из снайперских винтовок. Оружия и патронов море, у Бубны целый арсенал в подвале, как раз на такой случай. Ну, или там какую-нибудь шушеру пугануть - борзых мародеров или голубые каски...

- Ясно, - сказал я. - Бубна где?

- Наверху. Где же ему еще быть, тренеру нашему. Командует.

Мы с напарником и фальшивыми охотниками поднялись наверх. Увидев меня, Патогеныч одобрительно взревел. Он стоял у стены возле оконного проема и, время от времени коротко выглядывая в окно, палил по шмыгающим в темноте коричневым телам.

- Чего прячешься? - поинтересовался я. - Боишься, что кто-нибудь из них в тебя выстрелит?

- Пошел к черту! - обиделся Патогеныч. - Бюреры!

Тут же, словно иллюстрируя его слова, разлетелось вдребезги соседнее окно, из которого палил Монах. С проклятиями осыпанный осколками сталкер отскочил в сторону. По полу

загрохотал прилетевший с улицы внушительный блок, состоявший из четырех потрескавшихся кирпичей, которые были скреплены старым, давно застывшим цементным раствором. Похоже, этот блок только что выломали из стены полуразрушенного пакгауза на противоположной стороне улицы.

- Во, видал? - удовлетворенно отметил Патогеныч. - Телекинез. Швыряют нам в окна всякую чепуху. Мухе чуть башку не снесли булыжником, лежит сейчас в бункере весь перевязанный, отдыхает.

- Весело у вас тут, - оценил я.

- А то, - согласился коллега. - Давно уже так не веселился. В точку!

Он высунулся в оконный проем, коротко прицелился и выстрелил, тут же снова нырнув за стену. С улицы донесся нечеловеческий вопль - его пуля нашла себе мясо. Будучи в хорошем расположении духа, Патогеныч перед выстрелом обычно любил вслух обращаться к патрону в стволе: «Ищи мясо, дорогой. Найдешь - кричи».

- А это что за чума? - удивился я, наступив в гниlostную слизь у стены, очень похожую на выделения мутантов.

- А! - оживился Патогеныч. - Это знаешь что? Это нам в окно швыряли слепых собак. Прикинь, да?

- Как это?! - поразился я.

- А вот так! - с удовольствием пояснил сталкер. - Телекинетики чертовы. Вздернут собаку в воздух, поднимут метров на пять-шесть над землей, раскрутят да как швырнут! Несколько штук разбили на хрен об стены и уронили на землю, но парочку все-таки зашвырнули в помещение. Пришлось гонять их по этажу. Видишь, наблевали.

- Хорошо, что вы вернулись, - сказал кто-то из глубины зала голосом Бороды. - наших легло немерено. Мавпа, Пивкабы, Гурвинек... Астроном ста метров до бара не дотянул, вон там лег, на повороте. Его уже растащили, наверное...

- Паскудство-то какое, - вздохнул я.

В темноте я с трудом различил Бороду. Все его отмычки сидели вместе с ним за сдвинутыми столиками и спокойно дули пиво. Впрочем, у окон и без них была толчея из желающих пострелять.

- Бубна где? - спросил я у него.

- За стойкой, - отозвался коллега.

Мы приблизились к стойке, забрались на высокие табуреты. Бубна сидел с противоположной стороны на таком же табурете. В полутьме едва угадывалось его лицо.

- Пива, бродяги? - осведомился он своим проникновенным шансонным баритоном. Голос у него был задумчивый, но абсолютно спокойный. - Сегодня за счет заведения. Водку уже всю выпили, извиняйте.

- Не надо. - Я покачал головой. - Нам бы пожрать. Впрочем, может, кто желает? - Я

повернулся к своей команде.

Стеценко поднял руку. Бубна придвинул к себе кружку, подставил ее под кран.

- Джо мы, похоже, потеряли, - пояснил он, - приходится работать самому. Сирота, дорогой, распорядись насчет пожрать ребятам. Это все, что у тебя осталось от группы?

- Скажи спасибо, что этих привел, - сказал я. - Оружие дашь моим туристам? У нас два автомата на четверых и патронов кот наплакал. Расстреляли все.

- Да не вопрос, - отозвался хозяин бара. - Для друзей дерьма не жалко. - Он придвинул Андрею пиво.

- Где Динка? - спросил я.

- Не знаю, - пожал плечами Бубна.

- Что значит - не знаю?! - вскинулся я. - У нее же выступление сегодня ночью должно быть!

Бубна поднял на меня тоскливый взгляд. Блеснули в полумраке белки его глаз.

- Выходной у нее, Хемуль.

- Ясно. - Я закинул автомат на плечо и двинулся к двери. - Хе-Хе, если хочешь сделать мне приятное, заводи джип. Если не хочешь, наплевать, сам справлюсь. Бубна, звони амбалам на воротах, пусть открывают по моему сигналу.

- Подожди-ка! - Бубна сделал едва заметный жест, и двинувшийся было к выходу Хе-Хе уперся в широкую грудь перегородившего дверной проем Сироты. - Не гони коней, сталкер. Далеко собрался?

- За Динкой, - безразлично ответил я. - Распорядись, пожалуйста, чтобы Сирота подвинулся, он мешает нам пройти.

- Хватит думать хреном, бродяга! - прорычал Бубна. - Видал, что творится на улице?! Ты ей уже ничем не поможешь!

- А дай-ка я все-таки попробую, - отозвался я, краем глаза наблюдая за Варваром, который потихоньку смещался мне за спину. На всякий случай я сдвинул автомат на бок.

- Не глупи, сталкер.

- Пошел ты.

Я оттеснил Сироту в сторону, спустился во двор и направился к машине. Амбалы не стали меня преследовать.

Возле джипа Болотного Доктора стоял Храп и разговаривал по мобильнику. Сунув телефон в нагрудный карман, он сделал знак Гоблину и, расставив ноги и положив руки на автомат, ожидал, пока я подойду ближе.

- Уйди с дороги, родной, - миролюбиво предложил я ему.

- Хемуль, Бубна не велел давать тебе машину, - пробасил Храп. - Вернись в бар.

- Ты хочешь проверить, каков я в рукопашном бою? - холодно спросил я.

- Нет, не хочу.

Он действительно не хотел, поэтому в грудь мне смотрели два автоматных ствола - его и Гоблина.

- Вернись в бар, сталкер, - произнес Храп. - Бубна будет с тобой разговаривать.

- Передай Бубне, что он может разговаривать с собственной задницей, - сказал я. - Уйди с дороги на хрен, чучело.

- Эй, народ, вы чего? - Енот вынырнул из полумрака, покрутил головой, глядя на нас. - Совсем офигели? - Он вскинул винтовку, направив ее на Храпа. - Я же вам за Хемуля глотки перегрызу!

- Бубна не велел давать машину, - угрюмо проговорил Храп. - Вдруг придется прорываться, а у нас транспорта мало. Енот, стой на месте. Вторая пуля, может быть, и мне, но первая - Хемулю. А третья - тебе. - Он указал взглядом на Гоблина, который теперь держал на мушке моего приятеля.

- Ладно, проехали, - с сожалением сказал я.

Забросив автомат на плечо, я двинулся к воротам. Храп и Енот недоверчиво следили за мной.

- Эй! - рявкнул Гоблин, когда я начал отодвигать засов на маленькой двери в железных воротах.

- Оставь его, - сказал Храп. - Насчет него команды не было. Пусть идет.

- Хемуль, не дури! - крикнул Енот.

- Пошли вы все, - устало огрызнулся я, чуть приоткрывая дверь и выглядывая наружу - не притаилась ли у ворот какая-нибудь пакость.

Я вышагнул в густую темноту, и Гоблин поспешно грохнул дверью за моей спиной, тут же наложив засов. Несколько мгновений он неподвижно стоял с той стороны, видимо, ожидая услышать, как я заору от ужаса. Думаю, что если бы я в панике начал колотить в ворота, он меня все-таки пустил бы обратно. Опытными бойцами им сейчас разбрасываться не приходилось. Однако я не доставил ему такого удовольствия. Несколько мгновений я тоже стоял неподвижно, прижавшись спиной к воротам и впитывая ощущения, приходящие со всех сторон, шестым чувством сканируя окружающее пространство. Затем я оторвался наконец от двери, обогнул угол бара и метнулся в переулок.

Вокруг меня в темноте кишмя кишели мутанты. Они шныряли тут и там, выли, грызлись между собой, рвали трупы и поджидали в засадах двуногую добычу, которой все еще достаточно попадалось на улицах городка. Мимо меня, яростно отстреливаясь на ходу, промчался незнакомый бродяга в бандане, цвет которой в темноте различить не представлялось возможным, за ним огромными скачками мчался матерый кровосос. Твари Зоны вошли в город, словно оккупационные войска, они планомерно уничтожали защитников города и местное население. Судя по всему, основные стада мутантов ушли дальше на юго-запад, атаковать новую линию защиты, которую поспешно возводили международные миротворческие силы, иначе тут вообще творился бы кровавый кошмар и мне вряд ли удалось бы хотя бы пересечь

улицу.

Тем не менее я благополучно пересек улицу, а также два двора, прежде чем мне пришлось пустить в ход оружие. Стая слепых падальщиков учуяла меня и попыталась загнать, как оленя. Несколько коротких очередей немного охладили их пыл и сократили численность стаи, однако настырные твари продолжали следовать за мной поодаль, теряясь в густой тени. Им-то глаза нужны не были, а вот мне в темноте ни черта не было видно.

Несмотря на то что я продвигался к дому Динки с крайней осторожностью, в темноте я едва не наступил на псевдоплоть. Слишком много вокруг вертелось мутантов, слишком много запахов, звуков и ментальных ощущений перемешивалось сейчас в пространстве, чтобы я безошибочно смог почувствовать затаившуюся в засаде тварь. Псевдоплоть яростно хрюкнула и попыталась вонзить мне в грудь свои острые костяные копыта, но я прынул в сторону, и мерзкая тварь промахнулась на полметра. Хладнокровно развернувшись вполоборота, я длинной очередью снес ей башку. Когда я снова двинулся вперед, позади меня раздалось жадное рычание и чавканье: преследовавшие меня падальщики торопливо делили добычу, пока на мертвую псевдоплоть не наткнулись конкуренты из соседнего клана.

Добычи им хватило ненадолго. Вскоре слепые охотники вновь начали шнырять вокруг меня, неуклонно сжимая кольцо, так что пару раз мне пришлось пугнуть их одиночными выстрелами. Это было плохо, патроны у меня с печальной неизбежностью подходили к концу, а ведь мне еще как-то надо было доставить Динку обратно в бар, под защиту ребят. По моим прикидкам, мне можно было твердо рассчитывать только на полрожка. К сожалению, я не имел возможность вылущить патроны в бандану, пересчитать их и вновь набить магазин: мутанты мне такой возможности не предоставили бы.

Черт. Правильно сказал Бубна: думать надо головой, а не хреном. Что мне мешало взять в баре патронов про запас, а еще лучше – отобрать у Хе-Хе его американскую автоматическую винтовку? Нет, блин, бросился спасать возлюбленную с рожком патронов и штык-ножом на поясе. Тарзан недоделанный, твою мать. Кретин почище того страуса.

Слепые собаки совсем обнаглели. Некоторые уже начали бросаться на меня из темноты. Пока я безошибочно снимал их одиночными выстрелами, но если они решат атаковать все вместе, меня уже ничто не спасет. Кроме того, патроны у меня тоже заканчивались быстрее, чем я рассчитывал. Поймать бы в перекрестье прицела их черномыльского пса, да только где же его разглядишь в такой темноте. Прячется где-нибудь в кустах, щерит свою жабую пасть с торчащими лезвиями обоюдоострых зубов, смеется надо мной, глупым куском ростбифа, который сам лезет в зубы.

К счастью, дом Динки был уже совсем рядом. Я видел его из-за забора – небольшой коттедж, который выкупил и подарил ей Бубна, чтобы она танцевала только в его баре. Света в окнах не было, как и во всем городе, – видимо, после выброса выбило к чертям все источники питания, – но я заметил едва заметные отблески пламени свечи. Динка забаррикадировалась дома!

Воодушевленный, я поднажал. Слепые собаки тоже забеспокоились, словно понимая, что добыча вот-вот ускользнет от них. Последние метры до дома я уже буквально прорывался с боем, неэкономно расходуя патроны, лишь бы не подпустить к себе озверевшую стаю. Наконец я отворил незапертую калитку в заборе и попал во двор Динкиного дома. За забранной металлической решеткой окном мелькнуло лицо моей девочки, которую привлекли шум, выстрелы и бешеный лай на улице. Я услышал, как в замке проворачивается ключ, и бросился к дверям.

И тогда из мрака возник матерый чернобылец и одним прыжком оказался между мной и дверью.

- Эге, подруга, - хрипло произнес я. - Да мы знакомы.

Собака склонила уродливую голову, когда-то рассеченную гранатным взрывом, и глумливо посмотрела на меня, нервно хлеща себя по бокам обрубок хвоста. Теперь у нее была новая отметина от Хемуля - огромное пятно ожога под лопаткой. Проклятая чернобыльская сука, как же я не сумел прикончить тебя там, в Собачьей деревне?..

Если бы вся стая сейчас бросилась на меня, тут бы мне и конец. Против лома нет приема. Но слепцы не собирались меня атаковать. Они бродили по саду, рассаживались в траве, равнодушно поглядывая в мою сторону, словно разом потеряв интерес к моей персоне. Это дело касалось только двоих: чернобыльской суки и меня, ее кровного врага. Она не собиралась доверять свою месть подчиненным. Она лично хотела разорвать горло убийце ее щенков и увидеть предсмертный ужас во взгляде человека, изуродовавшего ее тело. Причем сделать это она желала на глазах у его возлюбленной - что ж, должен признать, восхитительная, очень адекватная месть. Я вполне понимал и уважал такое желание.

Вот только сначала пусть попробует меня взять.

Я медленно поднял автомат и вдруг понял, что не могу стрелять. Эта тварь рассчитала все слишком точно, чтобы избежать случайностей. Не зря она так эффектно появилась в последний момент и именно там, где сейчас находилась. Мой мозг лихорадочно работал, ощущая нешуточный подвох. На всякий случай я попытался представить, что сейчас произойдет: я начинаю стрелять, собака заводит свою тоскливую песню, сбивающую прицел... у меня начинают дрожать руки, и короткая очередь пробивает навывлет дверь, за которой притаилась Динка. Дверь у нее крепкая, но на таком расстоянии пуля из «калашников», говорят, пробивает даже рельс. Даже рельс.

Ай, молодец, умная тварь. Придуманно шикарно. После такого меня можно будет даже не убивать - просто оставить посреди двора на коленях, воющего от бессильного отчаяния и горя. Счет будет один - один.

Диночка, радость моя, хорошая, ласковая, мысленно взмолился я, уйди оттуда, встань за угол, появишься на секунду в окне, покинь линию огня, зараза этакая! Однако Динка по-прежнему стояла за дверью, держа руку на замке, напряженно вслушиваясь в происходящее на улице. Она непременно должна была впустить меня в дом, чего бы ей это ни стоило. Умница девочка, золото мое, но сейчас твое геройство мне совсем ни к чему. Уйди с линии огня!..

Подавшись всем телом вперед, совсем как в Собачьей деревне, чернобыльская сука смотрела на меня бешеными глазами, в которых сверкал лунный свет. Она ждала, когда я стану стрелять. Но я не стрелял. Я стоял и молча ждал. В другой раз, подруга.

Ее нервы сдали первыми. Она двинулась на меня, оскалив страшную пасть, скользнула по траве, резко ускорившись через пару шагов. Спасибо, тварь: теперь я мог стрелять без опасения убить свою девочку. Ощувив бесконечное облегчение, я заклинил палец на спуске.

Вы знаете, что такое закон подлости? Нет, ни черта вы не знаете, что такое закон подлости. Закон подлости - это когда на вас стремительно летит бешеная от ярости чернобыльская сука, а в автомате, который вы сжимаете в руках, нет ни одного патрона.

Моя рука метнулась к бедру, но выхватить штык-нож я не успел – массивная тварь врезалась в меня всем своим весом и опрокинула в грязь. Жесткая шерсть прошлась мне по лицу, словно наждаком, расцарапывая его в кровь. Неистово рыча, собака притиснула меня к земле, и в лунном свете надо мной склонилась, заслонив собой все видимое пространство, омерзительная морда с торчащими наружу зубами, влажными раздувающимися ноздрями и черными провалами глаз. Пленка, затянувшая пробитый сверху череп собаки, вдруг выпятилась наружу и снова опала – похоже, мозги в голове мутанта бултыхались совершенно свободно. Из распахнутой пасти дохнуло смрадом и тленом. Все это напоминало безумный кошмарный сон, мне хотелось немедленно проснуться, перевернуться на другой бок, обнять Динку и заснуть снова. Однако пробуждение не наступало.

Вывернув из-под тяжелого, воняющего псиной, покрытого радиационными язвами тела руку, я воткнул левый локоть в пасть собаки, пытаюсь пропихнуть его как можно глубже, чтобы ей тяжелее было сомкнуть челюсти. Трюк был рискованным и, в общем-то, я предпринял его от безысходности: чернобылец, поднатужившись, вполне способен перекусить человеку предплечье. Однако тварь поступила проще, судорожно мотнув головой. Мой локоть потерял точку опоры и вывалился из ее пасти. Я попытался ударить собаку коленом, резко согнув ногу, но этот прием, который эффективно сработал бы против самца, тоже не достиг цели. Удар, конечно, вышел болезненным, но не настолько, чтобы собака отпустила меня. Она только глухо ухнула.

Чернобыльская тварь не торопилась. Если бы она хотела сожрать или даже просто прикончить меня, она уже давно бы это сделала. Но она не торопилась. Она любовалась в лунном свете моим перекошенным лицом, упивалась моей беспомощностью. Можно было не сомневаться, что она станет убивать меня медленно, со вкусом, с расстановкой, чтобы я ощутил все до конца.

Я плюнул в плоскую, словно приплюснутую собачью морду, снова и снова ударяя ее в брюхо то одним, то другим коленом. Тварь глухо гавкнула и шваркнула меня по руке страшной нижней челюстью. Защитный костюм хорошо справился с задачей, но незащищенную кисть рассекло словно бритвой. Я взревел и попытался скинуть собаку с себя, но она крепко упиралась в землю задними ногами. Усмехаясь во всю пасть, тварь шваркнула еще раз, по другой руке, – и один из ее зубов попал точно в промежуток между защитными пластинами, разодрал кожу у локтя.

Когда собака примерилась укусить меня в третий раз, я перехватил ее правой рукой за горло. Чернобыльская сука напирала, медленно, сантиметр за сантиметром приближаясь к моему горлу, словно не чувствуя собственной перехваченной глотки, а я мало-помалу сдавал позиции. Когда ее кошмарный оскал оказался на таком расстоянии от моего лица, что она при желании могла лизнуть меня в нос, я отчаянным рывком выбросил вперед левую руку и, сложив пальцы на манер крабей клешни, ударил ее в темя, туда, где регенерация закрыла отверстие в голове тонкой пленкой, стянув в огромный уродливый рубец кожу головы, мозговое вещество и осколки кости. Хорошего удара без замаха не вышло, однако пальцы увязли в мягком, и я начал пропихивать их внутрь, в череп своего безумного противника.

Как ни странно, собака не обеспокоилась вторжением в свою голову. По крайней мере, она никак не отреагировала, продолжая тупо напирать на меня. Парадоксально, но мозг не имеет собственных нервных окончаний: его можно резать на куски и понемногу вынимать из черепа, при этом пациент способен догадаться о происходящем только по внезапно возникающим нарушениям мозговых функций.

Пропихнув руку достаточно глубоко, я изо всех сил стиснул пальцы. Что-то лопнуло у меня в

ладони, между пальцев брызнуло теплое. Собака напирала по-прежнему, но я вдруг ощутил, что теперь ее уже не интересует мое горло. Я убрал голову из-под ее челюстей, однако тварь продолжала тянуться в том же направлении, что и раньше. Глаза ее остекленели, взгляд стал неподвижным. Правой рукой я с натугой отогнул ее морду в сторону, продолжая крепко сжимать левую. Бесформенный мозг собаки вязко потянулся из черепа вслед за моим левым кулаком.

Правая передняя нога мутанта вдруг начала ритмично содрогаться, словно тварь пыталась сплясать. Челюсти резко сомкнулись с неприятным звуком, голова животного конвульсивно дернулась, затем еще раз и еще. Задние ноги задрожали, заскребли по земле, собака потеряла опору, и я сумел наконец сбросить ее с себя.

Привстав на одно колено, я с трудом перевел дух. Поднял голову, посмотрел на обескураженно замерших посреди двора слепых псов, настороженно изучающих бьющееся в агонии тело своего вожака.

- Съели, гаденыши? - прохрипел я, швырнув в них тем, что было зажато у меня в левой руке. Слепцы посторонились, и мозг чернойбыльской суки шлепнулся в самую середину стаи; собаки тут же начали почтительно его обнюхивать.

Пристально наблюдая за слепцами, я начал медленно отступать. Когда я наткнулся ногой на крыльцо, дверь за моей спиной открылась и Динка втощила меня в дом. Неподвижные вытянутые морды собак с невидящими глазами были устремлены на нас, но ни одна из тварей не попыталась прорваться следом за нами.

Динка быстро ощупала меня с ног до головы, желая определить, что мне ничего не отгрызли. Похоже, смертельных ран обнаружить не удалось. Мне хотелось обнять мою героическую девочку, приласкать ее, но я был грязен как черт и весь в крови, поэтому я пока решил повременить.

- С тобой все в порядке, милая? - хрипло спросил я.

Подруга кинулась на кухню - по-прежнему в полном молчании. Странно. Сбросив автомат в прихожей, я на негнущихся ногах двинулся в комнату. И, едва я переступил порог, как навстречу мне шагнул мужской силуэт.

- Кто здесь? - вскинулся я, невольно принимая оборонительную стойку.

Одним взглядом я сразу ухватил всю обстановку. Придвинутый к дивану стол, на нем небольшая оплывшая свеча, едва освещающая комнату. Еще на столе бутылка водки, два стакана, на подносе остывшая курица с отломанной ногой. Две грязные тарелки, в пепельнице кладбище окурков и пустая сигаретная пачка. Ай, как плохо-то. И пахнет индийскими благовониями. И свежее белье на постели, заботливо взбитые подушки, кокетливо отогнутый уголок одеяла - милости просим типа.

И еще мужик, вставший мне навстречу из кресла.

Это был бармен Джо. Ну, разумеется. Ай да Айвар! Пропавший Айвар. Шустрый Айвар.

- Сыворотка есть? - первым делом спросил я. - Быстрее, я сейчас копыта откину!

Динка уже вернулась с кухни с прозрачным пластиковым инъектором из аптечки пехотинца

НАТО. Я воткнул его в локоть – метил в окровавленную прореху, но как всегда всадил прямо через одежду. Не умею я толком в себя инъекторы всаживать. Впрочем, сыворотке по барабану, как именно ее ввели.

- Меня послал сюда Журавель, – быстро проговорил бармен, наблюдая, как я выдавливаю в себя содержимое инъектора. Я не сразу понял, о ком он, но потом до меня дошло: да это же фамилия Бубны. – Когда началось. Попросил присмотреть за Динкой, чтобы с ней ничего не случилось.

Вот, значит, как. За Динкой, значит.

Я почувствовал, как во мне понемногу закипает лютое бешенство. Как всегда в такие моменты, внешне я выглядел абсолютно спокойным. Многих моих противников это жестоко обманывало, о чем они впоследствии очень жалели. Либо не жалели – уже ни о чем и никогда.

- Из постели присматривать удобнее? – ласково, точно Бубна, поинтересовался я, выдергивая инъектор и ощущая под кожей знакомое горячее шевеление. Ну вот и отлично: значит, и сегодня выживем, а там посмотрим.

- Из какой постели? – включил дурака Джо.

Я изо всех сил ударил его в челюсть. Наверное, теперь на меня страшно было смотреть. Я чувствовал это по тому, с каким звуком заскрипела до предела натянутая кожа на моих скулах. Никогда еще такого не слышал. Между тем внутренне я оставался совершенно холодным и отстраненным, но тело мне больше не подчинялось. Какое паршивое чувство!.. Стоп, не пережимай, твердил я себе, он же сейчас увидит твое безумное лицо и больше не поднимется, прикинется увечным, а пинать его лежачего ты побрезгуешь, кретин... Однако Джо все-таки поднялся и прикинулся увечным лишь после того, как я отправил его в нокдаун во второй раз. Ну, вполне неплохо. Многим хватало одного удара.

Я перешагнул через него, приблизился к столу, отломал у курицы вторую ногу и принялся сосредоточенно ее обглаживать. Я не ел сегодня с тех пор, как приготовил стейк у Доктора, и мне казалось, что если я немедленно не брошу что-нибудь в желудок, со мной случится голодный обморок. Сутки после Зоны я обычно не могу ничего есть, но сегодня все шло не так, как обычно. Другой рукой, измазанной в собачьих мозгах, я ухватил со стола початую бутылку водки и принялся шумно глотать. Как говорит в таких случаях один страус, если уж поймал нокаут, то лежи и отдыхай, сынок, набирайся сил. В голове у меня было пусто, как в контейнере у новичка, выбравшегося со Свалки. Осенний ветер сиротливо блуждал в моей голове. Нельзя вот так внезапно и с размаху прикладывать человека мордой об асфальт, Диана Эдуардовна. Предоставь это мужчинам.

Айвар опасно пошевелился у моих ног. Я брезгливо переступил его в обратном направлении, тяжело опустился в кресло. Швырнув обглоданную кость на пол, дотянулся до занавески на окне и тщательно вытер жирные окровавленные руки.

- Какого черта, красавица?.. – начал было я, но у меня перехватило горло и я замолчал.

- Какого черта? – сказала красавица, которая все это время молча стояла в дверях, обхватив себя руками за плечи. – Какого черта, говоришь, сукин сын?! А ты знаешь, каково это – ночевать одной в холодном пустом доме, когда ты уходишь на неделю и неизвестно, вернешься или нет? А знаешь, как мне осточертело ждать, когда Че принесет сообщение о твоей гибели? А знаешь, какие дети рождаются у сталкеров?.. А знаешь...

Короче, понесло Динку. Посыпалось из нее такое дерьмо, что уши вянут. Как справедливо говорил в свое время наш инструктор, лучшая защита – это нападение.

- Ясно, – тяжело проронил я, дождавшись паузы. – Ты просто готовила запасной аэродром. За что я всегда уважал тебя, детка, так это за ум и предусмотрительность.

- Дурак ты, Хемуль. Ой, дурак.

Зато она заткнулась. Молча сходила на кухню, принесла все необходимое для оказания первой помощи. Быстро и привычно обработав мне раны антисептической мазью, принялась заливать их фиксирующей пеной из баллончика. Я только покряхтывал от боли – физической и душевной. Но выдавить из меня стон ей так и не удалось, хотя она и пыталась по-всякому. По моему, она вообще добивалась того, чтобы я ее ударил, как Джо, но я не доставил ей такого удовольствия.

В очередной раз за сегодня я попал в осаду. Да что ж сегодня за день такой интересный? Ждать помощи было неоткуда. Оставалась призрачная надежда на миротворческий контингент. Но что там говорил Хе-Хе? Зона расширилась на тридцать километров? Это значит, что в первую очередь будут зачищать ближние к новому Периметру городки. Логика как в военной хирургии: при обилии раненых в первую очередь следует заниматься легкими, потому что тяжелые могут умереть прямо на операционном столе, а когда дело дойдет до легких, те уже сами станут тяжелыми. Так же и здесь: в первую очередь спасти надо те населенные пункты, до которых легко дотянуться. Если прорываться с боем к нам, то мы до утра можем и не дожидаться спасателей. А пока ооновцы концентрируют все усилия на рейдах в глубину Зоны, вырежут уже и те городки, что расположены ближе к новому Периметру...

Мы сожгли последнюю свечу и теперь сидели в полной темноте и молчании. Мужественный бармен попытался подсесть к Динке и обнять ее за плечи, но она нервно вывернулась и ушла в другой угол. Я только фыркнул, поудобнее устраиваясь в кресле. Утешать эту сучку я больше не собирался, бить морду Айвару тоже. Хватит с него. Не он тут главный соблазнитель.

- Закурить есть? – холодным, чужим голосом спросила Динка.

Я молча вытряс из пачки сигарету, сунул ей. Бросил на колени зажигалку: сегодня у нас самообслуживание, детка. Она так же молча щелкнула зажигалкой, жадно затянулась.

Из темного угла, где сидел бармен Джо, донесся едва слышный вздох – жалобный и завистливый одновременно. И хлюпающий – что-то я ему все-таки разбил со второго удара.

- Дай ему тоже сигарету, – сказала Динка.

- Перебьется.

- Дай ему сигарету.

- Перебьется.

Я все-таки вытащил из пачки сигарету и швырнул ею в бармена. В последней затяжке даже приговоренным к смерти не отказывают. А нам тут вполне светит братская могила.

Сигарета в буквальном смысле слова оказалась последней. Я скомкал пустую пачку, бросил ее под стол. Потом посмотрел на моих голубков. В темноте виднелись только силуэты да

вспыхивал время от времени то в одном, то в другом углу огонек сигареты. Голубки, твою мать. Я вполне мог бы сейчас одной рукой прикончить их обоих и кусками скормить кружащим по двору слепым собакам.

Прикрыв глаза, я погрузился в чуткую полудрему. Я жутко вымотался за сегодняшний день, событий которого вполне хватило бы и на месяц, но изменение ситуации за окном никак нельзя было пропустить. От этого вполне могло зависеть наше спасение.

И все-таки я, к своему стыду, провалился в беспамятство. Возможно, меня отключила сыворотка, вступившая в яростную борьбу с собачьим ядом, поступившим мне в кровь. Так что разбудил меня не шум мотора и визг тормозов на улице, а возглас Динки: «Хемуль!»

Вскочив с кресла, я метнулся к окну. В темноте был виден только свет фар остановившегося у забора джипа. А потом хлопнули дверцы машины, и с той стороны забора донеслись автоматные очереди. Мать моя конная армия, более приятного звука я не слышал никогда в жизни. Забравшиеся в сад слепые собаки, визжа от ужаса, бросились во все стороны, но полдюжины навсегда остались во дворе с развороченными головами и боками.

- Хемуль! - донесся до меня голос Хе-Хе. - Хемуль, вы тут? Можете выходить, территория зачищена!

Мы втроем бросились к дверям. Динка успела по дороге ухватить свое пальтишко и набросить поверх халата. Спотыкаясь в темноте о разбросанные по двору собачьи трупы, мы выбрались за калитку и по очереди побывали в объятиях Хе-Хе. Возле открытых дверей машины стояли Стеценко и Донахью, которые коротко отсалютовали нам автоматическим винтовками.

- Какого черта вы тут делаете? - спросил я.

- Тебе хотели пособить, - пожал плечами Хе-Хе.

- Я сегодня потерял двоих друзей, - сказал Донахью. - Я не хочу, чтобы и ты погиб. Ты настоящий мужик, сталкер.

Он так и сказал: «мужик». Наверное, Хе-Хе научил.

- А мне почему-то страшно не хочется, чтобы ты считал меня последним дерьмом, - пояснил Стеценко. - Я и так уже выгляжу в твоих глазах как полное дерьмо. Но там, в Зоне, я не мог поступать иначе - на мне висело ответственное задание, которое я не мог провалить. Однако теперь задание благополучно провалено и я могу делать то, что считаю нужным.

- Короче, амбалы Бубны выдали нам оружие, а мы тут же наставили автоматы на них и угнали джип, - сказал Хе-Хе, понимая, что именно меня интересует.

Понятно. Выходит, обратно в «Шти» нам дороги нет.

- Идиоты, - сказал я. - Ох, идиоты.

- Ну! - радостно согласился Хе-Хе. - Не то слово.

- Хоть не убили никого?

- Нет, слава Черному Сталкеру. Даже не ранили. Вообще не стреляли. Едем?

- И куда же мы, на хрен, едем? - безнадежно осведомился я.

- В Чернобыль-5, куда же еще? Похоже, туда Зона еще не доползла.

Мы с Джо втиснулись на заднее сиденье к Донахью, а Динке пришлось расположиться на переднем, на коленях у Стеценко: отправляясь нам на выручку втроем, ребята явно не рассчитывали, что вывозить тоже придется троих. Мне уже было наплевать. То есть сейчас и так была не та ситуация, чтобы качать права, надо было срочно уносить ноги, но мне теперь было бы наплевать в любом случае. У этой сучки теперь есть другой мужчина, пусть у него голова и болит насчет ревности и всего такого. Я к ней больше не прикоснусь, пошла в задницу.

Хе-Хе резво развернул джип, и мы тронулись в путь.

Когда вдаль послышалась канонада, а над горизонтом встало зарево от работающих там армейских прожекторов, я велел водителю:

- Притормози-ка, браток.

Хе-Хе привычно подчинился, и джип замер у обочины, фырча на холостом ходу.

- Автомат мне подари свой, - попросил я.

Бывший напарник без разговоров сунул мне «хопфул».

- В чем дело? - поинтересовался Донахью.

- Дальше езжайте без меня, ребята, - сказал я. - Вам ничего не грозит. Вас вытащат спецслужбы, на худой конец выкупят. В крайнем случае проведете пару ночей в камере. Этим тоже, - я мотнул головой в сторону Динки и Айвара. - Они работали в Чернобыле-4 официально. С Хе-Хе все тоже более или менее ясно, думаю, вы его не бросите. Не дергайся, чучело, я все про тебя знаю. Что касается меня, то я вне закона. Знаете, что военные пообещали мне сделать, если поймают в Зоне? - Я фыркнул. - Уши отрезать.

- Послушай, Хемуль, - проговорил Стеценко. - Сдается мне, что со вчерашнего дня ты - наш агент, работающий под прикрытием, со всеми вытекающими последствиями и бонусами. А? Сталкер, мы проиграли сражение, но не войну. Нам очень понадобятся твой опыт и твои знания, чтобы попытаться нанести Хозяевам Зоны смертельный удар. Похоже, мы отобрали у тебя источник дохода, и мы готовы это возместить.

- Брось, полковник, - отмахнулся я. - Чтобы в следующей операции ты меня подставил ради общего дела как последнюю отмычку? Нет, спасибо, я сам как-нибудь. Это не моя война. Мартин, выпусти-ка меня.

Донахью открыл дверцу и вылез из машины. Я выбрался вслед за ним.

- Будь здоров, Мартин, - сказал я, протягивая ему руку. - Хотел бы я иметь такого второго номера, как ты. Прости, что не смог уберечь твоих ребят.

- Будь здоров, Хемуль, - отозвался Мартин, отвечая на рукопожатие. - Хотел бы я, чтобы ты был моим другом.

- Счастливо, полковник, - сказал я Андрею. - Пусть у вас все получится, вояки хреновы. Зона заслуживает того, чтобы ее уничтожить.

- Зря ты не хочешь с нами, сталкер, - произнес Стеценко. - Но это твой выбор. Тогда вот что... - Он полез во внутренний карман и протянул мне пластиковую банковскую карточку. - Мы играем честно. Все, что я обещал, будет перечислено на этот счет. И если вдруг ты захочешь связаться с нами, то сможешь это сделать через фирму, со счета которой будут перечислены деньги.

- Заметано, - сказал я, пряча карточку. - Пока, Динка. Хоть ты и сучка, с тобой было прикольно.

- Пока, Хемуль, - глухо проговорила она, глядя в темноту через боковое стекло. - Радиоактивное мясо чертово. А впрочем... Прости меня.

- Черный Сталкер пускай прощает, у него душа широкая, - отозвался я. - Джо, ну и тебе не хворать, ублюдок.

Бармен что-то буркнул. Я не разобрал, что именно, да и не особо стремился.

- Хе-Хе, - сказал я, положив руку на приоткрытое со стороны водителя окошко.

- Что, Хемуль? - хладнокровно отозвался мой бывший второй номер.

- Восхищаюсь твоим мужеством, бродяга. Ты что же, пошел в Зону по заданию Центра и два года рисковал жизнью только для того, чтобы у этих гавриков на всякий случай был тут свой контакт и агентурная сеть?..

- Не на всякий случай, Хемуль, - проговорил Хе-Хе. - С самого начала ясно было, что контакт обязательно понадобится. Что с Зоной непременно надо что-то делать. И что противостоят нам не инопланетяне и не потусторонние чудовища, а вполне конкретные силы, которые точно так же, как и мы, вынуждены использовать агентуру. Хе-хе...

- Андрей говорил, у вас тут много агентов погибло. Был кто-то из наших?..

- Да какая разница теперь, - безразлично проговорил Хе-Хе.

- Наверно, никакой, - согласился я. - Ну, все, ребята. Был страшно рад с вами познакомиться. Однако с вами хорошо, а без вас еще лучше.

Я закинул автомат за плечо, развернулся и двинулся в лес перпендикулярно дороге. Я снова был один в Зоне, я снова был свободен. Я знал, что больше никогда уже сюда не вернусь, поэтому шагал не торопясь, стараясь запомнить каждое мгновение, каждое свое ощущение и мысль. Все-таки это был солидный кусок моей жизни, и мне казалось, что я с кровью выдираю из души что-то важное. Впрочем, мне еще было необходимо как-то прорваться через новый Периметр, и осознание этого наполняло меня знакомым и острым предвкушением битвы.

Следовало поразмышлять и о том, как устроить свое будущее. У меня были кое-какие деньги в одном киевском банке, которые я вполне мог получить по кредитной карте в большинстве стран мира. Этаким пенсионный фонд на черный день. Похоже, этот день настал - чернее некуда. Ах да, у меня еще есть банковская карта от щедрот российских спецслужб. Ладно, на досуге можно будет подумать и о трудоустройстве. Но только не сегодня. Я подумаю об этом завтра. Завтра будет новый день.

Оставшийся за моей спиной джип некоторое время работал на холостом ходу, потом взревел

мотором и направился к линии Периметра.

А над Зоной снова шелестел дождь, и едва различимые тучи в ночном небе, перемешиваясь, собирались в огромные причудливые фигуры, похожие на атакующих луну мутировавших тварей Зоны.

mir-knigi.org